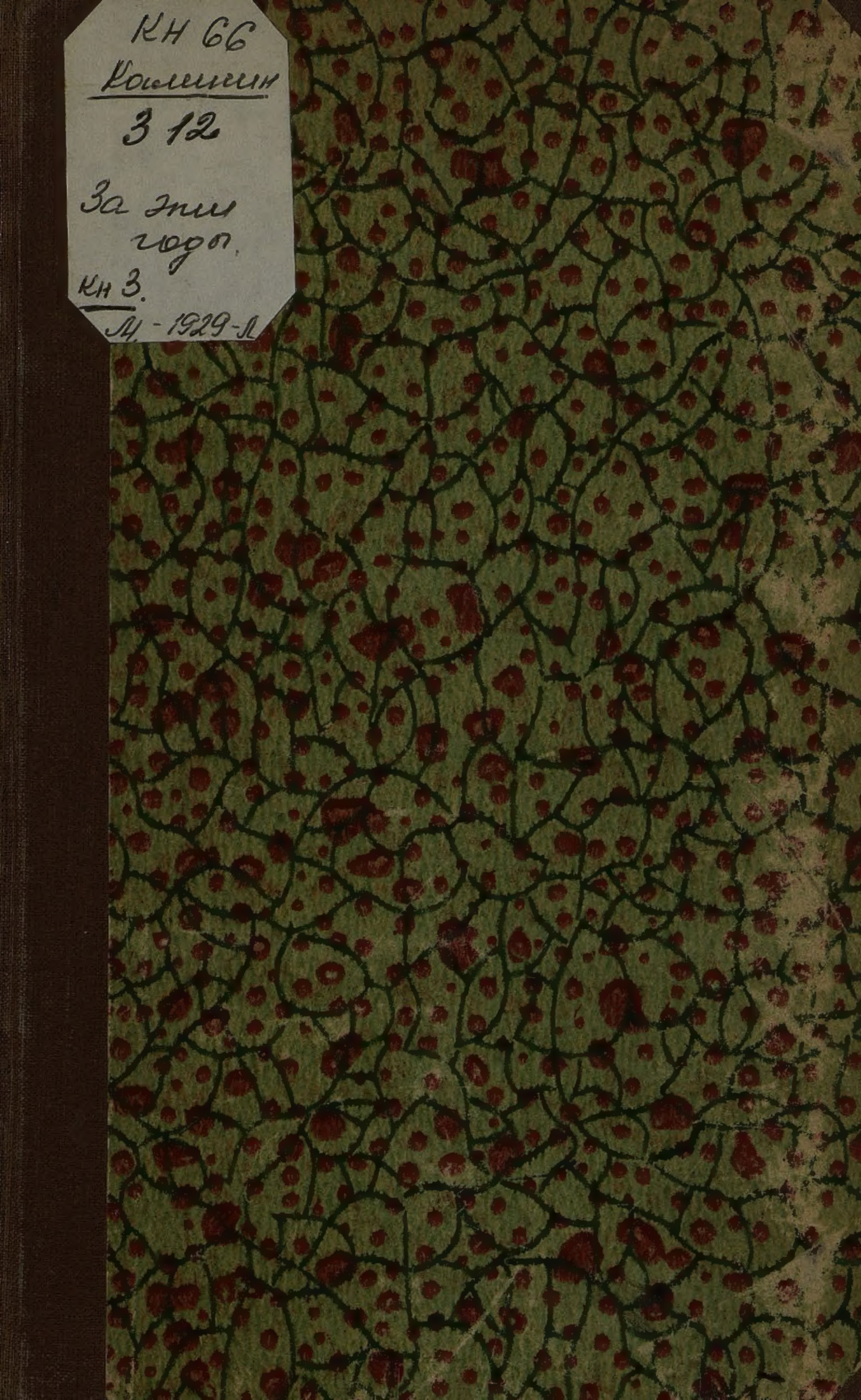

КН 66
Калинин
3 12
За эти
годы.
кн 3.
Л. - 1929 - Л

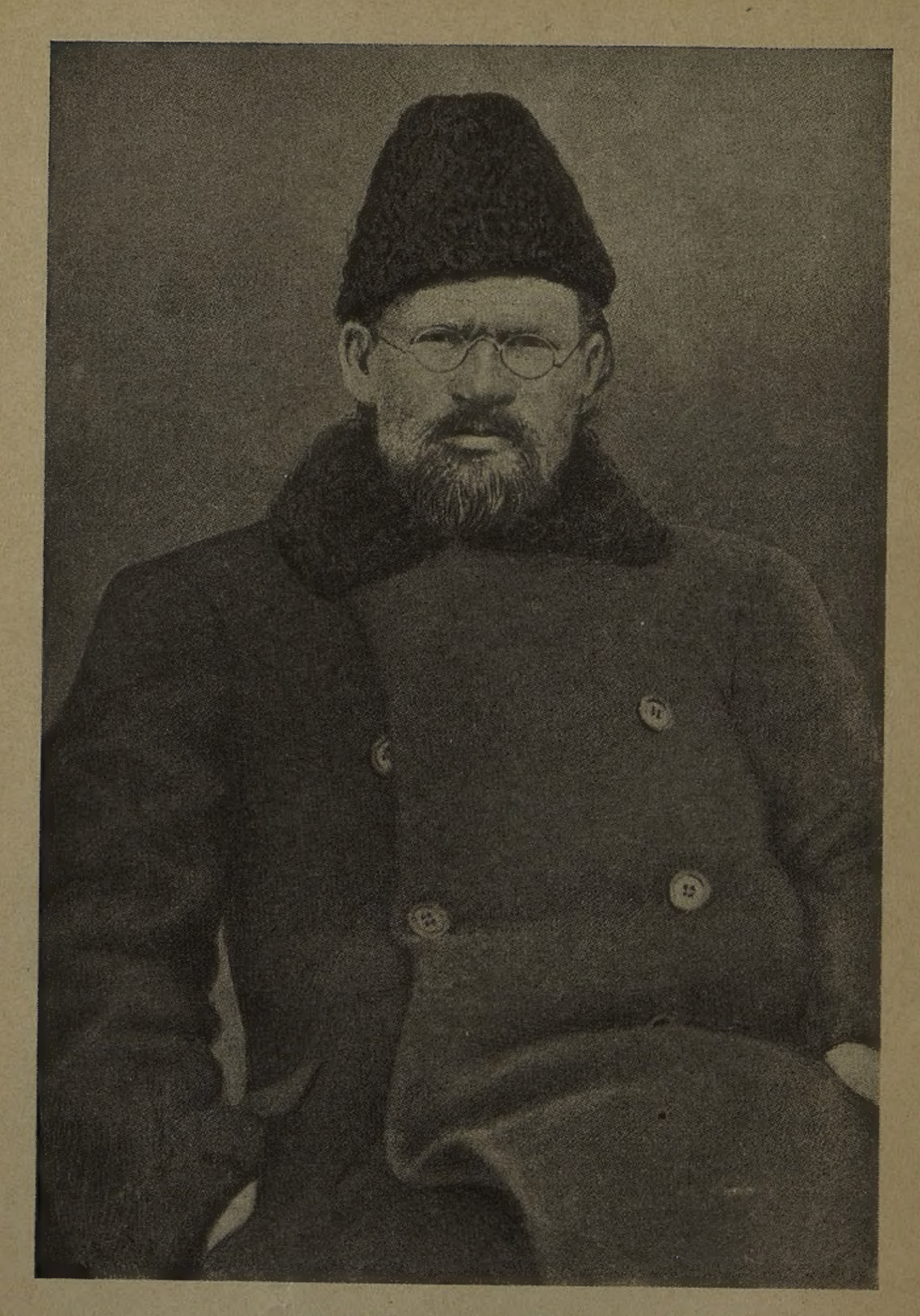
М. И. КАЛИНИН

ЗА ЭТИ ГОДЫ

КНИГА
ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1929

М. И. Калинин в 1905 году.

М. И. КАЛИНИН

ЗА ЭТИ ГОДЫ

СТАТЬИ. — БЕСЕДЫ. — РЕЧИ.

КНИГА ТРЕТЬЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1929 ЛЕНИНГРАД

Книга подготовлена к печати
под редакцией М. С. Грандова

С, 60. Гиз № 12079/л.
Ленинградский Областлит № 24676.
$28^3/_4$ л. Тираж 15 000.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

С выходом настоящего третьего тома «За эти годы» можно считать выполненным намеченный план издания моих бесед, речей, докладов и статей.

Причины, побудившие меня согласиться на издание старого материала, или материала, где-либо напечатанного, заключаются в том, что:

Во-первых, Октябрьская революция из года в год все дальше уходит в историческую даль. Число людей, непосредственно принимавших участие в ней, уменьшается, и в памяти их все бледнее и туманнее становятся очертания революции. Недалеко время, когда изучение революции возможно будет лишь на письменных документах.

В моих беседах говорят живые люди, непосредственно в той или иной степени участвующие в революции. Конечно, их речи не рассчитаны попасть на театральные подмостки, если так выразиться, — они для того времени обыденны. Мне кажется, ценность отдельных реплик и целых речей в том, что они исходят из интереса их авторов. Затем выступает ряд революционных бойцов, сложивших свои головы за Советы. Я считаю своей обязанностью быть может единственный материальный памятник — их собственную речь — сохранить для истории.

Во-вторых, наша партия перевалила за миллион человек, комсомол — около двух; можно смело насчитать

несколько сотен тысяч людей, читающих и не только стремящихся понять ленинизм, а применить его к повседневной общественной работе. Статьи и речи в этой книге, не являясь учебными, в то же время дают ответы на текущие практические вопросы, т. е. здесь читатель найдет конкретное применение революционного марксизма.

Критик найдет ряд формулировок неполных, даже если подойти строго: неправильных, но я их не исправлял. Например, у меня есть такое рискованное положение: «Допуская нэп, это значит: допускаем, что один богатеет, а другой беднеет». Ясно, оно не только не полно, но может быть и неправильно понято. Очевидно, обстановка требовала именно такой репликой выпятить вопрос неравенства, неизбежного в эпоху нэпа. Наконец, быть может я хотел на собрании вызвать по этому поводу спор, дискуссию, которая дает возможность полнее и с большим оживлением выяснить вопрос.

Но, мне кажется, опасность здесь небольшая, тем более что я сам об этом предупреждаю. Наоборот, пусть читатели сами увидят некоторые погрешности, это заставит их более внимательно читать.

М. Калинин.

20/I — 1929 г.

СРЕДИ КРЕСТЬЯН

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ (ДЕКХАНАМИ) ДЕРЕВНИ (КИШЛАКА) БАГАУТДИН.

(Узбекистан, Бухарский уезд. 8 февраля 1925 г. Присутствовало около 200 чел.)

Калинин. — Я бы хотел, чтобы вначале выступил кто-нибудь из крестьян и сказал бы, нет ли каких-нибудь претензий, нет ли жалоб на власть, начиная с председателя, который здесь председательствует, и кончая Файзуллой Ходжаевым. Не желают ли они сменить эту власть? Может быть кто-нибудь хочет высказаться? Мы приехали, главным образом, не для того, чтобы самим говорить, а чтобы послушать, что вы нам скажете. Говорить можете совершенно свободно.

Азим Турдекулов. — Здесь везде есть шайки басмачей. Вечером, ночью откровенно заходят, грабят, ни быков, ни коров, ничего не остается. Мы от этого очень беднеем. Мы просим, чтобы была охрана наших волов и коров и вообще декханского имущества.

Калинин. — А как милиция?

Турдекулов. — Милиции мало.

Калинин. — Может быть милиция подкуплена, составляет с ними компанию?

Турдекулов. — Этого мы не можем сказать.

Калинин. — А какие в народе слухи есть на этот счет?

Турдекулов. — Никаких нет.

Калинин. — Вы искренне говорите?

Турдекулов. — Да. Мы сами охраняем, но сил мало. Если охраняем одну часть, басмачи переходят в другую.

Калинин. — Сколько в этом селе дворов?

Турдекулов. — Пятьсот.

Калинин. — Неужели пятьсот дворов не могут охранить себя от 10 басмачей?

Турдекулов. — Теперь начинается обработка полей и, когда все уходят, они грабят.

Калинин. — А под чью ответственность можно было бы дать винтовку?

Мулла Нар-Данияров. — Можно дать сельской власти, аксакалу, старшине общества.

Калинин. — Сколько же надо винтовок?

Данияров. — Здесь принято деление по арыкам. Всего 33 арыка.

Ашур. — Отряды ходят по всем полям. Женщины и дети боятся. Поэтому нужно таких людей найти, которым можно довериться, проверить, кому доверяет государство, и тем дать, чтобы они охраняли.

Икрамов. — Сколько, приблизительно, нужно винтовок?

Ашур. — Нам нужно посоветоваться. Соберутся старшина и другие старики и скажут.

Калинин. — Какое самое большое количество было басмачей, которые одновременно нападали на вас?

Ашур. — Один раз пришли, увели двух быков, ослов и другой скот. Тогда было 11 человек. Из них 4 с винтовками и один с шашкой.

Калинин. — Что эти басмачи — местные уроженцы или выходцы из дальних мест?

Крестьянин *(фамилия не записана)*. — Мы не знаем, кто они. Если бы мы их знали в лицо, мы бы не допустили грабить. Они одеваются, как русские, по-военному.

Калинин. — Крестьяне обычно знают приблизительно, кто вооружен. У них нет доказательств — это верно. Но приблизительно, по слухам, в народе знают. Так эти слухи народные что говорят: что эти басмачи из крестьян этой деревни или другой, и с кем более или менее они имеют связь? Ясно, что кто-нибудь связь с ними держит. Без этого чужой человек в незнакомую деревню не пойдет.

Бай-Муратов. — Если мы скажем здешней власти, они возьмут в тюрьму посадят, потом выпустят, а те придут и нас убьют. (Голоса: правильно!)

Калинин. — Если хотите серьезно бороться с басмачами, вы должны помогать ГПУ. Я передам Файзулле Ходжаеву, чтобы он это поставил очередной задачей, и ею займется орган ГПУ. Но здесь орган ГПУ не пользуется влиянием. А у нас, когда нужно воров ловить, то ловит ОГПУ. Недавно под Москвой

начались страшные грабежи. Знали, что воры живут в одной деревне, но никаких сведений нельзя было получить. Тогда мы послали туда двух человек, которые жили там, как крестьяне, и немножко сами будто бы воровали. Они пробыли целых два месяца и в эти два месяца узнали точно, кто воры, и затем их выловили. Вероятно, и здесь придется такие способы употребить. Но такой способ удобен только тогда, когда крестьяне будут сочувствовать ОГПУ. Мы, со своей стороны, примем все меры для ликвидации бандитизма. Могут быть присланы из Москвы опытные агенты, но главное — нужно, чтобы сами крестьяне помогали. Они могут ГПУ указывать, не обязательно за своей подписью, что такого-то подозревают. ГПУ сделает обыск, возьмет его, подержит месяца два-три. Конечно, может быть, некоторые зря попадут, но лучше одного зря посадить, чтобы вывести это зло. Я считаю, что при поддержке крестьян за полгода, за год можно вывести басмачество.

Крестьянин *(фамилия не записана)*. — Недавно в одну ночь увели двадцать слишком быков. Через десять минут после ограбления доложили милиции, а она не шевельнулась с места. При таком положении борьба останется бесполезной.

Саломбай. — В одном из кишлаков было пятнадцать дворов, а вследствие таких систематических грабежей осталось шесть дворов. Недавно пять человек напали. Один был вооружен револьвером, другой винтовкой. Нас, шесть человек хозяев, связали, приковали в одном помещении и увели одиннадцать голов скота. Через десять минут мы успели сообщить милиции. Милиция поскакала туда-сюда, видимо, не поехала туда, куда направились бандиты, и таким образом они скрылись, а шесть дворов остались совершенно без ишаков, без волов и не знают, что делать, так как приближаются полевые работы.

Калинин. — Если общество постановит кого-нибудь выслать, то это можно сделать. Вероятно, вы знаете приблизительно, кто имеет связь с басмачами. Без связи они ничего не могут сделать: надо этих волов спрятать, надо их продать через кого-нибудь. Если общество скажет, что такая-то семья водится с басмачами, мы можем всю семью выселить верст тысяч за десять отсюда. Но только надо это делать осторожно, чтобы общество не злоупотребило, не расправилось с кем-нибудь под флагом басмачей. Я сам противник этого, но, когда нужда приходит, мы это проделываем. Сначала общество должно предупредить тех, кто водится с басмачами, что, если воровство не прекратится, обще-

ство вынесет постановление о выселении таких-то семей. Без помощи крестьянина никто не может ничего спрятать, а помогать басмачам так, чтобы крестьяне не подозревали, тоже нельзя. Ведь крестьяне глядят зорко. Если крестьянин какое-нибудь маленькое дело сделает дома, с закрытыми ставнями, и то соседи узнают. Поэтому крестьяне знают, кого надо выслать. И если крестьяне уверены, что такая-то семья помогает, мы ее вышлем.

Я получил заявление, оно останется у меня. Я его дам в секретном порядке только начальнику ГПУ. Он проверит, и все, кто будет виновен, безусловно будут наказаны. Фамилии лиц, подписавшихся под этим заявлением, ни в коем случае оглашены не будут. По этому вопросу сделают все, что можно.

Какие есть еще вопросы? Что вы сейчас будете делать по хозяйству, какие работы?

Мусазаров. — Скоро начнется посев хлопка. Землей мы пока удовлетворены, но совершенно отсутствует живой инвентарь. Если декханин имеет пару волов, он может посеять больше двух десятин хлопка. Но у некоторых осталось по одному волу, у некоторых ничего не осталось. Мы просим нас поддержать, не оставить материальной помощью.

Калинин. — Мне кажется, сейчас погода очень хорошая. А как по-вашему? Хорошо ли, что воды много для хлопка?

Голоса. — Хорошо, ничего. Мы потерпели в прошлом году убыток от хлопка. Если в этом году будут такие цены, мы не будем сеять.

Джура Худайбатов. — Четыре года разоряют хозяйство. Нам нужна помощь для восстановления хозяйства от союза кошчи и от вас; просим, чтобы из Москвы побольше дали товаров, так как здесь товары очень дороги, в особенности мануфактура, и декханину приходится очень трудно.

Аксакал. — От нас до Бухары двенадцать верст. Сколько было домов по дороге, все разрушены, только один остался. Нужно было бы получить помощь со стороны государства, чтобы восстановить хозяйство. Здесь много скопилось окружных крестьян, в виду того, что они разорены. Просим помочь разгрузить этот кишлак.

Максушадалиев. — От имени рабочих хлопкоочистительного завода должен сказать, что в Кагане в прошлом году было обработано около двух тысяч пудов, и рабочие были лучше обеспечены. В этом году производительность труда поднялась, в течение суток выпускаем хлопка три с половиной вагона, а

почему-то рабочие обеспечены хуже. Чем это объясняется? Мы просим обратить на это внимание и оказать содействие.

Калинин. — А сколько, в среднем, получают рабочие?

Максушадалиев. — 45 рублей.

Калинин. — Ну что же, это ничего, хорошо.

Максушадалиев. — Разве на семью в четыре-пять человек 45 рублей хватит?

Калинин. — А женщины работают?

Голоса. — Работают в хозяйстве, пашут, боронят, готовят пищу, когда мы работаем.

Калинин. — Они работают покрытыми?

Голос. — Когда видят, что чужой идет, закрываются.

Калинин. — А у себя в семье не закрываются?

Голоса. — Нет.

Калинин. — А когда два соседа работают рядом, они закрываются?

Голоса. — Все равно закрываются, если он не родственник.

Калинин. — И все так?

Голос. — Все.

Калинин. — А почему на сходке нет женщин, раз они работают наравне?

Шаров. — У нас закона такого нет. Если в поле приходит, то чай принесет и помогает только мужу, а здесь все чужие, поэтому они не должны приходить сюда.

Калинин. — А у крестьян, которые отсюда живут верст за сорок-пятьдесят, там как?

Шаров. — Везде так.

Калинин. — А как же в книгах описывают, что в городах и пригородах женщины закрываются, а в настоящей деревне, далеко от города, живут открытые? Кому верить, книгам или вам?

Голос. — По-моему, нам нужно верить, потому что мы знаем всех.

Калинин. — А как женщины думают, если их спросить, лучше быть закрытыми или открытыми?

Шаров. — Мы этим ведаем, и нас они должны спросить. Мы это знаем, наша воля определяет.

Голос. — Мы сами не знаем.

Мулла Ахмад. — Это — воля каждого, и женщин и детей. Если сегодня появится такой обычай или такое положение, что все должны открыться, и если она этого захочет, то это ее дело. Если не захочет, то же самое, но мы заставлять тоже не можем.

Калинин. — Если Коран изучать серьезно, то не должно быть, чтобы женщины закрытыми ходили. Я знаю магометанские страны, где женщины ходят открытыми, а в других — закрытыми. Так что из этого я заключаю, что тут не религия, а обычай. Если бы я везде магометанок встречал закрытыми, это было бы предписанием религии, но раз встречаются и открытые, и закрытые, значит — это обычай.

Мулла Ахмад. — По Корану закрытие обязательно. И если кто-либо захочет нарушить этот закон, он этим совершает грех.

Калинин. — У нас молодые девушки любят похвастаться и поэтому стараются лицо приукрасить и показать. Я удивляюсь, как же у ваших девушек нет такой черты. И каким образом здешняя девушка показывает свою красоту? А что она этого хочет, это для меня не подлежит никакому сомнению.

Мулла Ахмад. — Это общая традиция, и женщин, и мужчин, как можно покрасивее показаться. Но у нас женщины должны показываться только в пределах своего двора и девушки также.

Калинин. — Но ведь, прежде чем жениться, нужно же посмотреть будущую жену.

Мулла Ахмад. — По законам Корана, конечно, определенно указывается, что мужчина, прежде чем жениться, должен посмотреть невесту. Но в обычай вошло совершенно другое положение: женщины абсолютно закрываются, и этим, конечно, нарушается закон.

Калинин. — У нас в некоторых местах делается так: жених специально приезжает, невесту выводят к нему и показывают. Он смотрит все, и лицо, и ноги, и руки, чтобы узнать, умеет ли она работать, не больна ли. Когда везут венчать, то невеста закрыта, и, только когда повенчают, открывают, и то иногда обманывают. Смотришь — нет-нет, да и подменят.

Мулла Ахмад. — У нас не так легко обмануть, потому что самые близкие к нему люди принимают участие, родные, родители и т. д. Когда убедятся, что невеста выгодна во всех отношениях, только тогда женят.

Калинин. — А вот молодой крестьянин. Ты раньше видел хотя бы потихоньку свою жену?

Молодой крестьянин. — Нет, не видел, меня пятнадцати лет женили.

Калинин. — А почему здесь закрытых женщин на собрании нет? Они имеют в хозяйстве какое-нибудь значение? Хозяин дома советуется со своей женой и считается с ней?

Мулла Ахмад.—Всегда совещается с женою.

Калинин.—Вот приехал глава государства, а вы пришли одни, без женщин. Разве в государстве женщины меньше нужны, чем в хозяйстве вашем? Я считаю, что я всей правды не узнаю, если женщин не будет.

Старый крестьянин.—У нас, по закону, нельзя женщине быть в обществе мужчин и говорить здесь. Мы не можем терпеть этого. Она все свои нужды должна говорить только мужу, больше никому. Если муж угнетает, должна к суду обратиться.

Калинин.—Я должен довести до вашего сведения, что у нас в республике женщины пользуются такой же свободой, как и мужчины. И женщина является такой же хозяйкой дома, как мужчина. Если муж не захочет жить с женой и выгонит ее, то дом будут делить пополам. Она имеет полное право взять половину дома. Поэтому мне очень жалко, что приходится говорить только среди мужчин. Я бы хотел довести это до сведения женщин, но я надеюсь, что вы будете настолько честны, что доведете об этом до сведения своих жен.

Аксакал.—В таких случаях односторонне не делается. У нас с обоюдного согласия расходятся муж и жена.

Калинин.—Я только довел до сведения, а можно надеяться, что вы своим женам скажете об этом законе?

Молодой крестьянин.—Я скажу жене. Если спросит, где я был, я скажу: был с вами, слышал такие разговоры, и все передам.

Старый крестьянин.—Нет, нельзя ей говорить.

Калинин.—Я считаю, что никогда наша власть не будет крепкой, пока женщин не будет у нас. Поэтому и стою так за женщин.

Голос.—Конечно, без женщин нельзя строить хозяйство, особенно декханское.

Калинин.—А как у вас с налогами дело? Сколько сеете, сколько собираете продуктов, сколько платите налога?

Мулла Ахмад.—У меня семь танапов земли. В семье четыре человека. В прошлом году было хуже с налогом, в этом году легче. Я сею пшеницу, ячмень, гузу (хлопок), кунджул. Налогу платил около 4 рублей.

Калинин.—А рядовой крестьянин сколько уплатил?

Голос.—Сначала объявили, что тот, кто сеет хлопок, будет свободен от налога на пшеницу в размере площади, засеянной

хлопком. А когда урожай поспел, и за хлопок взыскали, и за пшеницу. Я сеял семь танапов хлопка и семь танапов пшеницы. По 1 руб. 80 коп. с десятины взяли (применяется шариатская система налогов, т. е. отчисляется $^1/_{10}$ часть урожая). С семи танапов земли — 4 руб. взяли.

Калинин. — Мне кажется, этот налог не тяжелый.

Голоса. — Нет, не тяжелый, мы не жалуемся.

Икрамов. — Мулла говорит, что общее количество площади обрабатываемой земли 8 000 танапов, а налог — 14 500 руб.

Калинин. — Город помогает в сельском хозяйстве? Близость города выгодна или не особенно?

Голос. — Город ничем не помогает. Выгода только та, что рынок близко, а реальной помощи никакой больше не видим.

Калинин. — Как вы в совет выбираете власть и почему такой молодой председатель, когда стариков много?

Аксакал и другие. — Мы не выбирали, сверху назначили.

Калинин. — В будущем придется принимать участие в выборах.

Аксакал. — Все ревкомы, все начальники назначаются оттуда, сверху, а мы только слушаемся их. Правда, выборы были, но мы очень мало понимаем, что это за советы, что за выборы.

Калинин. — Тогда вы неверно говорите. Теперь я разъясню, что в наших выборах участвуют все крестьяне, исключая мулл и кулаков, и не потому, что муллы нечестные, а сама их работа не только бесполезная, а даже вредная для народа, она человека не развивает, а еще больше одурманивает, и потому власть рабоче-крестьянская лишает их права иметь в избирательных собраниях в советы голос. Мы ограничиваем людей богатых потому, что, если им дать волю, они всегда проскочат, и крестьянину к власти не попасть. А надо, чтобы крестьянин у власти был, чтобы крестьянин привык управлять, а не надеялся на начальника, поставленного сверху. Очевидно, у вас еще слабо прошли первые выборы. Необходимо в следующем году всем принять участие в выборах, исключая лишенных этого права законом. Надо выдвигать рядовых крестьян, пусть приучаются крестьяне управлять, в том числе и женщины. Пусть они хотя бы под покрывалом управляют.

Голоса. — Правильно.

Калинин. — Если у нас в выборах участвует мало людей, то мы выборы отменяем. Сколько среди вас грамотных? *(По подсчету оказалось трое грамотных.)*

Худайбатов. — Мы просим вас, чтобы открыли школы. У нас при старом режиме школ не было, и мы не учились. Мы просим, чтобы наше правительство нам помогло открыть школы, чтобы мы были грамотны.

У нас есть 300 танапов земли, откуда мы берем землю для бедняков, чтобы они обрабатывали, — это земля богачей, — тогда у нас уменьшится налог, не по 1 руб. 80 коп., а по 50 коп. будем платить, а сейчас эти земли пустуют, никто на них не работает, многие ушли. Затем мы просим усилить милицию, чтобы уничтожить бандитов.

Голос. — Здесь кишлаки разорены, главным образом, потому, что мы не видим за последние годы никакого покоя от басмачей и теперь от мелких бандитов. Если бы водворился порядок, был бы уничтожен бандитизм, мы бы занялись хозяйством Бывают случаи, что глава семьи, муж, скрывается в соседнем кишлаке от бандитов. Остаются жена, дети. Этим пользуются мелкие воришки и уводят быков, лошадей и т. д.

Голос. — Мы много прилагаем труда, много усилий, хлопок дорого обходится, а цены очень маленькие. Кроме того, его неправильно сортируют. У нас есть три сорта, но при неправильной сортировке доходит до семи.

Калинин. — Цена хлопка не может быть больше, так как она равняется по пшенице. При цене пшеницы в 1 руб. 60 коп. за пуд цена хлопка равняется 4 руб. 50 коп. Мы считаем это максимальной ценой, какую можно только давать, потому что и при таком условии цена ситца теперь еще в два раза дороже, чем была прежде. Это потому, что за этот год мы ее основательно сбавили, но ее нужно еще больше сбавлять, чтобы довести до прежней цены. По такой цене, как сейчас, его еще продавать нельзя. За этот год мы будем еще процентов на 20—30 снижать. При нормальном урожае на хлопке крестьянин зарабатывает больше, чем на пшенице, если равнять по труду, а не с десятины, и все-таки цена пшеницы невелика. В этом году, поэтому, я думаю, надо ставить вопрос об улучшении качества и об увеличении количества хлопка с десятины, а не об увеличении цены хлопка. Наоборот, общее стремление правительства, насколько возможно, понижать цену железа, ситца, посуды и всего, что может влиять на цену хлопка.

Затем относительно школ. Школы безусловно нужны, это я считаю совершенно справедливым. Я по этому поводу говорил с тов. Инагамовым, и мы договорились, что он поставит глав-

ной задачей строить народные школы. Дальше неграмотным крестьянину быть никак нельзя, потому что он теперь входит в управление. Прежде, когда им управляли, можно было быть неграмотным. На крестьянина смотрели как на вьючную скотину. В настоящий момент у нас у власти крестьяне и рабочие. Крестьянин должен уметь управлять, поэтому он должен быть грамотным, и не только он, но и крестьянка. Кроме того, школы должны быть у нас такие, чтобы в этих школах не только грамоту изучали, а немножко знакомились с миром, с законами, чтобы знали, отчего ветер дует, почему дождик идет, где какие люди живут. Надо это знать, потому что крестьянин знает только свою деревню, а ведь везде живут люди, и он должен все это знать.

Затем, я думаю, следующая задача, которая стоит у вас, это — правильный раздел земли. По мнению Узбекистанского правительства, у вас будет считаться середняком — крестьянин с тремя десятинами земли, в исключительных случаях с четырьмя. А у владельцев земли свыше четырех десятин она будет отобрана и дана тому, кому не хватает. Но это сделано будет осторожно, чтобы не разрушить хозяйства.

Перед крестьянами сейчас стоит задача — организовать власть. Раньше эта задача не стояла перед крестьянами. За них управляло дворянство. А теперь мы должны эту власть налаживать. Разумеется, постольку сумеем ее наладить, поскольку мы будем иметь поддержку крестьян. Раньше эмир опирался на беков и ханов, а теперь наше правительство опирается на крестьян. Если мы не будем опираться на крестьян, то наша власть погибнет. А если мы хотим на крестьян опираться, то нужно, чтобы крестьяне участвовали в управлении, а для этого нужно, чтобы они участвовали в выборах в советы. Жаль, что в этом году вы мало принимали участия в выборах. В будущем году надо, чтобы в выборах участвовали все крестьяне или, в крайнем случае, большинство. А затем необходимо, чтобы участвовали и женщины. Можно для женщин сделать особые места, где они будут голосовать. Это вполне допустимая вещь. Вообще, тот быт, который вы цените, можно сохранить, но, вместе с тем, надо женщину привлечь к управлению. Это необходимая вещь.

Что касается помощи от советского правительства, то материальную помощь трудно получить. Советское правительство живет на те деньги, которые собирает с вас же. У нас два миллиарда дохода и два миллиарда расхода. Эти два миллиарда мы собираем: с крестьян, с железных дорог, с почты и теле-

графа, с государственных фабрик и с торговых учреждений, а расходы у нас: по содержанию армии (она берет очень много), на содержание железных дорог (на это идет около половины), на просвещение, на управление, на милицию и т. д. Конечно, временно увеличить милицию можно, но она и так дорого стоит. Надо ее улучшить. А как же вы хотите улучшить милицию, а сами не идете к власти? Я приехал сюда и вижу, что здесь мало крестьян, а еще меньше бедноты. Я не думаю, чтобы в селе, где 500 дворов, жило всего 200 человек, которые здесь собрались. Ясно, что здесь собрались 200 человек наиболее свободных, наиболее обеспеченных, не то что богатых, но более исправных хозяев. А бедноты здесь нет. Беднота думает, что на таких собраниях ничего не делается и никакой от них пользы нет. Это — ошибка. Наоборот, на этих собраниях они должны заявлять о своей бедности, и эти заявления будут приняты во внимание как в Бухаре, Самарканде, так и в Москве. Поэтому я очень жалею, что здесь мало интересуются общественной жизнью, а от налаживания общественной жизни зависит и налаживание хозяйства в кишлаке. Без этого нельзя. Как же вы, не участвуя на сходе, хотите школы построить? Школу в конечном счете вы должны сами построить. Если вы будете ходатайствовать, будете смотреть внимательно за школой, если вы будете беспокоиться о своих ребятишках, тогда, конечно, они будут обучаться. А если вы на сходы так мало приходите, то кто же сюда придет?

Принимая все это во внимание, я должен сказать, что крестьянство, если хочет, чтобы хозяйство было налажено, чтобы дороги были починены, оно должно само почаще ходить на собрания, на сходы. И на этих сходах заявлять о своих нуждах. Без этого никто ничего за них не сделает. Надеяться на то, что сделает Москва или комиссары, нельзя. Пора думать самим о себе, а жить так, как жили до сих пор, нельзя. Нельзя быть неграмотными. Это время отошло. Может быть, кому-нибудь из вас придется быть членом ЦИКа или участвовать в управлении в Самарканде или в местной власти, или, наконец, в Москве. Какой же неграмотный может быть членом ЦИКа? Надо всем хотя бы читать. В конце концов, человек богатеть начинает. От своего развития. И поэтому, если он хочет быть обеспеченнее, он должен стать грамотным. Вот вы обращаетесь ко мне: нужны школы. А вот у нас, в деревнях, когда не было школ, крестьяне просто нанимали учителя, какого-нибудь отстав-

ного солдата или просто грамотного человека. Он учил в каком-нибудь доме, а кормиться ходил от одного крестьянина к другому, дети которых у него учились. Значит, крестьяне, когда хотят обучиться, находят средства. А у вас три человека грамотных! Это абсолютно недопустимо! Вы теперь являетесь гражданами великой страны. Вы были вьючным скотом, который доставлял богатства для эмира, для бека или хана. А теперь вы стали гражданами великой страны.

Гражданин должен знать свою страну, не только те места, которые мы здесь видим перед своими глазами, каких-нибудь 200 сажен, а надо знать страну, которая так велика, что в одной части сейчас 12 часов дня, а в другой 6 часов вечера или 6 часов утра. В одной части солнце только что всходит, а в другой солнце заходит. У вас здесь тепло, скоро сеять будут, а у нас глубокий снег, холод. В этом пальто, в котором я хожу, нельзя ходить, надо меховое надевать. А это все одна страна! Эта страна называется Союзом советских социалистических республик, и гражданами этой страны вы являетесь. Эта страна является самой почетной, единственной страной в мире. Больше нет такой страны, где у власти стоят крестьяне и рабочие. Вот Икрамов — рабочий, узбек, я — крестьянин и вместе с тем рабочий. Мы теперь не подчиненные, а граждане великой страны. А как же быть настоящими гражданами, не зная страны? Для этого надо быть грамотным. Прежде чем поехать сюда, я взял книжку об узбеках и прочел, как они живут. И хотя вы сказали, что все женщины покрываются и вам нужно верить, но я вам не совсем поверил. Вы, может быть, отсюда бывали верст за 30, за 50, я только-что был в Бухаре. Там были представители со всей Средней Азии, и, когда я спрашивал: как у вас женщины ходят, они говорят: у нас нет покрывал. А вы этого не знаете. Вы не врали, а просто об этом не знали. А я об этом в книжке прочитал, потому что я грамотный.

Наша страна населена различными народами с различными обычаями. У нас нет ни дворян, ни почетных граждан, ни графов, ни князей, ни бека, ни султана. У нас граждане — от низа до верха, только одни побогаче, другие победнее. Мы стремимся тех, кто побогаче, прижать, чтобы они были победнее, а бедных поднять. Но пока в этом мы еще не очень успели, потому что, вы сами знаете: из богача в бедняка превратить можно скоро и просто. Это и ханы хорошо делали. Когда вы будете изучать историю своей страны, вы это узнаете. А бедняка поднять — это не так

скоро. Но все-таки мы вынуждены богатых не оставлять в покое, потому что иначе они силу захватят. Это все равно, как верховая великолепная лошадь: когда вы на ней сидите, вы ею управляете так, чтобы она из рук не вышла. Как только упустили вожжи, так она может седока сбросить. Так же и крестьяне относятся к богачу. Богач — это хорошая верховая лошадь, которую надо в руках держать, а иногда и поприжать как следует, иначе она вас сбросит. Когда крестьянин вырастет немножко, грамотность поднимется, когда будет больше самостоятельности у крестьян, когда материальное положение их всех немножко поднимется, тогда, конечно, и богатые не так будут страшны. А сейчас, я вижу, бедняк боится говорить. Хотя я и не понимаю по-узбекски, но привык к крестьянскому духу. Я вижу, что бедняк не пришел сюда. А почему он сюда не пришел? Потому что он думает: все равно ничего не будет. А нам надо, чтобы он нам верил, потому что в этом и его сила. Наша республика такая, которая хочет бедняка сделать самостоятельным человеком, для чего нужна прежде всего грамотность.

Надо, чтобы крестьянин привык к обществу. Мы теперь собрались, обсуждаем. Я являюсь председателем Центрального исполнительного комитета (эта самая высшая власть во всем Союзе), советуюсь с вами, ваше мнение принимаю во внимание, и когда ЦИК будет закон писать, я должен вспомнить, что то-то и то-то, замеченное у вас, нужно принять во внимание. Вы влияете на меня на собрании, влияете на местную власть, а я, в свою очередь, на вас влияю. Я вам привез опыт всего Союза, а вы мне отдаете свой местный опыт. Итак, мы друг друга обогащаем опытом. И всегда, когда люди сойдутся, каждый обогащается друг от друга. Что это означает? Недаром говорится, что один ум хорошо, а два лучше. Обсуждение на обществе того или другого вопроса имеет громадное значение. Нужно ли участие женщин? Конечно, нужно. Предположим, вы будете развиваться, а женщины останутся по-старому. У вас уже будет разделение. Вам женщина будет казаться неразумной. Какое же это будет равенство, когда дома равенства нет? А самое большое неравенство это — когда ум разный. Значит, надо женщину поднять. А чтобы женщину поднять, нужно, чтобы она участвовала на сходах. Вот и подумайте, как это сделать. Надо так сделать, чтобы Коран не запрещал. Тут говорят: Коран запрещает. Коран запрещал тысячу лет тому назад, когда женщина не имела значения, когда она работала мало, когда женщину воровали, насильно утаскивали, но ведь через

тысячу лет обстоятельства-то изменились! Если бы Магомет пришел на землю, он бы иначе написал Коран. Это глупо — исполнять распоряжения, которые сделаны тысячу лет тому назад. Но. когда прошла тысяча лет, люди стали другими. Магомет был настолько умным человеком, что знал, что его религия должна развиваться, а тот, кто, как попугай, повторяет старые слова и на основании этих слов не делает выводов, — ему грош цена. Каждый ученик должен изучать всю мудрость учителя, а потом он должен итти дальше. Иначе мы не будем двигаться вперед.

Вот надо сюда дорогу сделать. Когда сделают шоссейную дорогу, мы на автомобиле приедем сюда. Разве Магомет мог предвидеть, что мы на автомобиле приедем? А я думаю, года через два-три на аэроплане прилетим. Мог об этом думать Магомет? Конечно, не мог. В ваших жилищах вы держите сейчас ишаков, а через двадцать лет вместо ишаков у вас, может быть, аэроплан будет на дворе стоять, — взяли жену под руку, сели на аэроплан и полетели. Мог ли тысячу лет тому назад самый умный человек придумать это? Конечно, не мог. И тот, кто повторяет зады и думает, что он очень умно делает, что он предписания веры исполняет, тот ошибается. Такой человек нерадивым рабом Магомета является, потому что каждый учитель, — а Магомета вы считаете учителем, — хочет, чтобы его ученик не топтался на месте, а шел дальше. Я и собаку могу выучить на задних лапах ходить и ослика тоже могу выучить кое-что делать. Он, например, дорогу найдет к себе домой. Значит, животное выполняет то, чему его учитель учил. Вот эти мальчишки дальше вас пойдут. Старики думают, что они — самые умные. Я — тоже старик. Мы, конечно, имеем большой опыт. Откуда этот опыт взялся? Мы научились. Но у нас есть кое-что больше, чем было у наших дедов. У меня отец был неглупый, я его уважаю, но я думаю, что я поумнее. Он неграмотный был. У него ум, может быть, большой был, но он нигде его не проявил. Сын должен итти дальше своего отца. Мы должны итти вперед, развиваться. А как будем развиваться, если будем только смотреть на то, что отцы выполняли? Так развиваться нельзя. Жизнь меняется, и теперь, если вы хотите жить, требуется, чтобы вы обратили внимание на власть. Вот вы жалуетесь на басмачей, у вас дорога возмутительно грязная, нет ни одного хорошего дома, где бы вы могли сойтись, потолковать, а при случае потанцовать, песни спеть или помолиться.

Ведь люди есть люди. Человеку все свойственно. Конечно, когда старый человек сидит, а другие веселятся, он иногда сердится. А ему надо вспомнить, как он сам мальчишкой был. Я старик, но знаю, что молодому мне хотелось танцовать, и я доволен, когда молодежь танцует. У вас нет общественности, нет взаимной дружбы, товарищества. Все это надо иметь в Советской республике.

Мы окружены врагами. Капиталисты очень недовольны, что у нас создан рабоче-крестьянский союз. И, конечно, при первом случае они с нами с удовольствием расправятся; семь лет они пробуют это делать, но пока неудачно. Надежней наша защита тогда, когда крестьянин понимает, что республика, наш Союз — его родина. Вы этот аул считаете своей родиной, а я считаю, что этого мало. Вы и Архангельскую губернию, которая от вас находится за несколько тысяч верст, тоже должны родиной считать, потому что одним кишлаком вы даже с басмачами не можете справиться. А как же справиться, когда англичане или французы или еще какой чорт придет? Ясно — для того, чтобы они сюда не пришли, ваша молодежь должна на границе стоять. Мы их пошлем и скажем: молодцы, защищайте нас! И они должны защищать, и вот семь лет защищают. Но мало, чтобы красноармейцы защищали. Надо, чтобы красноармеец чувствовал, что за его спиной стоит народ, который за себя постоит, не даст себя подчинить в рабство. Если красноармеец знает, что за него постоят, что если он сбежит с фронта, то его здесь презрению предадут, жена не примет в хату, скажет: «Убирайся к чорту, ты изменник, ты сбежал с фронта», что его могут расстрелять,— тогда красноармеец будет бороться. Мы такую республику должны создать. Кроме нас, никто не создаст. А потом наши красноармейцы командуют. Мы берем крестьянина, он учится 3—4 года, а потом командует полком или целой армией. Был крестьянин, а стал командиром. Но все-таки дураку командиром стать нельзя.

Надо, чтобы крестьянин был умный, а для этого он должен учиться, развиваться. И не только развиваться. Вы сами знаете, когда вы выращиваете молодую скотину, — например, хотите улучшить породу лошадей, — вы и жеребца хорошего берете, и кобылу хорошую. И мы хотим, чтобы все крестьяне были красивыми, ловкими, чтобы энергично работали. А разве может быть, чтобы от дурочки родился умник? Вы подходите к вопросу попроще, по-крестьянски. Если я хочу иметь хорошую лошадь, я и кобылу и жеребца возьму хороших, а когда я хочу, чтобы

сын у меня был хороший, умный, я и бабу должен умную взять. Если я сам высокий и хочу, чтобы сын был высокий, а бабу возьму маленькую, то я не знаю: может быть сын у меня карапуз вырастет, а может быть высокий, в меня. А если хочу, чтобы он был наверное высокий, я и жену должен высокую взять. Поэтому, когда говорят: у вас такой закон, что женщины не должны выходить на людях, — это был такой закон, а теперь нам надо, чтобы ребята росли умными, а это может быть только тогда, когда мать умной будет. Вы видите, как все связывается одно с другим. Мы сделались свободными гражданами, мы являемся ответственными лицами. А поэтому давайте строить новую республику, рабоче-крестьянскую республику, а в этой республике все должно быть хорошо. Женщины — высокие, сильные, красивые, умные. Ребята должны бегать хорошо, по деревьям лазить, как дикие кошки, играть хорошо, танцовать хорошо. Одним словом, чтобы парень был, как парень. И когда вы продумаете хорошенько все это, вы увидите, что мы неестественного, ненормального ничего не хотим, а только хотим, чтобы все было естественно, нормально. Вот к чему стремится советская власть.

Я заключаю кратко. Во-первых, советская власть хочет, чтобы наше государство было спокойно. Мы держим такую армию, которая бы защитила нас от нападения. Во-вторых, мы не хотим допустить богачей снова оказаться у власти. В-третьих, мы хотим бедноту поднять и, в-четвертых, хотим, чтобы мужчины и женщины умнели побыстрее, не так, как в сказке, не по часам, а чтобы все-таки более или менее развивались. А для развития нужна грамотность. А если ты не успел грамоте научиться, то нужно почаще встречаться друг с другом, других людей слушать почаще. Ум развивается не только от грамоты, а и от общения с людьми, от мудрого совета. А мудрый совет может получиться только тогда, когда народ собрался в значительном количестве. Тогда советы бывают и глупые, и мудрые, но мудрые остаются в памяти.

Я выражаю надежду, что бухарские крестьяне, теперешние граждане новой Узбекистанской республики, со своей стороны, приложат все усилия, чтобы стать настоящими, ответственными гражданами Советского союза. А Москва, со своей стороны, конечно, окажет посильную помощь. *(Аплодисменты.)*

РЕЧЬ В «ДОМЕ КРЕСТЬЯНИНА» ГОР. ТАШКЕНТА НА ОБЪЕДИНЕННОМ ЗАСЕДАНИИ КОШЧИ И БАТРАКОВ.

4 февраля 1925 г.

Товарищи, к сожалению, у нас времени очень немного. Поэтому я не могу обстоятельно побеседовать с вами и, главное, не могу послушать крестьян, узнать, как ведется здесь хозяйство.

С крестьянами надо так говорить, чтобы вместе с тем и дать им обстоятельно высказаться. Только тогда и можно договорится до чего-нибудь.

А здесь у нас время так ограничено, что мы вынуждены, насколько возможно, сократить наше собрание.

Нужд у крестьянина очень много. Они очень разнообразны, и чтобы каждую нужду по-настоящему разрешить, для этого требуется время и время, а его как раз мало.

Затем, я сравнительно мало знаю ваши условия. Я знаю условия наших крестьян и вообще многих крестьян и рабочих в Союзе. Но в Туркестане я первый раз. Изучал я его, должен признаться, мало. Поэтому я не знаю, в общем богато ли здесь живут крестьяне. Иногда крестьянин побогаче — одевается еще хуже, чем бедный. Богатого и так знают, ему не нужно одеваться хорошо, а тому, кто победнее, нужно показать, что он богаче, чем есть на самом деле.

Поэтому трудно узнать, как вы здесь живете. Но в общем, конечно, крестьяне везде не особенно богато живут. Мне кажется, что в одних случаях наши крестьяне лучше живут, а в других случаях вы лучше живете.

Предположим, у вас есть виноград. У наших крестьян винограда нет, но у нас есть клюква, кислая ягода. Но кто привык, тот считает ее не хуже винограда.

У вас тепла много, у нас снега много бывает, иногда на севере аршина в три толщиной. У вас пьют кумыс, у нас водку, которую считают не хуже кумыса; по крайней мере, опьянеть от нее можно скорее, чем от кумыса. Одним словом, для всего есть какая-нибудь замена. У вас много тепла, зато нет теплых помещений. Мне кажется, плохо жить в таких помещениях, как у вас. У нас на улице трещит мороз градусов 30, зато в избе натоплено так, что можно босиком ходить; а чувствовать, что за дверью холодно, а ты в тепле находишься, — это очень приятно.

Одним словом, вы видите, народы живут более или менее одинаково. В одном месте они пользуются одним, в другом — другим. Главное, на что жалуются у нас крестьяне, — это то, что у них тяжелый налог, затем дороги продукты фабричные.

Я не знаю, как у вас здесь. Может быть, у вас обратно: вы не жалуетесь на то, что налогу у вас много, но на то, что продукты очень дешевы. Или, может быть, налог очень велик? Если вы жалуетесь на то, что налог велик, значит жалобы в этом отношении, приблизительно, одинаковы.

Нельзя сказать, что мы богато живем. Я, не похвастаясь, прямо скажу: живут бедно еще и крестьяне, и рабочие. В начале революции крестьяне жили, пожалуй, побогаче, чем рабочие. Рабочие нищенствовали, в городах совсем хлеба не было.

Теперь фабрики и заводы начали работать. Город немного подправился, и в городах уже рабочие живут мало-мальски порядочно. Но деревня, пожалуй, сравнительно с городом, стала хуже жить. Она живет не хуже, чем в 1920 году жила, но живет хуже по сравнению с городом.

И вот перед советским правительством стоит задача подогнать немножко деревню, потому что, сами понимаете, если у нас есть союз между крестьянами и рабочими, так этот союз может быть только тогда сохранен, когда обе стороны имеют прибыль от этого союза. Если союз будет выгоден только одной стороне, тогда другая сторона откажется от союза. А так как наше правительство является правительством союза рабочих и крестьян, то оно и лавирует, стремится так наложить налоговое бремя, чтобы оно было более или менее равномерно и посильно. Когда рабочие чересчур жалуются — облегчаем рабочих, когда крестьяне чересчур жалуются — облегчаем крестьян. Но в общем, конечно, тяжело тем и другим.

Тяжело потому, что у нас прежде хозяйство было плохо, вы

сами знаете. Вспомните все ваше прошлое, и вы это увидите. Вспомните, старики, как жили ваши отцы, и, я уверен, если вы честны и хорошенько подумаете, вы увидите, что отцы жили не лучше. По крайней мере, у нас так. Я знаю, как жил мой отец, и я знаю, что теперь крестьяне рядом со мной живут не хуже, чем жили раньше.

Я не сомневаюсь, что то же самое и у вас. Для меня нет сомнения: чем дальше в историю, тем народ хуже жил, а не лучше. Отцы ваши хуже жили, а между прочим народ здесь существует несколько тысяч лет. За несколько тысяч лет вы заметили, насколько разбогател народ. Пройдемте все кишлаки, посмотрим в сундуках ваших жен, много ли за эти тысячелетия накоплено у вас имущества, и вы увидите, что очень немного.

Значит, за тысячу лет вы нажили единственно только бедный халат, очень мало скота и убогую саклю. И вот, если за тысячу лет так мало нажили, то, разумеется, при советской власти в 7 лет не могли сразу хоромы нажить, потому что для того, чтобы лучше жить, надо лучше работать, надо больше работать, чем мы работаем до сих пор.

Хотя как будто бы теперь стали работать больше, но этого мало. И, кроме того, — это главное, — нужно чувствовать, что работа пойдет на пользу. Крестьянин беден потому, что он в прошлом не был уверен, что его работа пойдет ему на пользу, что его работой не воспользуется кто-либо другой, барин или вообще богатый человек. Поэтому крестьянину не очень-то хотелось работать. Он знал: как ни работай — придут, ограбят, растащат, разорят.

Когда читаешь историю Туркестана, то видишь, что это был сплошной грабеж. Иногда при каком-нибудь хане в два-три десятилетия крестьяне богатели. В истории читаешь: наступило успокоение, крестьяне стали богатеть, население — расти, увеличиваться. Вдруг — новое нападение, народ режут, хозяйство разоряют, и снова пошла борьба, война, взаимная резня, и тридцати-или пятидесятилетняя спокойная работа идет насмарку.

Вполне естественно, что сейчас, когда у нас власть стала принадлежать рабочим и крестьянам, внедрить в голову сознание, что мы свои богатства можем увеличивать только работая,— это не такая легкая задача. Для этого мы должны уничтожить воровство, хищение, разбойничество. Для этого мы должны создать хорошую администрацию, ибо плохое начальство очень вредит хозяйству.

Потом, наконец, когда и это все будет сделано, когда начальство будет порядочное, когда крестьянин будет убежден, что его трудом будет пользоваться он же, надо, чтобы у крестьянина была хорошая дорога в город, чтобы не везти 3 пуда за пятьдесят верст три дня по плохой дороге, подвергаясь опасности, из-за чего продукты в городе будут дороги и крестьянин получит грош прибыли.

Когда будет хорошая дорога, он на верблюда или на лошадь положит 20—30, даже 40 пудов и в три дня свезет пятьдесят пудов вместо 3 пудов. Тогда он может дешевле продать, и сам больше получит. Ему это будет выгодно. Так что, вы видите: для того, чтобы хорошо работать, надо, чтобы были хорошие дороги.

Потом, у нас ценится земля, зато у вас ценится вода. Надо уметь эту воду своевременно собирать и распределять. Ясное дело, при плохой администрации, при плохой политике более сильный крестьянин, более нахрапистый и, вместе с тем, бесчестный, то есть такой, который берет насилием, возьмет больше, чем ему надо.

Ясно, что только когда дело хорошо урегулировано, когда каждый знает, что он свою частицу воды получит и получит во-время, что если будет какая-нибудь беда, то эта беда сейчас же будет локализирована, изжита, местная власть ассигнует деньги, придет на помощь.

Если крестьянин это знает, то он уверен в себе.

Сейчас этого еще ничего нет, и нет по той простой причине, что сейчас организовать власть кишлаков, когда еще во многих местах есть даже и басмачи, не так легко. А затем — люди есть люди. Вы сами понимаете, советская власть не с неба, не от Аллаха берет своих администраторов, начиная с председателя кишлачного совета. Если бы советская власть сказала: Аллах, дай мне начальников, тогда, конечно, начальники были бы хорошие. А мы начальников берем из вас же. А вы сами знаете, среди вас и вообще среди народа есть люди честные, есть нечестные, есть воры, есть казнокрады, есть взяточники.

Люди — как люди, люди обыкновенные. Вот мы из обыкновенных людей и создаем администраторов. Мы не говорим: это — люди необыкновенные, святые, особым миром помазанные. Для нас люди все одинаковы, только язык разный, бороды разные, и то моя борода похожа на ваши. А так как, приблизительно, все люди одинаковы, значит, нужно из тех людей, какие

есть, — а вы сами знаете, что люди по характеру совершенно разные, — создать хорошую власть; нельзя в один, два дня, — для этого потребуется длительное время.

И, конечно, власть будет создаваться тогда, когда вы сами в ней примете участие, сами будете указывать ошибки власти. Если человек управляет чем-нибудь и ему не показывают его ошибок, то ему кажется, что он — самый умный, и все, что он делает, — это хорошо. Вначале, верно, он делает хорошо. Когда начальник бывает только что поставлен, он очень скромен. Вот Файзулла Ходжаев — очень скромный, он только несколько лет начальник, а когда пробудет здесь начальником долго и когда его ошибок показывать ему не будут, тогда он станет гордым и скажет: я всех умнее, что хочу, то и делаю. И будет делать, не сознавая ошибок.

Вот тут-то ему и нужно указать. А если не исправится, нужно его сменить. И когда каждый начальник будет твердо знать, что, когда он плохо поступает, то его за это по головке не погладят, он будет поступать хорошо, справедливо и честно. Вот эту работу и надо провести.

Эта работа длительная. Вообще, если вы возьмете богатство каждого из вас в отдельности, когда я спрошу каждого из вас: как вы думаете, если вас в хорошие условия поставить, если бы погода благоприятствовала, и Аллах помог, сколько лет понадобилось бы вашему хозяйству, чтобы оно было состоятельным, богатым, чтобы жена принукрасилась, чтобы хорошо одетой ходила.

Вы скажете: годов пять надо.

Если на одно маленькое крестьянское хозяйство нужно годов пять (меньше вы не скажете), сколько нужно для того, чтобы государство наладить, чтобы в горах провести дороги, чтобы в деревню провести свет. У вас в деревне керосин берегут, а у нас некоторые деревни уже проводят электрический свет. Работа поэтому предстоит большая, настолько большая, что вероятно, нашему поколению не разрешить этого вопроса.

Вероятно, эти мальчишки и девчонки будут доканчивать вашу работу. Но, по-моему, на это жаловаться особенно нечего.

Почему? Да ведь если я каждого из вас спрошу, вас, крестьян одинаковых лет со мной (я боюсь себя стариком назвать, поэтому и говорю: одинаковых лет со мной), для чего вы живете, чего вы хотите? Каждый скажет: я хочу хорошего для детей.

Если я буду убежден, что дети будут хорошо жить, я, пожалуй, умру спокойно. Эта мысль у каждого из наших крестьян сидит. Я думаю, такая же мысль и у вас сидит, потому что человек есть человек, и вы своих детей так же любите, как и я люблю, как и наши крестьяне любят.

Вы им желаете лучшего. Мы умрем, на наше место придут дети, а когда вы чувствуете, что ваше дело идет вперед, что дети ваши будут доканчивать ваше дело, такое сознание особенно придает силы для работы. И вот, мы делаем это большое дело. Оно будет двигаться медленно. Когда молодые агитаторы приезжают, они наобещают золотые горы, кисельные берега и молочные реки. Но я, как человек более старшего возраста, этого не обещаю. Я знаю, что кисельных берегов нет, молочные реки не текут, течет простая вода.

Конечно, наше благоустройство, наше богатство будет расти очень медленно, не может не расти медленно, как бы вы ни спешили. Но в чем же суть советской власти? А суть советской власти в том, что она немножко расковала крестьянина и рабочего. Она даст им возможность применить труд, чтобы строить лучшую жизнь, и чем дальше, тем большие плоды будет давать эта возможность.

И вот теперь, когда власть наша, вся наша задача в том, чтобы заставить всех людей считать, что только тот благородный человек, кто трудится, кто работает. А кто не работает, тот бездельник, цена ему грош — и для народа он бесполезен. Это — как у пчел. Вы знаете, что у пчел есть трутни, которых пчелы уничтожают. По существу, и Советская республика должна быть пчелиным ульем, где трутни должны быть уничтожены.

И вот Советская республика должна теперь очищаться от трутней и сделаться одной трудовой Советской республикой. Кто же будет делать эту трудовую республику? Опять, может быть, будут помогать какие-то люди, приехавшие из Москвы, или будут помогать комиссары, начальство, или, наконец, просто бог поможет или его угодники? Ничего подобного, никто не будет помогать!

Советский Союз мы должны строить сами, собственными руками. Вся тяжесть, которая предстоит перед нами, она ляжет на вас.

Я, приехавший из Москвы, из центра, так вам и говорю: хотите иметь советское правительство, налаживайте его в кишлаках, интересуйтесь работой кишлака так же, как собственным хозяйством.

Если вы будете следить хорошенько за работой кишлака, работа будет налаживаться — и начальство будет хорошее, в этом для меня нет никакого сомнения. А если работа кишлака будет хорошо налажена, будет налажена и ваша хозяйственная работа, потому что хозяйство не наладишь без кишлака.

Как же наладишь хозяйство, если приедет бездельный комиссар, который не во-время будет налог собирать, не во-время выгонять на какие-нибудь обязанности и т. д.? А хорошее начальство будет помогать хозяйству, хорошее начальство вы сами должны создавать.

Еще в двух словах остановлюсь на бае. Я под этим словом понимаю человека, который живет на спине другого, который дает деньги в рост, который закрепощает человека, берущего деньги, который разоряет крестьянина.

А если у крестьянина есть 2-3 десятины земли, и он обрабатывает эту землю со своей семьей и только в горячую пору нанимает рабочих, мы считаем это вполне допустимым. Такого человека назвать кулаком, считать противником советской власти нет никакого основания.

А теперь я остановлюсь только в двух словах на нашем международном положении, то-есть на том, в каком состоянии находимся мы по отношению к другим государствам. В общем наше положение надо считать сейчас не плохим. Почти все государства Европы вошли с нами в нормальные сношения, исключая Америки, которая, вероятно, в недалеком будущем также войдет с нами в сношения. Главный спор, который идет между нами и другими государствами и, главным образом, между нами, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, это вопрос о том: должны мы им платить долги или не должны.

Надо сказать, что после старого строя мы остались должны загранице десятки миллиардов рублей. Сейчас мы не собираем налогов и одного миллиарда рублей, и вы видите, как тяжелы эти налоги. Если мы признаем эти долги и будем по ним платить только 5—6%, так мы должны будем одних процентов платить миллиарды. А мы в настоящий момент имеем доходов от железных дорог, почты, промышленности и от налогов только два миллиарда с небольшим. Значит, все наши доходы должны итти в уплату только процентов, а на что мы должны будем жить, неизвестно. Поэтому у нас и идет спор. Мы говорим: мы платить не можем, мы не занимали, занимало старое правительство на то, чтобы содержать войска, а это войско оно

употребляло для защиты французских и английских капиталистов. Целый миллион наших солдат погиб на войне, от которой пользу получили вы; вы ограбили Германию, увезли у нее паровозы, увезли лошадей, коров, увезли все золото, захватили германские колонии, германскую землю, насыщенную железом. Поэтому мы считаем, что вы частью свои расходы получили, а мы от войны ничего не получили. Я считаю, что мы поступаем правильно. Наши крестьяне войны очень боятся, но когда им скажут: а как вы думаете, платить или не платить, — они говорят: ни за что; платить это значит рубашку снять, это значит ходить без штанов, не можем позволить себя раздеть. Поэтому мы и не платим. На этой почве, главным образом, между нами и Западной Европой вражда. Я думаю, когда вы дома обстоятельно все это продумаете, вы увидите, что мы поступить иначе не можем. Если мы дадим обязательство платить, то нам придется отдать последнюю рубашку. Так что, я думаю, крестьяне и рабочие одобрят внешнюю политику советского правительства. Пока что наши переговоры на этом закончились. Но, в конце концов, правительства буржуазных стран вынуждены будут с нами считаться и заключить с нами соглашение такое, которое не ляжет на нас слишком тяжело, или, во всяком случае, столько долгов на себя примут, чтобы нам было под силу.

Вот все существенное, что можно сказать о международном положении. *(Аплодисменты.)*

М. И. Калинин. (Снимок 1907 года.)

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ СЕЛА КУХИ.

(Грузия, Кутаисский уезд, 8 марта 1925 г.)

Калинин. — Я хотел бы спросить у вас, ладите вы с коммунистами или нет? Затем, как с продналогом дело обстоит, как религиозный вопрос? Со мной едет председатель уездного исполкома; если у вас есть жалобы, отдавайте ему. Он взял на себя обязательство — все, что можно, удовлетворить.

Теперь разрешите передать вам приветствие от центрального правительства и надежду, что мир и согласие воцарится в вашей среде, разрешите пожелать вам хорошего урожая и успеха в предстоящем году. *(Аплодисменты.)*

Когда происходят выборы, население делится на две части или нет?

Голоса. — Нет.

Калинин. — Кто-нибудь богу молится?

Голоса. — Нет.

Калинин. — А если урожая не будет, тогда как? *(Смех.)*

Шхавлагадзе (женщина 60 лет). — Если кто-нибудь умирает, приходят его родственники оплакивать, но некуда поставить гроб. Нам не дают возможности поставить гроб в какое-нибудь помещение. Пусть будет какое-нибудь помещение, если не церковь, то другой дом, часовня, куда можно было бы поставить.

Калинин. — Сколько верст от вас до церкви?

Голоса. — Полторы версты...

Калинин. — Тогда ничего страшного нет. Где у вас местный председатель? Скажите, разве коммунисты могут вмешиваться в такие дела? Скажите, а народ ходит в театр, переделанный из церкви?

Голоса. — Комсомольцы ходят, а мы нет.

Кордцы. — Церковью завладели коммунисты и комсомольцы. Как нам пойти в церковь? Там икон нет. Они церковь переде-

лали под театр, как же нам итти? Да откуда мы возьмем священника? Священник, если придет, у него по земельному кодексу норму отнимут. Священник предпочитает лучше землю иметь и сюда не идет. Церкви нет у нас, а для того, чтобы ходить за семь верст, нет обуви. Сказать мы это боимся, никто вам не скажет.

Калинин. — Я хотел бы проголосовать, кто верующий, кто неверующий? *(Голосование.)* Очевидно, у вас много неверующих, нельзя сказать, чтобы очень небольшая группа людей закрыла церковь, видимо, половина на половину. Но даже при этих обстоятельствах неверующий коммунист не имел права навязывать свою волю и брать церковь под театр. Мы не можем возвратить церковь, потому что она по церковному обычаю считается уже оскверненной. Смешно и говорить, вы — сильные, молодые — и отбираете от стариков. Что же у стариков осталось, когда вы веру отняли, а в коммунизм они не верят, ведь они остались без всего, а поэтому в ад попадут, потому что не молятся. Как же так? Сами веру приобрели, сделались коммунистами — это тоже своего рода вера — и стараетесь навязать другим, которые в это не верят. Насильно навязывать нельзя. Смеяться и издеваться над верующим не годится, тем более, что вы, коммунисты, считаете себя более развитыми, более знающими, а смеетесь над теми, которые знают меньше вас. Когда смеется человек, более знающий, это не смех, а издевательство, это недопустимая вещь. Это уже господство сильного. Попробуйте смеяться над более сильными и по уму и по всему. А когда вы разрушаете церковь, эта насмешка над слабыми. Вы молоды, сильны, вы — коммунисты, и вдруг отбираете помещение от стариков, которые раньше вас его создали. А вы, молодые, не можете себе лучше, чем церковь, построить здание? Конечно, готовенькое захватить очень просто. А вы вот сами сделайте. Покажите перед всеми непартийными: у вас, мол, церковь на 200 человек, а мы построим театр на 500 человек, собственным трудом, без помощи, хорошими рисунками разрисуем, разведем кругом сад, чтобы все говорили — ай да коммунисты, как они умеют работать! А вы готовое захватываете, как же вас не ругать! Надо, товарищи, политику уметь делать. Я думаю, что вам придется построить новую церковь для православных. Если вы под клуб церковь взяли, так извольте хоть часовню сделать, ну, крест можете не делать, сами верующие устроят, помещение только приготовьте. А захватить всякий сумеет, не только коммунист. Как тысячу лет тому назад, придут

мусульмане и православную церковь в мечеть превратят, а православные придут — и наоборот. Вот вы превратили церковь в клуб. А если они вас выгонят, то опять в церковь превратят. Так не годится.

В этом отношении на Кавказе произошла ошибка. В этом виноваты коммунисты и комсомольцы. Комсомольцы должны быть неверующими, вы не думаете умирать, когда-то еще вам придется, а вот нам скоро придется умирать, нам надо над этим серьезно подумать, — а что там такое? Я, вот, не верю, мне кажется, что ничего там нет. А ведь православный человек — временный гость на земле, а постоянная жизнь у него на том свете. Поэтому я думаю, что вы, коммунисты, должны им часовню сделать, покажите свое искусство, удовлетворите тех, кто хочет молиться. Ну, в крайнем случае, сделайте часовню из двух частей: с одной стороны коммунисты будут своих покойников класть, с другой — православные. Нельзя насильно навязывать веру! Коммунизм слишком благородное учение. Силой его нет основания внушать. Против коммунизма воевал царизм, — не только клубы коммунистические отбирал, но и в ссылку ссылал. Поэтому, если мы так же будем поступать, толку не будет. Я предлагаю коммунистической части деревни к верующим относиться с уважением. Нужно понимать, что если к вам придет противник коммунизма и будет издеваться, скажет — это дребедень, никуда не годится, что вы сделаете? Да в физиономию заедете, а сами вот смеетесь над православием. У них вера не менее глубокая, чем у вас в коммунизм. Поэтому надо уважать чувства и веру другого постольку, поскольку они не идут против вас. Почему мы против меньшевиков? Не потому, что они меньшевизм проводили, а потому, что подняли восстание, хотели освободить Англии дорогу в Баку за нефтью. Православные не выступают, за ними англичане не идут, поэтому к ним нужно относиться иначе. Вот я и хотел сказать молодежи, что никогда не нужно сравнивать свои мысли с мыслями более старого человека. Молодежи все кажется очень ясным и справедливым, а вот, когда поживут, то увидят, что не все так ясно, как кажется. Я хочу, чтобы у вас был мир и на религиозной почве. Я хотел бы, чтобы православный человек в лице коммуниста не видел насильника. Коммунист—не насильник, а защитник. Комсомольская организация и коммунистическая должны быть защитниками и свободы молиться. Это не значит, что не нужно с религией бороться. Бороться нужно, но как? Пришли бы сюда, один выступил за религию, другой —

против, и, товарищи, дня три без перерыва биться во-всю доводами, логикой, убеждениями, но не насилием.

Позвольте вам пожелать, чтобы в деревне воцарился мир, а борьбу вели только на трибуне, а через 20 лет, я думаю, и православия не будет. *(Аплодисменты.)*

Мне сказали, что это одна из революционных деревень, которая в старое время прятала революционеров. Я боюсь, чтобы теперь здесь не прятали религиозных. *(Смех.)*

Андриадзе 1-й. — Сегодня народу собралось в три-четыре раза больше, чем всегда, но мы запуганы. Здесь, вот, присутствует вооруженная молодежь, это на нас влияет. Мы не знаем, что сегодня может случиться. Здесь, вот, говорят, что не было притеснений. Как же не было, когда храм закрыт?

Андриадзе 2-й. — Здесь говорят, что не было притеснений, репрессий, — это неправда. Они смотрят и выжидают, — если я пойду к священнику за надобностью, сейчас же скажут — на него нужно продналог прибавить.

Кутателадзе (беспартийный). — Председатель высшей советской власти явился сюда, он является проводником заветов Ленина. Я, когда первый раз пришел, столкнулся с этим религиозным вопросом, когда вы выступали против священников. Но потом я сам сделался атеистом. И теперь, если меня заставят снова целовать руку священникам, я всей душой буду протестовать.

Костави. — Когда было голосование о закрытии церкви, разумеется, я хотел высказаться против и подать голос против, но я боялся, и таких было очень много. Потом было распоряжение, что можно открыть церкви. В Хони открыли церковь, мы туда пошли, запросили председателя, подали прошение. Нам сказали, что можно.

Послали сюда это прошение. Председатель совета вызвал нас и говорит: имейте в виду, что, если вы подобные заявления будете подавать, мы вам не дадим никаких удостоверений; если ваши дети будут учиться, а если у вас будет один сын и все условия за то, чтобы освободить от воинской повинности, мы его возьмем; вдобавок, во время меньшевистского выступления меня сочли контр-революционером и посадили в тюрьму.

Церешвили (учительница, беспартийная). — Я давала частные уроки, и среди моих учеников был один комсомолец. Разумеется, уроки были платные. Когда я потребовала плату с этого комсомольца, он не захотел платить и заявил, что я — контр-революционерка, всячески меня притеснял. Я ничего контр-революцион-

ного не делала, никто доказать не может, но, несмотря на это, распространился слух, и создалось такое мнение, что я являюсь контр-революционеркой; этого нет, положение мое невозможное.

Калинин. — Прежде чем проститься, я хотел сказать несколько слов партийным. Ни в коем случае партийная организация не может решать дела между партийными и непартийными, потому что это дела суда, советских органов. Если партия будет вмешиваться в эти дела, она роняет свой авторитет среди беспартийных крестьян. Получается как будто новое дворянство. Свергнуть одно и создать другое — не в интересах партии, у коммунистов своих задач нет, а есть рабоче-крестьянские; коммунистическая задача — улучшить положение рабочих и крестьян. Поэтому обособлять партию от крестьян нет никакого резона, крайне вредно, и местные органы власти должны решительно избегать столкновений. Если столкновение произошло между партийными и беспартийными, партия ни в коем случае не может вмешиваться. То же самое и с учительницей; здесь надо было комсомольцу сделать выговор, даже если бы он был прав. Пусть лучше пострадает коммунист в этом деле, а не беспартийный.

Вот та общая линия, которая должна быть намечена коммунистической партией. Итти в коммунистическую партию не значит пользоваться привилегиями, а значит возложить на себя целый ряд тяжелых обязанностей. Вот эту тяжелую обязанность, как охрану верующих, я возлагаю на местных коммунистов. Вы можете идейно бороться, но мешать нельзя.

Разрешите пожелать вам всего хорошего. До свидания, товарищи! *(Аплодисменты.)*

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ ДЕРЕВНИ ГАНИРЧАКА.

9 марта 1925 г.

Калинин. — Я хочу спросить вас, почему вы не собрались вместе с соседней деревней?

Рухадзе. — В нашем теми (общество) 1,200 домов, а там меньше. Мы предпочли собраться у нас. Если они не пришли из маленького теми, очевидно, они желают видеть тов. Калинина у себя.

Калинин. — А как же Союз в составе целой сессии приехал в Тифлис?

В Союзе 150 миллионов населения, а в Грузии — 2. Более сильному всегда надо уступать слабому. Если более сильный будет заставлять подчиняться слабого — я могу сказать, что вы сегодня поработили соседнее теми.

Голоса. — Если бы нам сказали, чтобы мы пошли туда, тогда другое дело. Нам сказали, встречайте тов. Калинина. Каждое теми и каждый центр имеют свой район, и все хотят вас встретить.

Калинин. — Мне Вано Стуруа сказал, что вы народ дисциплинированный, соберетесь все в одном месте, теми десять сразу.

Голоса. — Везде рады будут.

Калинин. — Есть ли у вас какие-нибудь заявления? Почему у вас с церкви сняты кресты? Мне Вано Стуруа сказал, что все его земляки бросили православие. Нет ни одного мужчины, нет ни старого, ни малого, который бы верил. Я проехал по всему Союзу и ничего подобного нигде не видел. Вот и приехал проверить, как у вас, есть ли православные? Ответьте мне на этот вопрос.

Хурерия. — Меньшая часть хотела закрыть, но большинство против, в особенности старики.

Калинин. — Церковь действует или нет?

Рухадзе. — Был устроен суд над религией, обсуждался вопрос, и так как обвинили религию и церковь во всех грехах, решено было закрыть. Таким образом, народ разрешил закрыть церковь, но после этого спохватились.

В Тифлисе церкви есть, в Москве тоже, и народ стал рассуждать: что же мы допустили такую вещь, когда и евреи имеют свою синагогу? После этого народ разделился на два враждебных лагеря. Борьба эта продолжается. В прошлом году было постановлено разрушить церковь. Народ пришел туда, и произошла свалка. Были бы убитые, если бы председатель местного совета не удержал.

Калинин. — А как теперь, большинство за религию или против? Скажите, девушки замуж выходят венчавшись, или нет?

Голоса. — Иногда и гражданским браком, другие просто не хотят у священника венчаться.

Калинин. — Мне кажется, что вопрос с религией у вас не так остро стоит.

Голоса. — Если мы пригласим священника, то отнимут у него землю или нет?

Калинин. — Это зависит целиком от вас. Если крестьяне выделят из своих участков часть священнику, на это они имеют полное право. Я считаю, что вопрос с религией покончен. Здесь вот глава кутаисского уезда тов. Лордкипанидзе, ему даны директивы. Да он и сам дал приказ, но всегда так бывает, что из Кутаиса приказ года два идет. Теперь, в случае чего, обращайтесь к нему. Я повторяю, Земельный кодекс не запрещает священнику владеть землей, если общество хочет.

Я должен внести поправку. Оказывается, в Земельный кодекс Грузинской республики внесена специфическая грузинская поправка о том, что священник лишается земли.

Когда я вернусь в Тифлис, подниму этот вопрос, и, безусловно, поправку исключат. Председатель со своей стороны гарантирует свободу верования, — кто хочет молиться, может молиться. Я за стариков постою, а вы уже за меня похлопочите на том свете. (*Смех.*)

Таким образом, с религией вопрос покончен. Теперь, как у вас выбирается председатель совета? Ладите вы с ним или нет?

Голоса. — В выборах участвуют только партийные, беспартийные не участвуют.

Рухадзе 2-й. — Нас не известили, когда были выборы.

Мы в них участия не принимали. Выбрали в совет только партийных. Сын мой присутствовал, а я нет.

Крестьянин. — Неправда. Нам было объявлено всем собраться и выбрать свой совет. Мы всем населением собрались и выбрали своего председателя. Партийных мало, беспартийных много. Мы хотим, чтобы беспартийные принимали активное, горячее участие в управлении.

Калинин. — Как у вас председатель, хороший или нет?

Румшадзе. — Председатель — хороший, мы довольны и советскими порядками довольны; хотя у меня 10 кцев земли забрали и 10 оставили, но все же я доволен советской властью.

Калинин. — Ну, мне у вас делать нечего, деревня всем удовлетворена, всем довольна, а что касается священника, тут я вам помогу. (Голос: Нельзя ли отменить разрешение на право продажи скота?) Разрешение на право продажи уже отменено. Говорить об этом нечего. Что у вас еще есть?

Крестьянин. — Кроме разрешения на право продажи скота, за который берут 1 руб. 20 коп., с нас еще пошлину берут, когда мы свои продукты выносим на рынок Самтреди. Берут безалаберно. Мы просим это урегулировать.

Калинин. — Сколько берут?

Мангаладзе. — Например, мы в селе зарежем свинью на продажу, везем в Самтреди, а там берут 2 руб. 50 коп., в Тифлисе тоже берут 2 руб. 50 коп. В общей сложности со свиньи берут 5 руб., а сама она стоит 8 — 10 руб. Для населения это дорого.

Абзенадзе. — Если не заплатишь налог за свинью, ее отбирают.

Калинин. — Наши законы созданы не для того, чтобы разрушать крестьянское хозяйство. Но при проходе через советские инстанции, хороший закон иногда превращается в дурной. Я думаю, что это — небольшой недостаток, и мы с ним справимся скоро. С религией вопрос исчерпан. Те налоги, которые очень тяжелы для крестьянства, советское правительство пересмотрит и даст соответствующие директивы. Так что, я думаю, крестьянство более или менее удовлетворено, судя по тем претензиям, которые были предъявлены.

Теперь два слова о взаимоотношениях партийных и беспартийных.

Партийные никакой особой привилегией в обществе пользоваться не должны. Они одинаково участвуют в управлении теми

и в выборах, так что здесь, очевидно, был некоторый перегиб палки с партийными товарищами как в области религии, так и в области управления. Так всегда бывает, когда появляется новая власть. Новую власть не признают.

Люди консервативны, привыкли считаться только с той властью, которая сидит уже много лет; даже тогда, когда она пала, люди, по инерции, считают ее властью, а новую не признают. Ну и обратно: всякая новая власть очень ревниво относится к своей власти. Ей все кажется, что мало ее слушают и исполняют, поэтому она особенно бывает упорна.

Новая власть устанавливается постепенно. Сначала прямой силой. Каким образом укреплялась советская власть в деревне? В первый момент приходили отряды с оружием в руках, старое начальство арестовывали; приверженцев старого начальства, если оно восставало — расстреливали, если они только вели кампанию против — арестовывали. Прежде никогда не было такой быстрой смены власти. Поэтому, вполне естественно, большинство людей не доверяло новой власти, не считалось с ней. Считаться с ней можно было заставить только жестокими репрессиями. Наши коммунистические отряды привыкли управлять репрессиями, приказом, потому что первоначально власть вынуждена была укрепляться физической силой. Некоторые привыкли к этому управлению. Власть уже укрепилась, люди и так подчиняются, а они продолжают подносить штык к носу.

Теперь в центре эта полоса изжита, у нас даже органов ЧК нет. Они переименованы в органы ГПУ. У нас управление переходит на нормальные законные начала. У вас еще нельзя, потому что недавно было меньшевистское выступление, поэтому органы ЧК должны быть оставлены.

Но постепенно, шаг за шагом, мы переходим на управление на почве законов. Сейчас у нас идет борьба с административным произволом. Мы из центра стремимся ввести закон, а местные органы привыкли управлять по-старому. Раньше был закон революционной целесообразности. Если полезно расстрелять десять человек, надо их расстрелять, ничего не поделаешь; если ты их не расстреляешь, так они расстреляют тебя.

И люди, привыкшие к управлению на почве революционной целесообразности, сейчас стремятся управлять на почве того, что выгодно в данный момент, при данных обстоятельствах. Сейчас это недопустимо.

Мы считаем, что каждый гражданин сейчас должен пользо-

ваться определенными правилами, гарантиями. Например, позабыли какой-нибудь хороший дом национализировать, и сейчас, когда нам местная власть подает заявление о том, чтобы мы разрешили национализировать, мы отказываем, говорим — своевременно не сделали, а сейчас уже нельзя. Сейчас местная власть без согласия центра не может национализировать имущества.

Но наши коммунистические отряды есть, по существу, лучшая частица крестьянства. Несомненно, в коммунисты идут наиболее молодые, наиболее преданные крестьяне, которые отдают себя целиком на служение государству, затем наиболее честные люди, которые больше интересуются общественными делами, чем своими домашними.

Итак, эти товарищи, когда был революционный период, привыкли к острым революционным действиям, привыкли управлять таким образом. Теперь управляют советы. Советы должны быть избраны всей массой, а коммунистическая партия может и должна идейно влиять на советы своим авторитетом, своим умелым подходом, содействовать их развитию.

Вот что должна делать коммунистическая партия.

Конечно, товарищи, авторитетом влиять гораздо труднее, чем приказом. Предположим, какой-нибудь рядовой коммунист спорит со священником более развитым, чем он. И вот священник более умело защищает религию, чем рядовой крестьянин коммунизм.

Когда происходят споры, то коммунист, видя свою слабость, говорит — я тебя арестую, потому что не сумел логически защитить.

Гораздо труднее доказать, чем послать в кутузку. Многие думают, что лучше выгнать священника из деревни, чем подучиться, чтобы противостоять ему в прениях.

Этим православия мы не уничтожим. Наша прошлая история великолепно показала, что насильно православие уничтожить нельзя. Вы знаете, что Грузия была во власти заведомых врагов православия. Завоеватели Грузии стремились заставить грузин перейти в магометанство. Мы знаем, что только одна Аджария переменила веру, а остальные остались православными. Турция несколько столетий стремилась омагометанить всех кругом себя, но безрезультатно.

Если вы думаете, что, выгнав священников, закрыв церкви, уничтожите православие, — вы жестоко ошибаетесь. Православие

от этого не уничтожится. Наоборот, благодаря таким действиям поп, которого русские крестьяне называют «жеребячьей породой», приобретает авторитет. Наши крестьяне ходят на исповедь, помолиться, но попа не любят. Наши православные люди, если утром встретят попа, считают день несчастливым. Как видите, с одной стороны, нельзя сказать, чтобы крестьяне относились к попу доброжелательно, но когда на попов будут гонения, попы будут пользоваться влиянием и авторитетом.

Вот почему советская власть возражает против такого способа борьбы, и партия удерживает от применения в борьбе с религией административных методов. Административными методами бороться с религией нельзя, а можно только идейно. Вот здесь, на этой трибуне, могут встретиться священник и коммунист. Или пусть коммунист в воскресенье, после обедни, предложит священнику дискуссию в церкви и там проповедует коммунизм. Но чтобы это не было насилием, чтобы люди не пользовались своей физической силой, тем, что у них есть винтовка, и не заставляли верующих не ходить к обедне и не крестить своих детей.

Против этих методов правительство борется. Когда мы узнали, что в Грузии происходит повальное, массовое закрытие церквей, мы признали это ошибкой местных властей, и, мало того, грузинское правительство тоже было против этого.

Но у вас в деревне очень большое революционное крыло, в каждой деревне есть десятка два коммунистов да 10 комсомольцев, — 20 — 30 человек, — в деревне им, кажется, делать нечего, революционную энергию применять как будто негде, а кровь молодая кипит, они и начинают кресты снимать, все-таки оригинально, лезть высоко.

Теперь, я думаю, эта полоса прошла. Теперь надо бороться логикой, умом, доказательствами. Теперь нужно бороться с религией книгами, естественной наукой: откуда жизнь явилась, откуда человек, какова история развития человека. Вот — орудия борьбы с религией, а насильственным путем бороться невыгодно, нецелесообразно, бесполезно. Наконец, наши коммунисты не должны далеко отходить от беспартийных масс. Против нас враги выступали сомкнутыми рядами. Вы сами знаете, что коммунистов только 400 000 мужчин, женщин и стариков.

Таким образом, из них для борьбы на фронт выйдет не больше 200 000 человек. Разве можем мы Советское государство защитить двумястами тысяч человек. Ясно, что мы против ка-

питалистического мира должны выступить единым фронтом рабочих, крестьян и коммунистов. Коммунисты не должны отрываться от масс. Если коммунисты оторвутся, далеко уйдут вперед, то противники нас разобьют. Авангард будет разбит.

А вы сами знаете, что в сражении дать разбить авангард,— значит потерять сражение. Вместе с коммунистами, несомненно, будут разбиты рабочие и крестьяне.

Вот почему партия говорит, что коммунисты должны итти впереди, но они не должны забегать чересчур далеко, чтобы не потерять идущую за ними крестьянскую рать.

Коммунисты — авангард, а не боевая армия. Одни коммунисты как боевая армия — слабы. Боевая армия, пехота, артиллерия — крестьянство и рабочий класс. Мы идем впереди крестьянства, но оно не должно отставать от нас, потому что даже с рабочим классом мы не победим наших врагов, а только вместе с крестьянством.

Будьте осторожны, внимательны к беспартийной массе, не отталкивайте от себя из-за пустяков. Мы не можем заставить не верить, — кто хочет верить, пусть верит. Среди верующих есть люди, которые стоят за нас.

Вот почему важно, чтобы коммунисты не оторвались от масс, и только тогда армия едина, только тогда мы победим и отобьем все нападения, которые могут сделать наши враги на Советский союз. Вот почему советское правительство указывает коммунистам на ту тактику, которую я только что перед вами изложил. (*Аплодисменты.*)

МИТИНГ В С. ОЛЬГИНСКОМ, В ИНГУШЕТИИ, СЕВ.-КАВКАЗСКОГО КРАЯ.

14 мая 1923 г.

Мансуров. — Товарищи трудящиеся горцы, вы здесь не раз встречали в своих аулах не только высокопоставленных особ, но вы встречали и царских особ, которые считались помазанниками божьими, но на самом деле они были для вас чужими, они были вашими врагами. Сегодняшний день вы встречаете здесь не царя, вы встречаете представителя власти, возглавляющей широкие массы рабочих и крестьян, — и хотя эта власть более прочная, более могущественная, чем была царская власть, но тов. Калинин приехал к нам сейчас не как стоящий над нами, а как товарищ.

Товарищи, мы встречаем главу правительства без всякого шума, без помпы; мы встречаем его, как товарища, в своей тесной семье. Я полагаю, что вы вместе со мною скажете: «Да здравствует Всероссийский центральный исполнительный комитет, да здравствует тов. Калинин, да здравствует революция во всем мире! Ура. *(Интернационал.)*

Датут-Татров (осетин). — Позвольте поднести вам хлеб-соль от горского народа. Этот хлеб чисто горского характера, который мы всегда едим. Мы очень рады вашему приезду, и я должен сказать, что горцы всегда были революционными людьми, но под давлением царизма они не могли проявлять своей революционности, так как при малейшем ее проявлении царское правительство начинало угнетать горцев. Октябрьская революция освободила горцев от гнета, и мы теперь до последней капли крови будем защищать ту власть, которая сняла с нас этот гнет. Да здравствует тов. Калинин, да здравствует революционная власть советов.

Калинин. — Я глубоко благодарен за те чувства, которые в образе хлеба и соли преподнесены мне крестьянами Ингуше-

тии и Осетии. Я думаю, что тот мир и единение, которые с каждым днем все больше и больше начинают проникать в народы, населяющие Кавказ, этот мир и согласие не только не будут уменьшаться, но они будут все больше и больше развиваться.

Товарищи, чтобы освободить маленьких ингушей и осетин, я скажу несколько слов о нашей молодежи.

Товарищи, детей у нас по всей Советской республике очень много, а республика наша очень большая; мы ехали сюда четыре дня только по железной дороге, а поезд, как вы знаете, идет очень шибко. Так вот молодое поколение у нас рассеяно по всей Советской республике, и мы стараемся его в летнюю пору возить из одной части республики в другую, чтобы показать им весь мир. Детей с севера, из Архангельска, где почти три месяца бывает ночь, а девять месяцев бывает зима и только один месяц бывает солнце, детей оттуда летом мы возим в Крым, чтобы они видали высокие горы, большие степи, яркое солнце.

И как только будет у нашей советской власти больше денег, мы будем возить и вас, горскую молодежь, далеко, — покажем вам большие моря, леса, большие города, чтобы потом вы знали весь мир, а не только свою деревню и не только свой народ, — это самая лучшая школа, когда люди много ездят. Вам теперь нужно только играть, гулять, расти и развиваться и учиться. Разрешите вам пожелать, чтобы вы побольше веселились и учились. Мы постепенно будем вымирать, а вы будете нас сменять, будете занимать наше место, но вы должны быть к этому подготовлены, а чтобы быть подготовленным, нужно быть здоровым, энергичным и умным. Для этого вам придется много поработать.

Мне сказали, что здесь у вас ребятишки ингушей, а здесь и осетин и других народов. Прежде осетины всегда говорили, что ингуши очень дурной народ, а ингуши говорили, что нет хуже народа, чем осетины. Русские говорили, что осетины и ингуши никуда не годятся, так как они некультурны. Это, товарищи, должно уйти в прошлое. Дети у всех одинаковы: есть среди них и хорошие и дурные, независимо от того, чьи это дети — ингушей или осетин.

Мне бы хотелось, чтобы между вашими детьми было больше дружбы, больше симпатии, чтобы у них были общие игры. Разрешите пожелать кавказской молодежи расти, развиваться и быть хорошими и культурными людьми! *(Аплодисменты.)*

Представитель от детей. — Мы приветствуем вас от имени всего молодого поколения Ингушетии и Осетии. Мы выражаем уверенность, что под вашим руководством мы сумеем вырасти и действительно стать опорой для советской власти.

Калинин. — От маленьких ребятишек Москвы привет детям Ингушетии и Осетии! *(Аплодисменты.)*

Голоса. — И вашим привет!

Калинин. — Я не собираюсь делать сейчас доклад, я приехал, чтобы узнать, как вы живете.

Нет ли у вас каких-либо претензий или заявлений к центральной власти на местную власть, какие у вас тут неурядицы? Желательно было бы, чтобы сначала выступил кто-либо из вас. С одной стороны, может быть, вы укажете на какие-нибудь неправильности и недостатки законов, изданных центральной властью, а с другой — укажете на незакономерные действия местной власти.

Инструктор. — Они говорят, что отдельных недоразумений с местной властью нет, но что в общем в жизни их встречается много тяжелого, и обо всех явлениях своей жизни они хотели бы поговорить с вами.

Датут-Татров. — От имени Осетии представитель ее заявляет следующее: самым больным местом в жизни осетин, которые являются исключительно рабочим классом, является земельный вопрос, и острота земельного вопроса дает себя чувствовать слишком тяжело. Общества, которые раньше работали 5-6 тысяч десятин, теперь имеют две, не больше трех тысяч десятин земли; этой земли недостаточно, вследствие чего они вынуждены снимать землю у казаков и кабардинцев.

В настоящее время они лишены и этой возможности.

Слишком маленькие земельные куски, которые имеются в их распоряжении, они разрабатывают чрезвычайно быстро, а потом им приходится проводить время совершенно праздно. Представитель Осетии просит, чтобы на это больное место было обращено серьезное внимание.

В этом году особенно мало пришлось на долю граждан Осетии, так как тяжелый продналог заставил многих рабочих осетин продать часть своего рабочего инвентаря. В виду этого они просят, чтобы острота земельного вопроса была сглажена в желательной форме. Те маленькие кусочки земли, которые имеются в распоряжении осетин, едва могли бы только удовлетворить их насущные потребности.

Но еще одно зло, которое господствует в нашей среде, — грабежи и воровство, — тормозит наше экономическое развитие, и зло это должно быть устранено в первую же очередь.

Вы являетесь защитником интересов рабочего класса, и те нужды, о которых здесь говорил представитель осетин, собравшихся здесь, должны быть удовлетворены, тогда действительно вы будете на век благословляемы среди рабочего класса осетин.

Зарубек-Дудаев. — Представитель Ингушетии говорит, что в земельном вопросе представитель осетии достаточно ярко изложил нужды горцев. Что касается ингушей, то в земельном отношении они просят отметить тот факт, что те точки земли, которые они получили благодаря советской власти, пошли исключительно на удовлетворение неимущей части горцев, плоскостные же ингуши остро нуждаются в земле.

Особенно остро стоит земельный вопрос на границе с Кабардой, и вопрос этот требует радикального разрешения.

Тяжесть нашего положения особенно усугубляется еще тем, что мы по целым дням работаем в полях кукурузы, и эта продолжительная работа не дает нам даже возможности приобрести ни одного аршина мануфактуры. Из этого вы видите, насколько остра наша нужда, с которой мы без поддержки со стороны власти справиться не можем.

Совершенно верно отметил товарищ представитель от осетин, что большим нашим злом являются грабежи. И мы великолепно знаем, что корнем этого зла является наследие старого режима, который не только ради взяточничества покрывал воров, но для того, чтобы сеять рознь между братскими горскими народностями, он это зло усиленно распространял.

Это зло еще сильно тем, что мы чрезвычайно темны, у нас еще сильны патриархальные обычаи, с которыми мы имеем стремление бороться. Нам необходимы свет и знание. Мы, в массе своей, без основательного толчка, без инициативы со стороны власти бороться с этой темнотой не можем.

Теперь, когда власть стала проявлять инициативу в отношении искоренения грабежей, в которых особенно часто обвиняют нас, ингушей, мы должны сказать, что мы давно боремся с этими порочными элементами, но до последнего момента мы ничего не могли сделать с ними.

Мы просим поддержать нас, довести начатое дело борьбы с преступными элементами до конца.

Кроме того, мы просим обратить внимание на то обстоятель-

ство, что, помимо разрушенного гражданской войной хозяйства, наше бедственное положение заключается в том, что в массе своей мы не имеем сельскохозяйственного инвентаря, и в этом отношении просим притти нам на помощь.

Голос. — Все наши бедствия происходят от нашей темноты, и мы просим в старании нашем подвинуть дело просвещения поддержать нас. Радостная весть о вашем приезде застала нас врасплох, большинство населения пришло с пахоты для того, чтобы осветить перед вами наши нужды.

Но у нас не было достаточно времени, чтобы обдумать все вопросы, и это мы сделаем в письменной форме и будем просить всесторонне помочь нашим нуждам. Только, в частности, Базоркинское общество просит принять их заявление, в котором изложены их нужды.

Мы стремимся к просвещению, стремимся обзавестись сельскохозяйственным инвентарем, и в этом стремлении мы хотим отмежеваться от злостных паразитов и преступных элементов. Мы надеемся, что советская власть, с которой мы сроднились, даст нам удовлетворение в наших нуждах, ибо больше нам помощи ждать не от кого. Горцы знают, что все блага, которыми они пользуются, без поддержки советской власти рухнут. Поэтому все наши мечты, все наши мольбы направлены на то, чтобы советская власть утвердилась не только у нас, но во всем мире. Да здравствует советская власть, да здравствуют вожди революции во всем мире!

Бекбатов-Товут. — Обращаем внимание на особенно тяжелое положение горцев в смысле налогов. Налогами они обложены всесторонне. Приходится платить и за скот, и за дома, и за посевы. Поэтому горцы просят, чтобы на этот счет были какие-нибудь определенные указания: сколько платить и что именно давать.

Гайси-Магомет. — При приеме зернового налога делается вычет по десяти фунтов с пуда, на каком основании это делается?

Кокаев-Максим. — Я являюсь представителем общества селения Хумолаки (верст 25 отсюда). Я занят с 1920 года на советской работе, и поэтому мне достаточно известны кое-какие нужды горцев.

Большая часть волнуется, главным образом, из-за того, что она не может свободно работать. Крайне донимают их преступные элементы, которые не позволяют аккуратно выезжать на

работы, и поэтому горское население не может удовлетворять своих хозяйственных интересов.

Кроме того, грабится и значительный процент торговцев, и поэтому очень часто обращаются с просьбой применять более строгие наказания к этим преступным элементам. Но на эти просьбы очень часто получается ответ от высших органов власти Горской республики, что теперь строгие меры ограничены центром и что расстрелы здесь без ведома центра не могут применяться.

Поэтому наша просьба заключается в том, чтобы нашему Горскому правительству были предоставлены более широкие права, чтобы наказывать воров более строго.

Население Осетии и Ингушетии имеет очень много оружия, которое требует больших расходов; очень часто бывает так, что они не покупают лошади, а покупают браунинг или маузер, что для хозяйственных работ является большим подрывом средств. Поэтому наша просьба заключается в том, чтобы оградить нас от всяких врагов и разбойников.

Во вторую очередь мы просим произвести поголовное разоружение, потому что от этого оружия нечаянно получаются застрелы, так как ингуши и осетины народ очень нервный, горячий, и при малейшем споре сейчас же хватаются за оружие и, как я уже сказал, часто происходят застрелы.

Кроме того, имеется еще одна просьба: мы убедились, что очень часто преступные элементы, попадая на скамью подсудимых, нанимают себе адвокатов, которые хотя и знают их преступления, но все-таки их защищают.

Поэтому просьба наша, горячее желание наше — на время разбирательства суда не допускать для разбойных элементов адвокатов-защитников. Безусловно, народы Осетии и Ингушетии, может быть не все, но большинство, великолепно знают, что советская власть даст им больше возможности развиваться как в отношении образования, так и в отношении хозяйственной жизни. Безусловно, что мы не можем себя вести культурно, при наличности преступных элементов, если они не будут получать должного наказания за свои преступления.

Если кто-нибудь говорит, что спасение только в просвещении, то, я думаю, никто не станет отрицать, что это — вопрос будущего, а в настоящее время лучшим исходом для оказания помощи нашим исстрадавшимся массам является только строгая власть. Поэтому, повторяю, желание и просьба наших масс: пре-

доставить нашему Горскому правительству более широкие права наказывать без ведома центра преступных воров и грабителей. (*Крики*: ура! *Аплодисменты.*)

Ридель (от немецкой колонии). — Товарищи, я имею маленький вопрос, касающийся земли. Мы являемся жителями колонии Михайловское. То, что говорили здесь предыдущие товарищи, совершенно правильно: нас слишком обижают, и мы не можем выполнять своих работ, так как в восемь часов утра мы выезжаем, а в пять часов уже возвращаемся, так как на нас нападают, нас грабят. Мы, немцы, трудовой культурный народ, мы вреда никогда никому не делали, мы живем своим мирным трудом, всегда идем навстречу советской власти, выполняем все приказания, несем все налоги и проч. Мы просим только не обижать нас, но нам не дают работать.

Мы здесь среди вас, туземцев, чужие, но, я повторяю, мы несем все тяготы, как и вы.

Правда, нам немножко трудно: в нынешнем году мы посеяли кукурузу, а продналог с нас взяли пшеницей. Если бы у нас было достаточно земли, мы бы не возражали против этого, но земли у нас мало, и поэтому нам очень трудно. Мы покорно просим товарища Калинина войти в наше положение и, если можно, как-нибудь помочь нам. Да здравствует наша революционная советская власть!

Чехкиев-Эстамир (старик 105 лет, Базорского аула), посылая по адресу порочных элементов все проклятия, говорит, что эта болезнь преступности посеяна между горцами старым режимом. Он полагает, что все труженики горцы согласились бы на то, чтобы каждая семья лишилась по одному человеку одного семейства, лишь бы пережить, лишь бы искоренить это зло, — отмежеваться от воров и грабителей. Посылая еще раз проклятие ворам и грабителям, он клянется, что горцы всеми силами будут поддерживать советскую власть, чтобы закончить ту борьбу, которая ведется сейчас с преступными элементами. (*Аплодисменты*, ура.)

Семируков (беженец Симбирской губ.). — Мы, беженцы голодающих губерний, кормимся на Кавказе своим трудом. Мы просим тов. Калинина, чтобы нам был разрешен бесплатный проезд на родину, потому что мы не можем заработать себе на проезд.

Кроме того, среди нас есть много женщин безмужних, беззащитных, у которых нет средств, чтобы даже заплатить полта-

рифа, как это постановлено центральной тарифной комиссией. Мы просим еще раз предоставить нам бесплатно проезд на родину, так как нам невозможно среди крестьян Горской республики жить так, как мы привыкли; среди нас есть мастеровые, но есть и чернорабочие, которые могут заработать не более 10 000, и на эту сумму нельзя купить и аршина ситца. Мы убедительно просим дать нам возможность вернуться в родные места и заняться там своим делом.

Калинин. — Товарищи, насколько мне удалось заметить из слов всех здесь говоривших, больным вопросом на Кавказе является малоземелье, и люди, когда разыскивают землю, видят только ту землю, которая находится в самом близком от них расстоянии.

Здесь, как я слышал от вашей власти и от ваших крестьян осетин и ингушей, и от целого ряда других народностей, все претендуют на земли Кабарды, а когда я пытался спрашивать: сколько же там имеется всего земли, они говорят — может быть, найдется десятин около 5 тысяч, то есть, немного, — 5 тысяч десятин это, примерно, одно большое имение у нас в Советской республике. Значит, от целой республики можно отрезать всего 50 тыс. десятин, и это — по заявлению соседей Кабардинской области. А если мы спросим их самих, то, по всей вероятности, они эту цифру уменьшат.

Поэтому я думаю, что здесь, на Кавказе, земельный вопрос не упирается, да и не может упираться только в одну Кабарду. Здесь надо вопрос поставить таким образом: земли на Кавказе мало; если бы даже мы выселили отсюда, — из части Кабардинской области, — выселили и русские, и немецкие селения и отдали их землю горцам, то это еще не будет разрешение вопроса. Это есть решение вопроса только на 10 лет, а через десять лет опять будет голод в земле.

Значит, главная задача, которая стоит и перед местными властями, и перед самими крестьянами, точно так же, как и перед центральной властью, это найти способы, чтобы на сравнительно маленьком количестве земли могло существовать много народу.

Надо сказать, что Советская республика населена крайне различно. В Московской губернии, например, на квадратную единицу падает населения, предположим, человек 100, и никто там не голодает; если взять Самарскую губернию, то там на такую же площадь падает всего 30 человек, и там иногда бывают го-

лодовки, даже при хорошей земле; в Сибири есть места, где на квадратной единице поселено только 3 — 10 человек, и они все-таки живут очень бедно. Вы видите, что нужно несколько иначе поставить вопрос: нужно изменить культуру и поднять степень обработки.

Если все-таки земли оказывается слишком мало, то, независимо от того, хочет или не хочет крестьянин, ему придется переходить к производству. Сейчас на полдесятины здесь приходится, вы говорите, много человек, а через каких-нибудь 10 лет на них будет приходиться не ½ десятины, а какая-нибудь ¼ десятины, потому что ведь население растет, а земля здесь ограничена горами, и свободных степей близко нет. Куда же деваться лишнему населению?

Единственный способ — это переходить к производству, чтобы крестьянские сыны, у которых мало земли, шли бы в кузнецы, в столяры, в ткачи, поступали бы на железные дороги, и чтобы самое производство здесь внутри развивалось. Если кукуруза дает мало, то, значит, нужно разводить более дорогие культуры, например, табак.

Прежде здесь население каким путем развивалось? При старом царском правительстве оно просто вымирало. Мелкие народности, — исключая небольших интеллигентских слоев, в виде князей, графов и так далее, и интеллигентов, выходивших из богачей, которые служили в России, — вымирали.

Теперь нужно, чтобы горские народы, которые не привыкли искать себе работу за пределами своих гор, могли рассеяться по всей федерации, подобно тому как часть населения нашей Московской губ. посылает из деревень каждый год 10 - 15 тысяч человек, которые уходят из деревень и остаются постоянно жить в Москве. Так придется жить и горским племенам, придется им ехать в города, занять там те или иные должности, изучать ту или иную профессию. В прежнее царское время крестьянину было очень трудно пробиться, теперь же советская власть открыла в этом отношении более широкие пути, поэтому прав был тот из ваших товарищей, который сказал, что вам особенно нужна культура.

Я должен вам сказать, что при всем моем желании я не мог жить в своей деревне, так как у меня слишком мало земли, всего 2½ десятины, а там у нас трехпольная система. Значит, я должен свою землю унавозить, должен иметь двух коров, трех лошадей, должен ее три раза вспахать, прежде чем засеять.

Вследствие этого я должен был пойти на фабрику, а жена моя до самой революции работала в деревне в своем доме, а я из города поддерживал этот дом.

Вот, по существу, как живет наш русский крестьянин при малоземелье. У нас в деревне сравнительно много населения, и это население летом уходит в город, за целые десятки верст. Уходят плотниками, печниками, столярами, судовщиками и так далее. В городе они работают пять-шесть месяцев, а затем возвращаются на зиму домой. Вот как живут люди при земельной тесноте.

Кавказ является немножко похожим на Московскую губернию. Сначала, может быть, это вам покажется смешным, что Кавказ похож на Московскую губернию, но, по существу, это именно так. Нельзя сказать, что Кавказ похож на Самарскую губернию, где крестьянин владеет четырьмя и больше десятинами на душу и, следовательно, при большой семье может иметь 15-20 и больше десятин и может жить без отхожих промыслов. Наши же центральные губернии, где земли мало, идут в отхожие промысла, и вы, наверное, встречали наших москвичей и на Кавказе, где они служат либо в милиции, либо в советских органах на самых разнообразных должностях, работая по самым разнообразным профессиям.

Горским жителям, привыкшим жить только в горах, теперь приходится быть гражданами большой республики, и если они не могут найти себе работу здесь, то им надо уметь применять свои силы в других местах Советской республики.

Даже если допустить мысль, что после больших скандалов мы вам отрежем в Кабарде 10 тысяч десятин, а такие скандалы неизбежны, так как наверное кабардинцы с винтовками в руках будут защищать свою землю (здесь находится командующий войсками Северо-Кавказского округа, который может вам подтвердить, что он может заставить кабардинцев отдать вам эти 10 тысяч дес.), — повторяю, если даже допустить мысль, что вы эти 10 тысяч десятин получите, будет ли это коренным решением вопроса?

Совершенно ясно, что ваши старики с Кавказских гор никуда не пойдут, но ваша молодежь должна серьезно об этом подумать, и бояться выезда с Кавказа нечего. Нужно стремиться всеми силами и способами выбраться из этих тесных мест.

Вы заметили, что, когда здесь были ребятишки, им было тесно, они задыхались и через три, четыре часа они совершенно бы изнемогли и упали в обморок. Когда население стеснено, тут-

то и развиваются грабежи, недружелюбное отношение друг к другу, ибо каждый думает, что его сосед как раз занял его клочок земли. Поэтому, повторяю, что перед кавказской молодежью стоит вопрос — приложить свои силы и знания в других частях Советской федерации.

Почему наш москвич, наш ярославец едет в Тифлис, в Баку и там работает, почему ваши молодцы не могут отправиться в Тверскую губернию на работу? Вам, пожалуй, это покажется странным, и вы спросите: зачем это нужно, чтобы ваши шли к нам, а наши отправлялись так далеко к вам? Но у нас есть пословица, которая говорит, что не бывает пророка в своем отечестве.

И вот, ваши горцы, побывав у нас, могут научиться разным ремеслам, вообще подковаться знаниями; теперь образование будет стоить гораздо дешевле. Советская власть в этом отношении делает все от нее зависящее. И коренной вопрос здесь, как перед властью, так и перед крестьянами Ингушетии и Осетии — суметь поднять так культуру, чтобы уметь находить себе место под солнцем не только в своей стране.

Сельское хозяйство вообще в настоящее время переживает кризис не только у нас на Кавказе, но буквально во всем мире. В течение последних шести лет чрезвычайно повышались цены на хлебные продукты по сравнению с другими продуктами; с 1921 года идет значительное понижение этих цен — и не только у нас, но и по всей Европе. Я бы мог представить вам документальные данные, свидетельствующие о том, какой огромный кризис переживает и Америка в сельском хозяйстве в виду того, что там рабочая сила чрезвычайно дорога, а цены на хлеб понизились.

Теперь мы все больше и больше налаживаем наш вывоз хлеба за границу. Нами уже продано 25 миллионов пуд. хлеба, туда идет, главным образом, рожь, пшеница, табак и, наконец, жмыхи; теперь, после соглашения с областными органами, мы думаем наладить и продажу кукурузы, но все-таки надо сказать, что кукуруза — это сравнительно более дешевый продукт, и поэтому необходимо переходить на более ценные культуры.

Здесь у вас есть немецкие станицы. Вообще, немецкие колонии у нас рассыпаны по многим местам: и в Крыму, и на Кавказе, и по Волге, и вот ставился вопрос о том, что для вас более выгодно: выселить эти немецкие поселки или оставить их? И я прямо скажу, что если мы выселим немецкую колонию, если раньше в этом округе жило 10 000 населения, то

после их выселения спустя несколько лет там будет жить всего 5 тысяч, потому что падет культура и десятина даст уже меньшее количество продуктов, чем при хорошей обработке, какая наблюдается в немецких колониях.

В виду того, что в Германии в настоящее время чрезвычайно тяжелое положение, часть немецких крестьян в нынешнем году предложила переселиться в Советскую республику, и мы даже находили полезным, если бы этих немецких крестьян поселили у нас в Московской губ., чтобы их хозяйства служили образцовыми, показательными для московских крестьян. Поэтому с моей точки зрения эти отдельные колонии должны быть оставлены во что бы то ни стало, и вокруг них и около них должны обучаться все остальные.

Здесь один из товарищей совершенно правильно поставил вопрос о том, что вам нужен сельскохозяйственный инвентарь. Горские жители, помимо того, что они темны, неграмотны, они не привыкли к плоскостной обработке земли, у них нет материальных средств. Я нисколько не сомневаюсь, что из окружающей молодежи большинство, если бы дать достаточное количество материальных средств, быстро бы научилось работать.

Центральная советсая власть ассигновала 20 миллионов рублей на поддержку и развитие сельского хозяйства, и, насколько я помню, 2 миллиона рублей отдано в распоряжение здешнего краевого комитета на поддержку сельского хозяйства. Если вы сумеете развернуть культурную работу, то вы можете получить ссуду. Но такого рода ссуды даются только тем, кто умеет развернуть дело, потому что денег у нас очень мало. Представьте, что мы кому-нибудь эти деньги дадим, а они их проедят и ничего не создадут, государство никакой прибыли не получит. Поэтому вопрос о материальных средствах должен связываться с целесообразным их назначением.

Один из товарищей говорил здесь о тяжести налогов. Налог тесно связан с вопросом, который я хотел только что объяснить. К Северному Кавказу мы применили самый смягчающий способ взимания налогов: все сборы, которые собираются здесь с населения, идут только на местные нужды, в то время как в Московской губ. только 20% остается на местные нужды (содержание школ, милиции и так далее), остальные 80% идут на нужды государственные. Кавказская республика все свои сборы употребляет на местные кавказские нужды, и на большую льготу правительство итти не может.

Помимо этого, правительство дает ей еще некоторую помощь в виде дотации. Я напомню вам, что наш бюджет пока что в три раза меньше, чем бюджет старого царского правительства. Советская власть прекрасно понимает необходимость помощи беднейшим народам, но все-таки по скудности своих средств она основательно помочь не может. И то, что она дает, — это максимум, который она может дать.

А расходы у советского правительства колоссальны: третья часть всех наших доходов, собираемых со всех республик, идет только на поддержание железных дорог, четверть всех доходов идет на содержание Красной армии. Значит, половина, или даже немного больше, всех доходов идет только на железные дороги и на Красную армию. Об уменьшении расходов на содержание Красной армии не может быть и речи, ибо мы расходуем на Красную армию только одну третью часть того, что расходовало царское правительство, а опасности у нас не меньше, чем было у царского правительства.

Все враги со скрежетом зубовным хотят задушить советскую власть. Горские князья, русские графы и лица из царского дома обивают пороги всех правительств Запада, подбивая их на войну с советской властью, — и только опасность, что они могут быть биты, заставляет их не нападать на нас. В этом отношении главную роль играет наша Красная армия. И уменьшить расход на содержание Красной армии ни в коем случае нельзя.

Что касается железных дорог, то они всегда были убыточны. Если мы за 20 лет подсчитаем доходы железных дорог и посмотрим, сколько за 20 лет правительство израсходовало на железные дороги, то вы увидите, что правительство несло колоссальные убытки. Железные дороги работают сейчас на третью часть: за этот период времени железные дороги были невероятным образом разрушены.

Лучшим примером может служить то, сколько вы сами здесь разбили станций железных дорог, паровозов и вагонов. Теперь все это надо восстанавливать, на это нужны колоссальные средства. Поэтому вы должны понять, что при всем желании поддержать кавказский народ мы основательно поддерживать его не можем, мы поддерживаем его по мере сил и возможности.

В настоящее время от кавказского народа никакой материальной пользы мы не получаем и, поддерживая их, мы знаем, что взять с них нечего: надо им разбогатеть, и тогда только можно будет с них что-нибудь получить.

Здесь приходится применять особую энергию: республики должны сами проявить себя. И мы знаем, что, например, Дагестанская республика создает новые предприятия, новые заводы, стремится использовать всякие источники и т. д., и тов. Ворошилов, который лучше знаком с местным строительством, чем я, он тоже подтверждает, что Дагестанская республика понемножку выкарабкивается и через несколько лет будет давать доход. У вас в этом отношении дело обстоит слабее.

Основной вопрос, стоящий перед вами: — каким образом твердо стать на ноги, не разбогатеть, конечно, а хотя бы сносно жить, и какой должен быть сделан в этом отношении первый шаг? И вот, — первый шаг, который должен быть сделан кавказским народом, это, прежде всего, уничтожить грабежи, так как при грабежах какие бы средства ни давались, сколько бы энергии ни вкладывалось в работу, все равно положительных результатов не получится, ибо первым правилом успеха является уверенность каждого трудящегося человека в том, что он воспользуется плодами своего труда. Если же у него этой уверенности нет, то, будь он простой неграмотный крестьянин или окончивший высшее образование, без этой уверенности никто работать не будет. Значит, грабежи являются громаднейшим тормозом, и против грабежей нужно открыть беспощадную борьбу.

Правительство само по себе, если бы оно не встретило в этом отношении полного сочувствия со стороны самих крестьян, бороться не могло бы. Как правительство будет искать вора, когда этого вора поймать трудно, а каждая деревня знает вора, даже если он и не попался?

Здесь есть одна записка, в которой говорится, что оружие — святое дело и его отнимать нельзя. Это, товарищи, было сто лет тому назад, когда оружие защищало человека от нападения врагов. Это было, когда осетины не могли без оружия выйти на площадь, потому что их могли убить ингуши, — и обратно, ингуши не ходили без оружия потому, что их убивали осетины. Тогда была постоянная борьба, в то время каждый народ считал оружие святым.

Но в наше время, когда советская власть содержит большую армию, мы прямо говорим, что хотя мы и содержим армию, мы ее любим, мы расходуем на нее большие средства, мы посылаем туда наших лучших товарищей (в армию, например, мы послали нашего лучшего товарища Ворошилова, который в мирное время работал на заводе, а мы вынуждены были поставить

его командующим военным округом), мы вынуждены содержать многомиллионную армию, но это вовсе не значит, что мы являемся защитниками армии. Наоборот, как только будет малейшая возможность, мы ее уничтожим, и оружие, как оружие, мы должны всегда уничтожать, если мы не будем чувствовать нападение противника, и к этому должны стремиться все народы. Оружие — только наш защитник от внешнего нападения, и внутри нас мы должны решать не по оружию, а по закону, а закон этот должен быть выработан всеми народами. Калинин сюда приехал, потому что он хочет, чтобы, будучи председателем ВЦИК, он был бы представителем не только московских крестьян (это дешево стоит), он должен уметь быть и представителем кавказских крестьян. Он должен быть беспристрастным судьей, когда идет спор между кавказским и московским крестьянином. Он должен так беспристрастно решить дело, что если будет обвинен кавказский крестьянин, чтобы последний мог сказать: да, суд поступил в отношении меня правильно.

Оружием нашим должен быть общий закон, поэтому, разумеется, оружие не есть талисман законности, оружие есть только грубая сила, но вы, ведь, знаете, что грубая сила стоит за Москвой. Если бы мы применили эту грубую силу, то это была бы не республика народов, а это была бы старая царская империя, которая угнетала.

Повторяю, вопрос решается не оружием, а законом. Оружие, как предмет защиты себя от нападения со стороны другого человека, внутри нас должно быть уничтожено. Крестьянину не за чем в совершенстве владеть оружием. Нам полезно, конечно, чтобы крестьянин умел управляться с оружием, ибо, когда он поступит в Красную армию, нам будет легче учить его, и человек, привыкший с малых лет владеть оружием, будет прекрасным солдатом. Но надо знать, для чего человеку это оружие. Оружие для внутреннего употребления должно быть изъято, причем изъято оно должно быть не правительством, так как, если правительство это сделает, вы скажете, что это — московское насилие. Совершенно не к чему крестьянину-горцу иметь пять винтовок; он может ходить и с одной винтовкой, когда он знает, что эта винтовка служит не для нападения на других.

Поэтому, следующим вопросом после земельной тесноты является вопрос об уничтожении грабежей, насилия и применения оружия.

Вам надо приучаться разрешать свои споры не оружием (а

споры эти, конечно, всегда будут), — оружием вы их не утихомирите; вы должны решать их законом. Пусть этот закон даже будет несправедливым, ибо когда судятся два человека, то всегда одному кажется, что суд к нему отнесся несправедливо: но лучше помириться с несправедливостью закона, чем применять оружие, так как оно не только не утихомирит спорящих, а, наоборот, сделает их злейшими врагами.

Несколько десятков лет тому назад вы не могли вместе сидеть, а сейчас вот ваши ребятишки уже вместе играют.

Да почему, собственно, им вместе не гулять? Ведь солнце общее. Почему ингуш не может, полюбив осетинку, жениться на ней? Наоборот, если он женится, дети будут только лучше. Зачем нам враждовать внутри себя? Ведь врагов у Советской республики достаточно и вне ее: капиталисты всего мира обрушиваются на советскую власть, точно так же, как русские капиталисты и белогвардейцы.

Поэтому, нам позволять себе роскошь резаться внутри между собою, быть во вражде друг с другом ни в коем случае нельзя. Это опасно не только потому, что каждая вражда несет убытки и хозяйственное расстройство, но это опасно и перед целостью и перед независимостью самой Советской республики.

Задача Советской республики в том, чтобы во что бы то ни стало сплотить в единую, нераздельную, тесную братскую семью все трудовые народы, населяющие Советскую федерацию.

Мы все народ простой; если здесь я вижу неграмотного крестьянина, то, ведь, мы сами, московская власть, в настоящее время неграмотные невежды, и весь капиталистический мир рассматривает нас как некультурных невежд.

И в самом деле, Ллойд-Джордж, Бонар-Лоу, министры Англии и графы, которые много поколений имеют графское и княжеское достоинства, как они могут относиться к нам, как они могут смотреть на нас, как не на грубый, невежественный народ, захвативший власть.

И вот мы, простой народ, рабочие и крестьяне, должны показать всему миру, наперекор всей буржуазной своре, что Советская федерация сумеет наладить общий братский союз, и в этом общем братском союзе найдется место не только для великих народов, но и для всякого маленького народа; каждый из них будет иметь свое место под прекрасным солнцем. Да здравствует полный союз народов, населяющих Советские республики. Ура! Ура! (*Аплодисменты. Интернационал*).

Шашин (представительница от женотдела). — Главное зло, из-за которого происходит среди горцев воровство, грабежи и т. д., — основой всего этого является калым, который губит все. Калым это — главное зло, которое необходимо искоренить. Благодаря злому калыму молодежь, которая не в состоянии жениться, идет воровать, совершает разбои и какие угодно преступления.

Недавно был такой случай, что за похищение девицы одному молодцу пришлось заплатить 18 лошадей и 13 коров.

Вот каков обычай у горцев. Как представительница женотдела обращаюсь ко всем присутствующим с просьбой обратить на калым сугубое внимание. (*Аплодисменты*, ура).

Мансуров. — Товарищи, сейчас будет говорить командующий войсками Северного Кавказского военного округа тов. Ворошилов, бывший рабочий Луганских мастерских, который с самого начала революции во все время борьбы на всех фронтах одерживал блестящие победы. Тов. Ворошилов является одним из любимых вождей Красной армии.

Ворошилов. — Товарищи, я не мог не воспользоваться случаем, чтобы не поделиться с вами своими мыслями и переживаниями в отношении того бича, который сильно бьет здесь всех мирных хлеборобов на Северном Кавказе.

Я, по должности командующего Северным Кавказским военным округом, нахожусь между двумя огнями: с одной стороны мне приказывают бороться из центра, когда в центр поступают жалобы на грабежи и насилия, когда об этих грабежах и насилиях говорят и пишут не только в советской печати, но и в заграничной и белогвардейской прессе, изображающей дело так, что советская власть не может наладить мирного труда, что советская власть — это не власть, а сбор людей, которого никто не слушает, которому население не подчиняется, из-за которой мирные жители страдают от грабежей и насилия. Когда обо всем этом пишут и говорят, мне, как лицу, у которого здесь имеется очень много и много вооруженных сил, мне приказывают, чтобы я принял необходимые меры охраны мирных жителей.

С другой стороны, мне из той же Москвы, да и здешние руководители (тов. Мансуров и другие товарищи) говорят, что мы должны быть сугубо осторожны.

Тов. Калинин здесь говорил, что мы, власть рабочих и крестьян, сами собой управляем, что власть рабочих и крестьян не может не считаться с тем, что рабочих нужно поддержать,

нужно оградить их спокойную жизнь, в особенности здесь, на Кавказе. Да будет это известно всем вам, доведите об этом до сведения всех грабителей, всех разбойников, что у советской власти очень много сил для того, чтобы с корнем вырвать это подлое зло, которое здесь коренится.

Почему мы не делаем этого до сих пор? Почему мы этой силы не применяли? Весь мир в настоящее время знает силу Красной армии, весь мир знает, на что способна наша Красная армия, а здесь, на Северном Кавказе, в моем распоряжении находится целая конная армия тов. Буденного, которой боится вся Западная Европа.

Неужели мы не сможем справиться с этой кучкой разбойников?

Мы не делали этого потому, что мы не желали, чтобы маленькие народы, населяющие Кавказ, которые в продолжение веков угнетались царским правительством, которые много столетий были в рабстве, мы не желали, чтобы они хотя б на одну минуту подумали, что русские войска хотят и теперь резать горцев, как раньше их резал царь со своими казаками. Поэтому мы так долго терпели и ждали, что вы сами в конце концов поймете и собственными руками, вашим оружием задушите этих подлых грабителей.

Если вы до этого не додумаетесь, то мы вынуждены будем приехать и сказать вам: мы думали в течение несколько лет, что вы собственной силой задушите насильников и грабителей, теперь мы видим, что вы бессильны. Поэтому не обижайтесь, когда мы будем оцеплять ваши аулы и палить из пушек, и когда в ваши мирные хижины может залететь снаряд и разрушить эти жилища.

Я думаю, что ваша местная власть, Горской автономной республики, не остановится на полпути в деле разоружения преступных элементов, а мы, если нужно будет, всегда можем дать вам вооруженную силу, и никто из вас не сможет сказать, что он, живя под советским небом, не мог найти управы на грабителей.

Это было до тех пор, пока вы сами хотели терпеть этих грабителей, пока вы боялись и думали, что один разбойник может наводить ужас на весь аул. Я, как командующий войсками Северного Кавказа, должен сказать вам, что никогда не остановлюсь перед тем, чтобы сделать все возможное для защиты мирных тружеников, чтобы эти мирные труженики на своих клочках земли имели возможность пропитать себя, пропитать свой скот и развивать свою культуру.

Теперь я хочу сказать несколько слов по другому вопросу. Жизнь ваша в стесненных условиях, при отсутствии земли, страшно трудная, но если вы объединитесь вместе с нами и нашими вооруженными силами, которые, повторяю, будут вам только помогать и содействовать, но не пойдут самостоятельно искоренять и ликвидировать бандитизм, тогда жизнь ваша будет облегчена. Но пока вы не объединитесь в дружную семью, пока вы культурно не станете выше на целую голову, до тех пор, конечно, трудно будет изжить те затруднения, в которых вы в данное время находитесь.

Я сейчас, во время речи тов. Калинина, говорил с одним землемером-немцем, который рассказывал, что у них очень маленькие клочки земли, и все-таки он в течение года собирает с этой земли три культуры: сначала редиску, потом картофель и, наконец, табак или капусту. Я не сомневаюсь в том, что ни ингуши, ни осетины этого не делают, а это является доказателем того, как можно на маленьком клочке извлекать гораздо больше того, что извлекаете вы.

Мне пришлось быть заграницей, очень давно, лет 18—20 назад, и я наблюдал, как датские землеробы, у которых земли еще меньше, чем у вас, собирали со своей десятины по 150 пуд.

Наша земля лучше, но мы некультурны. Вы вот надели на себя кинжалы, взяли винтовку и поехали, а вернулись домой, там есть нечего. Надо стать более культурным, надо развиваться, а прежде всего нужно уничтожить и покончить с калымом, который абсолютно никакой пользы не приносит, наоборот, служит побудителем для грабежа. Нужно заняться тем, чтобы у вас было больше школ, чтобы ваше молодое поколение росло более культурным, и тогда, я уверен, вы найдете землю. Земля под нами, но мы не умеем заставить ее рожать больше. Конечно, чтобы это сделать, нужно, повторяю, культурно подняться. Я думаю, что, уничтожив эти препятствия, которые стоят на вашем пути, вы достигнете наилучших результатов.

Теперь я пожелаю вам успеха в начатой борьбе со всеми препятствиями, которые окружают вас, и в борьбе с темнотой, желаю вам братского союза всех горских людей, которые живут бок-о-бок и которые, к сожалению, не чувствуют, что они братья, и что у всех у них должна быть только одна задача: победить мертвую природу, которая здесь так скудна и которая требует к себе затраты больших сил, большого внимания и

труда. Да здравствует освобожденный от невежества великий горский народ! Ура! (*Интернационал*).

Представитель населения. — Ваш приезд принес нам большую радость. Вы дали нам почувствовать, что центральная российская власть относится внимательно к горцам, и мы не сомневаемся, что наши острые нужды будут удовлетворены этой властью, которая не откажется протянуть нам свою руку помощи.

В ознаменование сегодняшнего дня, горцы набросают на этом месте, где выступал тов. Калинин, большой холм и назовут этот холм его именем.

От лица всех горцев передайте самые лучшие пожелания выздоровления и успеха в работе главному вождю центральной российской власти, тов. Ленину. И вам позвольте передать пожелания успеха в вашей работе, которая принесет пользу и нам, горцам. Ура! (*Интернационал.*)

К. Цеткин и М. Калинин в 1926 г.

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ КУЛИКОВСКОЙ ВОЛОСТИ, МОРШАНСКОГО УЕЗДА ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ.

8 сентября 1919 г.

(Население волости 40 000; волость находится в 17 верстах от гор. Моршанска.)

(На сходке присутствует около 1 000 человек.)

Сходку открывает председатель уисполкома тов. Рыдкин.

Тов. Калинин предлагает крестьянам рассказать, что у них делается в деревне, какие есть недочеты или непорядки, высказать, что накипело у них на душе.

Крестьянин. — Сейчас все хлебец требуют, а нормы согнали на 5 — 6 десятин, не так было бы обидно, если бы знать, что нет земли, а то вон в Горской волости 3 000 дес. не пахано.

Калинин. — Почему не пахано? Здесь председатель Горской волости?

Председатель Горской волости. (Выходит из толпы, снимает шапку, раскланивается.) — Разрешите доложить, что земля не запахана потому, что нам ее не дали во-время.

Калинин. — Как это можно сказать не во-время? Вы два раза пашете?

Конюшихин. — Нет, тов. Калинин, мы три раза пашем: первый раз до Троицы, а потом после Троицы.

Голоса. — По первому разу 10 июня, а там около казанской.

Председатель Горской вол. — Нам дали телеграмму уже в то время, когда мы просо убирали.

Серебров. — Нам нужно заявить, что с нас все требуют, а нам ничего не представили. Гвоздей за весь год ни одного фунта не представили. А за фунт соли надо 8 фун. хлеба отдавать.

Голоса. — А керосину тоже совсем нет.

Брыков. — А соль давали только, когда уже острая нужда прошла, — раньше было и огурчики засолить, — да все равно и теперь-то дали по фунту на едока, что с ней будешь делать? Хлеб отдаешь по 44 руб. за фунт, а соли совсем не на что купить.

Тучин. — Товарищ Калинин приехал слушать наше мнение и настроение, и вот мы и откроем, что хлеб у нас берется по твердым ценам, а мы сами по твердым ценам ничего не получаем, так что мы прямо из сил выбиваемся. Есть, например, у нас райобмен и что же мы — пропорционально из него получаем? В прошлом году отдали хлеб по 14 руб. 50 коп., а что получили мы? Надо и деготь, и железо, и все это бог знает где. Про крестьян говорят: спекулянты, кулачье. А не будешь спекулянничать — ничего не получится. Мы не отказываемся помочь хлебом, но мы также хотим, чтобы крестьянину давалось все нужное ему в первую очередь. Советская власть должна знать, что крестьянину нужны орудия для обработки, нужен деготь, керосин.

Конюшихин. — У нас с землей все так расстроено. Один пашет за несколько десятков верст, а деревни дальние — пашут у нас.

Калинин. — Значит, вы неправильно разделили земли.

Крестьянин.— Все низы пропадут даром, у нас в большинстве случаев земля распределена странно, от нас дали Серпуховской волости, а наши, ракшинские, ездят за 80 верст, а земелчинские ездят еще дальше.

Калинин. — Кто у вас землю делил?

Крестьяне. — Уездный земельный комитет.

Крестьянин. — Это все так получилось потому, что крестьяне послали таких на съезд, которые никогда земли не нюхали.

Калинин. — Я предложу собрать съезд, и вы решите, как делить землю, — по душам, едокам или по рабочей силе. Этот вопрос решить зависит от вас. А когда это решите, то вы вынесете решение, чтобы землю брать непременно ближайшую.

Председатель уисполкома. — Эта путаница получилась потому, что когда хотели делить землю, то не было тогда еще того, что называется правильным государственным землеустройством, потому что закон вышел позже, а на земельном съезде приехавшие крестьяне не были подготовлены к разрешению этого вопроса, потому и получилась такая ошибка. И теперь мы созовем уезд-

ный земельный съезд из заведующих волостными и уездными земотделами.

Крестьянин. — В 1918 году я был представителем от волости на съезде. Нам на съезде сказали, что земля делится временно на один год, чтобы мы не смущались, что они потребуют планы, все перепишут — и тогда сделают. И вот до сих пор никаких ни планов, ни улучшений нет. Мне кажется, что надо каждую волость запросить отдельно, как она думает насчет передела земли. А потом этот вопрос уже решить окончательно.

Калинин. — Это правильно, можно спросить мнение у каждой волости в отдельности, а потом, чтобы каждая волость указала те земли, которые ей наиболее удобны.

Крестьянин. — У нас был огород бывш. Евгина. Он кормил 7 сел, а сейчас там ничего нет. Посеяли огурцы и другие овощи и ничего не пололи, и все пропало. И так уже второй год.

Чеклинков. — В прошлом году, когда было собрание уездного земельного съезда, то там решили положить по десять сажен на едока, — в Рокшинской и Куликовской волостях так же, как и в других. Но они не приняли во внимание, что Рокшинская и Куликовская занимаются исключительно земледелием. А возьмите другие волости, — Серпуховскую, например, — так там занимаются кустарной работой, делают, телеги, колеса, продают их по очень высокой цене или обменивают на хлеб. И они землю свою не пашут, а когда Рокшинская волость засеяла было часть их земли, так они пришли и убрали сами. А когда наши крестьяне говорят, чтобы они отдали землю, то они говорят, что мы сами будем делать. Так что на уездном земельном съезде надо сделать перерешение насчет земли и выслать агронома.

Калинин. — Я думаю, что просто кто два года земли не обрабатывал, у того взять и дать тому, кто обрабатывает.

Крестьянин. — По норме полагается по 8 пуд. 31 фун. на каждого человека, но надо заметить, что у нас десятина идет на три человека, и выходит, что из 8 пуд. надо на семена 3 пуда, остается 5 пуд., а всего по пробному умолоту оказалось 26 пуд. 12 фун. И вот крестьяне очень просят избавить их от батмана — уж очень это обидно для них, они лучше согласятся отдавать деньгами.

Калинин. — По сколько у вас земли?

*

Крестьянин. — По десять десятин. У нас, тов. Калинин, не остается положенной нормы хлеба. Десятина идет на три едока, каждая десятина дает 26 пудов. На каждого едока получается по 8 пуд. и из этих 8 пуд. на семена и на обмен.

Крестьянин. — При пробном помоле, тов. Калинин, присутствовали представители власти.

Калинин. — Ну, это вы мне не морочьте голову, знаю я, как эти представители власти присутствуют при обмоле. Он будет у меня за полы держаться, а я ему и половину не покажу.

Голоса. — Ну это не так...

Крестьянин. — Уж очень много, тов. Калинин, батману. Ведь $6^1/_2$ фун. на пуд. Из ста пудов 15 идет на размол.

Голос. — У мельника теперь все карманы будут набиты. Если бы над ним контроль ставить!

Голос. — Но если и держать человека на мельнице, то мельник все равно батман в свою пользу получит. А тому, кто стережет, обществу пришлось бы платить.

Калинин. — И воровать стали бы вдвоем.

Крестьянин. — Нет, я скажу, что если у меня мозолистая рука, то кто мне скажет, что я нечестный человек? Как вы так можете говорить?

Голос. — Вот мы и желаем платить деньгами, чтобы у нас воровства не было.

Крестьянин. — Желательно знать, какая норма будет на этот год?

Калинин. — Пока прошлогодняя.

Теперь я вам отвечу, что относительно мельничного помола я ничего снять не могу. В этом виноваты вы сами. Если бы отдавали все излишки сразу, то на мельнице не стали бы брать.

Теперь это общее правило для всех, даже в Московской губ. Если хлеб купят зерном и повезут на мельницу, то все равно с них возьмут эти четыре фунта. И там везут уже купленный хлеб, и все равно берем, а вы тут кричите, что у вас много взяли. Вот вы кричите что нет соли, а я скажу, что ее и в ближайшем будущем не будет, что же поэтому — мы должны брать хлеб или нет? Конечно, должны.

Крестьяне. — Почему должны?

Калинин. — Потому что вы теперь, хотя плохой, но фунт соли получаете, а если мы не возьмем у вас хлеба, то вы и этого фунта не получите, потому что для того, чтобы получить соль,

надо накормить того, кто добывает, надо накормить и железнодорожников, которые ее везут. Если вы хотите знать, у нас соли должны были привезти 30 000 000 пуд., а привезли только 13 000 000. Почему? Потому, что продовольствия не хватило.

Вот вы кричите, что вам не хватало, — вы по $1^1/_2$ фунта на человека ели, — а в северных губерниях на овсе жили и не стонали и не кричали, ни одного восстания не было, а голодала публика гораздо больше вашего. Питер, Москва все юбки свезли на юг; если рабочий фунт соли получит, то, смотришь, он уже едет с ней в Саратовскую и Тамбовскую губернии, чтобы променять, и едет на крыше вагона. Вот как люди живут, а вы здесь все стонете, что плохо живется, совсем, мол, гибнем.

Какую бы работу ни начать, перво-наперво надо человека накормить. Конечно в общем у нас не ахти как хорошо живется. Вот взяли Урал, теперь есть надежда, что будет хорошо. Соль будет, как Царицын возьмем. Вот вы кричите сейчас, дай вам соли, а если сейчас соль отдать, так потом с вас хлеба не получишь. Вы вот все кричите, что бедняки, бедняки, а керенок у всех сколько угодно. За это время крестьянин — кто, конечно, имеет хозяйство — прямо разбогател. Я по себе знаю. Я из года в год доплачивал по своему хозяйству, а теперь, в нынешний год мать-старуха в Тверской губ. оправдалась. А вы мне очки втираете, что вам плохо и что власть у вас при помоле была. Нет, товарищи, если мы хотим построить государство, то перво-наперво мы должны дать хлеба. С какого конца ни начни: Деникина разбить — хлеба надо; соли добыть — хлеба надо.

Что же, если не можем справиться — надо позвать Деникина? Сибирские мужики попробовали, пригласили Колчака. Они все ждали, что Колчак им американские машины привезет, а он им привез так, что теперь они с радостью встречают Красную армию.

Крестьян. — Нам бы только огороды разделить, мы ничего больше не просим.

Калинин. — Да, но я-то должен думать не только об одних крестьянах. Я должен накормить учителей, почтово-телеграфных чиновников и других граждан Советской республики. Вы обижаетесь, что у вас ничего нет, а укажите мне, у кого что есть. Кто теперь имеет обувь? Красноармейцы — и те даже босые ходят. Укажите мне хоть один слой в России, который бы жил лучше вас. Уж на что Красная армия — и та почти ничего не имеет, но она дерется и побеждает.

Крестьянин. — Да, ваши красноармейцы и голодные, и холодные, а ночь придет, не лягут спать, а с гармошкой ходят. И по деревне ходят — дай им мясо, дай им то, другое.

Калинин. — Вот сразу видно, что человек не понимает, если говорит «ваши красноармейцы», — красноармейцы это ваши же братья и отцы, отряд, который стоит у вас, он даже из Тамбовской губ. Я всех этих красноармейцев должен накормить, потому что они стоят на фронте, и они не виноваты, что у нас общее обнищание. А где я этот хлеб должен взять? Там, где излишки, где могут прожить без этого хлеба. Вы можете здесь жить, барствовать, пьянствовать, а остальные крестьяне, например, северных губерний, пусть умирают с голода. И я тогда буду стоять на высоте положения? Россия есть Россия, и в России каждый клочок должен быть разделен пополам! Пальто, так пальто пополам и хлеб пополам. Если нет сапог, то я могу обойтись без сапог, могу лапти одеть, на севере все и в чунях ходят. Если я не возьму от вас этого хлеба, то не могу показаться в Новгородской губ., потому что это уже будет жульничество — одна губерния захватила лучший кусок земли и хочет заморить голодом рабочий класс и на этих костях строить свое личное счастье. Это позор и нетерпимый позор. И такие требования не могут быть терпимы в Советской российской республике.

Разве рабочий класс, когда он будет иметь в достаточном количестве одежды и железа, разве он, как помещики, возьмет проценты? Вы здесь кричите, что вы обижены, а вот в северных губерниях, да и в Петрограде, когда я был комиссаром, там люди картофельные шкурки растирали и не только сами ели, а и ребят кормили. И вы еще смеете здесь говорить, что вам не хватает. Это позор, это сытая деревня. Я бы вас всех переселил туда, в Новгородскую или Тверскую губернию.

Крестьянин. — Мы знаем их, они всегда так жили, мы знаем их лодырей, они по 8 часов в день работают.

Калинин. — Да, знаете, как они работают! Они три раза поля пашут, да навоз возят, да всю зиму из леса не выходят. Вы здесь в деревне зажирели, а если бы вы могли посмотреть, как в России живут. Северные крестьяне, действительно голодая, не кричат, не ноют, не стонут, они ждут, знают, что это время перейдет, они знают, что рабочие, когда появятся товары, рабочие не такие моты, как вы, — они не будут эти товары прижимать, наживаться от них, а скажут прямо — вези крестьянам

Я знаю, что рабочие заплатят вам с большим процентом, как ростовщикам, за тот несчастный кусок, который получает изголодавшийся рабочий. Мне стыдно, что я здесь перед вами должен просить за этих холодных и голодных рабочих и крестьян. Стыдно, позор. Вы бы пришли и сказали — вот излишки, берите и накормите, спасите этим десятки людей, а вы только кричите и даже смеетесь, что нет железа, нет соли, а те несчастные мужики северных губерний думать забыли о соли.

Что же вы думаете, я с вами миндальничать приехал? У меня миллионы голодных людей, у меня старый жестокий враг, которого нужно колотить и прогнать, а в это время какая-то сволочь жмет в сторонку, пихает керенки в карман и думает: придет Деникин — богачом буду. Не будете богачом. Колчак всех таких оптяпал, как вы, он все керенки обменял, а теперь, когда мы пришли, они просят — обменяйте нам, пожалуйста.

У нас семья бедная и, если не хотите жить заодно в этой общей бедной семье, то идите, где лучше.

Крестьянин. — Вот что нехорошо, тов. Калинин; люди жили на фабриках и заводах, а когда землю стали делить, они позарились на эту землю, взяли ее и ничего с ней не делают.

Калинин. — Ну, так ведь это оттого, что теперь все на землю идут, что хлеб дорого ценится.

Крестьянин. — Они думали, что земля им будет прямо пирогами подавать.

Калинин. — Я не знаю, как у вас, а у нас, кто не запахал, у тех сразу же отбирают.

Голос. — При распределении волостей у нас 28 волостей признаны производящими, а такая, как Серпуховская волость — а они там два дня работают колеса, а потом с ними спекулянничают и покупают все, что хотят — такая волость признана непроизводящей; и если она признана непроизводящей, то с них надо получать норму, хотя бы телегами или колесами, чтобы дать тем волостям, которые считаются производящими.

Голос. — Вы, тов. Калинин, сказали, что у нас керенок много, а у нас у каждого есть по две-три тысячи. А если корова издохнет, так конец, и эти керенки не помогут...

Калинин. — Насчет телег, так это мы временно терпим, потому что, если мы это нарушим, то у нас неоткуда будет взять, они перестанут делать.

Голос. — Но мы тогда землю перестанем пахать.

Калинин. — Ну что ж, тогда развалимся все?

А относительно того, что непаханная земля, то председатель исполкома должен следить и отбирать.

(Калинин, обращаясь к председателю уисполкома.) Вы всю необработанную землю отбирайте, — у крестьян не может быть необработанной земли. Это преступление. Надо взять и отдать или городу или волости.

А дезертиры у вас были?

Крестьяне. — Быть-то были, да уже все взяты.

Голос. — Был у нас отряд по поводу дезертиров. Мой сын белобилетник, он везде отметился, что ему не итти. А вот все-таки его забрали, сын побежал, и его били, били, так били прикладами, как в варварских странах. А у нас, в Рокшинской волости, приехал отряд и сказал, чтобы все явились. Начальник сказал, чтоб в 8 час. утра все пришли, и все явились, и ничего не было.

Красноармеец из отряда. — На них был донос, что у них имеются пулеметы и винтовки, потому и обыск сделали.

Крестьянин. — Вчерашний день вечером приходят к женщине и начинают бить в двери, а она одна живет с мальчиком. Сама была на работе, а мальчишка начал бегать и кричать, а они бьют, что есть силы, говорят, что там самогонку гонят.

В конце сходки выступает представитель Донского красного казачества, уполномоченный ВЦИК, тов. Мошкаров, который говорит, что донские казаки променяли свои богатые хозяйства на голод в Москве и на фронт, чтобы только освободить русских рабочих и крестьян от рабства и гнета, и призывает крестьян поддержать и помочь в общей работе.

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ СЕЛА РУЗАЕВКИ, ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБ.

8 мая 1919 г.

Сход открывает председатель Рузаевского волостного совета.

Председатель волсовета. — У нас тут разрешается сейчас вопрос о советском хозяйстве. Есть монастырские земли, из которых 100 десятин отведено под советское хозяйство. А так как в волости приходится по одной четверти на едока, то весь народ просил земельный отдел не организовывать советского хозяйства. Овес же, привезенный для этого хозяйства, поделить между крестьянами.

Юрасов. — Все хозяйства находятся в ведении губернии, и из губернии предписывают Пайгармское имение сделать советским хозяйством. И мы в уезде не могли не согласиться с тем, чтобы сохранить маленькое культурное хозяйство. Мы говорим крестьянам, что это советское хозяйство будет для вас же. Потом и уездный съезд постановил это.

Житков. — Товарищ Юрасов сказал, что постановил уездный съезд, но уездный съезд не учел положения, а если бы учел, то не оставил бы нас на той земле, на которой мы помирали с голоду при Николае кровавом. Мы никогда не просим лишнего, мы всегда отдадим сами лишние крохи; но мы просим, чтобы нам дали землю, чтобы нам дали возможность работать.

Калинин. — Вы хорошо, молодой гражданин, говорите, что дали бы вам только землю, а что вы уже потом накормите. А вот есть ли у вас в волости сейчас безземельные?

Крестьяне. — Есть.

Калинин. — Вот видите: есть. А вы их наделили землей, вы их накормили? Кто будет кормить детей, которые останутся после красноармейцев? Ведь от помещика осталось 1 000 десятин: для волости отдается 900 десятин, а для советского хозяйства берется только 100 десятин.

И вы говорите: дайте! дайте! А о будущем совсем не думаете. Советское хозяйство, это лучшее имение, это лучший засев хлеба. И если в губернии не останется ни одного лоскута земли. то какова будущность вас самих, будущность ваших детей, куда им деваться?

Вы говорите, что любите народ; а вы поменьше обещайте журавля в небе, а лучше дайте синицу в руки. Вы не хотите для нищеты иметь 100 десятин земли. Вы кричите здесь о Николае кровавом, а если бы Николай давал вам доходы с этих имений, то это была бы большая польза.

А то подумайте сами: куда денутся ваши бобыли, куда денутся старики? Вы еще слишком молоды и обеспечены, чтобы так рассуждать. Если бы вы походили по миру, то знали бы, как питаться этим куском.

Разве советское имение, это — не ваше имение? Ведь оно всегда будет в ваших руках. Вы против того, чтобы там был племенной скот, чтобы ваши ребятишки учились, как правильно вести хозяйство? Раньше вы жили плохо не только потому, что был Николай кровавый, а и потому, что мы ничему не учились, ничего не знали. Нам надо уметь разводить семена, культивировать их в нашем климате. А если мы переделим всю нашу землю, то никогда не выйдем из нашего плохого положения.

Кто не рос без отца, тот не знает, как тяжело достаются сиротам крохи от дядей и теток. Вы хотите отнять это имение и не дать сиротам куска хлеба. Нет, вы дайте им право работать в этом имении, чтобы они чувствовали себя гражданами.

И разве смогут улучшить ваше хозяйство эти 100 десятин земли? Ведь это все равно, что разорвать сейчас мое пальто: каждому будет только по шерстинке. А вот сознательный трудовой крестьянин, он пошел бы да свел бы свою корову в советское имение, а на другой год имел бы хорошего теленка.

Конечно, сейчас этого у нас нет, но надо налаживать. Ни бог, ни Николай, никто, кроме нас самих, этого не наладит. Советское хозяйство будет производить опыты; вы будете меняться семенами, — и только при таком положении можно наладить дело. И я уверен, что в будущем каждая деревня будет иметь опытное поле.

Вы говорите, что у вас мало земли и поэтому не надо советского хозяйства. А я говорю, что, напротив, там, где мало земли, там-то и нужно советское хозяйство, а где много земли, там, если на одной полосе не уродится, так они снимут с другой.

Вот говорят, что у немцев бог всегда урожай посылает. А почему? Да потому, что скот племенной, семена налажены. А каким путем у вас будет налажено хозяйство? Поправите ли вы хозяйство? Нет, сами вы не поправите. И надо сказать, чтобы под советское хозяйство отвели не 100, а 300 десятин земли.

Вы сейчас должны задуматься, как бы поставить дело, чтобы это имение служило вам, чтобы там был племенной скот, приюты, больницы, чтобы там разводились семена, чтобы там умели показать, как надо правильно вести хозяйство, чтобы вы могли там получить огородные семена. А одной дележкой, товарищи, ничего не сделаешь.

Вот в заводах ведь тоже могло бы быть стремление растащить весь завод по кусочкам; неужели вы скажете железнодорожникам, чтобы они взяли да и растащили железную дорогу? То же вот и в сельском хозяйстве. Возьмите хоть эту монастырскую землю, — она дает лучшие урожаи, а почему? — да потому, что там хозяйство налажено.

Теперь у нас поднимается вопрос о страховании стариков.

Вот я сейчас пошусь, пошусь, а через 15 лет буду стариком и куда меня девать прикажете? В приют, скажете, или на пенсию, а не то, чтобы говорить: «мы подадим кусочек хлеба».

В Советской России никто не должен подавать кусочки. Убогий должен иметь право, и это право он должен требовать. Если при царском правительстве пенсию получали только чиновники, то у нас должен получать каждый.

Сейчас вы едите хлеб, потому что работаете, а не сможете работать — и есть будет нечего, и опять придете к тому же государству. И поэтому я самым решительным образом заявляю, что такие советские имения должны существовать. У нас в деревне было такое же имение, и хотели его разделить, а потом решили, что этим дележом мы хозяйства не исправим, и теперь делаем там советское имение, а вы хотите разделить готовое.

Потом я слышал, что здесь есть сады, и вы говорите, что они вам не нужны. Это — неправда, нам нужны эти сады.

В Германии, например, всюду насажены деревья, яблони и груши. Разве яблоки не тот же хлеб? Если ваши ребятишки любят кислые яблоки, то ведь они их любят потому, что этого требует их организм. И если есть сад, то его нужно беречь, чтобы каждый потом мог из этого сада перенести деревья к своему дому.

О разделении имения не может быть и речи: 100 десятин, —

это — такая маленькая площадь, что о ней и говорить не приходится.

Волостному же совету я должен сказать, что он не только не должен был бы протестовать, а, напротив, говорить, чтобы таких имений было побольше. Ведь вы знаете, что правительство идет на убытки, устраивая эти имения. Надо же когда-нибудь выйти из этого положения, надо иметь здесь, под боком организованное правильное хозяйство, чтобы крестьянин всегда мог притти и спросить обо всем, в чем он сомневается.

А если мы только будем заниматься дележкой, то через пять-семь лет мы останемся у разбитого корыта. И, по моему, решение губернского исполкома правильно, потому что, если у вас сейчас теснота, через пять лет будет еще больше. А это маленькое именьице, приведя к улучшению хозяйства, приведет и к улучшению самой жизни.

Крестьяне. — У нас вот теперь приблизилась к селу Михайловке Инсаровская волость. От земельного отдела приезжал инструктор, который наметил нам 250 саж. от Михайловки. Мы начали сеять, а потом приехал Кочетов и говорит: отодвигайтесь на 160 саженей.

Юрасов. — Вся беда, товарищи, в том, что зимой вы все поделились и подписались, а весной вы снова начинаете делить.

Калинин. — Всех земель я переделить не могу, но я должен сказать, что нужно быть осторожнее при отодвигании к деревне.

Товарищи, все частные заявления я передам на рассмотрение. Позвольте пожелать вам всего хорошего.

РЕЧЬ НА УЕЗДНОМ СЪЕЗДЕ В Г. УСМАНИ, ТАМБОВСКОЙ ГУБ.

7 ноября 1919 г.

Товарищи, по поводу переживаемых событий я должен сказать, что глубоко заблуждаются те, кто думает, что если власть находится в руках того или другого класса, то сразу этому классу с неба повалятся в рот галушки. Еще до сих пор крестьянская масса не вполне ясно сознает свои интересы, так как за долгое время привыкла жить в рабстве и измерять свою судьбу крохами с барского стола.

Крестьяне думают: вдруг мы упустим благоприятный момент, когда можно сильно поживиться на спекуляции, продавая излишки хлеба по спекулятивным ценам.

Это желание крестьян спекулировать при невероятной голодовке и тяжелых переживаниях другой части населения, это не есть действительное улучшение положения крестьянства.

Это только кажущееся благополучие. Ибо по существу это есть разрушение государственного аппарата, — и те богатства, те керенки, которые он положит в карман от спекуляции, в конце концов превратят его в нищего. Многие крестьяне бросают нам упрек и говорят: мы находимся в ужасном положении, мы обеднели, мы живем в 10 раз хуже, чем жили прежде. Я им на это говорю, что это лицемерие, потому что я сам хорошо знаю крестьянский быт; в данный момент вы только морочите голову, ибо теперь вы живете так, как жило старое дворянство при царском режиме, то есть пользуясь всеми привилегиями.

Вы, конечно, возразите мне на это, что у вас нет соли, сошника, ситца и проч.

Совершенно правильно, но этого нет ни у кого.

Но зато вы имеете хлеб, запасов которого вам хватит на целый год, а 50% населения не имеют таковых запасов и на два дня.

Следовательно, вы должны сознаться, что ваше положение во много лучше положения остального населения Советской Республики.

Конечно, я не говорю о тех крестьянах, которые большую часть своего года проводят на лесном производстве, — они так же голодают, как голодают рабочие на фабриках и заводах, они также съели у себя весь мох и всю солому.

И перед советской властью невольно встает вопрос — каким же образом выйти из этого тупика, каким путем поддержать нам рабочий класс до того момента, когда возможно будет применить их труд на фабриках и заводах?

Я должен сказать, что центральное правительство думает и рассчитывает так же, как думает крестьянин, налаживая свое домашнее хозяйство. Если мы в центре решаем у крестьянина отобрать хлеб, то из чего мы исходим? Возьму пример. Если у крестьянина есть маленький жеребенок, то в продолжение четырех лет, пока он вырастет и начнет работать, крестьянин его кормит. У нас в государстве сейчас нет сырья, нет топлива, и оттого рабочие не могут применять свой труд, но вместе с тем мы их не можем перевести на крестьянское существование, ибо это было бы несчастьем для государства.

Существование государства немыслимо без фабрик и заводов. А до того времени, когда мы получим сырье для фабрик, мы должны во что бы то ни стало сохранить жизнь рабочих, ибо без них государство существовать не может, как не может существовать и крестьянство. Ибо деревня государства не создаст. И все те крестьяне, которые думают, что они кормильцы всего мира, жестоко заблуждаются, так как без сохи, без материалов, без соли крестьянин превратится в дикаря и вынужден будет вымирать.

И поэтому, если вам дорог жеребенок, то жизнью рабочих вы должны дорожить в тысячу раз больше. Ибо если мы освободим заводы и фабрики, то через 6-7 месяцев рабочие приведут их в движение и будут давать нам товары. После освобождения Урала от Колчака пришли рабочие, закипела работа, и через полгода Урал будет снабжать нас.

Вам должно быть понятным, что центральная власть стремится сохранить жизнь рабочих не из каких либо особых чувств, а из обще-государственных интересов. И всякий, кто говорит, что мы кормим дармоедов, — является самым злейшим врагом, стремящимся разъединить рабочих и крестьян. Ибо без рабочего

не может жить крестьянин, как без крестьянина не может существовать рабочий.

Есть, конечно, другой способ: взять все фабрики и заводы, прирезать к ним огромнейшую часть земли и заставить рабочих одну половину года работать на полях, а другую на фабрике. Но разве это будет выгодно для государства, разве хозяин, ведущий целое государство, может так рассуждать? Нет, он должен заботиться, чтобы каждый в государстве делал свое дело; чтобы косец хорошо косил, чтобы жнец во-время жал, и т. д.

Эти причины и заставляют нас к вам, ответственным представителям одной из хлебных губерний, обратиться с определенным требованием.

Мы, центральная власть, даем широкие права и полномочия, но со своей стороны требуем, чтобы вы поддержали рабочий класс и промышленность, без которой наше существование немыслимо. Если берутся у крестьянина излишки хлеба, то рабочие немедленно возвратят этот долг, когда закипит работа на фабриках и заводах.

Насколько я информирован о работе вашего уезда, я вижу, что вы не выполнили до сих пор ни одного государственного задания, возложенного на вас.

К 15 ноября вы должны представить 3-ю часть ваших хлебных излишков. Вы прекрасно понимаете, что человек может жить без мануфактуры, без сапог, ибо он может ходить в лаптях или обертывать ноги в капустные листы, но без хлеба он жить не может, и поэтому, если вашим уездом не будут собраны во-время все хлебные излишки, то на головы ответственных лиц, находящихся на этом съезде, падет гибель миллионов людей.

Сейчас у нас идет вековечная борьба: рабочие и крестьяне — с одной стороны и капиталисты с другой. И в этот момент разве может существовать уезд в таких условиях, когда он не хочет быть со всеми, когда он хочет жить своей отдельной жизнью и огородиться китайской стеной. Это вещь совершенно немыслимая.

Не так рисуется нам рабоче-крестьянский мир.

Ваш мир, мир кулаческий, это — мир, разлагающий крестьянскую среду, это не «божий мир», а мир кулака, который отбирает и высасывает из народа все соки.

И я заявляю, что мы, центральная власть, до сих пор были очень милостивы с дезертирами, но пришел момент, когда мы с ними стали расправляться.

И я всегда говорю крестьянам: смотрите, придут отряды, и ваши дома могут попасть под пули и разграбление. Война не шутка, и закон есть закон. Почему ваша губерния, когда наша страна — осажденный лагерь, должна находиться в исключительных условиях, почему население этой губернии должно есть 5 фун. хлеба в день, а население Новгородской губ. есть мох и солому?

Только потому наше царство является новым, что последний кусок в нем должен быть разделен между трудящимися. Только тогда мы можем сказать, что мы являемся кузнецами нового счастья. А мы стараемся в момент величайших страданий вытащить последнюю копейку у населения, которое и без того влачит жалкое существование.

И я увидел в Усманском уезде, что для вас не важно, пусть хоть весь мир пропадет, лишь бы остался наш Усманский уезд и наши хлебные излишки. И так поступают представители съезда, лучшие представители крестьянства.

Я никогда не поверю, чтобы крестьянская масса, если она увидит те страдания, которые претерпевает мужик северных губерний, стала задерживать излишек хлеба. Так делать нельзя — ведь это предательство по отношению к населению. Центральная власть в своих хлебных разверстках очень умеренна, в особенности, если она видит, что уезд стремится ей навстречу. Неужели оправдываются слова наших врагов, говорящих, что крестьяне не могут быть у власти, что они любят получать, но не любят давать. Это было бы для нас позором. Неужели спекуляция и обирательство голодных людей до такой степени развратили трудовое крестьянство, что оно забыло о своем рабстве и о том, как его пороли на барских конюшнях? Неужели наше государство превратится в страну, где каждый перегрызает друг другу горло? Так жить нельзя.

И поэтому, если вы не хотите быть изменниками, если вы хотите остаться на высоте своего положения, вы должны вынести решение: мы, ответственные представители Усманского уезда, приложим все усилия к тому, чтобы ни один лишний пуд хлеба не оставался здесь. С другой стороны, мы выделим из своей среды все годные элементы для налаживания рабоче-крестьянского царства и для борьбы с врагами, идущими против этого царства.

Вот основная мысль человека, являющегося избранником рабоче-крестьянских масс. Только тогда крестьянство выйдет из рабского существования, только тогда с нами будет считаться весь мир.

Сейчас крестьяне говорят: — советская власть у нас все берет, но ничего нам не дает.

Правда, нет железа, нет угля, нет стекла, нет целого ряда продуктов, без которых существование является невероятно трудным. Но разве каждый крестьянин не понимает, что это железо, эти продукты делаются на фабриках, что эти продукты сейчас находятся по ту сторону нашего фронта, что за это и идет у нас сейчас гражданская война.

Если не сделаем все для того, чтобы победа была на нашей стороне, то мы можем очутиться в том положении, в каком оказались сибирские крестьяне во время пребывания у них Колчака. Им приказывали отдавать керенки, говоря, что они стали недействительными. И теперь сибирские крестьяне все и дочиста обобраны.

Значит, у крестьян нет другого выхода, как поддерживать рабочих до того времени, когда мы пустим в ход фабрики и заводы.

Но, может быть, вы ждете помещиков, может, ваш уезд настолько благословенный, что, когда помещики возвратятся к вам, они будут вам родными братьями? Может быть? Но я вам расскажу о других уездах. Не забывайте, что 9/10 помещичьих земель находится в руках крестьян и только 1/10 в руках советской власти. Не забывайте, что вернувшиеся помещики потребуют доход с тех поместий, которые у них были отобраны. Не забывайте, что они потребуют удовлетворения за все те унижения, которые они получили от крестьян. Не забывайте о тех огромных займах, которые сделало старое самодержавное правительство, и о тех фабриках и заводах, которые захвачены французскими и английскими капиталистами.

Вот почему рабочие и крестьяне должны напрячь все силы, чтобы помочь Советской Республике устоять, победить и двинуть хозяйственное строительство. Я верю, что вы своими честными мозолистыми руками создадите союз между рабочими и крестьянами и сделаете все, чтобы поддержать армию в трудную минуту и укрепить новое рабоче-крестьянское царство.

Заключительное слово.

Товарищи, я нисколько не раскаиваюсь в тех словах, которые я сказал вам в своей первой речи, ибо было бы смешно, если бы я перед крестьянами стал лицемерить и рисовать кар-

тины, которые совершенно не соответствуют действительности. Ибо крестьяне знают, что я собою представляю, и поэтому я могу с ними говорить, что называется, душа на-распашку.

Но последний оратор совершенно не понял, что я говорил о крестьянах.

Вся моя речь была направлена к тому, что нам не надо дожидаться инструкторов и отрядов, что в них все наше горе. Им нужно быть на фронте, а они ездят собирать хлеб. И поэтому я говорю, что нам совсем не нужно было бы держать продовольственников, которые, может, двигая дело, в то же время тормозят его. Если бы каждая деревня учла у себя свой хлеб, то, с одной стороны, это самих крестьян втянуло бы в государственную работу, а с другой — уменьшило бы штат чиновников, который мы вынуждены содержать. Мы, крестьяне и рабочие, должны сами за всем смотреть, а если мы не будем этого делать, то наш аппарат выродится в бюрократический, с чем постоянно и усиленно мы боремся.

Теперь я отвечу на поданную мне записку, в которой товарищ говорит, что крестьяне далеко не так глупы, как дворяне, и что это сравнение, сделанное мною, далеко не соответствует действительности. На это я скажу, что теперь даже самый плохой крестьянин имеет 6 пуд. хлеба на год, а все остальное население в большинстве случаев ничего не имеет. И что каждый средний крестьянин, у которого есть корова, лошадь и пара овец, по сравнению с остальным населением, которое буквально голодает, является тем же привилегированным человеком.

И, заканчивая свою речь, я хочу сказать вам, что борьба, которая ведется сейчас и для которой мы несем столько жертв, несет за собою плоды, которые будут так же честно распределяться между людьми, как сейчас распределяются все тяготы. Союз крестьян и рабочих нерасторжим, как бы нашим врагам ни хотелось вбить в него осиновый кол. И вот к этому содружеству и к инициативе и самодеятельности я призываю вас, товарищи.

Три дня тому назад, я был у одного крестьянина Воронежской губ., который является теперь командиром конного корпуса. И этот крестьянин, бывший унтер-офицер, наносит теперь удар за ударом боевым царским генералам Мамонтову и Шкуро. Разве мы не должны гордиться тем, что в рядах своих мы имеем таких сынов, таланты которых начинают преобладать над талантами царских генералов? И я не сомневаюсь, что эти та-

ланты из нашей среды будут выдвигаться и на других поприщах государственного строительства. И наше потомство с величайшей благодарностью будет вспоминать об этой работе и о тех достижениях, созданных этой работой, которые ни в огне не горят, ни в воде не тонут. (*Аплодисменты*).

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ САМОХВАЛОВСКОЙ ВОЛОСТИ, МИНСКОГО УЕЗДА.

21 июня 1919 г.

Калинин. — Я хотел узнать, как вы здесь налаживаете свои дела, и хочу вам заметить, что на центр надеяться никогда не надо. Как вы относитесь к красноармейцам?

Крестьяне. — У нас красноармейцы стояли в деревне и всегда получали хлеб. Когда крестьянин садится за стол, то всегда приглашает красноармейца.

Калинин. — А какое у вас владение?

Крестьяне. — Подворное.

Калинин. — А земли хватает?

Богданчик. — Какое там хватает! Скот гонять некуда. Вот приехали из имения и скот угоняли, и выстрелы давали. А нам больше пасти негде.

Калинин. — А раньше вы не пасли здесь?

Крестьяне. — До переворота, конечно, не пасли.

Шиманский. — За одну пашу платим 50 руб.

Калинин. — Теперь по декрету можно пасти и в казенных лесах. А сколько у вас в исполкоме членов?

Крестьяне. — Пять.

Калинин. — А чиновников сколько?

Крестьяне. — Тоже пять.

Цеховский. — А сколько у вас школ?

Крестьяне. — 37. Школы совсем не налажены, нет скамеек, досок.

Калинин. — А вы думали как-нибудь наладить это дело?

Климович. — Хлопотали, но толку мало. Обращались в уездный исполком, чтобы лес отпустил для постройки, и получили разрешение 1 мая возить лес, когда нельзя было возить, а наши мальчики без образования сидят.

Калинин. — Ну, а ежели человек помрет, то доски найдутся, чтобы похоронить его?

Крестьяне. — Когда помрет, то пойдут по дворам и соберут.

Калинин. — А лес есть кругом?

Крестьяне. — Есть.

Логацкий. — А как думает советская власть поступать с теми хозяйствами, хозяева которых ушли на позиции защищать революцию?

Калинин. — Если там остаются ребятишки или жена, или мать, то деревня будет обязана помогать обработать. Ну, а если один был и ушел, то кто-нибудь эту землю вспашет.

Логацкий. — А не будет ли это убыток для советской власти?

Калинин. — Убыток в войне вообще большой: людей убивают, а не то, что будет земля не засеяна. Мы ведь сейчас людей больше ценим, чем при царизме. На войне-то ведь нашу родню убивают. Что лучше: чтобы дом пропал или человека убили? Лучше пускай дом пропадает, чем людей убивать. А в России место найдется, где можно будет наладить хозяйство и дом построить. А как практически поступать с хозяйством красноармейца, который уходит на войну, — это должен налаживать местный комитет.

Логацкий. — Да у нас комитет-то плохой.

Калинин. — Каков приход, таков и поп. Мы не из Франции комитетчиков берем, из своих кругов выбираем. А насчет вашего случая, о котором вы говорили, я подумаю. Ведь такие случаи очень редки.

Шиманский. — Вот я не имею клочка земли. Мой сын служит, а другой сын совсем неспособен, выправляют его к доктору. И у нас много таких семейств бедняков, которые не могут содержать своих семейств. Все здоровые до единого пошли на войну служить, и все бедняки пошли защищать советскую власть. А вот кто побогаче, тот не пошел.

Калинин. — Мы богачей совсем и на войну не берем. Мы бедняков и посылаем.

Шиманский. — У меня было пять душ семейства, а сейчас четыре, и мы не имеем совсем земли.

Калинин. — Так идите работать в имение.

Шиманский. — Мне бы очень не хотелось таскаться за пайком.

Калинин. — Я и говорю, идите работать в советское имение. Там через два года будут кормить маслом и свининой.

Шиманский. — Я просился, да меня не взяли.

Председатель волсовета. — Всем было предложено итти работать, но многие отказались, Шиманский тоже, потому что все боятся, что придут паны и все возьмут обратно.

Богданчик. — В Минске сидят и ждут прихода белых все прежние помещики, и им возится туда и масло, и хлеб из имений. Был, например, помещик Куликовский, и ему постоянно Запольский возит хлеб и масло.

Климович. — Вот когда я был в Совнархозе, то что я там увидал? Сидят там все наши старые враги — помещики. А крестьяне говорят: «Советская власть нам дорога, но только зачем у нашей власти сидят бывшие помещики, наши враги?»

Гумак. — Мы от комитета партии подавали заявление на одного из таких типов — Куликовского, но центр совершенно не обратил внимания.

Калинин. — Надо самим скорее приниматься за работу, на Совнархоз надеяться нечего. А если попробовать убрать оттуда всех кулаков, — только на это рассчитывать, — то надо 20 лет чистить, и все кулаки будут попадаться. Сразу всех не вычистишь. В то же время и выхода нет: не закопаешь же их всех в могилу. Сейчас наша задача — заставить их всех работать, если они там не саботируют, а работают. Затем возьмите еще такое положение. Бухгалтера, делопроизводители, инженеры, доктора, техники и мало ли какие лица, агрономы — все люди необходимые, которых нигде новых пока не найдешь. Да и мы сами, пока здоровые хорошо, говорим: «Ну, ладно, год-два не поговею». А как забрало, так попа кричишь (*Среди крестьян смех и возгласы* «правильно»). Так что поневоле приходится считаться и с ними. И они к нам тоже постепенно привыкнут.

Сначала им показалось досадно, что «серые» с грязными сапогами вперлись во все передние комнаты, что пахло от этих «серых», а теперь понемногу они стали привыкать к этому. Особенно придираться тоже нельзя: чтобы быть доктором, надо учиться.

Мы ведь даже царских генералов держим. Высшие железнодорожные служащие сплошь да рядом доносят о том, куда идут наши эшелоны, то Колчаку, то польским бандам. Мы окружены шпионами или бывшими полицейскими, или бывшими дворянами. И потом опыта у нас, конечно, у всех мало. Ведь мы не гото-

вились управлять всем государством. Я думал, что, самое большое, умру кулачком деревенским, а теперь — вот, извольте-ка — такой махиной управлять. И ведь нельзя сказать, чтобы был особенно умен, а вот поди ты — выбрали: нашли, что подходящ, и выбрали. Так и в сельский совет выбирают того, кто поумнее, а раз умных нет, выбирают и дурака.

Для того, чтобы быть на месте в волостном совете, надо хозяйство знать. Государственный аппарат вы должны первым делом наладить у себя в деревне: будет налажена волость, наладится и уезд. А по уезду наладится губерния, а уж губернии нас в Москве наладят. А ждать, что придет барин, рассудит да выпорет, это уже прошли времена.

И каждый на своем месте знает, как дело наладить. Я крестьянское хозяйство знаю, но оно в одном месте так налаживается, а в другом иначе. У нас, например, до Егорьева дня — грех сеять, а у вас чорт знает, когда начинают сеять, так что нужно все наладить на местах.

Одним словом, за большим гнаться мы не будем, а наладим свое хозяйство сначала на местах. Надо вот школы поддержать и наладить вообще свои местные дела, а потом и поддержать советскую власть. У нашей власти ошибок бывают, конечно, целые кучи, но это — ваши ошибки, и все ошибки можно постепенно общими силами уничтожить. Надо постепенно наладить хозяйства так, чтобы у каждого дома был сад, дом был в пять комнат и чтобы свиньи гуляли по всему селу.

Крестьянин. — А вот была у нас агитация, чтобы свиней не кормить. А как же тогда без мяса будут?

Крестьянин. — Говорили, чтобы хлебом не кормить.

Калинин. — Конечно, сначала надо людей накормить. Я думаю, что общими усилиями мы жизнь наладим и разобьем врага. А пока я вам желаю всего наилучшего.

БЕСЕДА С КРЕСТЬЯНАМИ ТЕТЮШСКОЙ ВОЛОСТИ, СИМБИРСКОГО УЕЗДА И ГУБЕРНИИ.

11 мая 1919 г.

(На собрании присутствует 400 человек.)

Председатель волостного совета, открывая собрание, приветствует товарища Калинина.

Тов. Дольников, член уездного исполкома, объясняет крестьянам цель приезда тов. Калинина и после его речи предлагает высказываться.

Калинин. — Позвольте мне, товарищи, ознакомить вас с теми причинами, которые заставили меня объезжать как уездные и губернские города, так и волости. Товарищи, после того, как власть перешла в руки рабочих и крестьян, нам нужно было наладить государственную машину, чтобы она была не хуже старой, а лучше.

Разумеется, это сделать было очень трудно по многим причинам. И одна из главных причин — это то, что мы еще не умеем сами непосредственно налаживать свое хозяйство, что мы еще не умеем управлять сами собой, так управлять, чтобы тот комиссар, тот представитель, который выбирается нами для управления, чтобы он не чувствовал себя царьком или старым исправником, а чтобы чувствовался равный товарищ, чтобы каждый крестьянин, придя в местный совет, имел возможность посоветоваться о всех вопросах.

Потом, часто бывают столкновения между одним крестьянином и другим и даже между одной волостью и другой. И вот, в этом-то трудном деле местный совет всегда должен осторожно и спокойно обсудить все вопросы и разрешить их наиболее мирным и закономерным путем.

Вот эти-то соображения, чтобы нашу жизнь более или менее ввести в определенное русло, чтобы не было произвола и непра-

вильностей, и заставили меня сейчас объезжать места, контролировать местные советы, начиная с губернских и кончая волостными.

Моя главная задача — выслушать от вас, какие советские декреты вредны для интересов крестьянского хозяйства; может быть есть такие декреты, которые не только не помогают, не только не улучшают, а, напротив, разрушают крестьянское хозяйство.

Разумеется, когда центральная власть издает тот или иной декрет, она всегда руководствуется общегосударственным благом, но, товарищи, Россия большая страна, мы знаем места, где вечно зреет виноград, и есть места, где вечно лежит снег, где не успевает вырасти даже ячмень. И вполне естественно, случается, что декрет, изданный в Москве, может быть хорош для Тверской губернии, терпим для Симбирской, но совершенно не подходит к крайним южным и северным губерниям.

И вот, я хочу узнать теперь, насколько все наши декреты полезны или применимы, и если тот или иной декрет не соответствует интересам крестьянства, то, разумеется, мы не староверы, мы всегда изменим этот декрет.

Затем, центральная власть имеет сведения, что наши ответственные служащие не всегда находятся на высоте своего положения; вместо того, чтобы нести крестьянам помощь, содействие и просвещение, они, сплошь и рядом, вносят разруху и развал в деревенскую жизнь. Таких комиссаров и представителей власти мы самым решительным образом будем убирать, а крестьянам предлагать избирать тех, кого они найдут нужным и полезным.

Затем, мы контролируем работу волостного совета и в смысле бухгалтерской и, вообще, всего ведения дел.

Но главная цель поездки — это точно выяснить настроение крестьян, как они смотрят на советскую власть и какие нужны реформы.

Сейчас я скажу вам, как центральная власть смотрит на крестьян. А вы должны рассказать мне, какие вы наблюдаете здесь непорядки, и я их исправлю или сейчас же, или, если эти непорядки глубоко задевают основные вопросы законов, я их запишу и потом, по приезде в Москву, мы их соберем вместе, и если против одного и того же декрета будет много жалоб, то он будет отменен.

Что касается первого вопроса, как центральная власть смотрит на крестьянство, то я думаю, товарищи, что избрание меня на пост председателя ВЦИК, избрание на один из главных по-

стов меня, крестьянина Тверской губернии, ведущего по сей день свое хозяйство, уже этим избранием ясно определилась линия нашей политики. Этим избранием советская власть ясно показала, что она признает себя властью рабочих и крестьян и выдвигает тех людей, которые тесно связаны с крестьянством.

Сейчас правительство руководится Российской коммунистической партией, и я, несмотря на то, что являюсь крестьянином-собственником, свыше 20 лет принадлежу к этой коммунистической партии; я хочу вам объяснить, почему тут нет никакого противоречия, и ответить на вопрос, нет ли какой-нибудь разницы интересов между крестьянским хозяйством и социализмом. Я должен вам, товарищи, самым решительным образом заявить, нисколько не вводя вас в заблуждение, что коммунистический строй никогда, ни в прошлом, ни в настоящем, не будет применять насильственных способов, никогда не будет заставлять крестьянство насильно сваливать свою землю, насильно соединять их дворовое имущество, скот и прочее.

В нашей социалистической программе нигде не сказано, что крестьяне будут делаться насильно коммунарами. И только по недоразумению, по незнанию, люди могут говорить, что социализм насильственным путем превратит крестьян в коммунаров. При социалистическом строе рабочий класс, тот класс, который будет иметь в своих руках железные дороги, пароходы, фабрики и заводы, он не будет покушаться на маленькое отдельное хозяйство крестьянина. Здесь будет только товарищеский обмен и постепенное преобразование мелкого сельского хозяйства в социалистическое коллективное хозяйство без применения непосредственного насилия.

И, товарищи, советская власть в последнее время, когда увидела, что некоторые органы власти, проводя в жизнь наши идеи, идут вразрез с интересами крестьян, стала предпринимать решительные меры и избранием меня на пост председателя ВЦИК подчеркивает, что к крестьянскому хозяйству никакого насилия применяться не должно.

Вместе с тем, мы начинаем проводить целый ряд декретов, облегчающих крестьянину налаживание его хозяйства. Один из последних декретов — это декрет о кустарном промысле. Этот декрет дает крестьянину право иметь мастерскую и в этой мастерской иметь помощников, и товары его не могут быть реквизированы, он может их продавать из собственной мастерской или вывозить на базар. Если же у него остается излишек, то он мо-

жет этот излишек за неубыточную для него цену продать в уездный кооператив. Вы видите, товарищи, что правительство признает отдельное хозяйство и на это хозяйство не покушается.

Вот та основная линия, которая намечается центральным правительством. И мы сами, конечно, понимаем, что у нас, может быть, много ненормальностей, что центральная власть, может быть, делает ошибки. Но ведь от ошибок не может быть избавлен никто. Вот и здешняя деревня делает одну большую ошибку.

Я разговаривал с одним из ваших крестьян, который сказал мне, что вы каждый год делите свои поля, я считаю, товарищи, что более вредного явления, более разрушающего урожай, как ежегодный передел, — нет ничего. Мне кажется, что все опытные крестьяне, которые ухаживают за своей полосой, понимают, что если вы каждый год будете делить, то настоящего урожая не будет, потому что всегда в средине полосы может быть, например, борозда.

Я говорю это не для того, чтобы обвинять вас в ошибках, такие ошибки могут быть у всех, как у уездного, так и губернского и волостного исполкома. Например, волостному исполкому надо употребить все усилия, чтобы помогать крестьянству, — если нет железа, мази, надо все сделать, чтобы привезти и то, и другое, и третье. Конечно, привезти очень трудно, но потому-то оно и будет ценно, что трудно; если бы было легко, то и чести мало. А вот, когда трудно, то крестьяне поймут, что раз исполком или руководители продкома привезли бочку мази или дегтя, значит, они об этом заботятся, и крестьяне простят все прежние ошибки. А если члены исполкома ошибки делают, а во всем остальном от них — что от козла молока, то ясно, что такие исполкомщики стоят не на высоте своего положения.

Правда, мы не привыкли, товарищи, к управлению, но я думаю, что интересы крестьян будут совпадать с интересами центрального правительства. Наши враги напрасно надеются, что они смогут разделить советское правительство и крестьянство. Как вы меня, крестьянина, отделите от советской власти? Я у власти, и в то же время я такой же крестьянин: у этого крестьянина лошадь и корова, и у меня лошадь и корова, у меня две овцы, и у него две овцы. И если я ошибусь, то и этот крестьянин ошибется. Ясно, товарищи, что другого правительства, которое было бы настолько своим, получить нельзя.

Враги, которые думают разделить крестьян и рабочих, мне кажется, они жестоко ошибутся. Правда, и у нас может быть

попадаются воры, но ведь власть слишком сладкая вещь, чтобы к ней не липли, как мухи, разные элементы.

Нам говорили, что мы не умеем управлять, что надо еще учиться, — на это товарищ Ленин совершенно справедливо сказал: когда же учиться? Можно было бы подождать сорок, пятьдесят лет, когда крестьяне приучились бы к власти, но ведь их бы не стали учить.

Первое время у нас, конечно, было много ошибок, — и ребенок, когда начинает ходить, он часто падает и разбивает нос. Дворянство тысячи лет училось управлять, а крестьянство никогда не училось, и теперь ждать, что кто-то наладит вам местное хозяйство, — нельзя. Нужно самим налаживать и придумывать, каким наилучшим способом разделить, чтобы было и справедливо, и правильно, чтобы не было так, что на земле, вместо хлеба, полынь растет.

Вот в некоторых деревнях крестьяне выгоняли однодворцев, а сами потом не обрабатывали этой земли, и получалось так, что люди выехали из Пензенской губерни в Симбирскую, а их выгнали из Симбирской. Они поехали снова в Пензенскую, а там их тоже не принимают.

И вот, советская власть говорит: поступай «по-божески», нельзя так, товарищи, разорять самих себя. Задача центральной власти защищать этих отдельных людей от обществ.

Ну, вот, я рассказал, как относится центральная власть к крестьянам, а теперь мне было бы желательно послушать, какие ошибки находите вы у центральной власти. Расскажите, например, почему вы каждый год делите поля?

Борисов. — Этот передел зависел не от крестьян.

Когда приехал землемер, то он нарезал по 15 сажен на каждую душу и объяснил нам так, что это на один год. И поэтому нынче переделили на один год. А власть нам ничего знать не дает. Здесь много экономической земли, и если мы ее разделим на пять лет, вдруг придут из центра и потребуют снова раздела. Мы понимаем, что это очень даже для нас плохо, но от власти извещения нет, а сами не смеем.

Крестьянин. — Нам и окончательной меры не показали, — такая путаница идет между селами.

Борисов. — Это точно, правда, что ничего не указано, как делить. Вышли от околицы — и делим, пока сыты, и не знаем, наша ли земля или нет, а специалист бы должен был присутствовать и отвести нам.

Калинин. — Правильно.

Борисов. — Из-за этого бывали всевозможные ошибки, и волостному исполкому постоянно приходилось ездить на места и улаживать, а то бывали такие случаи, что 2—3 села поделили одну и ту же землю и потом ищут, где и чья земля. И мы ходатайствуем, товарищ, чтобы нам был послан землемер, чтобы он отвел и показал нам, что вот вам грань. И как я понял из слов товарища Калинина, мы имеем право это делать.

Липатов. — Вот товарищ Калинин обрисовал картину с кустарным производством. Эти кустари имеют по 5—6 человек. А сейчас есть декрет, что если крестьянин лишнюю десятину запахал, то с него берут натуральный налог. Он работает своими мозолистыми руками, сам беспокоится из-за лишней десятины, чтобы приобрести лишнюю копейку, а его считают за кулака.

Крестьяне (с мест). — Правильно, правильно!

Хрипунов. — Разъясните нам, пожалуйста, какая разница между средним крестьянином и кулаком.

Калинин. — Что касается кустарей, то товарищ меня не понял. Льготы по кустарному производству и даются для крестьян. Здесь зимой крестьяне мало работают, а вот в лесных областях — там крестьяне всю зиму работают: или дуги гнут, или дровни делают, или грабли, и это не какие-нибудь отдельные специалисты-кустари, а те же крестьяне, а специальные богатые кустари — это иной вопрос, и они облагаются налогами.

Теперь относительно кулака. Словом кулак назывался всегда человек, который отдает в рост деньги, хлеб, машину и так далее. Кулак, например, увеличивает свою землю постоянными закупками. Вот это кулак. А если тех крестьян, которые имеют две-три коровы, называют кулаками, то это просто потому, что у нас сейчас переходная горячая полоса, — слово кулак стало даже в городе ругательным. Когда поднимался вопрос о кулачестве, вместе с организациями крестьянской бедноты, то было произведено обследование, и оказалось, что в средних губерниях кулачества очень маленький процент. И я лично не сомневаюсь, что у вас на сто крестьян кулаков сейчас найдется один-два. И, потом, ведь разница — у вас кулаком зовут человека, имеющего три лошади, а если взять Донскую область, то там средний крестьянин имеет несколько лошадей да еще несколько пар быков. А в Олонецкой губернии кулак тот, кто имеет много сетей.

Мельников. — Вот относительно налога. Некоторые заплатили по 1 000 рублей. Продали все, разорились, а заплатили.

А если бы они не продали, то спаслись бы. Так вот как, товарищ, не подлежит ли возврату?

Калинин. — А как у вас с волостными советами — ладят с вами или нет? И, как, по вашему, не ложится ли он тяжело на крестьян? Может быть, его желательно было бы уменьшить. Потом, как продовольственные отряды, не безобразничают ли? Вы, товарищи, все рассказывайте, потому что я доведу до сведения центра, что здесь все хорошо, а на самом деле плохо.

Лебатов. — Вот, товарищи, был декрет о твердых ценах. И вот, все бедные, которые действительно стоят за власть, подчинились власти и свезли продукты по твердым ценам, а кто побогаче, то во-время не свез, и теперь вдруг вышли прибавки на продукты, — получается так, что, кто не подчиняется власти, тому повадка и уважение, и они теперь продают дороже.

Борисов. — Я поддерживаю тов. Лебатова.

Нашей волости было предписано вывезти 195 000 пудов к 1 марта. Мы это сделали, но не всей волостью.

И вот, картофель был 5 - 6 рублей, и кто бедный, тот вывез, а богатый припрятал, и картофель теперь по 17 рублей. И вот бедный, который вывез, идет к богатому и просит продать картофель, а тот говорит: давайте по 17 р. 50 к. — и наживается.

Когда надо было вывозить к сроку, то всем было объявлено, а вот богатые-то и не вывезли. И я нахожу очень несправедливым, что набавляются на продукты цены. Ведь расходы-то были одинаковые, и до новых продуктов повышения быть не должно.

Калинин. — А как у вас избирался волостной совет?

Крестьяне. — На волостном сходе.

Калинин. — Когда?

Крестьяне. — Месяца два назад.

Калинин. — И выбраны большинством голосов?

Крестьяне. — Да.

Калинин. — Беспартийный совет?

Крестьяне. — Весь беспартийный.

Калинин. — А раньше кто-нибудь был?

Крестьяне. — Никто не был.

Калинин. — На сколько месяцев избран?

Крестьяне. — На три месяца.

Калинин. — А как вы думаете, надо уменьшить волостной совет?

Крестьяне. — Можно уменьшить.

Калинин. — Сколько членов исполкома?

Крестьяне. — Семь человек.

Калинин. — Надо подумать над этим, потому что каждый лишний человек тяжело ложится на общество.

Лисенков. — Говорят, что надо налаживать да строить все на новый лад, говорят, что нужно научиться управлять. Как же уменьшать членов, — увеличивать нужно совет! В совет приходят со всех сторон, ведь волостному совету приходится не предписывать, а исполнять.

Говорят, раньше был один старшина. Да, это верно, товарищи, был один старшина, но он топал ногой раз, и телка приведена, а волостной совет уговаривает сколько времени крестьян, потом совет заботится о культурном развитии, крестьянам дает всевозможные объяснения. У нас налаживается и хорошо идет культурно-просветительная работа, а если останется 2-3 члена, так они убегут, потому что тяжело работать. Мы должны каждому дать особый отдел.

Прытков (председатель уездного исполкома). — Товарищи, тут говорили о том, что богатые хлеба не вывезли.

Товарищи, это зависит от вас самих. Вы знаете, товарищи, как голодают люди, и нам присылают бумажку выполнить наряд и этим спасти голодающих. И вы сами должны следить, чтобы и кулаки дали хлеба, а то вот и чрезвычайный налог среднее крестьянство уплатило, а богатые старались приодеться в лапти, чтобы только не платить. Они старались это делать, потому что власть это не их, а бедных — рабочих и крестьян, и поэтому мы сами должны помогать нашей власти.

Калинин. — А получают ли у вас дети и жены красноармейцев пайки?

Крестьяне. — Нет, не получают.

Калинин. — А какие причины?

Худяков. — Нам никаких известий не было об этом.

Бухарцев. — Вот, товарищи, я сейчас проверял бумаги в вашем совете и спрашивал, есть ли жалобы, и мне сказали, что не поступало ни одной жалобы. Вы здесь расскажите все, как есть, надо же выяснить и с жалобами, и с пайками.

Калинин. — Ну, а если у вас спор поднялся об усадьбе или еще какой?

Крестьяне. — Никуда не идем.

Калинин. — А суд у вас есть какой-нибудь?

Крестьяне. — И суда не бывало.

Лисенков. — А в нашей волости не так. Если бывает

недоразумение, то идем в исполком, а если не может разрешить исполком, то идем к мировому судье.

Калинин. — Ну, а как насчет продовольственных отрядов? Кур и поросят у вас не таскают? (*Среди крестьян сильное волнение и шум.*)

Голоса. — Поросят таскали.

Тов. Калинин предлагает начальнику продовольственного отряда дать объяснение.

Сирен. — По Тетюшской волости проезжало много отрядов, и это пятно ложится не на тот продовольственный отряд, который постоянно здесь стоит, а на те, которые проезжали. И вы, товарищи, можете это подтвердить.

Крестьяне. — Верно, здешний отряд ничего не брал.

Таранин. — Нынешнею осенью тоже проезжало два товарища верхом, взяли тарантас, а у одной женщины хомут, и так и не вернулись.

Калинин. — Ну, а как в дележе земли вы не обижаете женщин, которые остались?

Крестьяне. — Нет, поровну делим.

Хрущев. — Вот вы спрашивали насчет штата волостного совета.

По моему, много их там насажено. Так и получается, что у семи нянек дитя без глаза, и я должен сказать это не только про волостной, но и про губернский и про уездный.

Поехать в город, так тебя гоняют из одного дома в другой, из улицы в улицу, от стола к столу. И крестьянин так пробудет суток двое-трое и поедет ни с чем.

Вот надо было бы этот вопрос выяснить и дело упростить. Мне, как представителю от деревни, приходилось обращаться во все учреждения в городе. Нам надо было поправить школу, мы хотели сделать за счет крестьян, и к кому ни обращались, никто ничего не мог сказать и послали в конце концов в продовольственный отдел, и там тоже ничего не сказали. И вот, как у нас отрывают время. Вместо того, чтобы дома работать, ходишь там без дела.

А школа наша стоит, как труп мертвеца с открытым глазом (*голос*: правильно, верно), а у барышни на столе лежит листок с тремя цифрами, а под листом «Поль-де-Кок».

Аксенов. — Вот поднимали вопрос, почему у вас не получают красноармейских пайков. Да достойны ли вы получать-то, у вас и красноармейцев-то нет, а все дезертиры! Как отряды

приезжают, так с полдеревни бегают, прячутся, а вот в нашей деревне, как все настоящие красноармейцы, так и пайки получают. (*Голоса*: правильно, верно.)

Тихонов. — Какие-то губернские власти требуют подвод, и мы хотя бы и ездили, да пока ездишь — существовать надо, да лошадь кормить. И бегаешь, и бегаешь, чтобы получить за эти подводы, и в конце концов к чорту пошлют. Мы принадлежим к беднейшему классу. Вот, человек занял два пуда овса, чтобы поехать, стравил на лошадь.

Сейчас приходит время — и сеять нечем и платить нечем.

Калинин. — И до сих пор денег не получили?

Крестьяне. — Еще на новый год ездили, а денег все не получили.

Калинин. — А записки у всех сохранились? Сейчас можете мне их собрать?

Крестьяне. — Сейчас-то трудно, да потом надо сказать, что искурили на махорку, чорт с ней.

Калинин. — Я дам приказ, чтобы все деньги выдали.

Что касается, товарищи, жалоб, то, я думаю, что все их надо направлять в исполком. Даже если муж с женой поссорится, из-за имущества поспорят или в разделе подерутся, и то надо итти в исполком, и исполком уговорит и что-нибудь решит. Надо, чтобы люди привыкли ходить в исполком. В исполкоме желательно, чтобы эти дела записывались.

Дутов. — Мне пришлось встретить декрет, где сказано, что красноармейские земли должны быть запаханы обществом, и ни один сельский совет к этому не приступает.

Резенков. — У нас в волости как раз сегодня назначена запашка всех красноармейских земель, и никто еще из крестьян не заявил, что не будет пахать.

Трусов. — Вот земельный отдел городской заявил, чтобы мы выделили городским землю.

Мы выделили, и вот уже 15 дней севки окончились, а эти городские не явились. Так вот, кому же теперь принадлежит земля — обществу или им? К кому нам обращаться с этим вопросом?

Борисов (член волостного исполкома). — Вы должны обращаться к нам.

Председатель уездного исполкома. — Вы должны обратиться в земельный отдел, он передаст в Оргасев, который вышлет с опытных полей.

Крестьяне. — Опытное поле нельзя, потому что это в разных местах.

Крестьянин. — А еще, товарищи, вопрос. Городские земли берут, а ведь они наших деревенских повинностей не несут, подвод не дают, налога не платят, — засеял, да уехал.

Председатель исполкома. — Они несут повинности городские.

Хрулев. — Я просил бы разъяснить о натуральном налоге. У нас в волостном совете вывешен плакат, и в нем есть пункт 9, где говорится, что те, кто вывез по разверстке 70% хлеба, те избавляются от натурального налога, а последнее время стали говорить, что и они не избавляются. И вот, я просил бы сказать, что избавляются они, или нет?

Председатель уездного исполкома. — Был декрет, в котором говорилось, что кто вывез хлеб, тот натурального налога платить не будет.

Крестьяне. — Значит, кто вывез, тот не платит?

Калинин. — Те, кто до 1 марта 70% вывез, те освобождены.

Крестьяне. — Вот на этом благодарим.

Солодовников. — А у нас, вот, не получают пособия семьи убитых на прошлой войне.

Калинин. — Это недоразумение. Вообще получают.

Тихонов. — Я хочу сказать, что когда была мобилизация лошадей, то случалось так. Подводят лошадей, — хотя и бедный, — и если две лошади, то берут, да еще говорят — отдай лучшую И дают ее на обмен. А того лошадь стоила четыре тысячи, а получил на обмен 15 000-тысячную. Он взял ее, продал и значит, нажился. Правильно я говорю?

Крестьяне. — Правильно! Правильно!

Председатель уездного исполкома. — Что касается этой мобилизации, то дело было так: когда подходила мобилизация, то ему давали на обмен лучшую лошадь.

Крестьянин. — Нет, у нас так было — у кого три лошади, то тому не меняли, а у кого две — так лучшую отбирали — прямо по миру пускали. (*Голоса:* Правильно! Правильно!)

Борисов. — У нас в Тетюшской волости так не бывало. Был случай, когда один гражданин заявил, что его лошадь взяли взамен — это Липатову. Мы послали в комиссию, оценили лошадь в 600 рублей, а она стоит тысячу. Потом я предлагаю вопрос, может ли тот, кто взял в обмен лошадь, мытарить ее и наживать деньги? У одного гражданина взята лошадь, и он получил за нее

1 000 рублей, а другой перепродал ее за $7^1/_2$ тысяч, а спекулянт перепродал ее за 12 тысяч, а Шмаров растил лошадь не для спекулянтов.

Крестьянин. — Это не спекуляция. Когда Липатову дали лошадь и спрашивают с него 1 000 рублей, ну он и продал, чтобы вам отдать, Это не спекуляция, а нужда продала.

Борисов. — Я нахожу, что это несправедливо. *(Шум.)*

Крестьяне. — У него, окромя лошади, ничего и нет. Это не спекуляция, это, своего рода, жизнь требует.

Липатов. — Я, вот, хочу сказать, что неправильно было разложение чрезвычайного налога. Наши заплатили 90 000, а они 75 000, а у нас все так же, как и у них.

Борисов. — Волосинские тоже заплатили 90 000. Я вам возражаю и указываю на вашу несправедливость.

Калинин. — Товарищи, я отвечу вам на вопросы из записок. Первый — просят объяснить, за что в настоящее время борется Красная армия, за чьи интересы. Мне кажется, товарищи, что вопрос ясен для каждого красноармейца. По ту сторону фронта — Колчак, старый царский генерал, его армия состоит в большинстве из офицеров, помещичьих сынков и насильно загнанных в армию башкиров, киргизов и друг. Они добиваются опять власти. Они добиваются опять всех привилегий только для дворянских, помещичьих сынков и купчиков. Они добиваются возврата к старому.

А за что борется Красная армия? За то, чтобы власть была в руках рабочих и крестьян. Эта власть отбивается от нападения. Она войны не объявляла. Большинство народа безусловно против войны. Но мы должны защищать свое право и свою свободу. Мы хотим утвердить рабоче-крестьянскую власть, а они хотят восстановить дворянско-помещичью.

Борьба эта беспощадная и кровавая, гораздо беспощаднее и кровавее, чем с немцами, потому что там дрался русский помещик с немецким помещиком, и когда война кончается, то они снова ладят. Русский посланник женится на английской княжне, наш царь тоже женится в другом государстве. Когда они дерутся, то они дерутся, как родные братья, которые делят имущество, и когда уже поделят, то они защищают друг друга. То же самое и помещики. Недавно немецкий помещик дрался с русским, а теперь уже этот помещик помогает русскому капиталисту. И наши капиталисты имеют за границей свои акции или имеют дома, — какие-нибудь князья Урусовы имеют дачи в Ницце. Когда под-

нимается какой-нибудь помещик, то он выгоняет солдат, и если много убитых, то он говорит: ну что ж, побили, так бунтоваться не будут. Вот в чем, товарищи, огромная разница между этой войной и прошлой войной. Здесь рабы борются с господами. Конечно, могут сказать, что у нас советы хуже рабства, скорей и зуботычину получишь от члена, чем от урядника. Но, товарищи, даже если и так, то все-таки разница большая. Во-первых, не надо забывать, что у нас сейчас переходное время, во-вторых, советы у нас избираются. И потом, что же удивляться, ведь какой-нибудь Тимоха, бедный, забитый, выброшенный на улицу, выпрашивает, бывало, во время праздника рюмочку водки. Теперь этот Тимоха, попав в исполком, естественно, сжимает кулаки и говорит: я вас подожму. И поджимает, не только кулаков, но и остальных крестьян. Но не надо забывать, что этот Тимоха был тысячи лет в угнетении, и теперь, освободившись от этого угнетения, разгулялся. Но, конечно, не к этому же все свелось, и было бы лицемерием на этом основании опорочить бедноту. У нас будет нормальная жизнь и с той разницей против прежней, что Тимошек мы поднимем и культурно, и политически. И нам сейчас, товарищи, нет иного выхода, как поколотить нашего врага, разбить помещичьих генералов, а если мы не поколотим, то они вернутся к нам и из вас, если не половина, то четверть будет вырезана. И, мне кажется, Красная армия знает, за что приходится воевать. И как бы ни стремились нас поработить, теперь это не удастся.

Потом, спрашивают товарищи, почему у нас разница между красноармейцами и командным составом, почему командный состав получает больше жалованья. Сейчас, товарищи, можно ли уравнивать вообще всех людей? Если, например, вам, крестьянам, дать земли поровну, то у одного родится хорошо, а у другого еще лучше. То же, товарищи, и в командном составе; конечно, было бы желательно, чтобы было полное уравнение, но если сравнить с прежним, то ведь тогда командующий получал 100 000 рублей в год, а солдат 50 коп. в месяц. А теперь командующий получает 3 000 рублей, а красноармеец получает 350 рублей. И надо сказать, что у командующего состава мы в настоящее время покупаем их знания, которых у нас нет. А вот, когда у нас будут офицеры свои, то мы сможем больше уравнять.

Здесь говорили о мобилизации лошадей; конечно, это вещь очень тяжелая. Волостной совет должен как-нибудь налаживать и должен поощрять тех крестьян, у которых есть жеребята и

телушки. Насчет мобилизации скота мы сейчас настояли перед военным ведомством, чтобы отложить мобилизацию до июня месяца. Но реквизироваться скот — 10% — будет. В этой реквизиции исходят из того, что каждые десять лет скот обновляется, и, выходя из этого, реквизиция должна бы проходить безболезненно. Но крестьянство употребляет для себя, продает, и получается вместо 10% — 50%. Раньше мы питались степным скотом, а теперь его нет. И, конечно, когда мы переживем это тяжелое время, то скот можно будет привезти из Сибири. А чтобы не было недоразумений во время мобилизаций, вам нужно сговариваться раньше, до мобилизации. И общество может собрать заранее деньги, чтобы потом доплатить за реквизированную лошадь.

Относительно беженцев я окончательный ответ сейчас не даю — подумаю над этим вопросом в Москве.

Позвольте пожелать вам всего хорошего.

ЗА ЧТО ИДЕТ БОРЬБА.

Речь на ст. Рамонь на сахарном заводе 6 ноября 1919 г.

(Присутствует 1 500 чел.)

Товарищи рабочие и крестьяне, позвольте приветствовать вас от имени Всероссийского центрального исполнительного Комитета.

Товарищи, до сих пор вы смотрели на войну со стороны. Где-то идет страшная война, которую так красиво описывают в книгах, в поэмах, в чудных стихотворениях, которые многие из нас изучали в детстве. Мы изучали в сельской школе «Полтавский бой».

И вот перед вашими глазами идет настоящая война, красоту которой вы вполне уразумели и увидели на деле. И сейчас вы думаете, что все эти стихотворения — мираж, что красоты в войне нет никакой, не поднимается там народный дух, нет там красивых жестов и картин, которые описываются в наших книгах.

Я думаю, ни одной красивой картины вы не видели в этой войне. Грабежи, вероятно, с обеих сторон, полное игнорирование крестьянских и рабочих интересов, расхищение имуществ. Если нужен один сноп — тратится двадцать. Невероятная грубость и дерзость. Одним словом, вся грязь, все отрицательные стороны войны развернулись перед вами. И по всей вероятности, вы будете думать, что война есть нечто отвратительное, потому что вы видели кулисы, а самую сцену вы не видели. То, что описывается в книгах, это то, что происходит на сцене. И когда вы приходите в театр и видите прекрасную пьесу и красивые декорации — вы восхищаетесь этим, а если бы вы пришли за кулисы — там бы вы увидели бесчисленное количество лесов, парикмахера, скучные разговоры актеров, — одним словом вы не получили бы никакого удовольствия.

То же самое и война. Прежде, когда мы смотрели на войну со стороны, как в театре, — она казалась нам красивой, а теперь мы увидели кулисы войны и поняли, что хорошего в ней мало.

Но вопрос разрешается результатом войны и целями, за которые воюют. Если воюет угнетенный класс, который защищает свои интересы, то, разумеется, вся грязь и грубость, весь развал и разруха, которые происходят здесь, оправдываются тем, что этот класс завоевывает себе права и уничтожает чужие привилегии. Когда происходит беспощадная борьба, люди проникаются одним сознанием — уничтожить врага, и, только уничтоживши его, люди начинают приходить в мирное состояние и налаживать жизнь.

Вам известно, что трудящиеся и крестьяне тысячи лет были рабами, — и не только в России, но и во всем мире. Борьба между трудящимися и крестьянами, с одной стороны, и помещиками и капиталистами, с другой, началась не со вчерашнего дня, а со времен отдаленной древности, с тех пор, когда человечество разделилось на два класса, с момента появления в семье патриарха. Прочтите, есть ли в истории хоть одно государство, в котором бы не велась борьба между угнетателями и угнетенными. Посмотрим на русскую историю. Разве каждый из вас может вспомнить хоть один день или час, чтобы не было войны между рабочими и капиталистами, между крестьянами и помещиками.

При Николае Павловиче, который был особенно груб, жесток и деспотичен, при котором дворянство имело все права и привилегии — было 1 300 крестьянских восстаний, описанных в книгах, а сколько было еще таких, о которых забыли или запрещали писать.

Значит, 100 лет тому назад крестьяне вели беспощадную войну с помещиками, но сейчас эта борьба развернулась до огромнейших размеров. Сейчас рабочие и крестьяне захватили власть, пушки и пулеметы. До сих пор мы всегда были биты. Забастуем, — нас арестуют, часть людей расстреляют, и снова, как будто бы, в стране мир да лад. Но мира между рабом и господином быть не может. Теперь в этой борьбе мы до известной степени уравнялись с ними. В прежних царских войнах, когда мы побеждали, то от этой победы рабочие и крестьяне никакого материального интереса не получали. Точно так же английские и французские рабочие ничего не получат, если даже завоюют полмира.

Если бы мы и сносно кончили войну с Германией — мы бы ничего не выиграли. Усилилось бы только величие царского самодержавия, полицейский разгул и давление капиталистов на рабочих. Ибо надо было бы пополнять убытки. Ибо по всем огромным займам нужно было бы платить бесконечные проценты, а, следовательно, необходимо было бы увеличить на нас налоги. Не было ни одного поколения, в котором сотни тысяч жизней русских рабочих и крестьян не ложились на полях Малой Азии, Финляндии или Уральского хребта. Я не знаю ни одной части света, где не покоились бы кости наших солдат. Все это показало рабочим и крестьянам, что другого исхода нет, что если мы хотим спастись от постоянного систематического истребления, мы должны будем свергнуть буржуазию и царское самодержавие. И рабочие и крестьяне восстали.

Говорить, что восстание совершилось благодаря Ленину и Троцкому, — нелепо. Говорят это наши враги для того, чтобы ввести в заблуждение простаков, но сами они этому не верят. Разве может самый умный, самый гениальный человек, не имея власти и силы, сделать восстание. Вожди являются только тогда, когда масса поднялась. Когда закипела Россия, то массы выдвинули из своих низов вождей.

И вот теперь идет беспощадная борьба между белой и черной костью, между угнетателями и угнетенными, начавшаяся много лет тому назад и с особой силой развернувшаяся у нас в России. Конечно, восставшему народу всегда трудно удержать власть. Он всегда неопытен. И эту неопытность вы ощутили сами, налаживая свои фабрики и заводы, когда от вас ушел весь технический персонал.

В таком же положении находится государственный аппарат. Я не думал и не готовился быть во главе республики или большого государства. Слишком уж широка должна бы быть фантазия, чтобы явилась такая мысль. Однако, я все-таки должен решать вопросы которые я раньше не изучал и к которым не готовился.

И вот первый вопрос, поставленный перед нами ребром, это — или мы, или они. Если мы не способны построить новый лучший мир для рабочих и крестьян, тогда мы напрасно восставали, напрасно несли столько жертв. Тогда лучше подчиниться старым помещикам и капиталистам, все отдать им обратно, а самим волочить прежнее жалкое существование. Или, наоборот, мы должны верить, что в недрах рабочих и крестьянских масс находится огромное количество способных людей, могущих вы-

работаться в великолепных государственных деятелей, в опытных руководителей народных масс. Крестьянские и рабочие массы должны участвовать в процессе государственного строительства и вкладывать в него свою лепту. И я стою на той точке зрения, что мысль, будто бы наши рабочие и крестьяне не сумеют справиться с аппаратом государственной власти, сознательно привита нашими врагами, чтобы запугать теми трудностями, которые стояли перед нами.

Но двухлетний опыт доказал перед целым миром, что русские рабочие и крестьяне отличаются не только невероятной приспособляемостью, выносливостью, но и необходимыми силами для налаживания государственной власти, для удержания этой власти, умением ориентироваться и находить выход из всякого положения. Наши враги под большевизмом подразумевают всех советских работников и деятелей. Но вы отлично понимаете, что у нас ответственные руководители не коммунисты измеряются сотнями тысяч, вряд ли из них на 100 человек найдется хоть один коммунист. Ясно, что коммунисты ведут только политическую линию и дают основу, а главными творцами и деятелями является огромная непартийная масса, участвующая в советском строительстве.

Наши враги, умеющие без сомнения учитывать силы, значение и мощь своих противников, учли и силы советской власти. Вы вспомните, год тому назад они издевались над нами, называя Россию азиатской страной, в которой пьют чай под развесистой клюквой и беспрепятственно разгуливают белые медведи. Они говорили, что они — культурный западно-европейский народ, что они гарантированы от этой азиатчины и что большевизма у них не будет. А теперь они, как нервная старая баба, кричат на весь мир: караул! мы подвергаемся опасности! Волны большевизма не знают пространства и расстояния и захватывают весь мир! И наш недавно приехавший из-за границы товарищ рассказывает, что не только английский рабочий класс, но и интеллигенция проникнуты огромной симпатией к советской власти.

Это вполне понятно. Если у нас непартийная масса идет подчас против большевиков, то это потому, что мы находимся в кулисах войны, что мы на своей шкуре испытываем всю тяжесть положения. А англичане смотрят на те законы, которые проводит советская власть, со стороны. Эти законы, поскольку возможно, кормят московских и петроградских рабочих, кормят детей и открывают широкую дорогу для народного образования.

Буржуазия кричит, что у нас происходит полный грабеж состоятельных классов, что лучшие буржуазные дома отданы у нас под помещение рабочих. И поэтому английских рабочих и интеллигенцию все более и более увлекает борьба, разыгрывающаяся у нас. Они видят, что в этой борьбе, при всей нашей некультурности, грубости, при всем нашем невежестве и разрухе, выковывается новое, более совершенное государство. И симпатии их к Советской республике растут. Эти симпатии отмечаются не только западно-европейскими газетами, но и теми бесчисленными делегациями, которые являются к нам со всех концов.

Перед нами, быть может, стоит еще не одно разочарование, и, быть может, грозят нам еще голодовки и разграбления, но борьба — есть борьба. Военное счастье всегда изменчиво.

Но я глубоко уверен в нашей победе. Нас не задушили вначале, когда рабочие и крестьяне еще не сознавали своих интересов, еще не были втянуты в эту борьбу, а за эти два года сознание народных масс все более и более проясняется. Теперь уже ни один дезертир не захочет вернуться к Деникину. Во всех тех местах, где Деникин пробыл 5 — 6 месяцев, там нет ни одного дезертира, и там население устраивает свою собственную мобилизацию. И теперь с востока телеграфируют: присылайте нам амуницию и оружие, а полки у нас будут. И те полки, которые приходят с востока к нам на фронт, теперь — лучшие полки. Самыми слабыми полками являются те, которые не испытали на своей спине гнета Деникина и Колчака. С каждым днем растут наши силы и выдвигаются новые работники на всех поприщах человеческой деятельности, и с каждым днем наш аппарат делается все устойчивее. Его отрицательные стороны отомрут, необходимые усовершенствуются. Все примазавшиеся темные элементы постепенно отметаются народными массами, и лучшие силы вливаются в наши рабочие организации. Мы выдвигаем из среды рабочих и крестьян новых дивизионных и бригадных командиров, и они своими талантами начинают состязаться с Мамонтовым и Шкуро. Достаточно вам привести пример, когда Буденный, крестьянин Воронежской губернии, бывший фельдфебель, наносит поражения дисциплинированным войскам Мамонтова и Шкуро. Когда я видел Буденного, я сказал ему, что меня радует не столько победа, сколько то, что крестьянин наносит удары старым царским генералам, которые из поколения в поколение изучали военное дело. Это и есть укрепление советской власти.

И на первых порах во всех отраслях труда мы должны на всех ответственных постах иметь рабочих и крестьян. У нас крепкая диктатура пролетариата, и если мы хоть на минуту упустим это господство, то враги воспользуются этим и захватят власть. Мы должны заставить их работать так же, как работаем мы, и убедить их в том, что они не особые помазанные богом люди, назначенные властвовать. Мы должны доказать им, что всякий труд благодарен, что метение улиц — дело не менее нужное, чем вычисление математических задач. И когда они откажутся от своих привилегий и придут к нам, мы примем их и докажем, что если они будут работать, то рабочие и крестьяне всякий талант сумеют оценить не меньше, чем дворяне и капиталисты. И быть может мы будем их венчать лавровыми венками, но не будем позволять им наживать большие капиталы и эксплоатировать людей.

Я думаю, товарищи, что такое постепенное укрепление советской власти дает нам твердое убеждение, что шансы белогвардейцев безнадежны, что буржуазия предопределена к гибели, что могила ей вырыта широкая и глубокая, и обойти ее она не сможет. Она упадет в эту могилу, и наша задача закопать ее и сделать так, чтобы это место быльем поросло. Когда белогвардейские газеты писали: «мы слышим звон московских колоколов и скоро вступим в ворота Белокаменной, являясь спасителями великой неделимой России», в этот момент наша Красная армия снова подымается, крестьяне сбрасывают с себя апатию и наносят Деникину жесточайший удар. А в тылу у него подымается восстание за восстанием.

Я думаю, что разложение деникинской армии и усиление нашего господства ведет нас к победе над Деникиным. И когда он будет окончательно разбит, европейским державам ничего больше не останется, как незаконнорожденного ребенка, Советскую республику, признать законнорожденным и войти с нами в то или другое соприкосновение.

Путь наш, товарищи, еще долог и труден. Но я верю, что мы с честью пройдем этот путь, создадим новый социалистический мир. А рабоче-крестьянские массы Западной Европы будут следить за нами и будут учиться у нас делать революцию и вместе с нами строить рабоче-крестьянское дело.

О ВЛАСТИ И ЕЕ ДЕЙСТВИЯХ.

Речь в селе Аркадак, Балашовского уезда, Саратовской губ., 30 июля 1919 г.

(Присутствует 400 человек.)

Товарищи! Вчера на одном митинге меня спрашивали, что же это за рабоче-крестьянская власть, которая издает «карающие законы на рабочих и крестьян», что это за свобода, когда ничего нельзя сделать для себя. Товарищи, рабоче-крестьянская власть — это вовсе не значит полное безвластие. Когда говорят «свобода», — это вовсе не значит, что можно лазить в чужие огороды, шарить по чужим сундукам. Когда говорят «рабоче-крестьянская свобода», — это значит, что ни один человек не имеет права эксплоатировать другого, рабоче-крестьянская власть отнимает свободу эксплоатации, право жить на счет другого человека.

Говорят: «Родился в бархате и помирай в бархате».

А рабоче-крестьянская власть говорит: если человек потрудился на общую пользу, то вместе со всеми он должен пользоваться всеми благами, которые получаются.

Рабоче-крестьянская власть не значит, что богатый мужик Саратовской губернии может у себя держать под замком сотни пудов хлеба или продавать его по спекулятивной цене, по 1 000 руб. за пуд, в то время как в северных губерниях люди едят мох.

Пред представителями власти и предо мною стоит задача удовлетворить и саратовского мужика, желающего как можно выгоднее продать хлеб, и, с другой стороны, новгородских мужиков, которые раньше жили лесом или отхожими промыслами и могли сводить концы с концами, а теперь голодают.

Говорят, будто советская власть жестока.

Но, если я хочу быть справедливым, если я не буду кривить душой, то что же я должен сделать с теми, кто считает, что,

имея 10 десятин чернозема и много хлеба, он может морить голодом целые губернии? Я не буду представителем рабоче-крестьянской власти, если я не заставлю его свезти хлеб этот в голодающие губернии.

Государство можно сравнить с человеком. Если рот отказывается жевать, а желудок отказывается варить, то человек превращается в труп.

Я думаю, что рабочие и крестьяне, когда захватывали власть, вовсе не имели желания превращаться в труп. Рабочие и крестьяне, избравшие меня представителем ВЦИК, в праве потребовать, чтобы отдельных членов государства, отдельные ноги и руки, которые не хотят исполнять своих обязанностей перед государством, принуждать к тому силой.

Сказано: если левая рука тебя соблазняет на грех, отсеки эту руку. Так и я, исходя из общего интереса, должен отсекать эти руки, эти ноги, которые не работают в пользу рабочих и крестьян.

Когда мы взяли власть, не было запасов мануфактурных товаров, не было запасов сапожных и других товаров. Россия была нищая. И вот в этой нищей стране есть сотни и тысячи счастливчиков, сумевших спекуляцией, жульничеством, мошенничеством собрать кучи керенок, собрать их и думать: «Теперь, когда у нас много денег, не мешало бы, если бы к нам пришли казаки и белогвардейцы», ибо они являются защитниками всех, имеющих большое количество денег.

Но в России 99 из 100 этих керенок не имеют. 99 из 100 добывали власть не за тем, чтобы потом пришли Деникины; они взяли эту власть за тем, чтобы рабочим и крестьянам в будущем жилось лучше. Мы захватили власть, чтобы дворянство, чиновничество, капиталисты не имели бы всех тех привилегий, которыми они пользовались.

Мы хотим, чтобы рабочий и крестьянин имел возможность учиться, поступать во все учреждения. Мы захватили власть, чтобы в наших деревнях и городах люди не валялись под барками и под заборами, чтобы у нас не ходили по деревням дурачки и дурочки, вечно страдающие, вечно голодающие; чтобы в деревнях не было сирот и пасынков, которые переносят невероятные страдания.

Вот почему мы захватили власть. Мы захватили власть, товарищи, для того, чтобы всем жилось сносно, чтобы не родился один счастливчиком, — как только родился, так его в благовон-

ную ванну пускают, а когда умирает, то его в глазетовом гробу провожают в могилу, а другой родился на конюшне, всю жизнь гниет в этой конюшне и умирает под забором.

Рабочие и крестьяне на своей собственной шкуре испытали весь старый гнет. Они взяли власть в свои руки и отдать, конечно, этой власти не могут.

Я, товарищи, сам принадлежу к самым мягким людям; до сих пор я не зарезал ни одной курицы; если это нужно, то иду просить соседа.

Нас обвиняют в расстрелах, конфискациях и других семи смертных грехах. Но скажите, пожалуйста: у кого мы конфискуем? Конфискация производится у людей обеспеченных. Мы конфискуем хлеб у сытых и отправляем его в те места, где люди голодают.

Вы скажете, что по дороге воруют. Конечно, воруют и на Сухаревке продают.

Но скажите, — признанием что воруют, обязаны ли мы отказаться от доставки хлеба умирающим с голода? У нас нет сапог для армии. И стыдно слышать, когда говорят, что наши агенты конфискуют. Я на это говорю, что они мало конфискуют.

Калинина надо судить за то, что Красная армия раздета, солдаты идут в бой разутые, а в это время тысячи буржуев ходят обутые в великолепные ботинки. И после этого хватает совести говорить, что советская власть давит!

Нет. Советская власть слаба. Она заражена грехами. Рабочий класс и крестьянство — мы слишком мягкотелы, мы слишком добры. Мы боремся с отъявленными мошенниками, которые свое белое тело вырастили на нашем поте и крови, которые с ненавистью смотрят на нас, Ивановых, Калининых, за то, что мы осмелились оскорбить дворянскую спесь.

Раньше у власти были помазанники божьи. Митрополиты помазывали миром и елеем и говорили, что бог дал царю власть, а мы должны падать ниц перед этой властью. А теперь этот серый, неотесанный мужик влез грязными ногами на трон помазанника. *(Аплодисменты.)* Они этого нам не простят, они за это с рабочим классом и крестьянством, если победят, жестоко расправятся.

Конечно, Калинин этой расправы боится мало. Расправа над ним это — чепуха. Я должен или убрать ноги, или стреляться — и только. Но не в Калинине дело. Они расправятся с вами и не могут не расправиться, потому что не Калинин один им страшен.

На митинге в 1919 г.

Возьмите для примера дезертирство. Ни одно правительство в мире столько не кокетничало с дезертирами. Ни одно правительство в мире не посылало столько ораторов, циркуляров и предписаний по деревням, ни одно правительство так скоро не выпускало из тюрем этих дезертиров.

Почему я освободил 11 человек крестьян на соседней станции, которые участвовали в убийстве коммуниста. Я сказал: да, они виноваты, но они — наши. Это — наши рабочие и крестьяне. Как же к ним строго отнестись? Они сегодня коммуниста искусали, но завтра будут Деникина кусать. И я, товарищи, их выпустил, твердо памятуя, что между Калининым и этими мужиками разницы нет. Мы можем драться в Духов день и до самоубийства дело довести, но мы — родная семья. *(Смех, аплодисменты.)*

Как бы там враги ни говорили, но я знаю, что в самой богатой деревне отъявленных врагов найдется человека два, а все остальные стоят за советскую власть.

Конечно, эта власть делает много глупостей. Мы вовсе не учились быть у власти. Что мы делаем много глупого, я вполне с этим согласен. Но нам нельзя поставить умного человека из других рядов: он изменит. Поэтому, каков поп, таков и приход.

Если рабоче-крестьянские массы меня выдвинули, то, значит, масса глупа, давайте учиться вместе. Деникин и Колчак думают, что они своим опытом, умом и знаниями победят нас. А я думаю обратное.

Мы мужичьим кулаком и настойчивостью возьмем верх: вы на морозе, и мы на морозе, но мы останемся живы, а вы околеете, у вас кость белая. *(Аплодисменты.)*

Рабочие же и крестьяне тысячу лет на конюшне спали. Мой дед 30 лет без шапки в город ездил. Я думаю, что рабочие и крестьяне не умрут.

Новгородская губерния всю солому проела, но выдержала. И я не сомневаюсь, что Деникин нас не уморит и не победит. Колчака мы за сотни верст отогнали, а сибирский мужик побогаче нас. Тамошний мужик-середняк имеет 10 коров да 10 лошадей. Так вот этот мужик великолепно избивает колчаковские банды, целыми тысячами вливаясь в наши ряды. И у нас остался один серьезный фронт — деникинский.

Но нам не страшен этот кавалерийский наездник, который думает разбить нас казачьими бандами... Конечно, мы сегодня наступаем и ломим во-всю, а завтра бежим назад, как стадо...

Рабочие и крестьяне как ванька-встанька: ударил их — они падают и вдруг снова вскочат и бьют. *(Аплодисменты.)* И я думаю, что европейские умники Клемансо, Ллойд-Джордж, Вильсон, которые давно могилу вырыли большевикам, — а большевиками они считают весь русский народ, — я думаю, что они ошиблись, копая эту могилу.

Вы видите, товарищи, что мне не 20 лет, что я не красная девица. Фантазиями я не увлечен, Сам хозяйство веду, на обухе рожь молочу, как все крестьяне.

И я думаю, что мы, рабочие и крестьяне, как бы ни дрались, как бы ни откусывали нос у коммуниста, мы Деникина разобьем.

Недалеко то время, когда мы его выкупаем в Азовской ванне, которая находится отсюда в 400 верстах.

Товарищи красноармейцы, ваша святая обязанность, народ прямо говорит: вы обязаны выкупать Деникина, за ноги его опустить в эту ванну. Иначе, товарищи, и не возвращайтесь с поля брани.

Колчака мы угнали дальше, чем Азовское море; Колчака в два месяца угнали за 700 верст. *(Аплодисменты.)* И Деникина мы отгоним. Вот тогда, вернувшись назад, посчитаемся. Тогда вы Калинина за шиворот: «прочь, умнее найдется». И я скажу: «ныне отпущаеши раба твоего с миром». Я скажу: ныне осталась родная семья, она будет кусаться, драться, но это будет в своей семье. И я уверен, что рабочие и крестьяне совместными усилиями наладят общую жизнь.

Заканчивая свою речь, я говорю: много есть у нас темных сторон. Но только тот, что не продумывает, тот видит одни только темные стороны. Мы, русские крестьяне, всегда жили под кнутом и нагайкой. Урядник за версту едет, папироску за спину прячешь... Ведь на нас не смотрели как на людей.

И теперь, когда кричат, что притесняют, то спросите: кто кого притесняет? Бедняк отобрал у богача одного барана и съел его, а богачи тысячи лет ели этих баранов в то время, когда он голодал. *(Аплодисменты.)* Так неужели, когда в момент захвата власти бедняки съели барана, — неужели это грешно? *(Аплодисменты.)*

Я знаю: многие пошли в коммунисты из-за того, что они думали, будто коммунизм заключается в том, чтобы есть баранов и куриц. *(Смех и аплодисменты.)* Но, товарищи, эта полоса проходит. Мы видим в Москве тысячи рабочих, которые учатся

с утра до ночи. У нас в Красной армии уже 3 000 офицеров только из рабочих и крестьян. И я уверен, что мы совместно дело наладим.

Я думаю, как только мы врага разобьем, жить станет легче. А что мы его разобьем, я в этом не сомневаюсь. Вопрос только — когда?

Нам хочется разбить его за лето, чтобы к осени Красная армия могла притти на печку. Вот в этом наша задача. И я призываю крестьян и рабочих все усилия направить на это дело.

Если только мы захотим разбить дворянство, то не хватит столько дворянских голов, сколько нужно на крестьянские кулаки. Поэтому, да здравствует победа Красной армии! Да здравствует полный союз рабочих и крестьян!

Рабочие дадут крестьянам все необходимое, когда завоюют возможность работать не патроны, а миткаль. А когда все будет в наших руках, то не будет хищничества; будет новый рабоче-крестьянский мир.

Да здравствует, товарищи, этот новый рабоче-крестьянский мир! *(Крики* «ура» и *продолжительные аплодисменты.)*

*

ИЗ ПЕРВЫХ ВСТРЕЧ С СОВЕТСКИМ ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ.

Митинг в селе Монастырском, Нерчинского уезда, Успенской волости, 29 июля 1923 г.

(Присутствует 700 человек.)

Секретарь укома. — Сегодняшний день знаменует собою присутствие в наших рядах одного из руководителей, которые стояли во главе нашего революционного движения и оттуда, из центра, вдохновляли нас на борьбу, которую мы здесь, на Дальнем Востоке, вели на наших сопках за счастье, за строительство будущего государства, в котором не существовала бы несправедливость.

Первый тяжелый путь пройден, и доказательством этого служит то, что мы сегодняшний день в присутствии председателя Центрального исполнительного комитета чувствуем нашу тесную, непрерывную связь с той Советской Россией, за которую боролись, за которую пролито столько крови, погибло столько наших лучших дорогих товарищей. Все восточное Забайкалье передает привет тов. Калинину. *(Ура.)*

Лаппо (от уисполкома). — Дорогой Михаил Иванович, от имени населения Нерчинского уезда приветствую ваш приезд и в вашем лице — борцов, стоящих на страже революции.

Пять лет гражданской войны оторвали нас от центра России, и пять лет мы неуклонно шли к победе. Эти тяжелые пять лет вы стояли в самом горниле этой борьбы, руководя этой борьбой. Мы глубоко ценим ваши несомненные заслуги, которые вы оставили перед историей, они останутся в нашей памяти навсегда, и поколения, которые здесь присутствуют в лице маленьких детей, приветствуют вас. Они сохранят навсегда хорошую память о вас. *(Ура.)*

Васильева (крестьянка). — Приветствую от имени гражданок населения нашей волости дорогого товарища.

Мы много страдали, когда были оторваны от нашей матери родной. Сейчас глубоко радуемся, как дети, потерявшие свою мать и снова ее нашедшие. Мы так много пережили и перестрадали вообще за это время. Мы прошли тернистый путь не меньше, чем наши товарищи. Мы молча, спокойно выносили наш тернистый путь. С нами шли наши дорогие, близкие нам люди; они усеивали трупами свою тернистую дорогу.

Мы, дорогие товарищи, в присутствии нашего дорогого гостя должны оставить все наши недоразумения, недочеты, вражду, которые остались по наследству от наших врагов и от наших мучителей, мы должны сказать, что они погибли навсегда.

Да здравствует советская власть и наши победители! Да здравствует коммунистическая партия, да здравствует советская власть! *(Ура.)*

Путинцев (крестьянин от Ильинской волости). — Крестьяне Ильинской волости поручили мне приветствовать нашего дорогого гостя. Крестьянство после таких тяжелых страданий, пережитых во время реакции, ждало тов. Калинина, и, наконец, это совершилось. Крестьяне моей волости просили передать ему свой привет, они заверяют, что после тяжелых страданий, после пережитой реакции они возьмутся за работу по сельскому хозяйству. Да здравствует ВЦИК, да здравствует тов. Калинин!

Костин (от Знаменской волости). — Товарищи! Трудящиеся крестьяне Знаменской волости поручили мне передать нашему дорогому вождю тов. Калинину искренний свой привет и самые наилучшие пожелания в делах.

Крестьяне желали бы, чтобы он посетил нашу волость, но не знаю, удастся ли это знаменским трудящимся крестьянам.

Они поручили благодарить нашего передового революционного вождя за его трудную работу в борьбе на кровавых фронтах и с хозяйственной разрухой. Мы надеемся, что в самом недалеком будущем настанет тот долгожданный светлый час, когда завершится наш тернистый путь. Да здравствуют наши революционные вожди! *(Ура. Интернационал.)*

Никитин (от Ундинской волости). — Товарищи, приветствую дорогого гостя от Ундинской волости, от рабочих и крестьян волости за посещение и приезд. Горячо благодарим и надеемся, что это не последний раз. Мы много пережили, много страдали и теперь все-таки увидели долгожданного гостя, с которым теперь беседуем. Так вот, дорогой Михаил Иванович, мы очень вас

хотели видеть там, за хребтом, в горах, где нам пришлось так много перенести страданий. Благодарим за ваш приезд и очень горячо благодарим. *(Ура. Интернационал.)*

Труднев (от Богомяковской вол.). — Товарищи, наши крестьяне приветствуют тов. Калинина с благополучным приездом. Благодарим за посещение нашего далекого края.

Товарищи, как вам всем известно, благодаря отдаленности культурных центров наш край некультурен вообще, в особенности в производстве питательных веществ.

Товарищи, мы обращаемся к представителю законодательной власти, пусть обратит на этот вопрос самое существенное внимание. Производство хлебных злаков для нас является первой необходимостью, поэтому мы должны просить Михаила Ивановича, чтобы он произвел специальные предначертания по отношению к производству этих питательных элементов.

Без этого наш край находится в исключительно тяжелых условиях. Он находится в зоне вечной мерзлоты, которая является бичом наших злаков. Благодаря климатическим условиям мы испытываем засухи, от этого мы страдаем.

Но все зиждется на нашем неведении. Повторяю, мы не умеем пользоваться естественными осадками для орошения наших полей. Дальний Восток к этому не подготовлен, ибо он слишком отдален от центральных органов. Мы сейчас — люди, выдвинутые революцией, должны обращаться к власти, просить помочь нам в нашем неведении. Утилизация этой мерзлоты даст положительные успехи.

Все это нужно зафиксировать перед представителем центральной власти. Да здравствует коммунистическая власть! Да здравствует Михаил Иванович Калинин! *(Ура. Интернационал.)*

Наседкин (от Успенской вол.). — Дорогие товарищи, по желанию граждан Успенской волости на мою долю выпало приветствовать дорогого долгожданного гостя — всероссийского старосту.

Мы, товарищи, надеемся, что слияние с властью Центрального исполнительного комитета на Дальнем молодом Востоке даст много крестьянам и излечит наболевшие стороны в деле крестьянского строительства. Поэтому мы пожелаем нашей центральной исполнительной власти здравия. Да здравствует Михаил Иванович Калинин! *(Ура. Интернационал.)*

Селин (от Шилкинской вол.). — От имени 10-тысячного населения Шилкинской волости приветствую вас и в лице вашем Центральный Исполнительный Комитет.

Население Шилкинской волости глубоко верит, что коль скоро Центральный исполнительный комитет вышел победителем на политическом фронте, то он также приведет в порядок все мероприятия и довершит дело на хозяйственном фронте. Эта победа, я должен сказать, может осуществиться только тогда, когда у нашей власти будут явные руководители российской коммунистической партии. Итак, заканчивая свою речь, я должен благодарить от имени граждан Шилкинской волости за посещение тов. Калининым нашего Дальнего Востока. Так пусть же здравствует наш Центральный исполнительный комитет и его руководитель, Российская Коммунистическая Партия! *(Ура. Интернационал.)*

Марисов (из Арбагорских копей).—Товарищи, от имени союза горнорабочих Арбагорских копей приветствую рабочую власть в России в лице представителя ее тов. Калинина.

Горнорабочие за пять лет революции не мало пережили. Они полагают, что под умелым руководством наших вождей революция будет продвигаться вперед. Мы имеем счастье сегодня торжественно выступать на площади, но мы знаем те уголки, как Рур, где горнорабочие находятся под пятой буржуазии Франции, Англии и всей Антанты. Мы думаем, что умелые наши вожди умело поведут борьбу и с иностранной буржуазией, и те рурские товарищи будут освобождены от гнета капитала.

Заканчивая свою речь, я должен сказать: да здравствует Центральный Исполнительный Комитет, рабоче-крестьянская власть в лице тов. Калинина! Да здравствует социальная революция под флагом Коммунистического интернационала! *(Ура. Интернационал.)*

Мельников (от рабочих ст. Шилка).—Товарищи, от имени беспартийных рабочих приветствую приезд дорогого нам товарища.

Еще не все раны изжиты, которые так много пережил Дальний Восток; не зажили те кровавые жертвы, не заросшие травой, наших дорогих товарищей, наших лучших работников, которые отдали свою жизнь за советскую власть. Итак, товарищи, я много не буду распространяться, ибо здесь сказано много. От имени беспартийных рабочих я говорю, что мы можем победить только под флагом коммунистической партии и под флагом Третьего интернационала.

Мы все, товарищи рабочие, боролись в сопках, пережили большую нужду, но мы ждали советскую власть. Мы жили некоторое

время под капиталистической покрышкой, но все же мы говорили, что дождемся советской власти, водрузим красное знамя по всей России и Сибири, знамя, которое скоро взовьется над всем миром. Заканчивая свою речь, приветствую дорогого тов. Калинина, а в его лице Центральный комитет. Да здравствует революционное движение всего мира! (*Ура. Интернационал.*)

Кабирев (от Куликовской вол.).— Товарищи трудящиеся, по уполномочию представителей Куликовской волости я приветствую дорогого гостя. Куликовские крестьяне желают нашим вождям дальнейшего руководства руководимой ими Советской республики, ибо крестьяне куликовские знают, что, будучи возглавляемы такими работниками, мы в конце концов залечим свои раны.

С царящей здесь японской интервенцией, с царящей белогвардейщиной мы справились. Исполняя те директивы, которые дает нам высший орган, наше трудовое советское правительство, трудящееся крестьянство сумеет справиться с разрухой на экономическом фронте. Оно, поэтому, увеличивает свои посевы. Поэтому нам необходимо применение науки в области ведения сельского хозяйства.

Крестьяне Куликовской волости надеются, что они на сегодняшней нашей беседе получат ряд деловых указаний в области налаживания нашего сельского хозяйства. Куликовские крестьяне шлют пламенный привет председателю ВЦИК и в лице его всем соратникам. Да здравствует рабоче-крестьянская власть!

Окунцов.— Дорогой Михаил Иванович, от профессиональных организаций района, от крестьянства, от войсковых организаций, от союза молодежи я уполномочен не только приветствовать вас, но и вручить вам грамоту, которая послужит вам памяткой посещения дальнего нашего уезда и всего дальневосточного края. Памятка эта будет залогом нашего единения и доказательством, что в деле революции мы не отступим ни на один шаг. И в присутствии тов. Калинина я говорю, что мы не уступим ни пяди наших завоеваний и мы обещаем бороться на всех фронтах. (*Ура. Интернационал.*)

Калинин.— Товарищи, я хотел бы сначала узнать, нет ли каких-либо заявлений, жалоб как на местную власть, так и уездную, губернскую и так далее.

Нет ли каких-либо товарищей, которые хотели бы высказаться по поводу центральной власти и местных нужд, потому что здесь были только приветствия.

Но, вероятно, помимо приветствий, есть что сказать крестьянам.

Кто будет говорить — называйте фамилии.

Наседкин, Абрам. — Товарищи, граждане, у нас все удобные места, как пахотные, так и сенокос расположены за рекой. Каждый день раза по два, по три нам приходится переезжать мост, и с нас берут плату, а мы не имеем денег, приходится брать взаймы.

Как бы это попросить нашего тов. Калинина, нельзя ли нам ездить хотя бы на пашню и сенокос бесплатно.

Голоса: Правильно, правильно!

Костин, Василий. — Дорогие товарищи, от имени профессиональных союзов химиков и рабочих я просил бы обратить внимание на наше тяжелое положение с сенокосами.

Я просил бы помощь тов. Калинина: нельзя ли назначить ударную группу, чтобы то сено, которое находится на Амуре, использовать какими-нибудь средствами.

Я думаю, что тов. Калинин, по всей вероятности, поймет нашу нужду, из-за которой мы много страдаем. И я просил бы тов. Калинина обратить особенное внимание на те слова, которые я говорю.

Голоса: Верно, правильно!

Семенов, Абрам. — Я партизан. Начал воевать с самого Ледовитого океана и по случаю этого остался на Дальнем Востоке. Желая проехать в Россию, обращаюсь с этой просьбой.

Латких. — Дорогие товарищи, в настоящий момент наша волость является до некоторой степени неурожайной. В настоящий момент крестьянству приходится отдавать свой скот, свою коровенку за бесценок. Нельзя ли вывести крестьян из тяжелого положения. Быть может, тов. Калинин поможет нам, ведь коровенка идет за 10—15 рублей.

Никифорова. — Товарищи, я хочу сказать вот что: молодой Шилкинский женотдел хочет устроить ясли, и, несмотря на всю свою энергию, помощи нет.

Мы призывали всех женщин и крестьянок, так как крестьянки в лучшем положении находятся, чем железнодорожные служащие-женщины, но они отказываются, основываясь на том, что неурожай, а я думаю просто потому, что привыкли к такому воспитанию детей.

Так вот мы просим: нельзя ли как-нибудь помочь нам открыть ясли.

Сулинин. — Не будет ли каких облегчений с попенной платой. Просим тов. Калинина сказать нам, как смотрит на это дело центр. Я имею поручение, полномочие выяснить для нашей местности этот вопрос.

Калинин. — Я остановлюсь на последнем поднятом здесь вопросе — попенной плате.

Все леса, где бы они ни были, являются собственностью государства, и только последним декретом, принятым на сессии, часть лесов местного значения перейдет обратно к крестьянству. Но, разумеется, попенная плата должна существовать. Должен быть целый ряд льгот, которые должны быть оказаны беднейшим, например, погоревшим, вообще бедным крестьянам, и местные земельные органы далеко могут итти в этом отношении навстречу крестьянству.

Все остальные вопросы имеют более или менее частный характер. Я на них сейчас останавливаться не буду и остановлюсь только на нашем общем положении.

(Тов. Калинин, после обзора международного положения и разъяснений о порядке роспуска армии, продолжает.)

— Нас, коммунистов, здешняя дальне-восточная интеллигенция, да и не только здешняя, — обвиняла, что мы являемся не русскими, а интернационалистами, то-есть противниками русских национальных интересов, тогда как буржуазия любит выставлять себя защитницей национальных русских интересов.

Когда же дело дошло до их кошелька, их имущества, до их имений, то оказалось, что они призывают иностранные силы против русских же людей. Наши враги кричат, что из 6 миллионов человек армии у нас было больше всего китайцев и латышей, но вы сами видели, что из 6 миллионов, может быть, 50 000 наберется всяких инородцев; хотя республика наша большая, страна населена различными национальностями, но в армии преобладал русский крестьянин, главным образом, центральных губерний — Рязанской, Тульской, Московской, Тверской. Это был центр, откуда формировалась Красная армия. А губернии с инородческим населением, они были захвачены большей частью белогвардейцами.

Как только мы окончили гражданскую войну, мы приступили к сокращению Красной армии, и к марту месяцу настоящего года мы сократили ее с шести с половиной миллионов до полмиллиона человек.

Одна из главных забот правительства — это уменьшение армии.

Уменьшился ли расход на армию? С внешней стороны должно казаться просто: у нас было шесть миллионов, а осталось шестьсот тысяч; казалось бы, уменьшится расход. А я должен сказать — расход не уменьшился, нам армия стоит не меньше, чем стоила, потому что главная часть армии на фронте питалась во время гражданской войны за счет крестьянского хозяйства. Не было у нас хлеба, проходили деревни — там и питались.

Затем половина или две трети армии ходила босиком. Я сам был на Западном фронте. Осенью в болотах по колено в воде и босиком, — по два, по три дня не евши. Когда была жестокая война, наши красноармейцы, хотя и жаловались, высказывали недовольство, но понимали, что у советского правительства нет средств, и страдали, терпели.

Теперь, когда понемногу хозяйство стало поправляться, красноармейцы требуют — совершенно справедливо, — чтобы они были лучше одеты, чтобы питание улучшилось, чтобы вся обстановка была лучше.

Ведь мы требуем, чтобы красноармеец был лучше подготовлен на случай возможной войны. Теперь красноармеец не воюет, а обучается. У нас армия в 600 000 человек, но, если будет объявлена война, даже с таким государством, сравнительно небольшим, как Польша, то должны выставить сразу же минимум — два с половиной миллиона человек, сразу мобилизовать. И эту шестисоттысячную армию мы должны растянуть, как резину, влить в нее эти два с половиной миллиона человек.

Шестисоттысячная армия должна явиться кадром особенно обученных, дисциплинированных солдат, которые могли бы захватить новые призывы сразу в организационные формы настоящей армии.

Конечно, если война будет объявлена через год, у нас еще столько старых орлов в деревне, что эти старцы будут лучше молодых на фронте. А если через пять лет, то партизаны обабятся; и вообще крестьяне не обладают воинственностью, и только потом, когда побудут на фронте месяцев 5-6, тогда из них будут хорошие бойцы.

Советская республика должна беречь свою армию. Конечно, это не является нашим желанием — содержать большую армию, но это нужно. Мы армию содержим не большую, чем другие государства, а даже рискуем содержать много меньшую.

По своему составу армия стала лучше: командный состав у нас теперь в большей степени состоит из крестьян и рабочих,

все это бывшие командиры дивизий, полков, рот, батальонов, которые выработались во время революции. Теперь они большей частью обучаются в военных училищах, на военных курсах, многие из них дошли до военных академий. Раньше они были командирами дивизий, дошли до этого своей военной доблестью, энергией, храбростью, военными талантами, но все-таки в них нет военной науки. Одно дело талант — другое наука.

Предположим, в деревне есть очень хороший гармонист, но когда вы его заставите играть на рояле или скрипке, которые считáются лучшими музыкальными инструментами, которыми буквально можно говорить, то эти лучшие гармонисты, какой бы у них ни был богом данный талант, должны сначала научиться играть.

То же самое и мы — располагаем в армии очень многими талантливыми командирами, вышедшими из рабочих и крестьян, но теперь, пока время свободно, правительство создает целый ряд военных курсов, их обучает, и командиры дивизий, привыкшие командовать десятью тысячами человек, сели на школьную скамью для прохождения трехгодичного курса, а после трех лет военной академии им даем батальон или полк, а уже потом дивизию.

Мы снижаем их и даем дивизию не сразу. Почему это делается? А потому, что, если придется воевать, то уж не с внутренним врагом, не с русской белогвардейщиной внутри нас, с этим справится теперь и ЧК, она мигом справится, справится даже народный суд с контрреволюцией и будет лишь в исключительных случаях расстреливать, когда чересчур переборщат, — а нам нужно будет войско на случай возможного нападения со стороны восточных или западных границ, со стороны мировой буржуазии.

Итак, армия, красноармейцы должны быть не только храбрые, — в храбрости их сомневаться не приходится, — есть и доверие красноармейца к командному составу, это тоже есть, но красноармеец должен будет хорошо знать, за что он воюет, чьи интересы отстаивает, кроме того, должен будет уметь воевать. И на это правительство обращает очень большое внимание. Обучение происходит жестокое, — требования большие как к красноармейцам, так и к командному составу. Мы стремимся из крестьян выработать своих генералов. Мы считаем: до тех пор, пока у нас не будет из крестьян и рабочих собственного командного состава, до тех пор не будем чувствовать себя спо-

койными, всегда можно ждать измены. С голыми руками теперь воевать нельзя.

Теперь Англия целые десятки тысяч своих подданных на Востоке усмиряет одними аэропланами вместо десятков тысяч солдат. Например: в Египте, в Месопотамии, где Иерусалим, в местах, на которых останавливается священная история, там народы восстают против английского правительства, а оно их усмиряет, отправляя аэропланы. Эти аэропланы налетают на деревни, сбрасывая пару сотен бомб, деревня взлетает на воздух, разрушается, возникает паника.

Теперь происходят большие изобретения в области химии. Немцы первые применили газы и отравляли солдат на фронте. Теперь наука пошла дальше: эти газы выпускаются на расстояние многих верст и отравляют целые города, уезды, села.

И вот, если у нас будет объявлена война, наши враги, конечно, употребят все эти технические средства. В соответствии с этим нам приходится восстанавливать заводы по постройке аэропланов. И уже теперь эти наши заводы нагружены такими постройками.

Затем нам приходится употреблять все научные средства для подготовки, с одной стороны, защиты от газов, а с другой — с волками жить, по волчьи выть — самим приходится изобретать такие разрушительные средства для борьбы. Поэтому приходится огромные силы и средства тратить на восстановление амуниции военной и военного оборудования, это тоже статья государственных расходов. Итак, вы видите, рабочее правительство, с одной стороны, уменьшая до минимального размера армию, вместе с тем стремится увеличить ее качество, этим самым сравнять силы, которыми располагает Советская республика. Мне кажется, в настоящую минуту военная мощь нашей армии не меньше, несмотря на численное сокращение в десять раз; ее мощь, я думаю, не меньше, чем была два-три года тому назад. Это достигается большим напряжением и немалыми расходами государственных средств.

За этим следует другой вопрос, стоящий перед правительством, это вопрос о сохранении связи внутри государства.

Вы сами понимаете: Россия — страна, один конец которой упирается в Балтийское море, а другой, на расстоянии восьми слишком тысяч верст, упирается в Тихий океан. Разумеется, и для хозяйствования, и для защиты границ такого государства должна существовать хорошая связь, должны быть телеграфные

и железнодорожные линии. А все эти средства связи, шоссейные дороги, водные пути были разбиты до последнего предела.

Об этом вам нечего рассказывать, потому что многие из вас участвовали в этом разрушении при проезде колчаковских поездов. Советской России приходится производить большие расходы на восстановление и поддержание этих средств связи, и избавиться от этих расходов мы ни в коем случае не можем, если хотим сохранить свое государство в целости и укрепить его.

Перед государством встает еще ряд других расходов. Нужно наладить школы. Наше крестьянство, наш рабочий класс очень сильно отстали от западно-европейских. В то время как у власти находятся рабочие и крестьяне, казалось бы, наши рабочие и крестьяне должны быть образованнее всех остальных государств мира.

Казалось бы так, потому что, коль скоро эти два класса стоят у власти, они должны располагать достаточным количеством образованных людей внутри себя для управления своими делами и делами такого огромного государства и хозяйства. А по существу крестьянство России и рабочий класс, конечно, в высшей степени отсталые, малограмотные и даже в огромной степени совершенно неграмотны. Здесь правительство тоже обязано принять самые героические меры. Однако, мы слишком мало средств отпускаем на народное образование, открыто признаю это.

Почему мало отпускаем? Например, мы мало отпускаем потому, что крестьянство еще только налаживается, как после пожара вы сначала строите дом, покупаете необходимый инвентарь для обработки полей и, когда мало-мальски поправляетесь, начинаете думать об украшении внутри своего дома. Когда украсили дом и когда вы уже немножко лучше живете, начинаете думать: а нельзя ли и книжечку по случаю купить. Это сказки, что духовная пища требуется прежде всего. Она бывает тогда, когда удовлетворены физические потребности.

Когда вы голодны, ничего духовного не пойдет. Так же перед государством: когда страна обнищает, то при всем сознании необходимости образования, — а мы ведь отлично знаем, что крепость и рост советской страны целиком будут основаны на образовании, на сознательности рабочих и крестьян; если образование поднимается, то и крепость советского дела укрепляется, — мы вместе с тем великолепно понимаем, что, если придем к

голодному с книгой, с лекцией, с образованием, то это попросту покажется насмешкой над крестьянином. Он скажет: я голоден, умираю, думать о духовной пище, об образовании я не могу.

И перед государством стоит первоочередная задача поправить хозяйство, а это значит: хочешь или не хочешь, но в меру возможности уменьшай с крестьянина налоги, потому что уменьшение налогов означает, что он часть средств может употребить на хозяйство. Конечно, когда я говорю об уменьшении налогов — это вовсе не значит, что крестьяне очень много платят. Если взять плату нашего крестьянина, предположим, по сравнению с Англией или Америкой, — то крестьяне там платят гораздо больше. Но, платя этот налог, они имеют, из чего платить. А наш крестьянин, предположим, зарабатывает в год сто рублей золотом. Если взять полученный с поля хлеб, — я беру хозяйство, например, Тверской губ., — у него в среднем пять человек семьи, а он заработал сто — сто пятьдесят рублей да на стороне приработал, выйдет двести золотом, — извольте-ка прокормиться.

И, конечно, если государство берет с него 20 руб., только 10% заработка, то по существу для крестьянина это является страшной тяжестью. Этими двадцатью рублями он лишается, например, коровенки, которую он за эти деньги мог бы себе купить. Теперь за границей налоги платят гораздо большие, чем у нас, но для наших крестьян они тяжелы, потому что государство разорено. И мы это отлично понимаем. Целый ряд нужных потребностей ограничены, как например, потребности железных дорог, школ, и мы вынуждены сравнительно тяжело облагать наших крестьян.

Если хозяйство развивается, если крестьяне мало-мальски богатеют, то, значит, и облагать их можно налогами, значит, хозяйство растет. Если же крестьянство разоряется и беднеет, то надо быть на-чеку, и вопрос стоит очень остро. Сегодня берем пятнадцать-двадцать рублей, на будущий год столько же, а на послебудущий — мы этих двадцати рублей не соберем, ибо хозяйство разорено. И поэтому, хоть десят шкур сними, все равно их не получишь.

А я должен сказать, что по всей советской территории крестьянское хозяйство растет, развивается, — правда, неравномерно в одном месте быстрее, в другом медленнее, а в третьем совсем разоряется — там, где систематический голод, систематический неурожай, где силен бандитизм, как в Туркестанской республике. Есть часть разоряемых мест и в Сибири, это в одной из бога-

тейших губерний, — Алтайской. Затем, развивается здесь хозяйство слабее потому, что только что окончилась жестокая гражданская война, плохо работала железная дорога, целый ряд нужных для крестьян предприятий стоит; возьмем для примера те же угольные копи, — они вырабатывают мало, да и угля тратить некуда, если железные дороги работают на одну десятую по сравнению с тем, как работали до войны, а убытку дают в десять раз больше.

Все эти обстоятельства, конечно, крестьяне должны понимать. Но железные дороги — и у вас в том числе — быстро поправляются. Например, здешняя дорога считается самой убыточной. Ее движение за эти пять-шесть месяцев процентов на 20 увеличилось, увеличилось количество пассажиров, грузов и пробегов.

И это улучшение по всей Советской республике в общем сказывается за этот год, примерно, на 20%. Если вся советская территория в 1921 году производила, предположим, на сто рублей золотом, — перевожу на золото, — то в 1922 году общее количество произведенного увеличилось до 120 рублей, на 20%. В 1923 году, думаю, будет увеличено процентов на 25. Это показывает, что улучшение идет не столь быстро, как того хотим, но все же идет.

Перед рабочими и крестьянами стоит труднейшая задача, которой у них раньше не было: это было дело буржуазии (она была у власти, она распоряжалась), мы же не интересовались ни работами железных дорог, ни их прибылью, ни их убытками; те или другие предприятия были хозяйские, наше дело было работать из-под кнута. Мы работали, подгоняемые хозяевами, потому что они не дадут тебе лежать, а всегда поднимут и разбудят, заставят беречь хозяйство. Теперь эта задача ложится на крестьян и рабочих.

Вот мы свергли власть. Для чего? Для того, чтобы каждому было лучше. Крестьяне воевали не для того только, чтобы свергнуть, а для того, чтобы жить стало лучше. И вдруг приходится теперь самим работать, а, главное, заботиться. Возложили бременем на собственные плечи и заботу о государстве. Иному покажется: вот уж действительно, что из огня да в полымя попали.

Вот буржуазия на это и рассчитывала. Она вообще думала, что рабочие не способны управлять. Прочитайте старые белогвардейские книги и газеты, — они были уверены, что власть

пробудет две-три недели, и думали не силой нас победить. Они думали «этих варваров», лодырей забрать голыми руками. А теперь видят, что не так просто приходится. Народ понимает, что дело не в ломке, не в разрушении и расстрелах. Мы ведь сейчас только развязали руки рабочим, дали им широкое пространство, чтобы приложить к нему свои мозолистые руки, потому что учить нас некому. И теперь стоит большая задача, как приложить эти руки, в роде того, как, приехавши на необитаемый остров, надо еще найти, с чего начать хозяйство.

А чем мы победили Колчака? Его мы побеждали тем, что рабочие и крестьяне ненавидели всю эту благородную кровь и белую кость. Дворянское офицерство даже подготовило нам командный состав из крестьян и рабочих, ибо первые офицеры из дворян были в начале войны перебиты, а потом стали появляться командиры из более низких слоев населения. Помещики сами обучили нас расправляться с ними. Почему мы были жестоки? Они нас приучили своей жестокостью, они часто беспощадно колотили крестьян, расстреливали за самый маленький проступок. Когда обратно стало, мы мерили той же чашей и мерой, какой вешали нам.

Рабоче-крестьянского государства другого в мире нет. Мы первые строим такое государство и ехать учиться его строить некуда. Мы, этакие вахлаки, — как говорят про нас, — без опыта построили рабоче-крестьянское государство, — дело обстоит так, что к нам ездят теперь западные умники, ученые, профессора, изучают непонятную для них нашу работу.

В чем сущность нашего государства? Надо такое положение создать, чтобы не чересчур оказался силен богатый класс. Мы допускаем сейчас НЭП. Что значит НЭП? Это значит, что отдельный человек может богатеть, в то время как другие, окружающие его, могут беднеть. Нэп дает возможность и крестьянам, особенно работоспособным, вкладывать свой разум и физические силы на улучшение своего хозяйства. Вот, например, семья из шести здоровых мужиков и шести здоровых девиц или баб — их жен. А рядом семья из двух человек взрослых и пяти ребятишек, и из них, быть может, больная жена. Ясно, что работа тех и других будет различна.

И если пять лет будем смотреть за работой этих семейств, увидим, что одна семья будет богатеть, а другая нищенствовать. Мало того, эта семья — большая — может заставить работать на себя эту маленькую семью. Должны ли мы культивиро-

вать, развивать эту крестьянскую семью или должны разорять ее? НЭП дает возможность развиваться этой семье. И мы думаем — это правильно. Но, товарищи, развиватьея до известного предела.

Голос: Дадут, а потом опять отнимут.

Калинин. — Мы дадим им развиваться, чтобы не было опасности для существования середняка; поэтому мы и НЭП допускаем только до известной степени, и, как только одно хозяйство чересчур выдвинулось, мы должны его немножко снизить налогами и так далее. Если не будем стричь, то через два года возвратимся к старому порядку.

Если бы наше рабочее государство было только крестьянским, я не сомневаюсь, оно погибло бы. У нас теперь растет рабочий класс. Рабочий, конечно, гораздо сильнее крестьянина, в этом нет никакого сомнения. Если взять пять тысяч рабочих и столько же крестьян, то сила рабочих раз в десять будет больше, чем у крестьян. Почему сила рабочих больше? Потому что эти десять тысяч рабочих собраны вместе в большие массы, работающие в одной мастерской, в одном месте, получают более или менее одинаковую плату, их всегда можно собрать в полчаса; обучить военному строю тоже ничего не стоит, — в то время как крестьяне разбросаны на большое пространство. Попробуйте-ка 10 тысяч крестьян, разбросанных по Сибири на расстоянии ста верст, собрать. Когда соберешь, то уже поздно. Это одно.

Второе, — крестьянство очень слабо развито. Бедный крестьянин сам иногда защищает чужую собственность. Иногда смешно, что защищать-то ему нечего, а он защищает, и царское правительство углубляло это невежество. Одни крестьяне без помощи рабочего класса никогда не свергли бы царское правительство. И ведь нельзя сказать, чтобы крестьяне спокойно переносили старое самодержавие, достаточно вспомнить Стеньку Разина, Пугачева, — крестьянских бунтов много было, и они были побиты. Почему? В одном месте — восстание, а в другом — сидят на месте, а рядом — ждут, пока в другом месте крестьян расшерстят. И вот в союзе рабочие и крестьяне создали рабоче-крестьянское государство.

В чем ценность этого государства? Ценность в том, что мы всегда располагаем силой двух миллионов людей рабочих, собранных на фабриках и заводах, которых в любое время можно собрать. Второе, — эти рабочие не имеют собственности, их

благосостояние целиком связано с благосостоянием государства. Ну вот, здесь, например, копи будут разоряться и разоряются до тех пор, пока у государства не будет железных дорог. Поняли?

Поэтому рабочий, хочет или не хочет, а должен для собственного улучшения улучшать государство и создать из него государство, богатое в целом.

Вот, товарищи сибиряки, сибирские рабочие являются как будто самыми ярыми не-государственниками; а между тем никто так, как они, не стремится к укреплению Советской республики. Они конкурируют своими копями, стремятся дешевле продать на рынок, а сами работают иногда за нищенскую плату, а вместе с тем развивают хозяйство, дают встать на ноги железным дорогам, позволяя вывозить товары за границу.

Ведь остовом Советской республики является рабочий класс, а телом, если можно так выразиться, является крестьянство. Конечно, и рабочий класс без помощи крестьянства погибнет, его разобьют в два счета, но и одно крестьянство тоже очень скоро будет разбито. Наше правительство стремится сочетать интересы рабочего класса и крестьянства, сделать их общими интересами, и вся наша политика направлена на это.

Я говорю: нужно нажимать на крестьянство, брать максимальное количество налогов, ибо вы понимаете, что эти деньги идут на восстановление железных дорог, фабрик и заводов, которые тоже нужны и крестьянам, и рабочим, и всем вместе на содержание армии. Мы должны брать налоги, но так, чтобы для крестьянина было терпимо, и там, где мы замечаем, — переборщили, — мы уменьшаем, исправляем. Конечно, ошибок много, ведь территория Советского государства очень велика.

Рабочие за это время страдали невероятно, работали и задаром, за хлеб и воду, носили свои последние штаны, больше нечего было. В Советской России понимали, что рабочего надо сохранять, он — главная сила — и боевая, и политическая — и без рабочего класса не осуществить культурного развития. Ведь культура не словами двигается, а выпуском новых паровозов, устройством кузниц, заменой зеленых стекол полубелыми, чтобы вместо песка лицо мыть мылом, да еще, чтобы мыло было с духами.

У крестьян культуры нет, ее несут рабочие, крестьяне дают питание человека, а культура выращивается на фабриках и заводах, поэтому беречь рабочих нужно, а им мы тоже платим жалованье в половину довоенного времени или две трети. Зна-

чит, на крестьян нажимаешь для того, чтобы можно было рабочих содержать, и приходится правительству лавировать между этими двумя трудностями.

Скажут, надо драть с нэпманов. Но, во-первых, их мало и допускать их много нельзя, потому что, если мы разрешим, чтобы в каждой деревне было по два по три кулака, тогда нам будет не сдобровать. Поэтому мы не можем выращивать нэпманов, мы не должны забывать середняка.

Главной задачей является наладить государственную работу, поднять производство фабрик и заводов, технически их усовершенствовать, сделать их, приблизительно, такими, как за границей, а если можно, то и лучше. Это — первая, неотложная задача. Поэтому мы расходуем последние средства на электрификацию, на ввоз лучших машин, на оборудование фабрик и заводов и переоборудование наших старых заводов.

Вторая задача: нам нужно постепенно, коль скоро фабрики будут налажены, приступить к выпуску массового количества чугуна и железа. Мы понимаем, что в ближайшие годы страна предъявит огромный спрос на железо, и перед нами стоит сейчас же задача: наши фабрики и заводы наладить, сделать такими, чтобы они изготовляли много железа, чугуна, чтобы могли их обратить в земледельческие орудия.

Нам в высшей степени необходимо приступить к улучшению техники крестьянского хозяйства. Это еще не техника — разводить табак в огородах. Ясно, что хозяйство ведется у нас возмутительно примитивно, так же плохо, как и наши огороды; надо, чтобы наши сыновья вели лучше свое хозяйство.

Заметьте, ведь у вас в деревне на огородах, вероятно, не найдешь огурцов; если кто был в Германии, прошел там расстояние в пять верст по деревне, — сколько бы он там огурцов видел. Там все дороги обсажены фруктовыми деревьями. Если хозяин наложит на телегу 25 пудов, то может спокойно везти верст сто, а у нас наложите-ка этот груз, — проедешь десять сажен, и вытаскивай на своих плечах; или какой-нибудь разрыв, или моста нет.

Какое же это хозяйство, если крестьянину пять пудов продналога приходится везти пятьдесят верст, сколько он ему встанет, да еще лошадь искалечит.

Тут-то и стоит серьезная задача перед советским правительством. А в чем сила тов. Калинина? Ведь не умнее же он бывшего Керенского, это ведь он сам может считать себя ум-

нее, и уж, вероятно, не умнее Милюкова и других. Однако, мы побеждаем. В чем же сила? Не в его уме, а в поддержке рабочих и крестьян. Пока будут поддерживать, будешь умным, а не то — дурак дураком окажешься. (*Смех.*)

Главные успехи наши — в поддержке рабочих и крестьян, иначе наше правительство давно бы село в калошу. Сколько раз наши враги предсказывали: большевики разбиты, дошли до такого тупика, что им не справиться, а мы все-таки побеждали, мы такие дела делали, какие простым человеческим силам не по плечу. Европейские армии нельзя было заставить в мороз на своих фронтах стоять по колено в воде. А наши солдаты умирали, сознавая — за что, и позиции не оставляли. Это не всякая армия могла так сражаться. Мы должны такие силы развернуть, каких еще мир не видел. Наша задача эти силы урегулировать, рационально их направлять, и, я думаю, что успехи у нас уже есть.

Армия, безусловно, у нас тверда и крепка. Ее бы надо было, — тут уже об этом спрашивали, — весной распустить. Красноармейцы истомились, и служба им надоела, и тогда из них плохие вояки. Мы же по бедности задержали их роспуск. Вероятно, или осенью или будущей весной будем новых набирать, а старых распускать. Только из-за бедности задержались. Ведь распускаешь 600 000-ю армию, красноармейцы ругаются, говорят — четыре года служили, хотят взять шинель и сапоги с собой, а новые придут, потребуется шестисоттысячный комплект обмундирования. Теперь понятно, почему мы армию не распускали.

Теперь насчет железных дорог. Хотя они не особенно важны, но я уже ехал сюда до Вятки, делая тысячу верст в сутки, даже побольше. От Москвы до Екатеринбурга движение было прямо американское. Только здесь тише едем, но через годика два и здесь улучшится движение. Что было два года тому назад на железной дороге, вам самим хорошо известно.

Наконец, успехи во всем остальном. Нас обвиняют: вот до чего довели — наши бумажки не имеют цены. Но теперь мы только 20 — 30% государственных расходов погашаем выпуском новых бумажных денег. Выпуск бумажных денег, раз они через день обесцениваются, тоже означает налог. Даже очень тяжелый, только мало заметный.

Золота у нас немного в обращении. Бумажные же деньги падают. Вот вы сегодня получили жалованье, предположим, де-

сять рублей, на них вы можете, положим, купить десять пудов муки, а встали — на утро на них уже можно купить только девять пудов, — все дорожает с каждым днем. Вы это не так ощущаете, у вас здесь серебро, но и оно упало, — по крайней мере, разменная монета.

В настоящее время наши бумажки падают раза в три медленнее, чем бумажки Германии. Германские марки раньше стоили больше сорока копеек золотом, теперь один доллар оценивается в сотни тысяч германских марок. Вот видите, как дело обстоит.

Мы же к первому января хотим приостановить вовсе падение денег, и тогда можно будет сказать, — мы стали крепко на ноги, тогда можно и приступать к улучшению положения рабочих и крестьян. Мы работаем теперь, получая маленькую заработную плату, не имеем возможности не только что-нибудь скопить, но даже не хватает на крайнюю необходимость. Например, нужно рабочему штаны, у вас в одну получку он не сможет купить, хотя бы из чортовой кожи, а через две-три — скопит и купит. У нас же, в центральной России, будешь копить, — вместо 20-ти рублей, пятьдесят копеек получится. Поэтому, прежде всего нужно советскому правительству укрепить свою валюту, и мы замечаем, что наша валюта оздоровляется, и думаем, что в ближайшем будущем более или менее будет стоять крепко.

Выгодна или нет для правительства крепкая валюта? Конечно, выгодна. Когда мы укрепим свою валюту, то и люди станут бережливее, а эта бережливость полезна правительству. Это даст возможность государству, пользуясь сбережениями, получая их в кредит, скорее восстановить хозяйство Советской республики.

Теперь в производстве железа и стали за эти годы заметны стали успехи. Увеличивается количество угля, чугуна, железа.

Увеличивается и наш вывоз. Он основательно поднялся за последний ряд лет: сначала мы только покупали за границей, а вывозить нечего было. На наш золотой запас покупали кое-что. Из него около ста миллионов рублей израсходовали на хлеб, который нужен был для голодающих мест. В 1921 году мы начали свой вывоз, который в 1922 году равнялся одной трети ввоза, а за 1923 год наш вывоз стал превышать и самый ввоз. К 1-му июня запродано около 38 миллионов пудов и уже вывезено через границу — пропущено 32 миллиона.

Это, конечно, мало сравнительно с мирным временем. Но теперь на 1924 год мы предполагаем вывезти около 200 —

250 миллионов пудов, такой план намечен. Это даст нам возможность за границей погасить наши долги за заграничные товары. Ведь золота у нас мало, а часть товаров из-за границы необходимо выписывать, например, целый ряд лекарств, их нет и никогда у нас не было. Затем, сложные машины, их не делали и не делают. Затем чай, кофе, который крестьяне пока мало употребляют, но с мало-мальским улучшением хозяйства будут употреблять.

Я стремился вам представить то, что делается в общем и целом в хозяйственной жизни Советской республики, не останавливаясь на отдельных ярких моментах текущей политики. Я думаю, что о политике приезжие агитаторы вам иногда делали доклады. Я, главным образом, ту сторону брал, которая агитаторами обыкновенно упускается из виду.

Приведя общую оценку нашего внутреннего хозяйства, я думаю, она такова, что отчаиваться, сомневаться в наших успехах нет основания. И враги, несомненно, наши силы правильно учитывают. Например, последний конфликт с Англией. Он отчасти вызван и нашим успехом экономическим. Английские газеты, когда объявлен был НЭП, думали, что они воспользуются им и захватят целые отрасли русской промышленности, и разочаровались.

Газеты пишут, что с большевиками работать нельзя, что они требуют слишком много за право эксплоатации фабрик и заводов и стремятся использовать иностранный капитал в интересах России. Но это ясно, как день, мы, конечно, его стремимся использовать, но разочаровались они потому, что надеялись, что мы без их помощи буквально погибнем. Теперь даже там раздаются голоса, что оздоровление России идет гигантски быстрыми шагами, что мы начинаем вывозить свои продукты. В будущем году мы будем играть заметную роль на международном рынке и хлебом, и льном, и целым рядом других продуктов. По крайней мере, в последние месяцы послали за границу масло и яйца, и они видят, что мы собственными силами выкарабкиваться начинаем.

Теперь вопрос о концессиях. Всего подано заявлений около 250. Из них за эти два года утверждено нами всего около 25 концессий, и из них двадцать почти не имеют значения. Например, вывоз кишек: у нас их не перерабатывают, а за границей большое производство, и раньше они вывозились. Теперь там организовано общество переработки кишек.

Затем один завод сдан лучшей заграничной фабрике аэропланов. Германцам запрещено было вырабатывать аэропланы, а она первая страна, у нее известная фирма «Юнкерс». Для нас это, конечно, будет выгодно, нам нужно хорошее оборудование аэропланных заводов. Нам также нужны опытные инженеры, чтобы рабочие научились новейшей технике.

Сдана одна земельная концессия. Но мы с концессиями очень осторожны и несговорчивы, нам все они кажутся невыгодными. Недавно предложили большую концессию, рассмотренную в самые последние дни перед моим отъездом. Английские капиталисты предлагают внести капитал, равный стоимости всех волжских пароходов. У нас на Волге есть волжский флот. Концессионеры предлагают работать на половинных началах. Волжский флот оценивается в несколько десятков миллионов рублей золотом. Английские капиталисты вносят эту сумму и работать будем, приблизительно, тоже пополам. Такие условия сравнительно сносны, но только срок большой — на пятьдесят лет.

Но рабочие волжские против. Они согласны убавить на 30% количество рабочих, согласны перейти на госрасчет, обязались отказаться от правительственной субсидии и обещались пользу принести, и английские условия пришлось отклонить. Я считаю, что нам надо было бы согласиться, это дало бы возможность поставить волжское пароходство на крепкую ногу. Председатель назначался бы с русской стороны, рабочие все русские, технический персонал тоже, разногласия были с акциями. Мы предлагали, чтобы у нас было 51% акций, а у них сорок девять. Но главная борьба шла за технического директора.

Я вам только такой пример даю, чтобы показать, как рассматриваются концессии.

Сдана одна концессия, завод «Шарикоподшипник», шведской фирме. Фабрика изготовляет подшипники для автомобилей и велосипедов, она единственная фабрика, изготовляющая на весь мир. Она была национализирована. Шведские капиталисты взяли этот завод на концессию. Они заплатили правительству полную стоимость за весь товар, который был национализирован, признали национализацию. Эта концессия на сорок лет. Они обязаны по договору иметь определенный запас шарикоподшипников, они обязаны развить у нас производство шариков. Раньше завод изготовлял шарики в полтора дюйма, а теперь должны изготовлять в 3 дюйма. Они обязаны через два года наладить производство крупных шариков.

Я, товарищи, не высказываюсь, нужны ли вообще концессии, понимая, что вы сами считаете, что это необходимость нас заставляет мириться с концессиями. Конечно, было бы желательнее никаких концессий не сдавать, но одно дело желание, а другое — необходимость наладить хозяйство разоренного государства, которого собственными силами не поднимешь. Приходится рабоче-крестьянскому государству мириться, и все-таки, когда что-нибудь оно сдает в концессию, оно очень осторожно к этому относится.

Вот на этом кратком обзоре я хочу кончить. В общем и целом нам, конечно, придется еще много невзгод терпеть, и было бы смешно государство «тяп-да-ляп» построить. Очень много придется терпеть, но никакого сомнения нет, что мы создадим рабоче-крестьянское государство. И я думаю, товарищи, что даже мы, люди с седыми бородами, которым не так уж много жить осталось, может быть, десяток или полтора десятка лет, я лично проживу, вернее всего, не больше десятка, я думаю, за этот десяток лет мы нашу республику должны поставить и в области техники, культуры и в области развертывания народного творчества. Мы должны встать впереди самых передовых стран, и через пятнадцать лет, если еще не будет революции, и рабочие Западной Европы не захватят власть, мы должны быть самой передовой страной.

Вот колоссальная задача, стоящая перед нами. Мы должны ее выполнить, иначе будем побиты. Сейчас империалисты не решаются действовать против нас, слишком народ против войны, а через пять лет мы слишком будем сильны и материально нас не побить. И поэтому, товарищи, вопрос, стоящий передо мной, я думаю, ясен не только мне, но и вам.

Сейчас надо употребить все силы, чтобы наладить наше хозяйство. Кроме крестьянского хозяйства, увеличения его производительности, государство должно также строить фабрики и заводы и строить для обороны аэропланы, броненосцы, танки.

И когда сравняемся с Западной Европой в области техники и культуры, а потом перегоним их, тогда можно будет сказать, что темп работы можно облегчить, немного отдохнуть, хотя отдыхать, вероятно, нам-то не придется. Уж, очевидно, такая историческая судьба нашего поколения — сначала тянуть самодержавную лямку, а потом с ними драться, а теперь склеивать те разбитые горшки, которые произошли в этой большой драке. Раз такая задача стоит перед нами, то я и призываю ее выполнить. (Голос: тов. Калинину — ура! — Ура... *Интернационал.*)

МИТИНГ В СЕЛЕ МИХАЙЛОВО-СЕМЕНОВСКОЕ, АМУРСКОЙ ГУБЕРНИИ.

5 августа 1923 г.

Калинин. Есть ли какие-либо жалобы и заявления?

Ханжина. Я хотела бы попросить проезда к мужу в Ново-Николаевск. Он писал, что в Хабаровске мне дадут деньги и документы на проезд, но ничего не получила. Муж служил в 1919 году у Колчака, он Пермской губ., я здешняя казачка. Он служил и в Красной армии, во всех боях был.

Он был мобилизован и служит с 19-го года, был также в бою и теперь остался на бобах. А мне здесь жить нечем. У отца один сын, старший брат. Мне приходится на поле работать и ребенка бросать, а на меня здесь внимания мало обращают. Да и отец может быть мне откажет, потому что пять сирот осталось, брат умер нынче. Мой муж также защищал свободу, и его все знают.

Калинин. Он что, офицер?

Ханжина. Он бывший офицер, только военного времени, и был в 6-м Волочаевском полку.

Голос. Он последнее время был в боях. Был сначала мобилизован у Колчака, потом был взят в плен и перешел в Красную армию. Он офицер военного времени.

Калинин. Вы его знаете?

Голос. Я служил с ним в полку, но всего несколько дней, а так не знаю.

Калинин. Надо, чтобы общество за него поручилось, мы без общества неохотно возвращаем.

Голоса. За ним ничего особого не заметно было.

Калинин. Это придется разобрать.

Голос. Вот, я военный русско-германской войны, пострадавший на фронте, на Рижском фронте, денег нет у меня, а налоги требуют.

Калинин. Есть ли семья?

Голос. Семья из пяти детей, сыну старшему пятнадцать лет, хозяйство маленькое: одна лошадь, одна корова.

Голоса. А тут еще налоги взыскивают, а он с голода помирает.

Калинин. Налоги необходимо собирать, а если кому налог тяжел, то пусть деревня сама с бедных сложит, а на богатых разложит, деревня раскинуть может этот налог на себя. Ведь я знаю, разве кто скажет, у кого хороший урожай, — все будут молчать. Где же государству определить, с кого можно взять, а с кого нельзя?

У нас 120 миллионов облагаемых людей, 16 миллионов хозяйств. Как к каждому отдельно подойти? Предположим, у вас две десятины засеянной земли и берем с вас, не зная, есть ли у вас урожай или нет. У кого больше коров, с того больше берется, у кого одна—с того меньше, а точно узнать невозможно. Иногда закон очень милостив к одному, а к другому очень немилостив. Вот, например, на войну берут: один родился 31 декабря, другой 1-го января, разница может быть в каких-нибудь двух часах, а один идет на военную службу, а другой остается.

Вы сами должны помогать себе, вы должны организовать комитеты взаимопомощи. У нас в России они давно были организованы. А то как может государство само помогать; ведь бедняков много, помоги тому — другому, — а денег мало.

Свериденко. Я хочу сказать: мы живем на далеком отсюда расстоянии, и с нас требуют продналог, подворный налог. Мы что ж, мы согласны уплатить, но только продуктами, потому что живем далеко от железной дороги, сбыта никакого нет, просим принять продуктами.

Калинин. Я должен объяснить, что подворный налог не государство берет, а идет на содержание местных органов; если местные органы найдут возможным использовать продукты, — предположим, учителям заплатить, — то тогда можно взять продуктами.

Голоса. Крестьяне многие совсем денег не имеют, и хлеба никто не покупает, потому что денег нет.

Матвеев. Есть постановление губисполкома о том, что раз явно нет денег, то разрешается платить продуктами, но местные власти должны выяснить — на самом ли деле таково положение.

Калинин. Я считаю, гораздо выгоднее, если сами крестьяне продадут и заплатят деньгами. Я беру весь уезд, — если он будет

получать продукты, то сам должен продавать и продаст, конечно, с убытком, а крестьянин свой хлеб продаст гораздо выгоднее, чем будет продавать власть. Когда я поеду со своим хлебом, я за ним ухаживаю, я его покрою на всякий случай, а когда казенный, никто и не покрывает. Если сыроват, то крестьянин высушит, хотя бы под юбкой у своей бабы.

Вы все жалуетесь на власть, а вот попробуйте сами быть властью, сумейте управиться, как председатель волостного исполкома. Со своим хлебом, понятно, каждый крестьянин умеет справиться, а надо с волостным хлебом управиться. Со своей лошадью великолепно обходятся, а сделается председателем — гоняет, гоняет лошадь и в месяц — два месяца ее замучает.

Вы на Дальнем Востоке не испытали натурального налога и не знаете его. Вы спросите мужика Тверской губернии, что выгоднее, продразверстка или денежный налог? Он скажет: я лучше последнюю шубу с себя сниму да продам, но чтобы была денежная разверстка. А вы-то не видели.

Не легко быть властью, местная власть должна училище содержать, милицию, при натуральном налоге должны учителю вместо рубля хлебом заплатить, и получится, что учитель в убытке, и крестьянин в убытке останется, потому что придется больше хлеба отдать на покрытие всех расходов. Предлагаю выбрать, товарищи, в председатели того вон мужика, пусть попробует управлять уездом, увидит, легко ли это.

Вам нужно будет, чтобы и дороги были починены, чтобы мосты были налажены, — хорошо, делайте все руками, а мы с вашего уезда ни копейки не потребуем, даже немножечко поможем из кошелька рязанского мужика, а наш мужик в сто раз беднее вас. Но чтобы вы справились сами, чтобы все было починено, чтобы контрабанда была прекращена, — это обязанность председателя, иначе будете сидеть. Необходимо содержать учителя, больницу, — это будет ваша воля, чтобы врач или фельдшер был или акушерка.

Голос. — Так-то тяжеленько выйдет. С собой дай бог управиться.

Калинин. — Вот то-то и дело, что иной думает, тяп да ляп и все готово.

А государство—оно с этого натурального налога самое большее пять тысяч получит, если ему должны будут десять тысяч. Во время перевеса растеряет процентов на 20, да украдут на 10, да мусору будет 15%. Да и сейчас, вероятно, продналог еще есть, а одна

охрана чего стоит! Вот все это и заставляет перевести на деньги.

Я допускаю, что отдельным деревням, особенно находящимся далеко от железной дороги, можно будет дать замену, но вам в целом надо стремиться, чтобы государству давать не натурой, а деньгами.

Вот у вас самостоятельная Дальне-Восточная республика была, а за деньгами к нам в Москву ездили, и для нас ничего не дает Приамурская губерния, кроме одного убытка.

Если рязанский мужик жалуется, то он прав, мы его действительно обирали. Возьмите соседа моего по деревне, он запахивает две десятины, у него две коровы, пять человек семьи, два сенокоса и платит 30 пудов хлеба, — вот это взвоешь. Мы и пашем три раза каждую пашню, кроме того должны навозу свести, без навоза ни черта не уродится, у нас каждый колос искусственно выращивается, у нас трехпольная система.

Голоса. — Дожди замучили, у нас почва глинистая.

Калинин. — Сколько дворов у вас?

Голоса. — Сто сорок дворов будет.

Калинин. — А сколько скота?

Голоса. — Коров около четырехсот, а лошадей около 500. Молоко стоит пятнадцать копеек. Сами сидим даже без спичек, ничего у нас нет, никакого кооператива нет, без рубах, без штанов.

Калинин. — А лен у вас сеют?

Голоса. — Мы лен немного сеем.

Калинин. — У вас тут все больше китайская мануфактура, а у нас носят холстину. (Голоса. — Это мы знаем, видели.)

Голоса. — Вот у нас есть некоторые российские крестьяне, которые живут в глиняных мазанках, они привыкли к ним, не хотят строиться.

Калинин. — Ну, жить в таком климате, да в глине?!

Голоса. — Да вот сюда и ехать никто не хочет из России.

Калинин. — Пока не едут, потому что дорого стоит и выезд запрещен. Погодите, наступит время, дождетесь, будут переселять сюда.

Голоса. — Здесь комары замучили, хотя малярии нет. Уж больно сильно лошади страдают.

Калинин. — Вот вы все жалуетесь, а попробуйте, ищите золото, ведь под лежачий камень вода не течет. Вы, видно, все на Амур глазеете да с бабами на печи лежите, а вот казаки на Дону хватаются работать во-всю.

Голоса. — Здесь лодыря не приходится гонять, здесь четыре года урожая не было. Сейчас урожай пока средний, хотя дожди здорово попортили пшеницу.

Калинин. — А китайские лавочки есть?

Голоса. — Сейчас нет, а раньше было три-четыре лавочки. Раньше можно было, заработки были, гужевым делом занимались, доставкой дров на пароходы.

Калинин. — Лес от вас близко?

Голоса. — Верст за 70—80, тяжело до него добираться, особенно в зимнее время.

Калинин. — Разрешите пожелать вам, товарищи, всего хорошего. Скажу только, что по мере возможности дело у нас налаживается, — постепенно, из года в год. Я думаю, советская власть не будет хуже, чем старая царская власть, конечно, может быть, отдельным деревням похуже будет, но, я думаю, в общем и целом для мужика будет лучше, ибо все-таки власть своя. С казаками мы поладили, с донскими, оренбургскими, — всего труднее было с уральскими, теперь там тоже налаживается. Республика наша переходит в мирное состояние, и вам придется много работать. Вот возьмите: старому царскому правительству должны были служить почти всю жизнь, а теперь служит год молодой человек, и он хоть босиком иди, а прежде с лошадью, — это большая разница.

Что касается налогов, то пени образовались потому, что у нас бумажные знаки сильно падают, и если золотой рубль сейчас стоит сто рублей, то уж через полгода — 200. Ясно, что мы должны накладывать пени, чтобы реальная ценность не падала. У вас такая пеня в серебре и в золоте накладывается, ценность у вас не падает, и, конечно, вам тяжело. Мы уже с тов. Матвеевым из Дальревкома все выяснили и, как только приедем в Читу, то пени уменьшим. Но мужика следует пошевелить, не любит деревня налоги платить, а без налогов жить невозможно. Телеграф, железная дорога, все требует денег. Не такие же вы именинники, чтобы вам все дай да дай. Конечно, вам лично железная дорога не нужна, но если граница с Китаем будет закрыта, придется из Москвы мануфактуру везти. Да и вы по Амуру слишком много китайским спиртом пробиваетесь, иногда хлеба нет, а спирт есть.

Голос. — Граница закрыта.

Калинин. — Поэтому приходится иногда пограничному человеку пострадать. Потом, конечно, привыкли немножко спеку-

лянничать, а теперь в особенности надо подтянуться. Ведь они также (указывает на другой берег Амура) в нас сильно заинтересованы: ведь они от нас огромное количество золота от продажи спирта выуживают.

Вы что же думаете, что рабоче-крестьянское правительство радо брать с крестьян налоги? Никакого удовольствия для нас в этом нет, а выхода никакого нет. Ведь промышленность содержать надо, одна железная дорога чего стоит. Уже в России штук пять железных дорог стали хорошо работать, а ваша дорога очень убыточная. Конечно, налоги будут соразмерять и, чем скорее будут уплачивать, тем легче будет самому государству, потому что тогда меньше нужно содержать людей для сбора продналога, а за содержание надо жалованье платить. Но все-таки у нас есть мало-мальское улучшение, и я надеюсь — мы наладим государство.

Теперь насчет поданных жалоб. Мне что-то очень подозрительно, чтобы местные власти могли устраивать такую порку, о которой в жалобе написано. Я еще допускаю, что могли ему дать зуботычину, подзатыльник, но чтобы бить шомполами, да еще чтобы человек не кричал, этого не бывает. Тот, кто себя чувствует правым, тот ничего не боится и должен был бы заявить об этом. Если бы был еще хоть один свидетель, тогда не поздоровилось бы тому, кто эту порку производил. А сейчас очень подозрительно. Чувствуется, что крючкотвор писал.

Пьянко. — Вот вечерело, я ничего не знала, приходят, спрашивают Пьянчиху, спрашивают Ракитина, ничего не знаю. Товар контрабандный спрашивают. Я говорю: «Идите, ищите». Они обходили всю избу. «Что найдете, то ваше будет». А я корову доила. Сделали обыск, забрали сумы, седла, забрали и под оружием взяли. Что ж, мое женское дело, ничего не знаю.

Калинин. — Предупреждаю, что при обыске должны быть понятые, и ни один крестьянин не должен отказываться, раз его зовут в понятые, и никто не должен уклоняться от обыска, сам должен все показать, в дом ввести. Они, по правде говоря, должны были вас арестовать, что вы противодействовали обыску, за это бы вас на две недели надо было посадить.

Женский голос. — У меня сына забрали на военную службу, я остаюсь одна, платить налоги нечем.

Калинин. — Дети есть?

Женщина. — Двое детей, одна десяти лет, другая — двенадцати.

Калинин. — Я сейчас не могу решать эти дела. Ведь, может быть, вы лучше живете другого, у кого пять лошадей есть. А сын, когда будет взят на военную службу, тогда будете хлопотать. Еще я должен предупредить, что при обысках никаких не должно быть угроз, самим нечего судить, суд сам строже накажет. Если выяснится, что действительно спиртом торговал, тогда придется вам посидеть, в противном случае, дело будет ликвидировано.

Мужчина. — Я никакой контрабандой не занимался, общество может подтвердить, никогда не делал ни воровства, замечаний не было.

Голоса. — Мужик хороший, плохого ничего нет.

Мужчина. — А на лодке я ездил на остров, там сенокос у меня, там же меня и забрали.

Калинин. — Теперь дело передано в суд, и там все будет разобрано, а теперь разрешите с вами распрощаться.

Голоса. — Благодарим за беседу. До свидания, тов. Калинин, приезжайте!

СРЕДИ РАБОЧИХ

ЧЕРЕЗ 7 ЛЕТ.

Речь тов. М. И. Калинина на общезаводском митинге завода «Профинтерн» (Бежица, Брянской губ.) в феврале 1926 г. На митинге присутствовало 4 500 чел.

Товарищи, прошло 7 лет, как я был у вас. Вы помните, какое собрание было в тот момент.*) Я очень жалею, что я забыл захватить из Москвы стенограмму своей речи и речей других ораторов, если только она сохранилась. Между прочим, когда у вас здесь был, как я его назвал, кошачий концерт, я вызвал всех

*) На этом же заводе тов. Калинин выступил в 1919 г., когда в городах рабочим по неделям не выдавалось хлеба. Меньшевики на заводе «Профинтерн», пользуясь отчаянно трудным положением и ропотом среди некоторых групп рабочих, подбивали их на забастовку и антисоветские выступления. Как раз в этот момент с волнениями на заводе совпал приезд тов. Калинина. Митинг был очень бурный. Тов. Калинин вначале спокойно слушал резкие выкрики, но после выступления некоторых меньшевиков с явно демагогическими, провокационными речами тов. Калинин встал и начал говорить, прерываемый меньшевиками, при сочувствии к ним отдельных групп рабочих, кричавших: «Нам не речи и слова, а хлеб давай». Тогда тов. Калинин с беспощадной резкостью вскрыл перед рабочими фальшь меньшевистских воплей и их провокационную роль в этих волнениях. «Хлеба нет, я вам не дам и не обещаю, но ваше поведение, — обращаясь к рабочим, поддерживавшим меньшевиков, продолжал тов. Калинин,— есть предательство по отношению к рабочему классу и к Красной армии. Вы меня не запугивайте и не думайте, что я позволю задержать хлебный маршрут, отправляемый на фронт. Я не поверю, чтобы хотя один рабочий согласился с этим... То, что сейчас делают меньшевики, это не хлеб сулит, а гибель»...

Эту выдержку мы делаем не по стенограмме тогдашнего заседания (которой у нас нет под руками), но по содержанию своему речь тов. Калинина была сказана в этом духе.

Об этом инциденте, имевшем место в 1919 г., вспоминает в своей вступительной речи и тов. Франченков в 1926 г. Вот его речь, а также приветствия других рабочих на упомянутом митинге в феврале 1926 г.:

Тов. Франченков: Товарищи, разрешите мне приветствовать Михаила Ивановича Калинина от рабочих Брянского завода имени «Профинтерна». Мы очень тронуты сегодняшним днем, посещением Михаила Ива-

руководителей цеховых ячеек, видных меньшевиков и эсеров, и сказал им, что то, что у вас произошло, для меня ничего нового не представляет. Я прошел основательную подпольную работу и знаю, как устраиваются такие собрания и как они их устраивали по другим поводам в прошлом. И всю ответственность за происшедшее я возложил на них и на специалистов.

Это было 7 лет тому назад. Положение наше тогда было довольно отчаянное. От рабочих требовалась огромная выдержка и беспредельная вера в творческие силы рабочего класса. И вот сегодня я опять на этой трибуне, как раз стою на таком же тендере, как и тогда. Тогда я начал свою речь очень агрессивно, словами: «Предатели, изменники рабочего класса!». В ответ раздались голоса, что «мы тебя с трибуны не пустим, ты у нас так просто не разделаешься, у нас местные большевики не позволяют себе так нахально и дерзко говорить с нами, как ты, приехавший из центра». В своей речи я бросил обвинение за это двум партиям: партии эсеров и партии меньшевиков.

новича Калинина, всероссийского старосты. Я думаю, товарищи, что Михаил Иванович Калинин простит нам то, что у нас произошло. Это произошло на почве голода и нашего невежества. Но в настоящее время мы поняли и оценили коммунистов, оценили их путь, который принес те плоды, которые мы все видим. Мы хорошо знаем, в каком положении был наш завод тогда, и в каком он находится в настоящее время. Наше политическое положение укрепилось, экономически мы стали твердо на ноги. Нас уже признают западно-европейские государства, в нас заискивают, и все это благодаря руководителям-коммунистам. Мы должны оценить коммунистов и не бояться коммунизма. У нас есть такой народ, который, не зная, что такое коммунизм, боится его; но я должен сказать, что коммунизм, это — общественная жизнь, когда люди живут не для себя, а для общества. И вот я предложил бы вам всем поблагодарить Михаила Ивановича за приезд. Я надеюсь, что Михаил Иванович не оставит нас своими посещениями в будущем.

Да здравствует великая армия коммунизма! Да здравствует пролетарская власть! Да здравствуют пролетарии всего мира! Да здравствует всемирная революция! *(Аплодисменты.)*

Тов. Посылкин. Товарищи, разрешите от имени рабочих и служащих механического и паровозоделательного цехов приветствовать всесоюзного старосту, председателя Центрального исполнительного комитета тов. Калинина. Тов. Калинин вышел из рядов трудящихся масс. Так пусть наш всесоюзный староста почаще вливается в массы трудящихся. Да здравствует всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин! *(Аплодисменты.)*

Тов. Кузьмин. Товарищи, от имени рабочих и служащих электрического цеха приветствую и поздравляю тов. Калинина с приездом. *(Аплодисменты.)* *Ред.*

И вот прошло 7 лет. Что же, — за это время рабочий класс в своем строительстве, в своей борьбе — двинулся ли вперед, или нет? Я думаю, если мы будем очень скромно оценивать наши успехи, то и то надо сказать, что за эти 7 лет мы основательно продвинулись вперед, во всяком случае уверенность у рабочего класса в собственных силах за этот период выросла в огромной степени. Сейчас один из выступавших товарищей говорил: забудьте о том, что было 7 лет тому назад, мы, дескать, сейчас встречаем вас аплодисментами, сочувственно вас встречаем. А я скажу: этого очень мало. Ну, еще бы, сейчас не встречать аплодисментами. Ведь аплодисменты эти я получаю и от обывателей, а не то, что от рабочего класса. Теперь нам аплодируют специалисты, аплодируют крестьяне в деревне, и если бы рабочие не аплодировали, это было бы смешно. Таких рабочих сейчас нет, а если и есть, то только единицы, как белые вороны. Но теперь этого мало. Если 7 лет тому назад перед нами стояла одна задача: победить наших врагов, в том числе меньшевиков и эсеров, внутри самого рабочего класса, то сейчас стоит не менее трудная задача.

Сейчас от рабочего класса требуются жертвы, хотя и не те, какие требовались 7 лет тому назад. Строительство социализма само собой не делается, а социализм строится руками рабочего класса, и если вы его хотите построить, то должны очень внимательно смотреть за собой. И вот вам пример: сейчас вот на моих глазах ушло несколько рабочих и оставили дверь за собой открытой, в то время как она была раньше закрыта. Вот это я и считаю разгильдяйством, разгильдяйством недопустимым, вот за этим-то и надо следить, чтобы каждый за собой закрывал дверь, не оставлял за собой мусора. Надо этот мусор убирать, ибо социализм требует высокой сознательности и дисциплины рабочих. А потом прошел другой рабочий и закрыл дверь. Я считаю, что у этого рабочего общественный инстинкт уже вырос. А сейчас вот там гремят: это значит — не считаются с тысячами людей. Вот такого человека надо призывать к порядку, так как общественная жизнь обязывает каждого внимательно следить за собой.

Вот эту-то внутреннюю дисциплину провести будет не менее трудно, чем вести борьбу с внешними врагами, ибо у нас каждый делает, что ему нравится, не считаясь с другими, а общественная жизнь как раз обязывает считаться с другими людьми. Эту новую общественную дисциплину мы, безусловно, должны провести, и эта задача будет очень трудной. Я опять приведу при-

мер. Когда я пришел сюда, здесь стояла толпа людей, которые своевременно занимали места и мерзли здесь, а в это время другая часть была на вокзале. Она побежала туда, чтобы только взглянуть на меня, а теперь во время речи непрерывной шумливой волной вливаются в мастерскую. Это тоже непорядок. Это тоже значит — не считаться с другими. А организаторы, председатель завкома и директор, которые должны приучать рабочих к порядку, от которых главным образом и зависит дисциплина, вместо того, чтобы закрыть ворота, чтобы тепло накопить от дыхания, этого не сделали. Вот так, на таких мелких примерах вы видите, как должны решаться и большие вопросы.

А в чем же состоит сущность больших вопросов? В том, что мы должны итти к социализму. А что значит итти к социализму? Это значит, чтобы каждый рабочий получал все, что ему нужно, чтобы он, скажем, в среднем получал 100 рублей довоенных. Повторяю: не единичные рабочие, а каждый. А ведь для того, чтобы каждый рабочий получал в среднем 100 рублей довоенных, надо ввести огромную бережливость в расходование заводских средств, это во-первых; во-вторых, надо в огромной степени увеличить производительность труда, ибо 100 рублей довоенных на каждого рабочего не с неба возьмутся, а должны быть заработаны. Вот возьмем метельщика в мастерской. Как он должен мести, чтобы получать 100 рублей? Он должен мести раз в десять сильнее, чем сейчас метет. Он должен раз в десять улучшить распоряжение собственным временем и использование собственной метлы.

Вот задача, которая стоит перед нами. Я ее сознательно представил упрощенной, но по существу эта задача имеет колоссальнейшее значение. Если мы хотим строить социализм, мы должны увеличить заработную плату, а если мы хотим увеличить заработную плату, мы должны увеличить производительность труда. Не интенсивность труда, потому что из чисто мускульной интенсивности труда мы уже почти все взяли, а увеличить в огромной степени производительность труда. А что это значит? Это значит — нужно уменьшить до максимума все непроизводительные расходы завода, ввести повсюду экономию и усилить самую производительность в смысле замены старых машин новыми, в смысле лучшего использования времени, в смысле максимального результата труда, который может быть у рабочих. От этой задачи вы никуда не уйдете.

Можно ли увеличить, предположим, жалованье, не увеличивая

интенсивности труда? Нет, нельзя. Вот, в настоящем году общая заработная плата у рабочих увеличилась на 34%. Но последняя наша прибавка сходит на-нет, так как наш червонец упал на 10%. И получилось так, что, вместо того, чтобы заработная плата увеличилась на 34%, она увеличилась только на 24%. Это была ошибка правительства. Мы переборщили. Если бы мы только 24% прибавили, увеличение интенсивности труда оправдало бы эту прибавку, и червонец не упал бы. Но мы переборщили, не выдержали такого нажима, и червонец упал. Природы так не победишь. Ты можешь в одном месте прибавить, в другом тебе сбавят. Почему червонец упал? Потому что мы дали заработок больший, чем изготовили продуктов, которые бы возместили эту заработную плату, ибо рабочим мы должны дать не бумажным рублем, а ему надо дать продукты и предметы домашнего обихода, а этого мы не могли больше дать.

Вот этой мыслью надо теперь пропитаться и рабочим и крестьянам. Тогда в этом вопросе меньшевики выступали решительно против нас. Я тогда сказал: они стоят на другой стороне баррикады; а сейчас они за советскую власть, потому что против советской власти сейчас выступить нельзя, не только в смысле полицейском, но и в смысле политическом: шапками рабочие закидают. Но зато они не считаются с реальностью. Они говорят: надо увеличить заработок рабочим. Рабочим дела нет, откуда его взять, лишь бы больше платили. Вот эта политика — не считаться с реальной действительностью, — эта политика внешне выигрышная. Это не политика Калинина, который никогда сладких слов рабочим не говорит. Я считаю, что эта политика искусственного подыгрывания к массам тоже направлена против рабочего класса. В этой политике отдельные лица набирают козырей. Возьмем для примера: в Мальцевском тресте — шиферный завод. У шиферного завода материалы с руками отрывают, и директор может дать рабочим более высокую плату, чем председатель завкома. А между тем именно председатель завкома должен отстаивать заработную плату рабочих, а директор должен стоять за то, чтобы эта заработная плата была ниже. Почему такая разница в ролях между ними? По той простой причине, что директор отвечает за прибыльность завода, за развитие завода. Он на эту прибыль должен строить новые мастерские, переоборудовать старые. А председатель завкома должен нажимать на то, чтобы заработная плата была выше. А вот тут получается так, что директор может быть благодетелем своих рабочих. Я считаю, что такой директор, хотя

бы и коммунист, подыгрывается к массам и ведет свою личную политику. Почему председатель завкома против того, чтобы поднять заработную плату рабочим шиферного завода? Да потому, что он знает, что сейчас же и рабочие завода «Профинтерн» потребуют прибавки. Заводоуправление шиферного завода эту прибавку может дать, а у «Профинтерна» на это средств нет. А председатель завкома знает, что надо прибавить всем рабочим, а не одной только группе, а между тем на всех средств нет. Так вот в чем сущность вопроса. Здесь директор, безусловно, ведет политику в конечном счете антирабочую. Он набирает себе козырей, он завоевывает себе политическое влияние на массы, уважение массы. Но это уважение только его личное. Он не ведет общей рабочей политики, он не отстаивает в целом интересы рабочего класса. Прибавить отдельной группе рабочих дешево стоит. Мы могли бы взять завод «Профинтерн» и удвоить на нем заработную плату. Но в том-то и дело, что этого сделать другие рабочие не позволят. Также и вы не позволите, чтобы в другом месте платили больше. Извините надо подравниваться: одинаковый труд и одинаковые условия существования — так извольте, хоть и не совсем одинаково, но более или менее одинаково платить.

Вот я и говорю, что, когда все говорят о том, чтобы прибавлять да прибавлять, это по существу в данный момент значит вести ту же контр-революционную борьбу, какая велась против нас и в 1919 году, только другими способами, другими методами. Там была борьба фронтовая, военная. Сейчас борьба внутренняя, борьба за строительство социализма.

Вот поэтому я и говорю, что в настоящий момент только встречать аплодисментами — это дешево стоит. Теперь рабочие «Профинтерна» в своей массе должны понять те новые обязанности, которые сейчас перед ними лежат в деле строительства социализма.

Какие же это новые обязанности? В этом году на переоборудование и устройство новых фабрик и заводов мы кидаем 800 миллионов рублей. Эти 800 миллионов рублей мы скопили за год, отнимая их от рабочих и от крестьян, и мы бросаем их на переоборудование старых заводов и на постройку новых. По плану мы хотели бросить минимум миллиард рублей, но оказалось, что мы скопили меньше, и мы должны были уменьшить свой план на 200 миллионов рублей. Мы могли бы эти 800 миллионов рублей проесть. Но тогда бы через 2 — 3 года это сказалось: мы не пустили бы новых цехов, не построили бы новых корпусов.

Вот это одна задача. Значит, если мы хотим строить социализм, нам надо: 1) увеличить человеческую интенсивность труда, 2) увеличить технически производительность труда и 3) скапливать материальные средства для переоборудования старых заводов и для налаживания новых. Вот эту мысль надо, чтобы вы усвоили. Мы приступили к переоборудованию и к постройке новых фабрик и заводов, а это связано с тем, что внутри самого завода отношение технического персонала к рабочим у нас должно измениться. 5-6 лет тому назад у нас было очень отрицательное отношение к специалистам. А зачем нам нужны специалисты? Пустить старый завод с теми средствами, какие есть, может мало-мальски порядочный рабочий или какой-либо сочувствующий нам специалист. А теперь, когда мы должны построить новые заводы, вбухать в эти заводы полсотни миллионов рублей, так извините, доверять такое дело легонькому директору или легонькому специалисту нельзя. Ибо завод должен быть по последнему слову техники, он должен равняться первоклассным заводам Западной Европы и Америки. Такой завод должен строить не просто техник, не просто инженер, а такой, у которого особые способности к этому, который показал свои таланты, который ценится за них. Вы же сами знаете — есть слесарь и есть слесарь, есть токарь и есть токарь. Одну и ту же работу один токарь сделает и скорее и лучше, а другой и хуже и дольше. Если это есть в ремесле, так это же есть и в технике. Поэтому тот общий взгляд скандалчка, что техники, инженеры нам не нужны, эту мысль надо бросить. Социализм смотрит не назад, а вперед. Надо сказать: лучшего инженера, лучшего техника, не жалеть средств на это! Я допускаю, что через год, через два, а может быть и раньше, мы самых первоклассных инженеров и техников будем сманивать со всего мира, будем привлекать их к себе из Польши, из Германии, лучших, прославленных техников и инженеров. И, конечно, будем им раза в три больше платить, чем нашим техникам. Выгодно это нам или невыгодно? Я считаю, что выгодно. Когда затрачиваешь 800 миллионов, надо застраховать себя от того, чтобы вместо оглобли, которую хочешь сделать, не вышло зубочистки, как говорит тов. Томский, или чтобы вы, начав делать трактор, не сделали примус.

Строительство социализма в этом-то и заключается, а не в том, что ты за советскую власть. Это стадия пройденная — все за советскую власть, а если кто и против, так он об этом не скажет. А вот покажи, как ты к строительству относишься. Если

ты считаешь своей обязанностью, чтобы завод рос, развивался, чтобы техника росла и развивалась, тогда ты за советскую власть, хотя бы на тебе и не было ярлыка коммуниста. А когда ты расхищаешь, разгильдяйничаешь, разрушаешь хозяйство, тогда ты хоть и коммунист, но коммунист только по названию, тогда ты не строишь социализма. Вот это надо осознать, надо вбить в головы рабочих. До тех пор, пока этого сознания не будет, до тех пор, конечно, рабочие будут сомневаться, будет социализм или нет; если нет, рабочие не будут те жертвы нести, которые необходимы. Мы сейчас рабочему платим приблизительно столько, сколько до войны платили, а работы требуем лучшей и по качеству и по количеству. Почему же это? Ведь как будто и власть рабоче-крестьянская и правительство коммунистическое. Но дело в том, что если рабочий будет верить в социализм, он будет нести эти жертвы, а если не будет верить в социализм, он скажет: дай мне заработок, а там чорт с вами.

Вот эта новая вера, новая по сравнению с тем, что было 6-7 лет тому назад, сейчас является главной. Я тогда вас не призывал к социалистическому строительству, не призывал двери закрывать. Тогда незачем было за этим смотреть, надо было с Деникиным бороться, расправляться с врагами внутри рабочего класса, работать с пустыми руками над тем, что необходимо было для фронта, терпеть голод и нищету. А теперь все это отпало, но выросло новое, более сложное. В настоящий момент рабочий не может подходить к заводу с меркой 1919 года.

А в чем состоит это новое? А вот в чем. У вас есть несколько мастеров. Один мастер 24 часа убивает над тем, как бы технику улучшить, как бы подешевле работать, как бы рабочего заставить больше сработать. Этого мастера у нас еще не любят. Говорят: жмет он больно. А есть другой мастер, который, если увидит, что рабочие стоят, не работая, пройдет мимо, сделает вид, что не заметил. Такой мастер всякие требования исполняет — и культячейки, и коммунистической ячейки, и фабзавкома, всем хочет угодить. А хозяйство у него ведется плохо. Теперь рабочий должен оценить, какой же мастер ценнее. В 1919 году первого мастера просто вышвырнули бы с завода, а то и на тачке бы вывезли, а теперь надо проникнуться мыслью, что мастер не на капиталиста убивает свой труд, что он общерабочие интересы отстаивает, и он-то и есть настоящий работник, если по совести говорить. Он болеет душой за завод, он укрепляет завод, он двигает вперед технику. И поэтому такого мастера рабочие массы

должны поддержать. В особенности потому должны поддержать, что у такого мастера часто бывают столкновения с целым рядом руководителей различных заводских организаций. Ему, положим, председатель фабзавкома скажет: сделай мне ключ, а он говорит: убирайся к чорту, я полдня должен на это потратить, у меня времени нет. Вот вам и столкновение. Рабочие должны поддержать такого мастера. Это тот работник, который понимает, что он социализм строит, а социализм не от речей строится, не от того, что я вам доклад сделаю, — от этого социализм ни на йоту не подвинется, — а строится социализм от того, что рабочий вместо 6 задвижек сделает 7. А этот мастер подводит базу, фундамент под социализм, он строит социализм не словами, а из материальных частей. Я и хочу, чтобы вы теперь таких мастеров поддерживали, чтобы такие мастера пользовались у вас авторитетом, а не такой мастер, который умеет ладить со всеми организациями и с рабочими, а дело у него плохо идет. Такого мастера надо прямо с работы снять. У нас дело производственное, здесь не должно быть приятельских отношений друг с другом, здесь, как на фронте, такой полк врага победит, в котором полковник дисциплину и строгость ввел, у которого солдат на часах не уснет и враг не подползет к сонному. Такой полковник к победе ведет. И в промышленности так же, ибо сейчас борьба между нами и капиталистическим миром идет именно на почве производства.

Пока что нас бьют, пока что наши товары за границей не блещут своей дешевизной, своим изяществом, красотой и технической отчетливостью. Мы еще многое должны сделать, чтобы заграницу догнать и перегнать. Но я не сомневаюсь, мы этого достигнем, должны достигнуть, а раз должны, значит, достигнем. В 1919 году я сказал: мы должны победить Деникина, не можем не победить, ибо социализм погибнет иначе. И мы его победили. Так и сейчас: мы должны в крепости, изяществе, в красоте, в техническом совершенстве наших изделий опередить Западную Европу и Америку. А что же вы думаете, мы эту штуку можем сделать так: тяп-ляп и корабль, можем разгильдяйничать? Нет, этот номер не пройдет. Мы можем победить их только огромным напряжением дисциплины и, наконец, уважением, которое должен иметь мастер. Я считаю, что если ротный командир не пользуется уважением и симпатией красноармейцев, то его рота небоеспособна, если председатель завкома не пользуется влиянием и уважением пролетарской массы, профсоюз налажен будет плохо.

Как же вы хотите, чтобы налажена была техника внутри завода, если техник, мастер (а я под мастером подразумеваю техника, хотя бы он и не имел технического значка), если этот мастер не пользуется уважением? Как же он может двигать вперед технику? Надо же понимать, что если мы от человека требуем, чтобы он технику двигал вперед, вносил усовершенствования, умел так распределять работу, чтобы она приносила наибольший результат, чтобы не давал сегодня мне такую работу, а завтра другую, так как от такого распределения работы завод прогорит, то как же вы хотите, чтобы он все это делал, если вы не будете его уважать? Для того, чтобы уметь распределять работу, нужны технические знания, нужно уважение и доверие со стороны рабочих. Мастер — это есть ротный командир в новой борьбе между нами и между капиталистами, поэтому уважение к нему должно быть. В особенности такое уважение должно быть со стороны комсомола, со стороны молодежи, которая только начинает учиться работать. Я понимаю, что научиться работать, это — не такая легкая вещь. У нас знаете, что оказалось: мы за последние восемь месяцев втащили в производство 300 тысяч новых рабочих, а производительность труда на одного рабочего, оказалось, уменьшилась. Почему это? Потому, что новые рабочие еще не приспособились к работе, им надо приспособиться, привыкнуть.

Вы, конечно, думали, что я вам буду делать доклад о международном положении и проч., и проч., а я считаю, что наше международное положение сейчас покоится на внутреннем, заводском положении. Сейчас у нас борьба с Англией идет не на фронтах, а на складах, на выставках, на промышленном торжище. Вот привезут для продажи наше орудие производства и английское, и оба будут лежать на пристани, и их будут сравнивать. А будет выставка, мы будем выставлять орудия, и англичане, и американцы. Вот где происходит борьба. Как только мы сравняемся с Западной Европой, так она нас голыми руками не возьмет. Ведь что значит, что наши орудия, наши товары, наши изделия равняются западно-европейским? Это значит, что наша техника так же высока, как западно-европейская, что если будет война, так наши орудия защиты и наши орудия нападения технически будут сделаны не хуже, чем в Западной Европе и Америке, что наш красноармеец будет воевать с винтовкой такого достоинства, как английский солдат. Вот почему не только в смысле строительства социализма, но и в смысле защиты движение техники вперед имеет исключительное значение.

Наконец, у нас стоит вопрос о так называемом равенстве. Мне даже на съезде советов в Брянске подали записку: «В заводе один работает и 100 рублей получает, а другой работает — 12 рублей получает. Терпимо ли это при советской власти? Я сейчас могу сказать: терпимо, поскольку это существует. Ибо было терпимо, когда мы получали четверку хлеба. Но должны ли мы это изживать? Должны. А как мы должны изживать, — тем ли, чтобы понижать заработную плату получающему 100 рублей, или увеличивать заработную плату получающему 12 рублей? Я должен здесь сказать, что статистиками подсчитана одна интересная вещь. Они подсчитывали, сколько работают квалифицированные рабочие и чернорабочие, и оказалось, что у нас слесаря, токаря, литейщики и другие квалифицированные рабочие загружены почти на 100%. Мы с них требовать большего почти не можем, так как они работают с полной нагрузкой. С токаря можно взять только тем, что он будет специализироваться на какой-нибудь одной работе, и, конечно, будет ее делать скорее и дешевле. Но это дело уже длительного периода. Во всяком случае, от производственников много экономии не наведешь. Но у нас каждый производственник обслуживается, предположим, токарь, двумя чернорабочими, а раньше он обслуживался одним чернорабочим. Между тем сейчас он обслуживается хуже, чем раньше. И вот здесь надо проделать громадную работу. В Западной Европе труд чернорабочего оплачивается гораздо выше, чем у нас. Предположим, там слесарь получает 3 рубля, а рабочий $1^1/_2$ рубля, но зато чернорабочий в европейском заводе используется раза в 3-4 более производительно, чем у нас. Почему у нас мало используется чернорабочий? Потому, что он дешев. Поэтому надо прибавить заработную плату чернорабочим, но надо зато и нагрузить его так, чтобы он кряхтел 8 часов. А как вы хотите: и заработок увеличить, и работу уменьшить? Этого не будет. И вот в этой области, в области усиления интенсификации обслуживания, нужно проделать большие реформы. Когда чернорабочий будет все 8 часов работать с полной нагрузкой, ясно, что ему 12 рублей нельзя платить. Ему можно будет платить и 50 рублей, но только тогда, когда он будет нагружен полностью, когда не присядет ни на минуту.

Затем у нас технический персонал также обходится дороже, чем за границей. Здесь, вероятно, тоже придется, с одной стороны, произвести сокращение персонала, а с другой стороны, увеличение его заработной платы. Я был недавно на ленинград-

ских заводах и в одном ленинградском металлическом заводе, в бюро конструкции увидел, что сидят 60 инженеров. Это у нас новость. Когда я спросил у завода: окупается ли это бюро?— мне ответили: окупается полностью. Здесь мы используем инженера не непосредственно в мастерской, а в конструктивном бюро, вся задача которого состоит в том, чтобы следить за современной техникой, непрестанно вводить новые улучшения и облегчения в работу. Поэтому нам, вероятно, придется уменьшить расходы на технический персонал и произвести его перегруппировку. Значительное количество технических сил мы освободим из мастерских и посадим в конструктивные бюро, где они должны все время изобретать, улучшать работу. И на это жалеть денег нельзя, ибо у нас идет борьба с природой, а природа требует непрерывной работы, непрерывных изобретений.

Затем у нас очень много всевозможных организаций: культурных, клубных и других, которые ложатся накладным расходом на производство. Рабочему кажется, что этот расход его не касается, что, мол, заводоуправление платит, а ему до этого дела нет. А по существу каждая лишняя лампочка, которая горит, в конечном счете ложится на плечи рабочего. Вот чего не надо забывать.

Из этого вы видите, товарищи, вместо политической речи я, как будто директор завода, сказал вам чисто хозяйственную, внутризаводскую речь. Но я вам ее сказал потому, что боюсь, чтобы местные товарищи, из нежелания быть резкими с вами, не ставили перед вами ребром вопрос о специалистах. А между тем теперь всякий, ведущий огульную кампанию против специалистов,— или набитый дурак, или сознательный враг рабочего класса. Ведь для того, чтобы построить это здание, нельзя так сделать, чтобы пришел каменщик да построил его, а нужно его сначала спроектировать, все станки сначала на чертеже расставить; а на это требуются специалисты и специалисты. Социализм сейчас будет делаться в значительной степени руками специалистов.

Далее, надо до минимума свести надзор за рабочими. У нас еще на это тратятся большие средства. Вы знаете, что токарю, слесарю, фрезеровщику требуется техническая подготовка, а при технической подготовке, безусловно, меньше требуется надзора. Поэтому ясно, что параллельно с улучшением технического персонала нам нужно поднимать культурный уровень рабочих, поднимать их технический уровень. Но надо бояться, чтобы не про-

Дома во время отпуска. Снимок 1926 г.

изошло разрыва между техниками и между рабочими. Почему у нас рабочие в значительной степени не любят мастеров-техников? Не только потому, что они управляют, но и потому, что техник считает себя настолько развитым, что, когда он говорит глупость рабочему, а рабочий ему возражает, он говорит: не твое дело, делай, как я велю. А когда техник будет знать, что у станка стоит рабочий, который прошел некоторую школу, хотя и более низкую, который знает первоначальные законы геометрии, то он будет осторожнее, и когда будет говорить: сделай так-то и так-то, он будет доказывать необходимость этого; и такого отрыва между техниками и рабочими не будет, так как рабочий сам себя будет чувствовать до известной степени сильным в той первоначальной технике, которая требуется у станка.

Вот эта следующая задача. Это огромная работа. Как видите, товарищи, через 7 лет перед рабочими Брянского завода работа не только не уменьшилась, но в значительной степени увеличилась. Тогда, 7 лет тому назад, мы выбирали наиболее храбрых, наиболее беззаветных, а некоторых и насильно брали и отправляли на фронт защищать нас от врагов, а остальные могли делать зажигалки. А в настоящий момент революция требует активной работы не только от активных работников-профессионалистов, не только от коммунистов, не только от техников, а от всей рабочей массы.

Ленин сказал: социализм делают массы, и только массы могут сделать социализм. Сейчас мы вступаем как раз в такую полосу, когда массы должны делать социализм. Это значит: каждый человек должен сознавать, что что̀ бы он ни делал — огромный цилиндр или булавочную головку на станке, — что все это укладывается в постройку социализма, одухотворяется социализмом. Ведь разница между тем, что было до Октябрьской революции, и тем, что есть сейчас, заключается в том, что тогда мы работали на капиталистов, тогда каждый сработанный лишний рубль ковал новую цепь, давал новую материальную возможность для борьбы буржуазии с нами. И тогда мы работали только для хлеба. А когда рабочий хотел работать для души, он вступал в подпольную партию, профсоюз или культурно-просветительное общество. В настоящий момент в интересах социализма работает не только культурник, или, вернее, не столько культурник, сколько производственник. В настоящий момент каждая материальная частица вкладывается кирпичом в дом социализма. Вот почему я и уделил такое огромное внимание специально вопросу

производственному, ибо этот вопрос сейчас является коренным вопросом. Если мы в этом вопросе победим, тогда будет социалистическое равенство, тогда неравенство сведется до булавочной головки, и жалованья в 12 рублей не будет. Если же мы с этой производственной задачей не справимся, тогда, разумеется, и все надстройки — и профессиональные, и партийные, и культурно-просветительные — повалятся, как карточный домик. Пока стоял на фронте Деникин, главной задачей было победить его. Без победы над Деникиным все наши внутренние успехи шли прахом. В настоящий момент основной задачей является производственный успех. Если мы на этом фронте победим, значит, мы вообще победим, если же на этом фронте мы крякнем, не победим, тогда и все остальные фронты рассыплются, как карточный домик. Вот почему так важна и так нужна производительность труда. Вот почему я выставляю лозунгом необходимость общественного уважения и авторитета мастеров, и вот почему я говорю: мы должны выдвигать, растить, создавать действительно талантливых специалистов, ибо могучие силы природы требуют приложения огромных человеческих сил. Для того, чтобы использовать силы реки Волхова, мы бросили 100 миллионов рублей, и пять лет работают там 13 000 рабочих. Для того, чтобы заставить реку давать 80 тысяч лошадиных сил, заставить Волхов, вместо того, чтобы разрушать окрестные села и деревни, быть ломовой лошадью человека, для этого, товарищи, надо иметь в наших руках очень крупных специалистов. Но ведь у нас, кроме Волхова, есть Десна, которая здесь течет, — она еще не впряжена, есть Нева, огромная река, которую хотят впрячь, электрифицировать и заставить работать в интересах нашей промышленности. Вы думаете, что все это пустяки? Нет, тут без могучих рук крупнейших специалистов не только Союза, но и всего мира сделать ничего нельзя. И тот, кто говорит против специалистов, тот глядит назад, а не вперед, он больше смотрит на крестьянство, а не на рабочих. Рабочий смотрит не назад, на соху, а вперед, на плуг. Рабочий не приверженец паровой машины, которая отжила свой век, а приверженец самой совершенной электрической машины. А все это требует глубоких знаний. Тут наша основная задача.

Товарищи, я великолепно понимаю, что всего этого мы достигнем не сразу. Вероятно, потребуется еще больше, чем 6 лет, чтобы эту мастерскую превратить в красивое здание, чтобы здесь не было потока грязи, чтобы вы сидели и не мерзли. Но если

в 1919 году, несмотря на голод, холод и нищету, рабочий класс в своей массе все-таки верил в победу и эту победу получил, я думаю, сейчас вера в собственные силы, уверенность в победе у рабочего класса выросла в огромной степени. Конечно, велики препятствия, которые стоят перед нами. Я не скрываю их. Вероятно, когда мы будем бороться с этими препятствиями, мы не один раз расшибем свой лоб, но все же уверенность рабочего класса в своей победе растет, сознательность его и культурность растет, а вместе с уверенностью будут расти и наши победы над силами природы. И, как бы то ни были трудны эти задачи, они, безусловно, рабочим классом совместно с крестьянством будут решены, и социализм будет добыт руками рабочего класса в Советской республике. Для меня сейчас в этом отношении нет никакого сомнения. Если еще в 1919 году можно было сомневаться и колебаться, то в настоящее время сомневаться и колебаться нет никакого основания. Наоборот, 99% говорят за то, что мы добьемся социализма, и только 1% говорит за то, что может быть нашему творчеству, нашей борьбе за строительство социализма помешают внешние враги. Но я считаю, что если мы еще продержимся лет 5-6, то за это время мы сделаем такие гигантские завоевания в технике и в нашей промышленности, что тогда нападение всей Европы для нас будет неопасно. И вот к этому строительству, товарищи, к борьбе за социализм, за развертывание нашей техники, за улучшение хозяйства в неуклонной, постоянной работе изо дня в день, к этому я призываю брянских рабочих. *(Шумные и продолжительные аплодисменты.)*

НАШИ ЗАДАЧИ.

Речь тов. М. И. Калинина на общезаводском митинге на Людиновском заводе (Брянской губ.) 28 февраля 1926 г.

Изделия на выставке и в жизни.

Товарищи, я знаю ваши локомобили, но не имел представления о том, что представляет из себя Людиновский завод. Это наша первая встреча. Теперь я буду иметь некоторое представление и о Людиновском заводе.

На сельскохозяйственной выставке ваш локомобиль считался недурным. Но я полагаю, что получить хороший отзыв на российской выставке — это еще немного. Надо получить хороший отзыв и награду на международной выставке, а на международных выставках мы еще со своими механическими изделиями не выступали. Вот когда будет первая всемирная выставка с нашим участием, посмотрим, какова будет оценка ваших изделий. Если и там будет хороша, тогда можно признать, что вы достигли технического совершенства.

Это одно, а с другой стороны, у нас иногда умеют на выставку послать хорошую вещь, а вообще же делают посредственные изделия. Когда я работал на Путиловском заводе, мы целый год делали паровую машину для нижегородской выставки, но эта машина не была образцом нашей нормальной работы, а была лучше нормальной. А ведь нам надо добиться, чтобы наша работа была не только выставочной, а чтоб она была нормальной такой же. Вот то главное, что требуется сейчас от наших рабочих.

Судя по всему, Людиновский завод работает не хуже, чем все остальные заводы. Но то, что сейчас достигнуто, это только первая ступень наших достижений. Мы достигли ее за 8 лет, а теперь надо двигаться дальше. Стоять на месте нельзя, потому что и Запад не стоит на месте. Техническая мысль изо дня в день работает и двигается вперед.

И если мы успокоимся на том, чего сейчас достигли, и остановимся на этом, мы через 2-3 года отстанем. Вот в том-то и дело, что современный завод никогда не стоит на месте, а двигается вместе с технической мыслью, вместе с изобретениями. Мысль никогда не может остановиться, законсервироваться в том виде, как она есть. Как только законсервировалась, так и отстала. Поэтому и нам нужно двигаться вперед.

Нам надо опередить капиталистическое хозяйство.

Вообще надо прямо сказать: наша техника отстала. Тут замазывать нечего, нет оснований кричать: вот чего мы достигли, чего мы добились!.. Мы добились еще очень немногого, мы только еще на ноги встали, рабочий только начал получать мало-мальски сносно. Но, конечно, этого мало.

Разве рабочий класс, когда захватывал власть, думал технику и всю общественную жизнь удержать на том же уровне, как было при капитализме? Для этого не нужно было бы так непримиримо бороться с капиталистическим миром. Если бы мы не были уверены, что мы технически будем в десятки раз более совершенны, чем при капиталистическом строе, тогда нам незачем было бы бороться, потому что тогда социализма мы не смогли бы построить.

Это все равно, как раньше, — был старый феодальный крепостной строй, но когда вырос капитализм, то старое производство крепостного строя выдержать не могло. Так и при социалистическом строе: старое капиталистическое производство не может выдержать. Тот, кто измеряет сейчас свое производство или производительность завода капиталистическими мерками, тот не понимает социализма.

Социализм означает огромное повышение благосостояния рабочего и крестьянина, всякого рабочего, а не только рабочей верхушки. Этой рабочей верхушке и при капитализме было не так плохо. Вы сами знаете: токарь, слесарь, лучший литейщик получал очень недурную заработную плату даже по сравнению с Западной Европой, он получал до сотни рублей в месяц в мирное время. Но у нас очень мало получали чернорабочие и затем рабочие текстильного и некоторых других производств.

А сейчас мы не можем поддерживать один слой рабочих, а других оставить на старом положении. При капитализме меньшинство рабочих жило сносно. Вообще при капитализме незна-

чительное меньшинство человечества, процентов 5-6, жило сносно, а все остальные работали для того, чтобы этому меньшинству было хорошо жить. У нас в России около полумиллиона человек жило недурно, а 150 миллионов жило плохо.

А нужно так сделать, чтобы жилось не то что хорошо, — это было бы слишком смело сказать, — а хотя бы сносно всем 150 миллионам людей.

Вот эта задача очень трудная. Она труднее, чем каждый может себе мысленно представить. Для того, чтобы показать эту трудность, я приведу маленький пример.

Представим себе, что каждому человеку для спанья нужна железная кровать. Кажется, я очень немного хочу: только одну железную кровать на каждого человека. Но подсчитаем, сколько же надо всего таких железных кроватей. Их надо 150 миллионов. А каждая кровать весит полпуда, значит, надо 75 миллионов пудов сортового железа.

Для того, чтобы сделать только эти 150 миллионов кроватей, надо таких заводов, как ваш, иметь с полсотни, и все эти заводы должны будут работать только кровати. Я взял только кровати, а ведь нужно и матрац взять, а потом и подушку, а после подушки простыню. Вот и считайте, сколько будет стоить одна кровать при полном оборудовании, чтобы можно было лечь, уснуть и чувствовать себя мягко. А у нас, в царской России, огромное большинство людей спало без кроватей, значительное количество и сейчас без подушек спит. Это факт.

Но, помимо этого, каждый из вас хочет комнату иметь, а в комнате мебель поставить, да электрическое освещение провести. Вот и сосчитайте, товарищи, сколько же надо заводов, чтобы мебель изготовить, сколько нужно заводов, чтобы лампочки электрические наделать.

Вот в этом-то и состоит трудность задачи, стоящей перед советской властью. Удовлетворить 500 тысяч всем, что нужно, — это мы можем легко сделать. Их удовлетворял и старый капиталистический мир. А мы должны удовлетворить не 500 тысяч, а 150 миллионов человек. Вот это уже задача иного масштаба, не похожая на старую, и в этом-то трудность, которая перед нами сейчас стоит. Трудность в том, что мы поднимаем сейчас не один слой, не группку какую-нибудь, а поднимаем благосостояние всего населения. Для того, чтобы это сделать, надо надуваться во-всю, иначе ничего не выйдет.

Я представил вам эти трудности в простом виде, но, если бы

ученый сказал перед вами глубокомысленную речь, все равно смысл его речи был бы тот же самый.

Мы имеем оборудование, технику, машины, всякие орудия производства, которых хватает только на снабжение ограниченного числа людей, а нам нужно изготовить всяких изделий на все население. Вот почему наша промышленность должна гигантски расти. Мы за прошлый год впитали в фабрики и заводы до 500 тысяч населения, а удовлетворению все конца не видно, потому что слишком велико у нас народное море.

Всякие товары, которые должны быть нами изготовлены, должны измеряться не десятками, а сотнями миллионов для того, чтобы удовлетворить полностью рабочих и крестьян. Задача, как я говорю, грандиозная. Когда спокойно разберешь, сколько мы еще должны переделать, голова кружится, и думается: а не надорвемся ли? Ведь когда лягушка в басне надувалась, чтобы с волом сравняться, она лопнула. И здесь стоит вопрос: не надорвемся ли, не лопнем ли мы? Поэтому, когда мы увеличиваем промышленность, мы должны рассчитывать, хватит ли у нас сил для поднятия этой промышленности. Если мы, предположим, бросим все средства на чугун, у нас не хватит средств для металлических заводов. Если бросим все средства на металлургию, у нас может не хватить средств на текстильное производство. Ведь человек живет не только металлическими изделиями. Он также нуждается и в одежде и в других вещах.

Об ошибках.

Когда у нас идет развитие, то оно еще идет с колебаниями, прыжками. То одно производство скакнуло вперед, то другое отскочило назад. Почему это делается? Потому, что ошибается центр. В центре неверный подсчет производят. Год тому назад вы, вероятно, читали во всех газетах, все писали: потребляйте уголь! Там, где фабрика на дровах работала, там директору выговор делали. Все кричали: уголь, уголь, ибо Донецкий бассейн завален углем. «Переводите дома в Москве на уголь, не жгите больше дров».

Это было год тому назад, а в нынешнем году уже новый циркуляр: не смейте жечь угля, угля не хватает, переходите на дрова. Конечно, товарищи, какие-нибудь наши противники будут хихикать: «Вот как у них делается, смотрите, вот так хозяева! Год тому назад так, а нынче этак, а в будущем году, чорт их знает, как

будут вести дело!..». И, конечно, такие люди среди рабочих имеют некоторый успех. Почему? Да потому, что критиковать легче, чем делать. Я вот не работал у станка 7 лет, а давайте, я встану к лучшему токарю и со стороны буду глядеть да указывать: вот как он неловко делает, как неловко резец заточил. Это делать легко, а ты вот встань у станка да поработай, тогда видно будет, как ты работать будешь. Это все равно, как мальчишке, который у станка становится, мы говорим: не смей на станину молоток класть, а положит, так за шиворот его. А старый токарь всегда молоток на станину кладет. Правильно ли это? Ну, конечно, правильно. Мальчишку мы должны к порядку приучать, а старый токарь уже давно научился и уже забывать начал. Но все-таки, если он положил молоток, так положил осторожно, чтобы станина не была пробита.

Так и в больших государственных делах. Ошибку всегда можно найти. В чем здесь ошибка? А вот в чем: мы думали, что шагнем в промышленности процентов на 30, а наша промышленность двинулась на 64%. Значит, потребление угля выросло в огромной степени. Но это бы еще ничего, а дело в том, что наша металлургическая промышленность выросла вдвое. Вот это было уже непредвиденным обстоятельством.

Сначала она развернулась на 50%, потом на 70%, а потом и на все 100%. А металлургическая промышленность как раз больше всего поглощает угля. На пуд чугуна нужно два пуда угля. Вот из-за этого у нас и не стало хватать угля. Мы уже в нынешнем году оборудование нескольких глубоких шахт передали немецким фирмам, которые должны нам будут оборудовать шахты свыше 300 сажен глубиною. Эти шахты будут готовы через 2—3 года, и тогда они пойдут в работу.

Можно ли гарантировать, что у нас и в будущем не будет таких ошибок? Конечно, нет. Только тот, кто ничего не делает, не ошибается, всякий же, кто что-нибудь делает, безусловно ошибается. Кто мало делает, тот мало и ошибается, а кто много делает — много и ошибается. Если у нас темп нашего развития будет такой же, как прошлый год, или близкий к этому, то, конечно, у нас будут еще ошибки, и эти ошибки отзовутся на работе фабрик и заводов. Только за ошибки эти мы обвинять в а с будем. Вот у вас не хватит угля, завод простоит, а когда будем баланс сводить, мы скажем: у вас производительность мала, вы работали плохо. Иначе кого же мы будем обвинять? Ведь с нас взять все равно, что со святого, от этого толку не

будет. А вас мы обвиняем потому, чтобы вы поднажали. Обвиняя вас, мы хотим нашу прореху заплатать вашей заплатой. Вот в чем гвоздь. А если вы меня обвините, этому грош цена будет. Потому и обвиняем вас, что только вы и можете загладить эту прореху. Два дня прогуляли, а потом два дня поднажали сильнее, чем обычно, вот и починили прореху. Поэтому, когда вас бьют, понимайте, в чем тут дело. Значит — надо поднажать.

Что мы имеем, несмотря на ошибки.

Ну, вот теперь, не смотря на все наши ошибки, на все дефекты, все же мы можем сказать: все-таки мы кое-что сделали во всесоюзном масштабе. Не знаю, как вы думаете, но, когда я объезжаю Союз, я вижу, что мы сделали больше, чем наши враги предполагали 6 лет назад, — они не думали, что через 6 лет мы будем в таком положении, как сейчас.

Я уверен, у вас есть меньшевики-рабочие. Разве они 6 лет назад думали, что мы собственными силами с этой советской ералашью, с этой безалаберностью наладим, пустим завод, крыши покроем, стекла вставим, и он будет более или менее нормально работать? Нет, не думали, а, как видите, мы этого достигли. Значит, сколько бы ни было ошибок, в общем и целом все-таки успехи есть. Но эти успехи надо продолжать дальше.

Сравним себя с Германией. Сейчас в Германии безработных около 3 миллионов человек, оставшихся после войны. Эти безработные не то, что у нас. У нас огромное количество безработных уехало в деревню, ездило в голодные годы за хлебом, погибало, одним словом, наши безработные не ждали у моря погоды в 1919 году, а боролись и в борьбе умирали. Одни боролись на фронте, другие ехали на Украину купить пуд хлеба и где-нибудь на поезде погибали.

Одним словом, все, кто погибли, — погибли в активной борьбе. Я считаю, что такая смерть гораздо приятнее, чем спокойная смерть от голода, без всякой активности. А в Германии сейчас 3 миллиона безработных. И у рабочих заработная плата систематически снижается. И сейчас уже средний заработок нашего рабочего не ниже германского, а если сосчитать социальное страхование, удешевленную квартирную плату (хотя квартиры у нас возмутительные, но и там же они хороши!), так наша заработная плата даже чуть выше германской. А ведь до войны она была гораздо ниже.

Вот вам, товарищи, второе завоевание. Этого завоевания враги ничем не замажут. В Германии могучая германская социал-демократическая партия, которая имела авторитетных вождей, объединяла под своим руководством миллионы членов профсоюзов. За нее голосовали миллионы человек. Все же германские социал-демократы не удержали власти в 1920 году. Все шансы за то, что они должны были ее удержать. Если бы в Германии власть была удержана рабочей партией, то в Польше, сжатой между нами и Германией, капитализм тоже не удержался бы, рабочие захватили бы власть. А разве сейчас германские рабочие больше голодали бы, если бы там управляла рабочая партия? Нет, все данные говорят за то, что этого не было бы. Вот вам две линии. Одна линия наша, коммунистическая, основанная на доверии к рабочему классу, к его силам, к его могуществу и его способностям переносить колоссальнейшие, невиданные в капиталистическом строе мучения, к его способностям на такую борьбу, которая в капиталистическом строе немыслима.

Ведь, с европейской точки зрения, мы проделали немыслимую борьбу; ведь падение советской власти предсказывалось каждую неделю и не только злым умыслом буржуазии, но предсказывалось, как будто, объективной обстановкой. Считали, что обстановка такая, что власть не удержится. А мы все же удержались. Почему это? Потому, что мы знали, что, когда рабочий борется за рабочие интересы, когда он уверен в правоте своей борьбы, он такие силы достает из недр своих, учесть которые никакая политика не может. И эти силы развернулись, побороли интервенцию, побороли контр-революцию, а теперь рабочие силы развертываются для советского строительства.

На меня ваша работа не производит теперь особенного впечатления, ибо сейчас везде работа развернулась. Теперь нельзя сказать: людиновцы какие-нибудь особенные. В любой завод поезжай, везде дисциплина, выдержка, а токарь или слесарь работает с большей нагрузкой, чем это было до войны. Молодежь, выросшая после нас, говорят, работает сильнее, чем работали мы, и если бы я стал работать токарем (а я около 30 лет токарем работал), то мне бы, пожалуй, не сравняться с молодежью.

Вот каково социалистическое строительство. У нас мастера еще не пользуются достаточным влиянием, техники еще не развернули полностью своих способностей, ибо техники у нас в заводе еще в загоне, а между тем техники, это — наши командиры, они должны вести промышленную армию вперед к победе.

Но даже при всем этом вы видите, чего мы достигли и в области победы и в области производства. А будущее фабрик и заводов в наших руках. У нас рабочая власть, у нас диктатура пролетариата, у нас союз с крестьянством, и будущее рабочего класса и крестьянства в их собственных руках. Если наша промышленность двигается вперед — честь и слава этого принадлежит не Стиннесам, не капиталистам, а рабочим. Рабочий — гегемон и хозяин всего движения в то время, как на Западе все сливки с рабочего труда снимают капиталисты.

Рабочий в Советском союзе — строитель социализма.

Вот только такая простая оценка уже показывает, что в Советском союзе, и только в Советском союзе, делается великое дело. Каждый из вас может с гордостью сказать: он не только токарь, не только слесарь, медник, литейщик или чернорабочий на заводе, а он строитель социализма. Это разница. Одно дело, когда рабочий чувствует, что он только рабочий, другое дело, когда он чувствует себя строителем социализма.

Всякий приехавший в Советский союз видит, что рабочий у нас не добывает потом и кровью дохода капиталисту, а является строителем социализма. Поэтому, когда говорят некоторые, в особенности меньшевики: для чего боролись, раз мы получаем столько же, сколько в Германии? — то это значит — они не понимают существа дела. Если бы рабочий не понимал, что он работает для социализма, мы не могли бы победить мирового капитализма. Только потому, что рабочий уверен, уверен не книжно, не оттого, что слушает речи, а уверен инстинктом, что строит социализм, только потому он может нести все эти огромные жертвы.

За эти 8 лет мы голодали, холодали, влачили жалкое материальное существование. И казалось бы, что при таком нашем материальном положении ребятишки должны вырасти оборванные, захудалые, — такие всегда растут в местах отчаянной эксплоатации капиталистами рабочих. А разве у нас ребятишки такие? Извините, вот какие они выросли, они уже отцов перерастают на голову, они на этой трибуне такую речь закатят, что никому из вас не сказать. Они уже дети революции, и нельзя сказать, что они испитые, исхудалые. У большинства щеки надутые, и так по всему Союзу, за исключением беспризорных, которые являются язвой советской власти, с которой мы еще не спра-

вились. Это опять победа. Этой победы нашей противники не видят, не понимают, не знают, что у нас растет новое поколение, свободное, не знающее капиталистического гнета, не слыхавшее, что во время учения надо работать по 12 часов в день.

Поэтому, когда иногда противники наши начинают указывать на наши технические недочеты, на то, что у токаря железа нет, или на то, что для того, чтобы сделать шпильку, дают ему обтачивать на станке двухпудовую болванку, это все правильно, но эти недостатки, конечно, изживутся. Изо дня в день мы изживаем все это и изживаем только напряжением рабочей воли.

Вот мне кажется, что, как бы мы скромно ни оценивали своей работы, все-таки можно смело сказать, что мы уверенно движемся вперед. Что же теперь нужно для того, чтобы темп нашего развития не останавливался, а шел бы вперед с той же быстротой?

Роль техники.

Для этого требуется привлечение технических сил в фабрично-заводскую работу. Всякий, кто из вас думает, что можно обойтись без мастера, без техника, должен эту мысль выбросить самым решительным образом. Теперь первоклассный инженер, первоклассный техник должен быть руководителем заводской работы.

Примитивный труд, самодеятельность отдельного человека кончилась, она уже не дает необходимых результатов. Теперь нужна механизация труда, нужны совершенные машины, работающие, как часы. А все это возможно только при выдержке, дисциплине, при руководстве технических сил, при поднятии культурного и технического образования самих рабочих. Пока мы обходились или без техников, или с плохими техниками. Теперь производство так выросло, что нужны хорошие техники, хорошие инженеры. Это надо раз навсегда себе зарубить на носу.

Мы должны увеличивать квалификацию рабочего. Но если самих квалифицированных рабочих, артистов-слесарей, талантливых токарей не будет связывать инженер, из их работы ничего не выйдет. Токарь может сделать деталь, слесарь может собрать разрозненную деталь, но план, чертеж, техническую мысль может провести только техник-инженер. Социалистическое государство, это — такое государство, которое целиком основано будет на науке. Старое капиталистическое общество эксплоати-

ровало рабочих, новое социалистическое общество должно эксплоатировать только силы природы. А для этого нужна высокая человеческая мысль и огромные человеческие знания. Нужна наука, наука и еще раз наука.

Вот почему я и говорю: всякий рабочий, который так себе, скандачка думает: чтó нам техники, чтó нам инженеры!..— такой рабочий не понимает сути дела. Такая мысль может быть у крестьянина, ограниченного своим огородом. Рабочий же смотрит победителем на весь мир. У рабочего мысль всегда направлена на то, как бы подчинить математическим формулам безбрежные силы природы. Рабочий смотрит не назад, не к кустарю, а смотрит вперед, к огромным многотысячным корпусам, где сотни и тысячи рабочих будут работать в одной мастерской. Вот куда летит мысль рабочего. А все это ведет к совершенству техники, к работе целиком и полностью на научных основах.

Вот, товарищи, то новое, что стоит перед нами. Если в 1919—1921 гг. коммунистическая партия и советская власть призывали рабочих к победе над старым буржуазным строем, и рабочий, преисполненный своих сил, подхватил этот лозунг и победил своих классовых врагов, то это было только первым этапом победы. Вторым этапом должна быть победа над силами природы. А разве сейчас в нашем рабочем классе меньше творческих сил, чем было в 1919 году? Разве техническая мысль у рабочего сейчас меньше бродит, чем в 1919 году, разве смелость полета мысли у рабочего сейчас ослабела, разве меньше стало желания у него подчинить себе природу и быть полным властелином над ней? Разве этого не хочет рабочий класс?

Безусловно, хочет еще больше. Вот почему все те неверующие люди, которые указывают на маленькие недостатки в повседневной работе, все они, как мелкие обыватели, останутся за флагом, как остались за флагом в великой кровавой борьбе с капиталистическим строем, в борьбе за великое социалистическое строительство, в которое вливаются миллионы отважных и юных рабочих сердец. И я верю, товарищи, победа, безусловно, и с этой стороны будет наша. *(Бурные аплодисменты.)*

О РАВЕНСТВЕ. *)

Товарищи, здесь спрашивают: почему партийные пользуются всеми благами жизни? Например, в Москве или Ленинграде масса безработных, а между тем в учреждениях работают люди обеспеченные, но родственники партийных. Где же справедливость?

Товарищи, если мы будем ждать, чтобы каждый человек поступал справедливо, тогда это будет означать, что мы совсем не знаем людей. Если любой из вас будет мастером или инженером, скажите, разве вы не устроите своего человека на заводе? Вот, например, записка: «Правильно поступает мастер, или нет, что своего сына учеником поставил?» Я бы так рассудил: если этот мастер ценный, тогда я бы вне всякого закона поставил трех его сыновей учениками, а если он не ценный, так не только сыновей, а и его самого уволил бы.

Теперь, почему партийные живут лучше? Потому что довольно значительный процент партийных находится у власти. Я живу лучше не потому, что я партийный, а потому, что я председатель Центрального исполнительного комитета. В настоящий момент у нас начинают и беспартийные проникать к власти, вплоть до Центрального исполнительного комитета, до его президиума. Но, конечно, пока что партия еще зорко следит за тем, чтобы все ответственные или руководящие посты были заняты партийными. Почему это делается? Вы думаете — из одного желания поворожить своему партийному человечку? Нет. Вы посмотрите на своих партийных. Они работают так же у станка, как и вы, и получают одинаково с вами, но они еще исполняют огромное количество партийных обязанностей в нерабочее время. Партийным может быть всякий, кто хочет, особенно же из рабочих. Для этого надо только свою природу сделать приемлемой для партии.

---

*) Заключительное слово тов. М. И. Калинина на Людиновском заводе.

А что нужно для этого?

Для этого нужно, чтобы он был честным рабочим, чтобы у него была общественная жилка, чтобы его уважали другие рабочие. Тогда наверняка месяцев через пять-шесть такой рабочий будет членом партии. Но быть в партии — это еще не значит быть у власти.

К власти выбирают людей, наиболее приспособленных для этого из всей партии. И, конечно, у власти люди получают больше, чем рабочий у станка. Справедливо ли это? Это, говорят, несправедливо. Но пойдем дальше. Один рабочий у станка получает 100 рублей, а другой 12 рублей. Справедливо это? Это несправедливо.

Но пойдем еще дальше. Рабочий получает хоть и 12 рублей, но все-таки он их получает, а у нас есть масса безработных, которые живут только на пособия. Справедливо ли это? Нет, несправедливо.

Дальше, одни безработные получают пособие от профсоюзов, — это члены профсоюзов, и то, говорят, не все, — а не-члены ничего не получают. Справедливо ли это? Нет, несправедливо.

Наконец, сама деревенская жизнь гораздо тяжелее и некультурнее городской. В городе даже нищий пользуется бóльшими культурными благами, потому что он идет по улице, на которой хоть один фонарь да горит, а если упадет в грязь, так он в этой грязи не утонет, а только вымажется. А в деревне иной раз можно и утонуть в грязи. Справедливо ли это? Нет, несправедливо.

А почему все это делается? Да потому, что мы только вчера вышли из капиталистического строя, товарищи. А вы хотите в один день равенство произвести! Заставьте-ка токаря за 25 рублей работать или инженера заставьте за 25 рублей вычисления произвести.

Не выйдет. Токарь скажет: я лучше мести буду.

Или возьмем директора завода, на которого всех собак вешают. Кто из вас согласится быть за среднюю заработную плату директором завода? Это только одни слова: я да я. Извините, мы знаем, что значит быть директором завода. Понукать надо. А чтобы понукать, нужно силу воли иметь. Это не большое удовольствие — понукать.

Из этого вы видите, что неравенство у нас сейчас потому, что материальных благ мало. Если мы сейчас всем разделим поровну, то не хватит. Мы сейчас платим больше тому, кто

нам крайне необходим. Я приведу грубое сравнение из крестьянской жизни. Крестьянин кормит лошадь всю зиму сеном, а когда ему ехать нужно, перед дорогой, он кормит ее овсом. А что государство делает? Оно всех кормит сеном, а особенно необходимых людей подкармливает овсом во время работы. Это грубое сравнение, но верное. А почему всем нет овса? Да потому же, почему крестьянин не кормит всю зиму лошадь овсом.

Поэтому тот, кто говорит о равенстве, тот думает только о том, почему его не уравнивают с вышестоящими. А ведь у нас всякого нижестоящего можно еще ниже опустить. Почему у нас большинство спит на деревянных кроватях, а то и вовсе на полу? Потому, что железных кроватей нет. Почему мы равенства не вводим? Потому, что материальных благ мало.

А были у нас попытки к этому? Конечно, были. Ведь в 1919 году все были равны. Но кто же сейчас променяет неравенство сегодняшнего дня на 19-й год? Никто не променяет.

Но значит ли это, что мы не стремимся к равенству? Нет, это не значит, товарищи. К равенству мы стремимся, но к равенству социалистическому. В чем оно выражается? Оно выражается в том, что каждый должен иметь отдельную кровать. Вот откуда идет равенство. Равенство не в том, чтобы распределить несуществующие средства, а в том, чтобы добыть столько средств, чтобы их хватило на всех. Когда мы и кроватей, и простыней, и подушек сделаем достаточное количество, тогда будет равенство. Вот здесь воздуха всем хватает, всякий дышит столько, сколько хочет. А если бы воздуху было мало, человек со здоровыми легкими обидел бы туберкулезного. Тот стал бы задыхаться и умер бы.

Поэтому, возвращаясь к прежнему, я повторяю: борьба за равенство — это есть борьба за производительность. Смотреть за такими мелочами, как мастер своего земляка поставил или директор поехал на лошади, да на хорошей, или ухитрился вина выпить, это — мелкобуржуазность. Если бы даже я встретил пьяного директора, но меня бы предупредили, что с ним этот грех бывает, но зато это исключительный директор по знаниям, по авторитету среди рабочих, по инициативе, и работает он 24 часа в сутки, отдавая себя работе для завода, я бы поругал его, но сказал бы: сменять его нельзя. Но у нас есть коммунисты, которые, как православный в субботу, ходят на коммунистические собрания в ячейку, ладят со всеми коммунистами, ладят с профсоюзами, а завод разваливается, разрушается. Такой

коммунист хоть сам и честный человек, но что толку в его честности, когда он пользы не приносит? Ведь если я вас спрошу: кого вы хотите — честного нюню или хорошего руководителя, знающего человека? — конечно, если вы разумны, вы скажете: нет уж, извините, нам никчемных людей не нужно, дайте покрепче, пожуликоватее *(смех, аплодисменты)*, чтобы он в Москве мог наши интересы отстаивать, чтобы он ремонт произвел, а сам скрыл бы это, сказал бы: доходов нет. А с точки зрения справедливости, правильно он поступил бы? Ну, конечно, неправильно. Однако каждый из вас скажет: молодец, поддержать его надо. А тут пишут о справедливости. Справедливости отвлеченной нет. Для того, чтобы быть справедливым, надо точно знать всю обстановку. Также и о равенстве нельзя говорить, пока у нас относительный голод. Какое может быть равенство, когда нет у нас комнаты для рабочего, когда рабочие живут вповалку? Что же, вы хотите, чтобы и директор жил в одной комнате? Нельзя этого, бумаги у него могут украсть, счета разорвать. А когда дадут комнату, надо ее обставить мебелью. Вот уже и неравенство, потому что он тогда лучше рабочего живет.

Поэтому борьба за равенство, это значит — борьба за увеличение таких благ, чтобы каждый человек имел свою комнату, свою кровать, музыкальный инструмент, имел возможность в театр пойти хотя раз в две недели, когда у него жена будет с белыми, мытыми руками, надушена одеколоном, когда ребятишки будут чистенькие. Тогда и директор с вами сравняется. Чтобы стремиться к равенству, надо не уменьшать заработную плату директору, а надо поднимать к этому получающего 12 рублей. Там, где есть голод, нищета, нехватка, — равенства не будет. Давайте, соберем вас и дадим одинаковую заработную плату. Вы три дня проработаете, пока порыв будет, а через три дня выдохнется порыв. Слесарь скажет: я не буду работать, на зажигалки перейду.

Теперь я скажу несколько слов крестьянину, который выступал здесь. Он жаловался, что крестьян сюда не пустили. Надо сказать: завод не может пускать публику, не связанную с заводом. Набежит много народу. Из них 100 человек честных, а один придет, увидит — гайка лежит, и возьмет себе: в хозяйстве пригодится. Люди есть люди. Конечно, я знаю, 99 ничего не возьмут, а сотый возьмет. А потом поклеп будет на всех. А кроме того, вообще завод, это — место, куда пускаются только работающие в данное время на нем. Поэтому крестьянам жало-

ваться на это нет никакого основания. А я не только на заводах бываю, но и в волостях.

А теперь, товарищи, после моей назидательной проповеди, разрешите пожелать вам успеха, и если судьба позволит мне до смерти еще побывать у вас, так я хотел бы, чтобы ваша мастерская была еще больше, еще красивее, еще светлее, и чтобы все были еще красивее одеты. *(Шумные аплодисменты.)*

РЕЧЬ НА РАБОЧЕМ МИТИНГЕ НА ПОРОХОВЫХ ЗАВОДАХ ШЛИССЕЛЬБУРГА.

30 декабря 1919 г.

(Присутствуют 3 000 чел.)

Товарищи, прошло два года советской власти. Давайте окинем взглядом, что было раньше.

Все вы согласитесь, что каждый человек большую часть своей жизни был занят одним кардинальным вопросом: как устроить свою жизнь, как обеспечить себя от голодовки, как обеспечить в будущем своих детей, чтобы они, в случае моей смерти, не умерли с голоду. И у каждого, если это был более или менее обеспеченный человек, было желание оставить своих детей тоже в обеспеченном состоянии; если сам он был не обеспечен, то общее желание было вывести своих детей в «люди», ввести их в слой более обеспеченный.

Но вот произошла социалистическая революция. Вершителями ее являемся мы с вами, и у нас сейчас также стоят эти вопросы.

Но сейчас они стоят иначе, чем стояли раньше. Два года тому назад каждый человек противопоставлял себя другим людям. Он чувствовал себя окруженным как будто бы и друзьями, как будто бы и людьми, по образу и подобию похожими на него; он чувствовал, что как будто бы без людей он и не мог существовать, ибо всякому понятно, что люди теснейшим образом связаны между собой. А, с другой стороны, он был враг всем людям, — и в особенности тогда, когда он занимал хорошее место, — на это место было много претендентов, а у него было все время сильное желание удержать это место за собой.

И поэтому, тот старый мир, который мы разрушили, это был мир, полный противоречия. Каждый человек, если бы он не захотел ничего в этом мире изменять и быть последовательным, он должен был бы уйти на тот свет, оставив кусок хлеба другим людям.

*

Если вы проникнитесь в строение тогдашнего общества, то вы увидите, что другого выхода для такого человека не было.

Но вот мы сейчас переживаем другую полосу, круто все изменившую.

С внешней стороны, она как будто ничем не изменилась. С внешней стороны наши дети, может быть, даже более не обеспечены.

Если раньше были отдельные буржуазные слои богатого крестьянства, городской средней буржуазии, они были обеспечены, то сейчас никто не обеспечен. Сейчас всякий умирающий отец может сказать, что его жена и дети меньше обеспечены, чем при старом строе.

Но, товарищи, скажите беспристрастно, при каком строе беднота уходит спокойнее на тот свет — при этом ли, еще только нарождающемся, строе, или при старом — богатом строе, когда у иного человека были огромные запасы предметов первой необходимости и в то же время у иного не было куска хлеба на один день.

Я не сомневаюсь, что каждый из вас, если он не будет лицемерить, скажет, что, пожалуй, как бы ни было плохо, но беднота сейчас умирает спокойнее. Потому что те приюты, которые все-таки у нас существуют, они скорее подберут детей бедноты, чем в старое время.

В прошлом для бедняков приютов не было. А если какие и были, то они были тюрьмой, издевательством над родом человеческим. Сейчас таких приютов вы не найдете. Сейчас, если приюты не стоят на высоте своего положения, то это уже злой умысел отдельного человека. А по существу, разумеется, рабочие и крестьяне стремятся эти приюты превратить в такие же семьи, где бы воспитывались дети не хуже, чем среднего достатка семьи. Это одно из главнейших преобразований, которое сейчас пока, с внешней стороны, еще мало заметно, но которое в будущем, по мере выхода нашего из разрухи, будет иметь огромное значение.

Потом, я думаю, вы все ясно замечаете, на кого опирается современное правительство. Старое правительство, — возьмите хоть премьер-министров последних лет, сенаторов, членов Гос. совета, всю высшую чиновную иерархию, — опиралось на людей, почти выживших из ума, на стариков-ханжей; они служили обедни, — всю жизнь старались превратить в жизнь, полную лицемерия, а современное правительство опирается в огромной степени на молодежь.

Вот здесь, на собрании рабочих, много молодых, мы видим, как сейчас при полной голодовке и огромном количестве жертв, которые несет рабочий класс и крестьянство, мы видим, как наша молодежь растет не по дням, а по часам, как она быстро делается смелым участником новой жизни.

Теперь сплошь и рядом в небольших городках видишь, как на этих подмостках выступают наши дети, свободно владеющие языком, гораздо лучше, чем владели мы, старики. Это значит, что мир изменяется, это значит, что новый строй несет лучший строй, впитывающий в себя все, что есть передового, энергичного и смелого среди нас.

И кто является главным проводником, идейным вождем того движения, которое мы наблюдаем? Этим идейным вождем является наша коммунистическая партия.

Товарищи, что представляет из себя эта коммунистическая партия? Вероятно, каждый непартийный человек задает себе этот вопрос, и обыкновенно многие решают этот вопрос, как старая баба: коммунистическая партия — это комиссар какого-нибудь ответственного советского учреждения, который получает лишний паек хлеба; и из этих обеспеченных людей создается коммунистическая партия, — таков чисто обывательский взгляд.

Что же по существу представляет из себя эта партия? Во-первых, это не секта. Ни одна секта не связывается тесными узами со всеми рабочими и крестьянами, а уходит в свою замкнутую среду.

Коммунистическая партия — она не замыкается, она формируется из людей, которые поняли, что, если они хотят улучшить свое индивидуальное положение, частную жизнь Ивана, Петра, хотят лучше обеспечить своих детей, то они должны заботиться о том, чтобы поставить в лучшие условия весь рабочий класс и крестьянство. А для этого нет другого выхода, как бороться в рядах коммунистической партии. Ибо, если я борюсь один, то все равно, как в венике, я, как отдельный прутик, могу быть быстро сломан. А когда я вхожу в партию, то меня, как целый веник, сломать трудно, для этого нужны большие усилия. Каждый рабочий с присущими ему способностями и организаторскими талантами, но не объединенный, не может ничего сделать для государственного дела. Он должен опереться на партию, ибо в партии он представляет из себя прутик большого веника; он исполнит хотя и маленькую работу, но его работа связывается с работой других партийных товарищей, и уже получается огромная по своему количеству и значению работа.

Всякий беспристрастный работник и работница и, особенно, женщина, которой тяжело жилось при самодержавии, потому что она помимо общего угнетения испытывала еще угнетение индивидуальное, она должна понять, что при нынешнем строе она может проявить свои способности, энергию, дарования, связавшись с партией, участвуя с ней в той государственной работе, которую партия направляет, влияя на самое направление этой работы, учась быть строителем новой социалистической республики, строителем, кузнецом нового счастья.

Товарищи, для каждого честного человека нет другого выхода, как тот путь, на который его зовет партия. Если он говорит, что я не я, и хата не моя, то что это значит? Разве ты не находишься на грешной земле, разве ты не несешь общую юдоль человечества? Разве тебе все равно, хватит ли хлеба для тебя и твоих детей; разве все равно, боремся ли мы с врагами или бьем своих друзей?

Тысячи лет погоняли нас кнутом. Мы работали как вьючные животные, и теперь, когда мы отказываемся встать в ряды партии, то это значит, что мы отказываемся от своих прав, это значит, мы даем право кому-то распоряжаться над собой.

И поэтому, я думаю, что каждый работник, а в особенности каждая работница должны участвовать в партии. Они должны своим голосом участвовать в делах партии, чтобы она принимала решения в интересах рабоче-крестьянских масс. Мы часто слышим нарекания, что вот партийный человек ничего не делает, что в партии есть нечестные элементы.

А кто в этом виноват? Кто виноват, что у партии есть ошибки, что к ней присосался негодный элемент? Если вы видите ошибки и не идете их исправлять, то вы виноваты вдвойне. Теперь, когда наша партия является руководителем всем государством, главным двигателем всей борьбы, — участие в работе этой партии является необходимостью для всего рабочего класса, ибо эта партия связана самыми тесными узами с рабоче-крестьянскими массами.

Поставим теперь вопрос так: принесет ли участие в партии счастье отдельному человеку? Возьмем девицу, которой сейчас стукнуло 18 лет, и она раскладывает карты, чтобы узнать свое будущее.

Что это значит — девица хочет узнать свое будущее? Эти гадания, это желание узнать свое будущее — самообман, это то же, как старушка идет в церковь и молится, чтобы получить

царство небесное. Ту же самую наивность проделывает и 18-летняя девица, которая не беспокоится о царстве небесном, а которой нужен жених, которая раскрывает карты и смотрит, каков будет ее король.

Но даже находя по картам своего короля, она жестоко ошибается, ибо от этой злой жизни, в которой мы живем, гаданьями на картах не уйдешь.

Разве старая работница при царском режиме не знала, какую жизнь она проживет? Разве мы такие дураки, что не понимали, что как родились мы в бедности, жили всю жизнь на одних селедках, так и помрем?

Конечно, можно сказать, что сейчас и селедок-то нет (*голос с места:* верно, что нет). Но кто станет этим колоть нас, тот или лицемер, или это те, которые не прошли старой жестокой школы. Кто жил в старое время, тот помнит, что мы голодали в те моменты, когда отдельные паразиты объедались. Мы голодали в те моменты, когда магазины ломились от съестных припасов, мы голодали, когда целые вороха со снедью лежали в окнах.

Идешь, бывало, по Сенной, и глаза разбегаются. Это, товарищи, огромная разница по сравнению с теперешним временем. Сейчас у нас, если голодают, так страдают все. А там был мир, полный неравенства, когда один умирал от голода, а другой тоже умирал, но уже от обжорства.

Возвращаясь к тому, о чем я говорил, повторяю, что каждому хочется счастья, а разве в старое время для каждого работника и работницы не было известно, что предстоит ему в будущем? Разве не было известно, что каждому работнику до 40 лет судьба была трепаться на заводе, а после 40 лет он шел в простые подметальщики этого же завода, и над ним издевались наши же товарищи. Разве вы скажете, что вы не видали этих стариков, которые метут, а над ними остальные издеваются? Вот конец жизни рабочего при старом буржуазном строе. И разве та девица, которая гадала на картах, разве она этого не знала? Она знала, что как выиграть двести тысяч редкая вещь, такая же редкая вещь получить жениха, который сделал бы ее счастливой. Это одно кольцо, которое нужно разомкнуть! От гадания жизнь не изменится. Жизнь может измениться, когда изменится все государство.

Никогда счастье человеку не дается с неба, оно завоевывается. А счастье для отдельного человека отдельно от всех не завоюешь,—

давайте спросим каждого человека, согласится ли он в полном достатке один жить, когда все окружающие его будут стонать от непосильного бремени жизни? Я задаю этот вопрос. Будет ли счастлив этот человек? Я уверен, что такого человека не найдется. Я уверен, что ни один здоровый человек не захочет иметь счастье в то время, когда его нет у других. Я это говорю к тому, чтобы быть счастливым — для этого надо быть спаянным со всей рабоче-крестьянской массой; только те люди, которые тесными узами связались с массами, которые не ставят забора между своими интересами и интересами рабочих и крестьян, — только эти люди действительно куют счастье, только они испытывают полноту сознательного человеческого существования, только у них жизнь действительно наполнена смыслом.

Вот лучший пример для вас, товарищи шлиссельбургские рабочие, — тов. Жук, который здесь погиб на фронте. Этот человек прошел тюрьму. Этот человек пережил такие страдания, которые не пережил, наверное, ни один из вас. И если бы теперь этот Жук встал из гроба, и я спросил бы его, хочешь ли остаться в стороне от борьбы, отсиживаться в уединенном гнездышке, я уверен, что тов. Жук сказал бы, что я этой бессмысленной обывательской жизни не хочу, что она мне счастья не даст, что тот краткий момент, который я прожил на земле, он краток, но широк.

И я должен вам сказать, товарищи, что жизнь измеряется не только в длину. Есть люди, которые жили 24 года, и были старики, которые живали по сто лет, и проходило время, этих стариков все забывали. А 24-летних людей, которые горели огнем со своим народом, они долго жили в народных сердцах. И я не сомневаюсь, что человек, который жил 20 лет, и за эти 20 лет жил полною жизнью, страдал со своим народом, шел туда, куда шел весь народ, — если народ шел с оружием против врага, то и он шел против этого врага, если народ радовался, то и он радовался вместе с ним и пел песни, — жизнь этого человека в десятки раз счастливее, чем жизнь иного столетнего старика. И неужели можно подумать, что старые коммунисты, которые десятки лет сидели в тюрьмах, неужели, вы думаете, они сидели из-за корысти, неужели вы думаете, что, если б они не испытывали, что их жизнь осмыслена и оттого легка для них, они бы шли в эти тюрьмы? Нет, они только потому и шли туда, что они в этой борьбе находили счастье, которое в десятки раз богаче обывательского наслаждения.

Я снова возвращаюсь к вопросу, как сделать каждого молодого юношу, каждую девицу счастливыми? Говорят, «счастье не воробей, за хвост не поймаешь», а по существу это воробей. Счастье нужно завоевать. И каждого, кто становится в ногу с партией, партия бросает его на работу, и ему некогда тогда раскладывать пасьянс, он каждый день занят работой, он уже думает о том, с какой стороны может подкопаться к нам враг, он смотрит, как воюет боевой отряд, он замечает, что в самой партии есть огромное количество нечестных людей, которых надо выбросить. И вы увидите, что вся жизнь такого человека с утра и до вечера наполняется осмысленной работой. Эта работа будет направлена не на то, чтобы потуже набить себе карман, припасти на черный день, а она будет направлена на общее улучшение жизни рабоче-крестьянских масс. И тогда молодой юноша, участвуя в этом процессе работы, будет счастлив. Молодая девица, занятая работой, если даже ей изменит жених, она не повесится, потому что она великолепно будет разбираться, она будет понимать, что свет не клином сошелся. Она будет понимать, что она необходима для работы. Она тогда не сделается целиком рабою своего мужа, она отдаст ему только частицу, а другая, большая часть ее пойдет на улучшение жизни всей массы. Находясь в этой обстановке, она легче перенесет свое частное горе, она будет лучше обеспечена от той тягучей тоски, от той ноющей скуки и боязни человеком человека, от той подлой обывательской жизни, которая заедает человека, которая превращает его в развалину.

И вот, если вы все это оцените, то вы увидите, что всякий, кто хочет построить свое индивидуальное счастье, тот должен быть кузнецом, строителем счастья всех рабочих и крестьян, а когда он будет кузнецом счастья всех, то он будет кузнецом и своего собственного счастья. *(Аплодисменты.)*

ВРАГ У ВОРОТ ТУЛЫ.

Речь в Тульском пролеткульте 25 октября 1919 г.

(Присутствует свыше 1 000 чел.)

Товарищи, позвольте мне приветствовать вас от имени Всероссийского центрального исполнительного комитета.

Товарищи, в Москве у нас только что кончилась партийная неделя, а у вас она только что начинается. Надо заметить, что партийная неделя, проведенная в целом ряде городов, в особенности в Петрограде и Москве, дала в высшей степени неожиданные результаты, и особенно неожиданными оказались они для наших врагов.

Кажется, в тот момент, когда положение Советской республики было наиболее тяжелым, враг находился так близко, под Тулой, можно было думать, что коммунисты слишком самонадеянно обращаются к массам за тем, чтобы они влили новые силы в партию. Тогда все обыватели говорили: «какой же дурак пойдет теперь в коммунистическую партию».

Однако рабочий класс, крестьянские массы и городская беднота поняли, что наступил такой момент, когда нельзя сказать: «я не хочу быть горячим или холодным — я хочу быть тепленьким». Они поняли, что нужно или объявить себя врагом рабочих и крестьян и перейти в белогвардейские банды или, наоборот— в лагерь рабочего класса.

Почему же рабочие идут за коммунистами? Что же такое представляет собой коммунистическая партия, какие преследует она особые задачи, какие у нее особые верования?

Я должен сказать, что коммунистическая партия не имеет ни особых верований, ни особых задач, отличных от задач, рабочего класса и крестьянства и присущих только коммунистической партии. Коммунистическая партия есть только наиболее передовой, наиболее сознательный слой рабочего класса и крестьянства.

Коммунистическая партия, — товарищи, — она лишь правильно выражает и формулирует интересы и нужды рабочего класса, а потому и ошиблись наши враги, думая, что в момент страшной опасности все рабочие и крестьянские массы не поддержат коммунистическую партию. Рабочий класс и крестьяне инстинктом поняли, что величайшая опасность грозит не коммунистам, а всему рабочему классу. И поэтому по последнему, не вполне подсчитанному итогу, коммунистическая неделя в Москве дала $13^1/_2$ тысяч новых коммунистов рабочих и крестьян.

Мы не можем сказать, что они влились в партию с целью получить тепленькое местечко, ибо они вступили в партию как раз в тот момент, когда опасность висела над головою партии. Нет, не ради своего маленького, своего личного удобства пришли они, а ради завоевания и успеха большого, общего всем рабочим дела.

Но зададим сейчас вопрос, каково должно быть поведение каждого отдельного члена партии, именно с этой точки зрения «личного» счастья. Ведь и в этот напряженный момент гражданской борьбы каждый мужчина и каждая женщина, каждый рабочий и крестьянин ставит себе вопрос о том, как построить ему свое личное счастье. Этот вопрос занимает всех. У нас нет почти ни одной девицы, которая бы не раскладывала карты и не старалась бы угадать свою судьбу. Да я думаю, что в настоящий момент 9/10 коммунистов не прочь узнать свое будущее. Для рабочего, работницы гадать — это значит обманывать себя. В самом деле, разве работница или крестьянка, разве рабочий и крестьянин не может предсказать с точностью свою судьбу, разве та, которая раскладывает колоду карт, верит в то, что она найдет мешок с деньгами; нет, она знает, что исключительное, особое счастье выпадает на долю одного человека из миллиона людей, а ее счастье похоже будет на счастье тысячи тысяч женщин ее класса.

Какова была жизнь рабочего класса? Каждый рабочий скажет, что мало счастья попадало на долю рабочих и крестьян. Хлеб с голодом и холодом вперемежку, нужда и выпивка в конечном счете по субботам, чтобы забыть суровую действительность, — и так до 45 лет. А потом рабочий уже инвалид, а дальше смерть где-нибудь под забором или в лучшем случае служба на казенном заводе в качестве дряхлого сторожа, над старческими поступками которого будут все смеяться и издеваться. Счастья частного у рабочего не было, какие бы карты он ни рас-

кладывал, и именно потому, что он был членом семьи эксплоатируемых.

Теперь, когда развернулась мировая классовая борьба, рабочий счастье свое может поймать, но только тогда, когда он теснейшим образом свяжет себя с рабочим классом, только тогда, когда он будет болеть за него душой, когда его горести и его радости свяжутся теснейшими узами с жизнью рабочих масс. Тогда, когда победа или поражение рабочего класса в той или другой точке земного шара будет вас радовать или печалить, вы будете счастливым человеком. Тогда не будет опасности, не будет силы, которые могли бы разбить ваше счастье.

На самом деле, можно ли победить рабочий класс? Разве не все будущее стоит перед ним? Да разве тогда, когда рабочий класс был бит, бит и бит, когда сотни, тысячи людей переполняли тюрьмы, когда вся Сибирь была заселена представителями рабочего класса и революционного крестьянства, разве тогда этот рабочий или революционер-крестьянин согласился бы променять свои долгие страдания на спокойное и тихое житье в качестве умиротворенного обывателя, построившего в Туле домик и живущего своим хозяйством? Нет, он не согласился бы. Его отдельное счастье было бы его несчастьем. Посмотрите, как легко разрушается это отдельное счастье, как оно неустойчиво. Допустим, вы 10 лет любили свою жену, у вас два прекрасных ребенка, но вдруг ваша жена вам изменила. Один слепой случай, и ваше счастье полетело к чорту. Простая измена вашей жены превратила вас из счастливого человека в человека, над которым все смеются. Величайший художник слова Короленко в своем «Слепом музыканте» ясно показал, как проблематично, непрочно это отдельное человеческое счастье. Если, товарищи, в мирное время столь неустойчиво счастье каждого человека и так подвержено оно случайностям, то в настоящий момент, в момент гражданской войны, когда погибают тысячи людей, личного счастья вне борьбы нет. Да и как можно быть счастливым, когда нет никакой гарантии, что я не буду выпорот, повешен или расстрелян каждую минуту и мое счастье не будет опозорено черносотенными бандами? Как можно быть уверенным за свое имущество, когда оно сейчас тысячами по всей Советской республике топчется нашими врагами, никогда не работавшими, а потому непонимающими всей ценности человеческого труда? Личное счастье, будь каждый кузнецом своего «личного» счастья, — это сказка богачей. Человек не может быть счастлив

в тот момент, когда страдает весь мир. Человек, — тот, которых миллиарды, — может быть счастлив только тогда, когда всеми нитями своей души, когда всем телом и всем сердцем спаян он со своим классом, и только тогда его жизнь будет полна и цельна. И как бы коротка ни была эта жизнь, она будет ярче и полнее, чем жизнь обывательская. Сейчас мы видим, как пятнадцати- и шестнадцатилетние герои погибают на фронте, едва начав жить. Но за эти короткие годы они проживают жизнь в 20 раз более полную и длинную, чем обыватель-мещанин, сто лет живущий на этом свете.

Товарищи, теперь перед вами стоит еще большая опасность. Надвигается враг жестокий и сильный, враг, умеющий бороться и умеющий класть свою голову за интересы дворянства и буржуазного класса, — вспомните, как небольшая геройская кучка пробилась сквозь наши ряды и совершила целый рейс. Но если дворянский класс умеет класть голову на плаху при защите своих привилегий, то неужели же рабочие и крестьянские массы, этот молодой класс, который только сейчас начинает расправлять свои трудовые плечи и начинает величайшее творчество новой жизни, неужели же это поколение, имея пушки и пулеметы, имея все технические средства и полную возможность задушить на веки врага, в борьбе с которым легли целыми миллионами наши отцы и деды, того врага, у которого на конюшнях были запороты или променяны на лошадей и собак наши предки, неужели же у этого класса будет меньше геройства, чем у дворянского класса, чем у людей белой кости. *(Долгие аплодисменты.)*

Я глубоко убежден, что рабочий класс и крестьянские массы выделят бесчисленное, бесконечное число героев. Товарищи, наступил момент, когда надеяться на отдельных людей нет никакого основания. Наступил момент, когда вся крестьянская масса должна решительным образом сказать свое слово. Тысячи лет мы были рабами, если мы сейчас в такой момент, когда мы имеем и своих вождей, и командиров, не победим и не нанесем решительного удара, мы станем величайшими преступниками перед нашими потомками. Ведь пройдет 5-6 лет, и наши потомки, будучи рабами, скажут: «Вы не выполнили свою задачу. У вас в руках были все средства, была государственная власть, была полная возможность задушить рабовладельцев, но вы этого не сделали, и мы снова должны бороться за свои права, за свою свободу, за новый лучший мир».

И я думаю, что эта мысль все более и более начинает проникать в народные массы и заставляет итти их в большевистскую партию. Каждый сознал, что только эта партия есть авангард, с честью поддерживающий революционное знамя. Эту честь поддерживает сейчас и наш многострадальный Петроград, снова и снова наносящий удар Юденичу. У нас есть Уральск, который четыре месяца выдерживал осаду казацких банд. У нас есть Оренбург, который в продолжение 4-х месяцев был окружен врагами.

Но эта величайшая честь знаменосца революции несет за собой огромнейшие страдания и жертвы. Теперь такие же страдания и жертвы становятся перед вами. Я прямо говорю: опасность велика, и чем меньше мы будем ждать этой опасности, тем она будет больше. Но я верю, что Тула, на которую взирает вся революция, не только Российская, но и всего мира, будет нашим 4-м знаменосцем.

Товарищи, я призываю вас сделать Тулу той твердыней, той крепкой скалой, о которую разобьются банды Деникина. И я думаю, что тульский пролетариат не опозорит себя перед Россией, что он станет наравне с Оренбургом, Уралом и Петроградом.

Товарищи, все на поддержку нашей Красной армии, все на защиту революции! Если рабочий класс захочет победить, то нет сил, которые могли бы противостоять рабочему классу.

В ДНИ ГРОЗНОГО НАВОДНЕНИЯ.

Речь на фабрике «Треугольник» 28 сентября 1924 г.

Товарищи, я в необычайное время приехал в Ленинград, и поэтому обыкновенные темы для доклада являются как будто необычными.

Но я думаю, у нас столько было необычного, столько было трагических моментов, что то событие, которое произошло с Ленинградом за последнюю неделю — наводнение, не должно выбивать из колеи ленинградских рабочих.

Наоборот, это событие должно еще больше укрепить их в настойчивом проведении того плана, тех заветных целей, которые крепко сидят в головах ленинградских рабочих.

Эта заветная цель — во что бы то ни стало Ленинград должен остаться старым Петроградом как в области революционных достижений, так и в отношении передовой техники, передовой промышленности и т. д. Вот задачи, которые стоят перед ленинградскими рабочими.

Есть ли перспективы для этого? Каковы обстоятельства международные и внутренние, которые дали бы возможность, несмотря на это стихийное бедствие, претворять сейчас в жизнь, в реальную действительность эти заветные цели?

Мне кажется, товарищи, эти перспективы есть. Я не буду долго останавливаться на внешней международной обстановке, — она более или менее благоприятна для нас, но, по существу говоря, находится в таком же состоянии, как ленинградская стихия.

Нас в этом году признают один за другим иностранные государства. Влияние нашего Союза на международную политику, — постепенно, может быть, не так быстро, как нам хочется, — но все увеличивается. Казалось бы, вся обстановка дает уверенность в твердости советской власти, в ее укреплении на международной арене, но, именно это «но» — сама международная арена, сам

буржуазный мир столь же капризен, столь же неустойчив, как ленинградская погода.

Прямой непосредственной опасности нет. Можно прямо сказать — сегодняшний день у нас лучшее международное положение, чем оно было прежде, это не подлежит сомнению, но сам буржуазный мир переживает такой период времени, когда ему особенно свойственен авантюризм.

Каждый строй, если он чувствует слабость своего положения, чувствует, что он пережил себя, бросается для укрепления своего положения на авантюру. От буржуазного мира мы можем ждать всякой авантюры, мы должны быть готовы к ней так же, как Ленинград к наводнению, у которого только 100 лет тому назад было такое наводнение.

Так и на международной арене: семь лет идет систематически наше укрепление, но когда-нибудь мы можем столкнуться так же неожиданно, так же стихийно, как это было с ленинградским наводнением.

Я снова говорю: это может произойти независимо от субъективной воли того или другого буржуазного правительства. Опасность этого столкновения идет от накопляющихся сил, от накопляющейся противоположной электрической энергии с той или другой стороны, и придет время, когда она должна разрядиться. Поэтому и на международной арене мы должны быть готовы ко всему. Несмотря на нашу твердость, могут быть такие же неожиданные случаи, как случай с Ленинградом.

Есть ли какие-либо гарантии по отношению к этому? Относится ли к этому сознательно советское правительство, предпринимает ли какие-либо предупредительные меры? Товарищи, для всех вас ясно, что столкновение, которое может последовать между буржуазным миром и нами, мы должны предвидеть, должны к нему готовиться. Чем больше мы его будем предвидеть и больше к нему готовиться, тем больше шансов, что мы не столкнемся, что это столкновение отложится на более долгий срок. Чем больше мы будем готовы, тем больше шансов, что это столкновение принесет меньше жертв.

Это вполне естественно. Если бы мы были во всеоружии по отношению к силам природы в том же Ленинграде, если бы у нас был избыток материальных средств, Ленинград пострадал бы, вероятно, меньше, чем сейчас, ибо потерять часть своего имущества гораздо легче, чем потерять все имущество. А потерять легче все имущество тогда, когда его очень мало. Если

у тебя в комнате один только матрац, и если его унесло, то это ты как бы все имущество потерял. Если полностью комната набита, все что-нибудь да останется.

Чем больше избыток средств, тем легче и природные стихийные бедствия переживаются.

То же самое на международной арене. Если гроза разразится, она легче нами переживется, если мы будем во всеоружии, и не только легче переживется, а, может быть, будет парализована и заставит противников советской власти быть более покойными, умеренными, не бросаться в авантюру.

Поэтому перед советским правительством ни на минуту из его взора и внимания не уходит мысль о защите внешних границ Советского союза. Несмотря на систематическое улучшение международного положения, все-таки сравнительно значительные средства мы должны употреблять на защиту советского правительства.

Что касается внутреннего нашего состояния, то здесь также можно сказать, что в общем мы идем вперед. Это можно сказать хотя бы по отношению к вашему заводу. Вы, вероятно, сами замечаете, что из года в год, из месяца в месяц у вас идет систематическое улучшение. Вот то, что происходит у вас на месте, оно является небольшой картинкой, освещающей советскую работу. Везде и всюду происходит такая же работа, такие же достижения, — в одном месте побольше, в другом поменьше, но такие же достижения, как и у вас на заводе.

Так что в общем и здесь мы не застываем, а идем все вперед, и, казалось бы, что нашему правительству, рабочему классу, в настоящий момент, если не лучше живется, то во всяком случае мы должны спокойнее жить, быть уверенными, быть самоуверенными в своей ежедневной политике.

Но это далеко не так.

Целый ряд затруднений, которые были 3-4 года тому назад, когда самым существенным из них был голод, крестьянство жестоко пострадало, потерпело огромные жертвы, многие умерли голодной смертью, — это, товарищи осталось позади. Но помимо этих затруднений теперь явились новые.

Возьмем ваш завод, рабочих резиновой мануфактуры. Эти рабочие три года тому назад удовлетворялись $1^1/_2$ фунтами хлеба и считали, что, вот, полтора фунта имеем, мы можем жить, а рядом с нами получают по фунту. Полтора фунта хлеба было большим достижением, которое всех удовлетворяло.

В настоящий момент я, пожалуй, ни одного из вас не найду, который сказал бы — о да, хорошо теперь живется! Наоборот, скажет — куда там, плохо, неважно живется!

Все-таки общая мысль теперь — так жить нельзя. Потребности за эти три года выросли в огромной степени. Каждый теперь приходит домой, и вся домашняя обстановка ему неприятна, противна, тягостна. Каждый хочет иметь лучшую обстановку, все равно, как улица, мостовая, которая не чинена, грязная, она производит на него такое же впечатление, такое же неприятное чувство, как недостатки, как голод три года тому назад.

Одним словом, за эти три года выросли в чрезвычайной степени потребности рабочего класса. Жалованье за это время, примерно, увеличилось в два раза, а потребности выросли минимум раза в четыре.

В настоящий момент, если перевести на золото, рабочих по их запросам удовлетворило бы получение жалованья, приблизительно, рублей 100 в месяц. На сто рублей в месяц по современному положению можно жить в Ленинграде; тогда бы рабочий на некоторое время примирился, года на два, на три. А рабочий в среднем получает у нас 30 — 35, — вы видите, какая дистанция, она огромных размеров.

Рабочие к правительству предъявляют претензии, что мы, мол, еще недовольны, что вся обстановка такая, что жить нельзя, ее надо раза в три улучшить. С этим мы встречаемся у рабочих. Но с рабочими еще ладить мы легче можем. Рабочие сами великолепно понимают, что если они получают только третью часть того, что должны получить, ну, так сами в этом виноваты, — не сами непосредственно, не те, которые сидят передо мной, но их техника, организация, их собственная работа отстает.

Поэтому, хотя запросы у рабочих есть, недовольство есть, но все-таки такое недовольство, которое сразу не предъявляет требования на 100 рублей, а говорит — ну, если бы 36 — 40 рублей получать. Рабочий знает, что прибавить 100 рублей нельзя, — он на сто рублей не вырабатывает, сама техника не приспособлена, начиная с директора, который неспособен как следует подогнать и сами рабочие не могут так работать. Он требует сейчас небольшой прибавки.

Поэтому, у правительства, у коммунистической партии с рабочим классом об увеличении зарплаты еще вопрос не стал так

остро. Потребности у рабочих есть, каждый рабочий ощущает недостатки, но у рабочих есть сознание, что он не умеет работать, — я подразумеваю здесь, что оборудование слишком слабо. Но ведь наше государство состоит не из одних рабочих.

В нашем государстве два решающих класса, наша сила — рабочий класс плюс крестьянство. Силы одного рабочего класса у нас не хватит ни для каких серьезных дел. Наша сила покоится на сумме сил рабочего класса, подкрепленных силой крестьянства.

Мы, помимо рабочего класса, должны удовлетворить крестьянство. А крестьянство также не вполне довольно, оно, пожалуй, сейчас больше недовольно, чем рабочие, оно также хочет лучше жить. Крестьянство еще при царизме жило возмутительно, притерпеваясь к невежественному, варварскому состоянию, но оно гигантски выросло за последнее время. Даже рабочие так не выросли относительно, как крестьяне.

Крестьянство быстро выросло, культурно, политически, граждански, и претензии в соответствии с этим до огромных размеров возросли. Крестьянство предъявляет точно также права на повышенное существование.

Как мы можем удовлетворить крестьянство? Приблизительно, той линией, какую мы взяли за этот год?

За этот год у нас идет систематический нажим на снижение стоимости фабрично-заводских продуктов. Мы до известной степени цену сельских продуктов держим на определенном уровне, а на фабрично-заводские товары идет систематическое снижение. Нельзя сказать также, что это снижение происходит от избытка товаров, как результат конкуренции, благодаря чему удешевляются товары. Нет, со стороны центрального правительства идет систематический нажим и нажим на снижение. Вспомните прошлогоднее снижение, после Нижегородской ярмарки. Очень многие хозяйственники и очень много торговых предприятий жестоко пострадали, благодаря снижению цен многие вылетели в трубу.

Здесь опять-таки нажим на снижение. И главное политическое значение его — это удовлетворить крестьянство.

У нас есть союз между рабочим классом и крестьянством. Но уже Ленин учил, что союз этот может быть только тогда верен и крепок, когда он дает выгоду и пользу обеим союзным сторонам. До сих пор союз рабочего класса и крестьянства был крепок, непоколебим, потому что он был выгоден и нес пользу и той и другой стороне. Опасность была невелика, пока союз-

ные стороны были в нищете и в бедствии, пока делить было нечего, мы сравнительно хорошо, спокойно жили. Правительство обдирало ту и другую сторону — это более или менее уравнивало. Рабочих посылали на фронт, не платили им жалованья не только во-время, но часто совсем не платили, — крестьяне страдали от продразверстки.

Но та и другая сторона понимала, что правительству нет выхода, надо было терпеть, чтобы спастись от поражения, от превращения в рабство.

В настоящий момент этой непосредственной опасности нет, в настоящий момент, по сравнению с тогдашним периодом, у нас уже получились некоторые избытки, в настоящее время у нас некоторые слои более или менее живут недурно, есть некоторое количество товарных и материальных благ, на которые все предъявляют свои права.

У нас теперь самая трудная задача: как умнее, правильнее политически разделить, — не по собесовски, не сантиментально, не то, что разделить по добросердечию каждому голодающему, в политике так не делается, — пока мы нищие, пока избытки очень ограниченные, как разделить так, чтобы сохранить основу, силу и могущество советской власти. Как разделить, чтобы остались удовлетворенными крестьяне и рабочий класс?

Если удовлетворить крестьянство, мы можем жестоко ударить по рабочему классу, от этого общее дело пострадает, ибо рабочий класс — гегемон, и культура его нужна в первую голову. В некоторых деревнях говорят, что город лучше живет, лучшая там культура, город первый получает блага культуры. Это отчасти правильно. Но если нам перейти целиком на деревенскую тенденцию, уменьшить культуру города, чтобы увеличить культуру деревни, я должен сказать, что мы сможем увеличить лишь немножко, может быть, на единицу, культуру в деревне и чрезвычайно подрежем основы города. А город у нас является цементирующим средством, пролетариат скрепляет крестьянскую массу, и он, по существу говоря, ответственен за политику. Поэтому развитие города нам нужно. Но вместе с тем мы не должны забывать и деревню. Если бы мы наличные материальные ценности бросили только на поддержку пролетариата, то совершили бы величайшую политическую ошибку. Мы должны поддерживать пролетариат так, чтобы эта поддержка чересчур не уменьшила движения вперед и крестьянских масс, чтобы крестьянская масса понимала, что диктатура пролетариата не только

беспокоится и думает о рабочей массе, а кровно заинтересована и в материальном поднятии крестьянской массы.

Забросить крестьянство, невнимательно относиться к этому фронту будет огромнейшей политической ошибкой, которая может в будущем принести неисчислимые бедствия, большие невзгоды и для рабочего класса. Крестьянство распылено, недовольство крестьян накапливается незаметно, маленькими дозами, и из месяца в месяц, из недели в неделю. Мы это недовольство, если не будем внимательно следить, увидим тогда, когда будет поздно.

Вспомните, ведь старое правительство полетело, главным образом, от того, что не учло революционных сил крестьянства. А большевики учли революционные силы крестьянства, — в этом гвоздь нашей победы над старым миром.

И разумеется, рабочий класс, стоящий у власти, этого союзника должен беречь, сохранять, и в соответствии с этим значительное количество материальных ценностей должно быть израсходовано на нужды крестьянских масс.

Какие же средства для этого имеются? Какой выход из этой сложной перспективы для нашего правительства?

Главные средства — это увеличение производительности. В настоящий момент основной вопрос, стоящий перед нами, перед пролетариатом Советской республики, — это значительное увеличение производительности.

Многим покажется странным, — как говорить об увеличении производительности, когда у нас такой огромный процент безработных. Не проще, не лучше ли бы было вместо того, чтобы увеличивать производительность, скажем, хотя бы галошницы на одну пару галош в день, не лучше ли бы было принять сто новых работниц, заплатить ту плату, какая есть, и эти сто новых галошниц достигнут увеличения необходимой производительности, и у нас будет выгода, не будет этих ста безработных женщин, которые сейчас за воротами.

Конечно, если бы у нас было достаточно средств — это явилось бы лучшим способом. Если бы у нас достаточно было сырья, машин и станков, достаточно оборотных средств, то, конечно, главное увеличение производительности труда должно было бы произойти на почве занятия бездельных рабочих. Ибо гораздо проще и лучше заставить нового безработного человека работать, чем увеличивать работу на рабочего. Но этого мы сейчас произвести не можем; каждый рабочий великолепно

понимает, — чтобы принять новых сто рабочих, мы должны известную сумму материальных ценностей приготовить для того, чтобы их поставить на работу. Это все равно, что, если хочешь запрячь новых сто лошадей для перевозки тяжестей. Для этого мы должны заготовить соответствующую сбрую, которая дорого стоит. У нас много безработных в Советской республике, но у нас не хватает сбруи. Рабочий, для того, чтобы работать, нуждается, как лошадь в сбруе, в оборудовании.

Поэтому уменьшить безработицу мы можем только колоссальным увеличением производительности труда, ибо только это даст возможность часть выработанных ценностей пустить на производственное дело. Для того, чтобы здесь открыть новую мастерскую, надо ее покрасить, станки приготовить, надо помыть, окна вставить, надо произвести солидные расходы для этого, надо раньше материальные ценности приготовить. Если хочешь серьезно уничтожить безработицу, то этого достигнешь только увеличением производительности труда.

Добиться производительности довоенной, — это есть только первый этап. По существу, мы должны догнать Америку, должны ее перегнать. Советская республика в области технических достижений, в области производства, так же, как и в области политики, далеко за стартом должна оставить самые передовые капиталистические государства. Ибо коммунистический строй это не только революционная теория, а новое повышенное социальное существование всего населения, полная обеспеченность человечества. Никогда человечество не было вполне обеспечено. Всегда обеспечено было незначительное меньшинство, маленькое меньшинство. Огромная масса человечества при всех строях была задавлена, необеспечена, это большинство служило собственным необеспечением обеспеченному меньшинству.

Мы хотим, чтобы все население было обеспечено. Вот грандиозная задача, стоящая перед нами. Эта задача не меньше, чем победить Юденича. А что делали мы до сих пор? Мы пока главным образом разрушали старый буржуазный мир, только уничтожали наших противников, которые мешали нам строить коммунистический строй, расстреливали, отправляли в Чека, ломали, коверкали. Все это мы проделывали с прямой целью сделаться хозяевами своего положения.

И вот в настоящий момент мы перешли в тот период времени, когда более или менее мы теперь сделались, по старой терминологии, сами господами собственного положения. Теперь

встала перед нами коммунистическая задача, — это задача построить материально более обеспеченное общество.

Вспомните, 8 лет тому назад, когда мастер приходил в мастерскую и грозил рабочему расчетом, он тогда делал капиталистическое дело, он закабалял рабочего, он увеличивал мощь, силу и богатство капиталиста.

В настоящий момент что мастер делает? Подгоняя рабочих, взыскивая с них за недисциплинированность, он укрепляет коммунистический строй, хотя и делает одно и то же дело, ведь рабочего он и тогда гнал, и теперь гонит.

Многие так подходят и говорят — какая же разница, тогда мастер подгонял и теперь подгоняет? Разница та, что теперь кнутом подгоняет за наше же дело, ибо коммунизм в настоящий момент достигается увеличением материальных ценностей. Если для рабочего достигнуть такого положения, что он будет иметь светлую комнату, чистую, хорошую кровать, музыкальный инструмент, чтобы была эта комната приятна и чтобы были горячие щи и на второе жаркое, пусть хотя бы пока без сладкого, если мы этого достигнем, это будет такая штука, с которой никакой капиталистический мир не справится.

Хорошая, удобная комната и хорошее питание у рабочих наглядно покажет рабочим всего мира, что дал коммунистический строй, и тогда сопротивляемость и борьба за этот строй увеличатся в огромной степени, и за этот строй будут бороться не только комсомольцы, но и старики. Сейчас комсомольцы, конечно, дерутся, а старики говорят — чего же драться, мы еще хорошего ничего не видели.

Если капиталистический строй мы перегоним в области производства, это будет научным и самым прочным доказательством превосходства коммунистического строя над капиталистическим. Вот как перед нами стоит задача.

Кто же будет решать эти задачи, какие силы, какой слой советской власти? Прежде всего — рабочий класс, который поведет за собой крестьянство, так же как и в борьбе, которая была на полях сражения. Рабочий класс цементировал крестьянские полки. Нельзя сказать, что рабочие составляли полки и они дрались на полях сражения, этого сказать нельзя, но там, где крестьянские полки были слабы, мы их переплетали рабочими и этим укрепляли, цементировали, делали крепкими, и полки из слабых, неустойчивых превращались в твердые, устойчивые полки.

То же в производительности труда. Главная тяжесть ляжет на плечи рабочего класса. Рабочий класс должен увеличивать производительность и не только свою. Крестьяне, а их двадцать миллионов хозяйств, увеличат свою производительность только через рабочих. Крестьянское хозяйство без помощи рабочих улучшиться не может, ибо как крестьянин может увеличить хозяйство без фабрикатов, без хороших орудий производства? Крестьянин улучшит хозяйство лучшими плугами, сеялками, сортировками, веялками и т. д. Из этого видно, что увеличение производительности крестьянского хозяйства должно лечь на плечи опять-таки рабочих, и увеличение производительности на фабриках и заводах резко скажется на увеличении производительности и на полях.

Вот та задача, которая стоит перед нами. И в выполнении ее должен особенно проявить себя рабочий Ленинграда. Конечно, вы удивитесь. Вместо того, чтобы притти на помощь вам в момент огромного стихийного бедствия, я еще выдвигаю ленинградских рабочих, возлагая прежде всего на них увеличение производительности. Но по существу некому больше показать образец увеличения производительности. Вы заметьте, где лучше всего налаживается промышленность? На ленинградских заводах, — лучше, чем вообще в других местах России. И здесь, на каких заводах лучше налаживается? На заводах, где рабочие наиболее дисциплинированы, наиболее сознательны, где более высокая квалификация.

Вы не забывайте, Ленинград — это город, который имеет огромную накопленную ценность, — это квалификацию рабочих. Помимо фабрик и заводов, помимо материальных ценностей, для того, чтобы увеличить производительность, надо сохранить старую квалификацию рабочих. Рабочие не берутся прямо с улицы, — взял его и превратил в рабочего. Рабочие так же, как и машины, развиваются, совершенствуются и, говорят, рабочие второго, третьего поколения — лучшие спецы, чем рабочие первого поколения. Крестьянин, впервые пришедший на фабрику, почти всю жизнь не вполне настоящим рабочим бывает, его организм не срастается с ремнями, машинами, фабрично-заводскими зданиями и самим коллективом. И только второе — третье поколение превращается в настоящих рабочих.

Конечно, Ленинград имеет большой запас квалифицированных рабочих. Мы не скажем, что эти рабочие являются лучшими рабочими в Европе, но среди нашего Союза Ленинград является

самым богатым резервуаром рабочей квалификации, в этом нет никакого сомнения. Поэтому, вполне естественно, на Ленинград в первую голову и ложится задача увеличения производительности труда. Мне кажется, ленинградские рабочие этот лозунг должны первые подхватить и нести вперед.

У нас наиболее квалифицированными рабочими были токаря, слесаря, медники и целый ряд других. Возьмем в вашем деле: «Треугольник», который конкурировал с Западом. Не больше пары-другой заводов во всем мире, которые могли бы конкурировать с нашим «Треугольником», в том числе в Париже один завод, который может конкурировать с «Треугольником», это своего рода уникум. Если мы сохраним это состояние, то не сомневаюсь, еще могут тысячу раз стихийные силы топить Ленинград, — не затопят, как бы ни были сильны силы природы. Квалификация и наука, сочетание высококвалифицированного труда с высоконаучными силами, все эти сочетания сумеют эту слепую силу, разрушающую блага человека, заставить себе служить.

Товарищи, разрешите мне надеяться и передать центральному правительству, что разрушение, которое, конечно, велико, вас не согнет, что ленинградский пролетариат привык с стихией бороться и что если правительство мало-мальски придет на помощь, то ленинградский пролетариат эту помощь сумеет не только рационально использовать, но и полностью развернет все творческие силы, скрытые в ленинградском пролетариате, и в ближайший период не только будет забыто это разрушение, а, наоборот, в ближайшие годы Ленинград займет свое старое положение первого города в нашем Союзе. *(Продолжительные аплодисменты.)*

У НАШЕЙ МОРСКОЙ ГРАНИЦЫ.

Речь на митинге в гор. Поти 10 марта 1925 г.

Товарищи, я только одно слово изучил по-грузински, самое необходимое: амханагебо (товарищи).

Я думаю, что дальнейшие слова (как «граждане») с развитием Советского союза будут отмирать, как почти умерло слово господин.

Вы вспомните, недавно при всяком обращении говорили — господин, госпожа. Сейчас эти слова почти исчезли, их смысл для нашей молодежи непонятен, но еще высоко стоит слово «гражданин».

Гражданин — синоним свободного человека в республике, но все-таки слово гражданин означает принадлежность к такой республике, где каждый человек отстаивает свое личное благо. В нашей республике наиболее употребляемым словом является — товарищ, а по-грузински — «амханагебо».

Я думаю, что это слово все больше и больше будет проникать в сознание и служить объяснением, обрисовкой отношений людей между собой.

На самом деле, товарищи, вот передо мной пролетариат г. Поти. Здесь, в нескольких саженях, Черное море — прямой, самый лучший путь, самая действительная связь со всем остальным миром. Поти — пограничный пункт Советского союза. За этой водяной плоскостью находится буржуазный капиталистический мир, который через этот морской путь (и другие пути) протягивает свои щупальца, несет угнетение всему трудящемуся человечеству, порабощает многомиллионный Восток.

Морские пути сообщения — лучшие пути для нападения и завоеваний. Поэтому, товарищи, те места, которые находятся на границе, есть крепость, основной барьер против капиталистического мира.

Товарищи, г. Поти — небольшой по величине, но он, несо-

менно, должен играть большую роль как пограничный пункт, как путь, через который у нас происходит общение с другими странами, где встречаются слова:

— товарищ,

— гражданин,

— господин.

До центральной части Союза редко доходит слово «господин» и даже «гражданин». Только приехавшие посланники или отдельные представители торгового класса, которые от времени до времени в экспрессах или экстренных поездах наезжают к нам, заносят эти слова.

Здесь, вот на этой части территории нашего Союза, происходят встречи двух миров: старого мира капиталистического, с одной стороны, и мира советского, стремящегося к социализму, — с другой.

Товарищи, каждому человеку хочется казаться лучше, различные национальности при встрече с другой национальностью стараются казаться лучше друг друга. Если здесь мы встречаемся с другим миром, то на рабочих Поти, хотят ли они или не хотят, возлагается задача: показать советский мир перед остальным миром как лучший из миров.

Это — задача потийского рабочего класса. Сюда приезжают рабочие Англии, рабочие Франции, здесь недалеко находится Турция. Одним словом, собираются представители всего мира. И от деятельности, от настроений, от успехов потийских рабочих в очень большой степени зависит наше влияние и значение на мировой арене.

Вот эту основную задачу потийский пролетариат никогда не должен забывать. Но, товарищи, я думаю, нам, Советскому союзу, — в частности, потийскому пролетариату — есть чем похвастаться перед рабочими других стран.

В самом деле, товарищи, чем может похвастаться капиталистический мир? Он может похвастаться только огромными военными судами, великолепным военным флотом, пушками, пулеметами, хорошей армией и параллельно с этим — произволом, насилием, угнетением сильного над слабым. Вот — специфические черты капиталистического мира.

А наш Союз, состоящий из частей старой царской империи, которая в недалеком прошлом держалась только железным обручем царского насилия? Теперь у нас трудящиеся массы объединены в трудовой союз, и единое стремление, единая воля этого

союза направлены на действительное улучшение положения трудящихся, на создание действительного братства всего человечества.

Товарищи, пришел момент, когда человечество исстрадалось от отсутствия братства, о котором буржуазия с таким лицемерием всегда говорит. Достижения человечества дали такие результаты, что ненависть и борьба между людьми приобретают катастрофические формы, настолько ужасающие и возмутительные, что честный человек должен сказать: такой мир существовать не может. Каждый честный человек, если он серьезно подойдет к изучению действительности, увидит, что никакой мир не несет столько бедствий, унижений и страданий человечеству, как самый «совершенный» из всех миров — мир капиталистический.

Коммунистические партии поставили своей целью принести освобождение угнетенному человечеству и создали Советский союз. Теперь перед Советским союзом стоят цели: во-первых, застраховать себя от врагов, во-вторых, поднять свою мощь и материальные силы и итти вперед в своем развитии.

Товарищи, я думаю, что последние успехи Советского союза дают надежду, что наши враги, как бы они ни стремились разрушить, уничтожить Советский союз, этого не дождутся.

У нас есть все основания предполагать, что Советский союз выживет, дождется, когда все угнетенное человечество восстанет против своих угнетателей, и тогда наша свободная, культурная, идущая к социализму страна сольется со всеми остальными трудящимися мира.

И теперь, товарищи, мы встречаемся с западно-европейским пролетариатом не так, как было 10 лет тому назад, — отсталой, рабской страной. Мы встречаемся как авангард мирового рабочего класса, далеко идущий вперед и влекущий за собой все угнетенное человечество. Это движение вперед воодушевляет, окрыляет рабочий класс, поднимает энергию среди нашей молодежи, и все это вместе дает несокрушимую силу Советскому союзу.

Да здравствует Советский союз и его окончательная и полная победа! *(Продолжительные аплодисменты.)*

Во время поездки по фронту. В штабе одной из частей (1919 г.).

НА ЗАКЛАДКЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ.

(Митинг в Ново-Николаевске 10 мая 1924 г.)

Лашевич. — Товарищи, если бы здесь присутствовали представители эмигрантов, бежавших из Советской России, представители буржуазии, они бы, вероятно, улыбнулись. Смеяться вслух они боялись бы, но про себя улыбнулись бы.

В самом деле, подумаешь, какое великое торжество: большевики удосужились на 7-й год революции начать строить электрическую станцию! Стоит собирать столько представителей от рабочих и перед ними речи произносить. — Мы же раньше, — сказали бы капиталисты, — строили огромные города, огромные станции, фабрики и заводы. И отсюда бы они сделали вывод, как слаба Советская Россия и как когда-то был крепок буржуазный порядок, при котором хозяевами жизни были они.

Но, товарищи, пусть они улыбаются, пусть даже смеются, все-таки они сидят в Париже, а мы здесь. Все-таки они безработные, а строим мы. Смеется тот, кто посмеется последний. Я надеюсь, что рабочий класс будет последний, и он посмеется над всеми буржуа не только России, но и всего мира.

Для нас, представителей советской власти, это небольшое торжество имеет очень большое значение. Да, лишь на 7-й год советской власти мы удосужились начать постройку станции. Это верно. На 7-й год закладка станции учинена. Но ведь мы почти пять лет воевали, мы в это время, если не закладывали, то кой-кому накладывали *(аплодисменты)*. Мы были заняты тоже довольно важным делом. Если бы нам не пришлось колотить по затылку буржуев и белых генералов, — вероятно и раньше построили бы электрическую станцию. Кроме того, два года тому назад, вспомним, что творилось у нас на Волге. Люди друг друга ели, были моменты, когда мы чувствовали, что мы сидим на вулкане, и наши враги собирали монатки в Париже, собирались приезжать сюда нас сменять.

Вот что было два года тому назад. Могла бы другая страна, при другом политическом порядке так быстро оправиться от ран, которые ей нанесли война и голод? Я думаю, что нет. Наша сила не в том, что мы должны сразу разжиреть. Нет, предоставим это буржуазии. Они привыкли на крови и поте рабочего класса строить свое благополучие. Мы, представители рабоче-крестьянской власти, предпочитаем покрываться жирком постепенно, полегоньку, не торопясь. Этот жирок рабочих и крестьян будет более плотный, более выносливый, более крепкий. Теперь мы, после сравнительно небольшого периода, когда был голод — тонкой пластиночкой жира начинаем покрываться. Мы теперь меньше думаем относительно хлеба, потому что он имеется в достаточном количестве, относительно пищи вообще, и мы можем позволить себе роскошь построить станцию, дать задание нашей губернской власти, чтобы в кратчайший срок в первую очередь рабочие квартиры были освещены электричеством.

Вот почему для нас это небольшое дело — закладка станции имеет большое значение, ибо в этом заинтересованы и этому радуются десятки и сотни тысяч рабочих и крестьян. Все наши начинания опираются на сочувствие всего рабочего класса. В прежнее время господа буржуи, конечно, строили великолепные дворцы, но когда они закладывали их, когда их строили, рабочий класс плакал. Они на крови и поте рабочего класса строили свои дворцы и станции. А теперь рабочий класс радуется каждому достижению, каждому движению вперед.

Вот почему день сегодняшней закладки станции будет историческим днем, и мы еще многие годы будем гордиться постепенным движением и улучшением своей жизни, улучшением нашего положения. Но мы радуемся, товарищи, не только потому, что кой чего достигли. Мы идем по стопам Владимира Ильича. — Электрификация, — повторял он, — только через эти силы природы мы действительно дойдем до коммунизма. Мы радуемся еще потому, что это новое начинание приветствует своим присутствием представитель рабочих и крестьян всей Советской страны, Михаил Иванович Калинин. *(Ура!)*.

Конечно, товарищи, мы тут люди свои и можем неособенно скрывать перед собой правду. Я грешным делом думаю, что губисполком не без задней мысли называет эту станцию именем Калинина. Конечно, он надеется дотацию получить; скандал, ведь, будет, если мы начнем строить станцию имени М. И. Калинина, да не достроим — одни голые стены будут. Конфузно

для старосты будет. Мы всей душой поддерживаем губисполком и надеемся, что всероссийский староста, который в своем лице соединяет почетного потомственного пролетария-металлиста и русское многомиллионное крестьянство, что тов. Калинин нашу губернию, которая тоже в данном случае является объединенной рабоче-крестьянской губернией, что он не оставит ее без своего внимания и поддержит нас, поможет довести постройку этой станции до конца. *(Аплодисменты.)*

Я надеюсь, товарищи, что в будущем году мы в этом же составе с вами откроем станцию под звуки «Интернационала». А теперь Михаилу Ивановичу Калинину, всероссийскому старосте, потомственному рабочему — ура! Михаилу Ивановичу Калинину, лучшему представителю крестьянских масс, кто глубже всех понял крестьянское нутро, от крестьянской губернии — ура! Компартии, в чьих рядах т. Калинин провел не один десяток лет и который вместе с Владимиром Ильичем строил нашу партию на славу рабочего класса и крестьянства, ура! Ново-Николаевскому губисполкому скажу; не спи, не зевай, подтянись, строй станцию! Будем ждать, когда на фронтоне готового здания будет висеть огненными буквами «Станция имени Михаила Ивановича Калинина». *(Ура!)*

Заславский. — Товарищи, конечно, все, что можно было сказать здесь, сказал уже товарищ Лашевич, и, конечно, сумеет лучше меня сказать т. Калинин. Я только хочу, чтобы вы поняли, что это не только демонстрация, не только торжественный день, который бы помнили трудящиеся в этом деле, — а то, что это есть самое нужное, простое повседневное дело, которого ждали, на которое роптали, что до сих пор у нас слабо и тускло горела электрическая лампочка. Это повседневное трудное дело, которое мешало нам по-настоящему вести свою работу, которое создавало много трудностей и ненужных расходов. У нас имеются в городе сотни маленьких станций, сотни уголков, где работают в одиночку небольшие кустарные станции.

Пускай эта объединенная громада сумеет питать не только нынешнюю нашу электрическую сеть, но сумеет дальше двигать наш город и дать ему трамвай, водопровод, канализацию. Конечно, то, что сегодня начинается, будет закончено только через известный ряд лет.

Через год будет открыто то первое, что будет давать свет: еще через год будет достроено то, что даст гигантскую энергию

и будет питать трамваи, водопровод, то, на что имеет право каждый трудящийся человек.

Пусть это начинание служит для нас показателем той гигантской мощной жизни, которая закладывается в Советской России. Это значит, что взамен той тяжелой непрерывной работы, которая до сих пор делалась нашими рабочими и крестьянами, придет им на службу машина. Так, вместо лучины, зажигалок, керосина, на что слишком много энергии тратилось и расходов, — придет электричество и гигантская техника. Чтобы этого достигнуть, нужно будет не только не зевать губисполкому, а надо, чтобы об этом помнили, не забывали на каждом предприятии, в каждом учреждении и в каждой деревушке, что создается новая мощная страна, новое хозяйство, коллективный труд. Если прежде создавалось богатство, то оно создавалось также руками рабочих и крестьян, но их не только не созывали на открытие станций, но они не пользовались ничем. А теперь рабочие и крестьяне не только принимают участие в торжестве, но и вместе трудятся и будут пользоваться результатами.

Надо одно вам сказать: не будем зевать, будем на трудном повседневном жизненном пути работать, создавать такие условия, при которых жизнь всех станет краше и лучше. Мы эти пути сумели до сих пор приспосабливать, сумели создавать наилучшие способы, чтобы выходить из трудных положений. Теперь с каждой закладкой мы пробиваем дорогу на тот светлый путь, по которому вел нас Владимир Ильич. Сейчас в каждом городе и в каждом месте мы осуществляем то, что завещал нам наш учитель Владимир Ильич, и будем дальше итти по этому пути, добиваться полного торжества и осуществления его заветов. Это будет лучшей демонстрацией, лучшей наградой, показателем того, о чем должны заботиться и делать в своей стране все рабочие и крестьяне. Наше начинание есть не только для нас нужное дело, — оно будет великолепно показывать то, чего можно достигнуть и что можно делать, если работаешь и делаешь на себя, на свое государство.

Да здравствует наше дело, наша рабоче-крестьянская мощь! Да здравствует наша партия!

Персиков. — Товарищи рабочие и работницы и все трудящиеся города Ново-Николаевска!

Рабочий класс умел побеждать на враждебных фронтах, и разрешите мне быть уверенным от имени трудящегося класса

Ново-Николаевской губернии, что мы отдадим все силы для постройки электрической станции. Хотя мы все знаем, что мы нищие, мы бедные, но мы должны сказать сегодня, что мы примем наше горячее активное участие в строительстве лучшего будущего для Ново-Николаевска. Мы знаем, что означает эта станция. Мы знаем великолепно, что мы несем ряд убытков, недостатков при той темноте, которую мы имеем сейчас от нашей маленькой электрической станции.

Разрешите, товарищи, заверить председателя советской власти, что мы не отстанем ни на один вершок от принятых усилий, от постройки этой большой громады, которая даст нам освещение всех тех уголков и хибарок, которые до сих пор плохо освещаются. *(Аплодисменты.)*

Ильин (инженер-строитель). — Я только в двух словах остановлю ваше внимание на том, что предстоит пережить нам, мне в частности и многим из вас по постройке этой станции.

Велика та честь и ценно то доверие, которыми облекли вы меня и губисполком, пригласив на столь ответственный пост. Но еще тяжелее та ответственность, которая в современных условиях производства и промышленности ложится на руководителя столь высокого технического предприятия, каковым является станция.

Опыт работы других станций в современных условиях, в частности в Сибири, в которых мне удалось принимать участие, — дает мне смелость выразить уверенность, что начатое дело не только возможно по осуществлению, но неизбежно должно быть доведено до конца. Я не буду останавливаться на тех причинах, которые диктуют эту неизбежность. Они ясны сами собой.

Разрешите только заверить лично от себя, от всех сотрудников нашего строительства, что вся энергия, все силы, знание и опыт будут приложены, чтобы довести это грандиозное сооружение до конца. Оно грандиозно в масштабе Сибири, но может быть не грандиозно в масштабе республики. Наша будущая станция будет занимать, если не первое, то второе место среди 32 станций Сибири. С нашей будущей станцией будет сравниваться, быть может, только одна новая Омская станция. Тем не менее я уверен, что все трудности, которые встанут перед нами, — будут преодолены.

Я выражаю уверенность и в том, что все товарищи рабочие, ближайшие сотрудники и те учреждения, для которых уже ясно

встала неизбежность постройки такого сооружения, — в содружестве с нами закончат это великое дело, которое является соратником не только технической промышленности, развития города, но и соратником культуры. Это лаборатория, это институт знаний, это школа для каждого пролетария.

Калинин. — Товарищи, я, видимо, приехал в удачный момент в Ново-Николаевск. Это мой третий приезд, и этот третий приезд совпал как раз с закладкой первого камня строительства советской электрификации у вас.

Товарищи, если из вас каждый продумает сегодняшнее торжество, то это небольшое событие, которое происходит перед нами, показывает, что рабочие и крестьяне уже далеко шагнули. Мы здесь выслушали последнюю речь представителя науки, представителя квалифицированного труда, который сказал, что он от себя и от имени всего технического персонала заверяет рабочих, что приложит все усилия для выполнения задач, поставленных сегодня перед этой технической коллегией, выполнит ту задачу, которую ставит перед ним пролетариат Ново-Николаевска.

Что это означает?

Разве в 20-м году в Ново-Николаевске такие речи мы слышали от этой группы?

Нет, не слышали. Это означает — победа произведена не только на военном фронте, не только на фронте, куда Лашевич водил войска, — но и на идеологическом, на том фронте, где все наши противники, главным образом, интеллигенция, люди, обладающие накопленным опытом и знаниями человечества, — они признали законность этой революции. И они здесь, один из них расписался и за остальных, заявили, что приложат все усилия для работы в пользу советской власти и Советского государства. Это огромная победа, понятная каждому, кто умеет мыслить и анализировать.

Рабочие и крестьяне, красноармейцы, присутствующие здесь, они, я не сомневаюсь, с чувством собственного самоудовлетворения должны были выслушать эту речь и должны были сказать: мы победили самого гордого, самого непримиримого, принципиально самого сильного нашего противника — интеллигентскую касту.

То, что эта каста была сильным противником, это очень естественно, ибо наука была слишком далека от народных масс Наука всегда думала, что масса есть темная, невежественная

масса, — она душитель науки и движения вперед, прогресса. Всюду, где народная масса, там будто бы гашение науки и знаний, а только отдельные единицы, отдельные лица, только они имеют право взирать на эти высоты, на которые простой рядовой человек, рабочий и крестьянин, не может взирать.

Теперь это высокомерие начинает изживаться.

Теперь люди науки и знаний, хранители накопленного человеческого опыта, начинают понимать, что в конечном счете главным двигателем, или во всяком случае тем, кто укрепляет человеческие знания и новые открытия, — есть именно пролетарская масса. Несомненно, это признание права масс и физического труда на научные высоты, признание их прав на использование знаний в интересах этих же масс, — это величайшая победа народных масс. Это, если можно так выразиться, наиболее прочное закрепление победы рабочего класса и крестьянства.

Вот почему, товарищи, сегодняшнее торжество города Ново-Николаевска — это не есть только торжество по случаю непосредственного начала работ по строительству одной из электрических станций.

Тут самое приступление к началу работ служит символом могучего движения, которое поднято народными массами. Та сила, которая заложена в этом движении, она перед всей массой фиксирует, что рабочий класс и крестьянство, которые победили и держат власть в своих руках, эта власть им нужна не для раздела накопленного имущества буржуазии, как думали наши противники. Они думали: непосредственно рабочие и крестьяне, они в революции участвуют только для захвата и для раздела накопленного ранее имущества. Но, товарищи, теперь мы знаем, что весь мир видит, что же именно мы получили от этого накопленного имущества.

Вот перед вами город Ново-Николаевск.

Он грязный, дома ветхие, жалкие, клопов вероятно бесконечные миллионы, улицы немощеные, водопровода нет. Вот остатки старого, уходящего в историю буржуазно-помещичьего мира. Некультурный, изможденный народ, антигигиеничные жилища, противные, грубые неприветливые улицы.

Где их хваленая эстетика, где их искусство, наука? Тут нет этого и нет оценки природы.

И вот крестьяне и рабочие, которые считались когда-то самым некультурным классом, — только они будут действительными ценителями природы каждого отвоеванного у нее шага, и

будут строить города, соответствующие разуму и красоте человечества. И я думаю, товарищи, этот первый камень, камень общественного здания, которое вы заложили, эта первая закладка — она есть только первая, но несомненно не будет последней.

Прав тов. Лашевич: пять лет мы потратили на борьбу с нашими противниками и только 2-й год мы приступаем к действительному труду. На 2-й год сила рабочего класса, целиком обращенная на борьбу с буржуазией, начинает перемещаться на борьбу с силами природы. И, товарищи, у нас нет никакого сомнения, что если старый буржуазный мир сумел построить великолепные отдельные палаты, сумел искусство, красоту, наслаждение этой красотой, доступной единицам, довести до высокого совершенства, — то, товарищи, наш строй рабочего класса и крестьянства — он пойдет по другой линии, он поведет к совершенству, к вершинам искусства и успехов труда не отдельных людей, а всех трудящихся. Наши дома, я не сомневаюсь, будут в 100 раз лучше, чище, красивее буржуазных домов, и все накопленное человечеством искусство, красота и удобства будут служить не отдельным единицам, и все это будет развивать не индивидуалистические инстинкты, а будет вырабатывать честных граждан-общественников.

Ваша станция, она здесь является первой, но, как уже сказал товарищ строитель, она является может быть 35-й станцией, находящейся в проекте. Она внесет не только свет в комнату рабочего, она вместе с тем поднимет и производство, она увеличит у нас средства для борьбы с природой, она увеличит производительность труда в коммунистическом строе.

Все это, товарищи, не с неба берется. Для коммунистического строя мы должны создать материальную предпосылку, мы должны увеличить до огромных размеров производительность рабочих, которые при увеличенной производительности будут производить достаточное количество продуктов. Только тогда можно говорить о приближении к коммунистическому строю. Закладка этой станции есть увеличение богатства, есть увеличение материальных средств, есть рост орудий производства. Бороться с силами природы человек голыми руками не может. Он может бороться только тогда, когда он располагает могучей техникой и совершенными орудиями. И вот закладка электрической станции ведет нас к этому.

В сегодняшней газете, в «Советской Сибири» есть статья о том, что в виду приближения планеты Марса к земле ученые

думают подать знаки возможным жителям, так как Марс в это время будет наиболее приближен к земле. Вы видите, товарищи, что люди, вооруженные знаниями, хотят протянуть руки к другой планете, они ищут средств для общения с другими мирами, находящимися от нас на расстоянии сотен миллионов верст. Вы можете спорить, удастся ли это скоро или нет, но несомненно, человеческие знания и успехи в завоевании сил природы существенно подвигаются вперед. И только при коммунистическом строе будет полное сочетание высших достижений интеллекта, ума с трудом. Исполнитель науки, если можно так выразиться, — рабочий класс будет не только исполнителем науки, а и творцом ее.

Вот здесь, товарищи, на этой площадке впервые происходит сочетание физического труда с интеллектуальным. Если бы здесь закладывали станцию при буржуазном строе, здесь руководителями всего дела были бы господа — вершители старого буржуазного общества, а рабочий класс стоял бы в стороне. Здесь бы все вершила одна только сила, сила интеллектуальная, подчиненная буржуазному обществу. В настоящий момент у нас нет поработителей интеллекта, и я думаю, сочетание физического труда с интеллектуальным должно дать результаты, каких еще мир не видал. Конечно, мы может быть не доживем до этого момента, может быть мы не увидим полностью величайших результатов этого сочетания, но мы счастливы, что первые, на широкой арене, принимаемся за сочетание физического труда с интеллектуальным трудом.

Это первое содружество рабочего класса со специалистами. Пусть период, назначенный для окончания работ этой станции, не только не будет удлинен, а пусть он будет укорочен. Пусть практическая жизнь перед всем буржуазным миром покажет, что сочетание труда интеллектуального с трудом физическим, что эта гармония всюду и везде должна принести невиданные в прошлом результаты.

Позвольте же мне, товарищи, пожелать успеха всем тем, кто будет работать на этой станции, позвольте также пожелать, чтобы все новониколаевские рабочие и граждане, а также крестьяне, которые как будто, с внешней стороны, не вполне заинтересованы в этой станции, — пусть они все, товарищи, не упускают из виду эту постройку. Пусть эта постройка всегда находится под бдительным взглядом рабочих г. Ново-Николаевска. Каждый кирпич, каждый дюйм или фут поднимающейся

здесь электрической станции, это, товарищи, есть вклад в общее социалистическое строительство всей республики.

И когда тов. Лашевич говорил, что тов. Калинин должен помочь в устройстве этой электрической станции, я думаю, мне помогать не придется. Я думаю, чувство самолюбия николаевских рабочих и граждан скажется в том, что они собственными средствами построят эту станцию. *(Аплодисменты.)*

Калинин (рабочий-каменщик).—Товарищи, мы только что заслушали слова т. Калинина. Мы, строители г. Ново-Николаевска, в частности каменщики, плотники и печники, поклянемся своей честью, что этот дом достроим. На мою долю, товарищи, пришлось закладывать при советской власти два здания. Первая моя закладка — дом тов. Ленина, и на второй закладке приходится мне присутствовать здесь на закладке электрической станции. Я думаю, мы, строители, поклянемся честью перед тов. Калининым и перед советской властью, что мы этот дом достроим в два счета. *(Аплодисменты.)*

НАЦИОНАЛЬНОСТИ СССР

ЧТО ТРЕБУЕТСЯ ОТ КОММУНИСТА?

Общепартийное собрание членов Уфимской организации 1 декабря 1923 г.

Калинин. — Товарищи, передо мной здесь поставлен вопрос о задачах партии.

Но я буду делать доклад не об общих задачах коммунистической партии: эти задачи для вас ясны. Я буду говорить о текущих, тактических вопросах дня.

Мы продержались у власти шесть лет, и что же мы в результате этого видим?

Работники партии в своей практической работе распределились по отдельным отраслям ее: у нас образовались хозяйственники, профессионалисты, партийные работники и т. д. Каждый работает в своей отрасли, и, по обыкновению, каждый или увлекается ею, или во всяком случае менее обращает внимания на соседние отрасли, где работают его товарищи.

Поэтому в самой партии получается, с одной стороны, некоторое разделение труда, с другой — на основании этого разделения, получаются различные подходы к одним и тем же вопросам, а различные подходы, в известной степени, вырабатывают и различные мнения. Товарищи, работающие в той или другой области при разрешении различных вопросов, иной раз мало принимают во внимание всю объективную обстановку, а стремятся решить вопрос только в интересах своего «ведомства» или, как говорят, смотрят на вещи только с своей колокольни.

И вот перед нами сейчас огромная задача — пропитать объединяющим коммунистическим влиянием направление всех разрозненных отраслей нашей работы.

Ведь в чем заключается разница между коммунистом и беспартийным работником, выполняющими одну и ту же работу?

Разница та, что настоящий коммунист, при выполнении своей работы, должен смотреть на нее не как на что-то совершенно

самостоятельное, а лишь как на часть огромного целого — всего коммунистического строительства.

Он всегда коммунист, на какой бы работе он ни находился. Он всегда свою работу связывает с работой всего целого.

Но на практике, к сожалению, иногда совершенно забывают о целом, главным образом потому, что «заедает» ведомственная работа, и люди начинают как бы утрачивать постоянную внутреннюю связь с партией и превращают ее в пассивное формальное членство. Таким образом, у нас и начинают кое-где проявляться «уклоны» от правильной партлинии, например, со стороны хозяйственников и т. п.

Но, товарищи, помимо этого у нас наблюдаются еще и так называемые «национальные уклоны» от партлинии, которые тоже вносят в ряды партии различный подход к вещам и, в силу этого, вызывают различную оценку многих явлений.

Корни этих уклонов иной раз уходят очень глубоко в историю национальностей, в их быт и т. д.

Достаточно отметить, что одно и то же явление у различных наций различно оценивается. Возьмем хотя бы оценку грабежа: у одних народов воровство считается величайшим позором, а у других не только не считается позором, но, наоборот, на него смотрят даже как на удаль. А ведь наша коммунистическая партия всосала в себя представителей трудящихся многих наций, и различие национального быта вносит в нее много чрезвычайно сложных моментов.

Все это мы должны учитывать, глубоко продумывать и понимать и все свои усилия должны направлять к одной единственной цели — чтобы вся энергия нашей партии в целом направлялась к углублению и закреплению коммунистической революции.

Для нас не может каждый отдельный вопрос сегодняшнего дня являться чем-то самодовлеющим, он является только одним из вопросов укрепления нашего дела и движения к коммунистическому строю. Так мы разбираем каждый вопрос.

Ведь, например, к крестьянству мы подходим с совершенно другой меркой, с другим методом и способом, чем к рабочему классу.

Если мы подходим к крестьянству, предположим, с обсуждением религиозного вопроса, то, разумеется, мы с этим вопросом должны подходить к нему более осторожно и тактично, не задевая религиозных чувств, великолепно понимая, что грубым подходом мы не только не привлечем крестьянина, а заставим его

замкнуться в раковину, заставим его отшатнуться от нашей пропаганды и агитации. Поэтому, к крестьянину мы и должны подходить более осторожно, в то время, как к рабочему по религиозному вопросу можно подойти гораздо прямее и свободнее, можно грубее вести антирелигиозную пропаганду и агитацию.

Но, по существу дела и по его цели, разницы между нашим подходом к крестьянству и к рабочим нет. По существу говоря, и там, и здесь мы стремимся к одной цели.

Тактически используя каждую силу, мы не можем пройти мимо национального вопроса. Здесь у вас он имеет особенно большое значение.

Мы должны, особенно в настоящий момент, использовать все населяющие народности, все национальности в интересах приближения к коммунистическому строю. Советская республика находится в буржуазном окружении, она каждую минуту может подвергнуться нападению окружающих враждебных вооруженных сил.

Поэтому, уже только для одного самосохранения, она должна развить максимальную энергию всего населения вкупе. Только, если все население встанет на защиту ее, если 99% будет защищать Советскую республику, только при таком положении мы можем надеяться отбиться от буржуазных бандитов.

Наконец, самый коммунистический строй подразумевает полное равенство людей, мы стремимся к такому строю, где в основе лежит полное равенство, равенство материальное (а с экономическим равенством связано и равенство политическое, культурное и т. д.).

Поэтому наша задача сейчас — все отсталые народы, отсталые не по их вине, а по целому ряду исторических условий, заставить полюбить советскую власть, заставить их понять, что будущий коммунистический строй несет полное освобождение и уравнение их с окружающим трудовым населением.

Каким путем мы должны к этому стремиться?

Мы сейчас должны убедить их не только теоретически, что новый коммунистический строй несет равенство национальностям, но свою точку зрения мы сейчас же должны на практике проводить в жизнь, ибо, если мы, описывая равенство в будущем, призывая их к этому равенству, на практике сейчас же будем расходиться с этим равенством, будем подчеркивать неравенство, разницу рас, тогда, товарищи, доверия к коммунизму не будет, малые национальности будут нас подозревать в лицемерии, ибо народ смотрит, как в практической жизни реализуется рекламируемое

право. Он теорию, как теорию, очень мало принимает во внимание, вы вот покажите-ка на практике это равенство.

Сейчас перед всеми Советскими республиками, в особенности у вас, и нужно на практике выявить это равенство. В чем же оно может проводиться? Здесь необходимо подойти к вопросу по-коммунистически. Если вы возьмете, например, у вас башкира, имеющего все политические права и работающего, например, на лесных разработках у русского крестьянина, конечно, более или менее крепкого крестьянина, то будет ли между ними равенство? По внешности юридическое равенство они имеют полностью. И тот, и другой может работать в совете, итти с первых ступеней до Центрального исполнительного комитета Союза советских республик, но, по существу говоря, полного равенства еще между ними нет. Башкир еще неграмотный, его надо поднять, и в соответствии с этим мы должны ему дать некоторое преимущество.

Русские коммунисты должны запомнить: если мы хотим, чтобы нам доверяли малые национальности, которые когда-то были большими и только сейчас стали малыми (их сделала малыми сила исторических событий, они количественно уменьшились и стали особенно чуткими, нервными), мы должны быть к ним особенно внимательными, дать им некоторое преимущество, ибо только тогда они будут действительно уравнены и тогда они с русским крестьянином сравняются на деле.

По существу дела, в национальном вопросе мы ведем такую же политику, ну, как, скажем для примера, в комитетах бедноты. Вы помните, они проводили так называемую «комбедовскую» линию в деревнях, они нападали на кулаков, разоряли их, это, конечно, очень дурная вещь разорять имущество, хотя бы и кулака, но, по существу, комитеты его пригибали к земле, заставляли его подчиняться бедноте, а этим самым беднота повышалась, этим самым кулаки до известной степени принижались, вынуждены были считаться с беднотой, ибо надо было раскрепостить ум бедноты, который скован был долгим господством кулака, надо было ум бедноты расковать. А расковка эта производилась огромным нажимом, разделом имущества кулака и т. д.

Национальный вопрос тоже должен иметь некоторую расковку. В чем эта расковка произойдет? Что коммунистическая партия должна особенно подчеркивать?

Мы должны поставить малую национальность всегда немножко в лучшие условия, в заметно лучшие условия, для того, чтобы

сдвинуть ее с места, чтобы затравленная долгим историческим ходом событий, материально необеспеченная национальность поднялась на более высокий уровень, чтобы она разогнула спину, свою национальную спину. Вот, товарищи, обязанность коммунистической партии перед малыми национальностями.

Как это должно происходить практически?

Сейчас вы, работая в городе, применяете одну тактику, а в деревне надо применять другую. Над деревней мы проводим шефство. И если вы шефствуете над русской деревней, у вас должен быть один подход, а к башкирской деревне должен быть другой подход.

Несомненно, например, вопросы религиозные, поднятые среди крестьян, как в русской деревне, так и в башкирской, имеют очень много общего, но, вместе с тем, русский марксист, который идет к башкирам работать, должен сначала изучить, по крайней мере, хотя бы внешнюю, бытовую сторону народа. Он должен знать, скажем, что он должен делать, когда войдет в мечеть. Русский марксист, входя в русскую церковь, инстинктивно снимает шапку, чтобы не оскорбить верующих. Если же он пойдет в мечеть, он должен приблизительно справиться, как можно войти в мечеть, не оскорбляя этим молящихся.

Тактика эта должна быть согласована с теми особенностями народного быта, с миросозерцанием, который народ приобрел на своем жизненном историческом пути и которое переменить сразу нельзя.

Наша революция измеряется не революционными словами.

Если человек, предположим, кричит «долой бога», то надо сообразоваться с обстановкой. Если, например, я приду в уфимские жел.-дор. мастерские, я могу более или менее безопасно сказать: «долой бога», я могу даже там этим аплодисменты получить, и это будет довольно революционная фраза.

Но если с этой фразой я приду в башкирскую деревню, то, я думаю, эта фраза не будет революционной, там революционная фраза должна быть иначе формирована. Может быть, например, надо там сказать: «как вы бедны», сказать, что большевики не борются против бога, как бога, а борются против извращенности, против тех несбыточных надежд, которые крестьяне возлагают на бога. Может быть, эта умеренная фраза будет иметь большее значение у башкир и у крестьян. Мол, бог-то богом, а вы извольте-ка сами работать.

Вы видите, товарищи, какие у марксистов различные под-

ходы к одним и тем же вопросам, решающимся при различной обстановке.

В чем же состоит задача шефа? Как коммунист завоевывает свой авторитет среди рабочего класса глубокою моральностью тех принципов, которые он рабочему классу несет, которые в корне вещей единственно выгодны ему, так и шеф, придя к крестьянину, должен работать так, чтобы крестьянин видел глубокую моральность его работы, чтобы крестьянин видел, что, в конечном счете, эта работа глубоко полезна ему — крестьянину. Вот сущность шефства, выражаясь обще.

Чем крестьянин больше будет любить и особенно в практических решениях будет чаще прибегать к своему шефу, тем смычка между рабочим и крестьянином будет теснее. Что нам нужна смычка, этого доказывать не стоит. Это теперь уже каждому работнику, даже не коммунисту великолепно понятно. Наша сила лежит в крестьянине и рабочем. Каждый коммунист в своей работе должен относиться к другой национальности так же, как он относится к своему крестьянину. И если на работу будем смотреть как на должную связь между рабочим, крестьянином и другой национальностью, тогда победа наша почти обеспечена.

Если есть, предположим, половина русских, половина других национальностей, и если проводятся выборы в исполком, то надо дать некоторые преимущества малым национальностям. Здесь стоит перед вами задача выделения коммунистов-башкир. Уфа имела довольно солидную организацию в подполье, имела солидную коммунистическую основу уже давно. Ваша задача — подготовить практических руководителей на все поприща советской деятельности из башкир. Это одна из больших политических задач. Вы должны ее выполнить.

В чем ее значение для коммунистического строительства?

Если взять с тактической стороны, — эта работа заставит нас воспитать все больший кадр интеллигентных работников из среды башкир; все, что будет живое, деятельное в башкирском народе, пойдет на народную работу в интересах башкирского государства — это во-первых; во-вторых — башкирский народ разогнет спину, будет видеть, что крестьянство, которое никогда раньше не принимало участия в ответственной работе, теперь начинает назначаться на ответственные должности, начинает выдвигать своих руководителей, и таким образом разовьется его гражданское самосознание, а в соответствии с этим увеличится и авторитет советской власти. Ибо народ увидит, что только при со-

ветской власти он подвигается к цели. Поэтому, развитие гражданского самосознания будет вместе с тем связывать башкирский народ с советской властью.

Этим мы, товарищи, достигнем громадных результатов и увидим, что в ближайший период башкирский народ превратится в самого верного защитника советской власти, и будущее народа будет связано целиком с советской властью.

Имеет ли это для нас какое-нибудь практическое значение?

Огромное. Я рассматриваю национальный вопрос сейчас не только с точки зрения принципов марксизма, которые в основном несут полное равенство, а и с точки зрения тактического революционного подхода. И этот подход, вы видите, несет громадную выгоду для дела коммунизма, и для всех народов, которые работают с нами. В этом суть.

Теперь необходимо от национального вопроса перейти к еще более острому вопросу — вопросу о формализме, который, приобрел довольно большое значение в нашей партии.

Несомненно, некоторые организации, руководители организаций, увлекаясь своей работой в своей сфере, делаются излишне формальными. Между тем, марксизм по своей сущности — мировоззрение, которое всегда очень глубоко подходит *по существу k каждому вопросу,* и формальная сторона всегда играет в нем подчиненную роль.

В марксизме всегда преобладает сущность вопроса. У нас же после революции в партию влился огромный молодой контингент партийцев, который не прошел длительной общепартийной школы, ибо некогда было ее проходить, а сразу, врываясь в партию, приступил к целому ряду различных работ.

А человек, работая на определенном поприще, настолько привыкает с течением времени к своей работе, что очень часто начинает выполнять ее чисто механически.

Усиление формальной стороны в последнее время стало до известной степени служить тормозом партийного единения, тормозом, вредно отражающимся на нашей партийной работе.

Дисциплина, партийность и демократичность — вот, в сущности говоря, три вопроса, которые всегда являются больными вопросами нашей партии, да и не только нашей, а и во всех партиях.

На самом деле, как, например, сочетать партийную дисциплину с демократичностью внутри партии?

Демократизм сам по себе подразумевает свободу критики, дисциплина подчеркивает, что человек данную ему директиву дол-

жен выполнить. Но, товарищи, мы все же должны во что бы то ни стало связать две, казалось бы, несвязуемые вещи — дисциплину и демократизм.

Конечно, от дисциплины отказаться мы не можем. Благодаря дисциплине, чрезвычайной дисциплине, мы победили буржуазный мир, старый строй, в этом нет никакого сомнения. Если бы наша партия не выковала железную дисциплину в прошлом, вряд ли бы мы осилили наших противников. Дисциплина сослужила нам огромную службу, и я думаю, что дисциплина нам нужна и для настоящего, и для будущего.

Мы еще не можем сказать, что сейчас мы можем развивать полную демократизацию, что мы можем не следить особенно за дисциплиной, так как, мол, никакой опасности нет. На самом деле опасность еще слишком велика, и дисциплина еще очень и очень нам нужна, и здесь нам приходится сочетать демократизм внутри партии с твердой партийной дисциплиной.

Но когда мы хотим сочетать дисциплину с партийной демократичностью, требуется, чтобы руководители организаций не опирались чрезмерно на формальный вопрос, потому что дорожка между дисциплиной и демократичностью слишком узка. Здесь от руководителя очень многое зависит, чтобы он, проводя демократичность, не ослаблял дисциплину, не приводил бы к распущенности.

Очень трудно найти формулы, которые можно было бы зафиксировать, по крайней мере, в письменном виде, как правило поведения для руководителей организации. Здесь, надо прямо сказать, дело зависит в огромной степени от искусства или, вернее, от марксистского подхода к организации.

Если руководитель сумеет к каждому отдельному явлению подойти марксистски, он не будет бояться, а будет лишь бдительно, внимательно следить за организацией, давая ей возможность максимально развить свою массовую самодеятельность и, вместе с тем, сохранить дисциплину в этой массе. Но, повторяю, подготовить какой-нибудь определенный формальный рецепт применительно к тому или другому явлению невозможно.

Людей, которые более или менее теоретически знакомы с основными положениями Маркса, довольно много, но, товарищи, людей, которые умеют марксистски подойти к каждому частному явлению, очень мало. Марксистов, которые умели бы этот марксизм приложить в практической жизни, таких немного.

С другой стороны, я встречал иногда очень слабых маркси-

стов, с точки зрения книжного знания марксизма, но, несмотря на это, они удивительно умели каждый частный вопрос разрешать правильно по-марксистски.

Марксизм, товарищи, это — живое учение, которое надо не только книжно постичь, но которое надо уметь применить на практике. И вот я постарался вам показать это на некоторых явлениях нашей общественной жизни, например, в национальном вопросе.

Товарищи, предположим, коммунист является простым курьером в одном из советских учреждений; кажется, тут ничего особенного в его работе нет. Но на эту простую, прозаическую, не требующую почти никакой квалификации работу как коммунист должен смотреть? С чем он связывает эту работу? Он говорит: я являюсь курьером, но представляю один необходимый маленький винтик во всей Советской республике. Этот винтик маленький, но он необходим, без него не обойтись, без него не двигается ни одно большое колесо машины.

И вот это маховое колесо, которое называется Башкирской республикой, само является также только винтиком в большой машине РСФСР, и у большого махового колеса есть большие винтики, которые представляют предсовнарком, председатель ВЦИК, секретари партии, наркомы и т. д., что они хоть и большие, но тоже лишь части.

У него, у этого курьера, мысль идет дальше, что само колесо РСФСР тоже является хотя и значительным, но все же винтиком Союза ССР, а Союз, в свою очередь, является частью в огромном мировом рабочем движении.

Вот когда они эту мысль продумают, тогда, товарищи, он проникается уважением и к той маленькой работе, которую выполняет. Он, таким образом, свою работу одухотворяет. Он уже говорит себе: я выполняю роль, правда, маленькую, но которая движет вперед человечество, от которой движется главное колесо, а движение этого колеса — есть борьба за интересы мирового рабочего класса. Значит я, хорошо исполняя свою обязанность, вместе с тем несу коммунистическую работу и своей работой приближаю коммунистическое дело.

Товарищи, все эти, азбучные, казалось бы, рассуждения я привел для того, чтобы подчеркнуть, почему так важна хорошая местная работа. Когда многие говорят — мы все-таки здесь люди маленькие, наша работа не отзовется на всех маховых движениях революции, — такой взгляд есть одна из крупнейших оши-

бок. Чем больше успеха здесь, на местах, тем больше его будет и во всесоюзном масштабе.

Теперь я хочу остановиться на разнице материального положения членов партии.

Несомненно, этот вопрос больной. Материальное неравенство неумолимо приводит, мягко выражаясь, некоторые группы к недовольству. Они думают: что же это такое, мы ведь такие же коммунисты, так же работаем, не покладая рук, в пользу коммунистического строя, а вот отдельные коммунисты, находящиеся на ответственных местах, живут лучше нас.

Несомненно, товарищи, это один из тех вопросов, которые сильно разъединяют людей. Это надо открыто и прямо сказать.

Стремление нашего государства сводится к большему или меньшему уравнению материального положения всех, в особенности к такому уравнению, чтобы, по крайней мере, мы имели возможность наших работников лучше обеспечить в их главных нуждах (например, в квартирном отношении и предметах первейшей необходимости).

Конечно, когда человек имеет главное, что требуется для него, тогда он более терпимо относится и к несколько лучшему существованию отдельных групп.

Центральный комитет обратил внимание на этот вопрос. Он изгоняет целый ряд излишеств, которые развиваются у некоторых товарищей.

То, что для некоторых товарищей мы допускаем некоторое улучшение их жизни, — вполне понятная вещь: нельзя же целый ряд ответственнейших товарищей, поглощенных целиком, буквально изо дня в день, работой, нельзя заставить их, предположим, ходить на рынок и тратить на это много времени. Возьмем хотя бы Владимира Ильича (я для того взял эту фигуру, чтобы никто не сомневался) или Бухарина. Неужели их можно заставить итти покупать пару огурцов или фунт мяса? Конечно, их надуют, обвесят, и, конечно, они скорее с голоду подохнут, чем займутся такой работой.

А такие работники есть во всех городах. Они работают с утра до ночи (в сущности, эта группа незначительная), и они более обеспечены, чем остальная коммунистическая масса.

Но есть целый ряд людей, которые злоупотребляют этим, которые, по существу говоря, свои права расширяют до определенных излишеств. Вот на это-то и обратил внимание Центральный комитет партии и Контрольная комиссия, издав циркуляр

и приступив в Москве уже к практическому применению его в жизнь.

Но в этом вопросе надо быть очень осторожным при оценке поведения человека. Марксизм подает нам великий метод подхода к этому, казалось бы, простому явлению. Не забудьте, — часто бывает такое явление: вы поймали человека, скажем, в ресторане. И как раз попадает обыкновенно тот, который раньше в нем не бывал, он попал случайно, как кур во щи. Другой выпивает, умеет все хорошо оформить и не попадает.

Вот здесь, когда коммунисты оценивают такие излишества, они должны уметь марксистски подойти к человеку, они должны тщательно разобрать его поведение, является ли оно излишеством, которое на этот раз лишь обнаружилось, или простой случайностью.

Например, я допускаю, что человек в нашей бешеной работе это возможно, может быть, иногда и выпьет, тут надо политическую суть найти и решить, есть ли это преступление. Если это явление повседневное, тогда я считаю, надо его карать, а если это случайное явление, тогда можно ограничиться выговором, поставить на вид и т. д.

Наконец, в оценке поведения человека надо принять во внимание, как он выполнял возложенную на него партией задачу.

В этом суть вопроса.

Если будем судить какого-нибудь человека, то первый вопрос, который мы должны себе поставить, — как он выполнял свои обязанности. Если он эти обязанности выполнял, отдавая полностью все 100% своих сил, ума и энергии, тогда, товарищи, к нему можно мягче подойти. Если же он выполняет все партийные обязанности формально, — по субботам ходит на партийные собрания, своевременно платит членский взнос, одним словом, все выполняет великолепно, но отдает этой работе только 50—40% своего ума и энергии, тогда, товарищи, я считаю, такого человека партия должна пригвоздить к позорному столбу.

Партия требует от человека не только формального выполнения, она требует, чтобы человек сжигал свою энергию на тех обязанностях, которые возложила на него партия.

Те вопросы, которые я сейчас ставлю перед вами, они таковы, что ими можно цементировать, а можно также разлагать партию. Поэтому каждое ответственное лицо, каждый коммунист-руководитель должен быть особенно осторожен и должен не за-

бывать, что в конечном счете за всеми этими задачами стоит судьба советской власти, ее крепость.

Позвольте, товарищи, пожелать вам, чтобы каждый из вас в отдельности глубоко сознавал, что он, со своей стороны, должен употребить максимальную энергию для спайки и единства коммунистической партии, и не только коммунистической партии, но и для спайки всех национальностей. В особенности у вас от этого вопроса очень и очень многое зависит.

Наше желание, чтобы коммунисты малых народностей обратились бы действительно в интернациональных коммунистов, чтобы они так же работали и глубоко сознавали, что все наши задачи подчинены основной главной задаче — коммунизму.

Товарищи, свое великое дело вы не замечаете в повседневной работе, не замечаете, какое грандиозное дело делаете, а, по существу, вы выковываете те новые формы, которые должны будут дать возможность братского существования всех народностей. Если вы эти формы найдете и укрепите, тогда советская власть будет обезопасена и непобедима. *(Аплодисменты.)*

ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ В КРЫМ.

Письмо комсомольца Овчинникова. . .

«Я сам — комсомолец, 18 лет, работаю в почтово-телеграфном ведомстве, обслуживаю передвижную почту среди крестьянских масс, и вот мне ежедневно почти приходится бывать во всех деревнях, которые стоят на пути моего тракта, и ежедневно почти мне приходится отвечать крестьянам на те или иные вопросы, из которых один очень серьезный и волнующий крестьян. Вопрос я хочу передать вам, так как сам я не могу объяснить крестьянам. Этот вопрос — «о переселенцах-евреях», которые с каждым днем прибывают в Крым, и в частности в наши места. Так вот, дорогой Михаил Иванович, мне и приходится слышать все ропоты и возгласы крестьян. Я вам приведу несколько точно сказанных слов; крестьяне, приехавшие из Севера, говорят: наши сыны и братья боролись под Перекопом, десятки тысяч легло там наших братьев, мы, говорит, завоевывали Крым и завоевали, дорогой ценой стоит нам победа, и что же теперь мы видим, — на наши заявления о переселении в Крым нам отказали и предлагают нам переселяться в Сибирь, чем же заслужили евреи такое внимание, которым разрешают селиться в Крыму.

Я, читая газеты, слышу, что тов. Калинин никогда не отказывает ответить на более или менее важный вопрос. И я уверен, что, так как этот вопрос очень важный и волнующий крестьян, вы ответите мне подробно, как разъяснить или убедить крестьянина по этому вопросу.

С комсомольским приветом

Василий Овчинников.

Крым, п.-т. о. «Воинка».

Некоторые причины антисемитизма.

Писем, записок на митингах, как с подписью, так и без подписи, по еврейскому вопросу вообще и по переселению евреев в Крым в частности очень много. Одни из них явно черносотенны и антисемитны, другие, как письмо тов. Овчинникова, стремятся искренно выяснить, почему евреям ворожит советская власть. Между прочим, очень характерный штрих: по словам тов. Грандова, за последние 4 года среди крестьянских писем в «Бедноту» совершенно не было заметно писем по еврейскому вопросу, лишь за последнее время они появились, в связи с переселением евреев в Крым.

Антисемитизм — болезнь старая, очень распространенная среди обывательских и интеллигентских слоев города.

Трудно указать на какую-либо одну основную причину антисемитизма. Таких причин безусловно много, все они имеют историческую давность. Приведу некоторые из них. Всякая интеллигентская еврейская семья, с большим трудом выбившаяся из черты оседлости, вполне естественно делается более способной в борьбе за существование, чем окружающие русские интеллигентские семьи, получившие свое право не с бою, а как бы по праву первородства. То же самое относится и к купцам. Прежде чем еврей вышел на широкую дорогу капиталистической эксплоатации, он должен был пройти суровую школу в борьбе за существование. Из запертых в черте оседлости, где тысячи мелких торгашей, ремесленников и кустарей борются друг с другом на торговой арене, перехватывая покупателя и продавца из деревни, мог выскочить лишь такой еврей, который особенно проявил свои способности к наживе и к использованию честным или нечестным путем окружающих условий.

Конечно, когда такой еврей получал право купца первой гильдии, что значило получить право открывать магазины по всей России, ясно, что такой еврей на целую голову стоял выше аналогичных русских купцов, не прошедших столь тяжелой предварительной школы. Поэтому как интеллигенции, так и торговцам, да и вообще буржуазии крупной и мелкой всех других национальностей евреи казались страшно опасными конкурентами.

Бесправие евреев при царизме.

В настоящее время наша молодежь, да уже и взрослое население совершенно не имеют представления о бесправии евреев при

царизме. С этим хорошо знакомит хотя бы рассказ с «еврейским паспортом» Вересаева, великолепно рисующий положение евреев во время царизма. Еврей не имел права выехать из черты оседлости, — как я уже сказал, из черты оседлости мог выехать купец первой гильдии или же еврей с высшим образованием, все же остальные были замкнуты в перенаселенных западных и юго-западных губерниях. Но, конечно, бесправие касалось только массы еврейской нищеты. Поэтому настоящая нищета, доходившая до предельной черты человеческого терпения, это была нищета еврейской оседлости. Недаром десятки тысяч евреев ежегодно эмигрировали из России. Между прочим, евреи не имели права владеть землей, даже и на трудовых началах, в отдельных случаях крупные еврейские капиталисты получали это право специальным постановлением верховной власти.

Царское правительство, со своей стороны, в своих корыстных интересах сознательно развивало антисемитизм, натравливая на них черносотенную банду, сваливая нищету и тяжесть положения русских рабочих и крестьян на еврейскую эксплоатацию. При царизме крупный чиновник, женатый на еврейке, терял карьеру. Однако это не мешало тому же царскому правительству систематически одалживаться у заграничных евреев-банкиров.

Евреи не пришлый элемент.

У нас как-то создалось мнение, что евреи — это элемент пришлый, что их родина не там, где они сейчас живут, а в далекой Палестине; никто не задумывался над тем, где же их настоящая родина. А ведь, по существу, евреи живут хотя бы в черте бывшей царской оседлости целые сотни лет, значит, они имеют такие же права, как остальная масса населения, и только старый классовый буржуазный строй, угнетая все народы, в самых различных формах использовал в целях большей эксплоатации и евреев, заведомо поставив их в такие рамки, что они не могли сплотиться, ассимилироваться с местным населением, а потом обвиняя тех же евреев, что они держатся обособленно, поддерживая друг друга. Но эта обособленность не ими создана. Эта обособленность создана правящими классами России и других государств, которые, лишая целую национальность самых существенных гражданских, экономических и политических прав, тем самым их обособляли.

Каждая еврейская семья, даже буржуазного происхождения,

находясь под постоянным дамокловым мечом полицейского произвола, невольно сочувствовала революционерам и даже по мере сил и возможности, если не прямо, то косвенно, им помогала. Затем каждый бесправный приехавший в город за черту оседлости еврей первоначальный приют мог найти только у тех евреев, которые это право получили. И в этом отношении евреи дошли до виртуозности: под флагом прислуги они держали у себя учащихся курсисток. В печати оглашались сведения, что некоторые еврейские девушки, чтобы иметь возможность учиться в университете, принуждены были брать желтые паспорта, дававшие право жительства в городах вне черты оседлости. Вполне естественно, что в борьбе с царизмом евреи принимали большое участие. Если бесправие и нищета угнетали еврейский народ, зато это же положение выделяло из еврейской массы значительный процент революционеров.

Советская власть уничтожила бесправие.

Подходя к еврейскому вопросу, надо не забывать недавней истории еврейского народа, которая наложила на него свой отпечаток. В самом деле, может ли быть большее издевательство над национальностью, как то, что каменщик, печник, извозчик или ремесленник не имел права жить вне черты оседлости, а желтый билет это право давал? И мы, старые революционеры, среди еврейских семей находили поддержку в целом ряде конспиративных революционных дел, их опыт в этом был значительно больший, чем у нас. С приходом советской власти евреи, как и все бесправные, получили все юридические права, в том числе и право работать на земле.

Классовый подход к решению еврейского вопроса.

Что можно возразить против распространения этого права на еврейство, и кто бросит обвинение советской власти, что она дала право евреям работать на земле? Обвиняют советскую власть в том, что она — власть еврейская, что она евреям благоволит — ведь это сущие пустяки. Верно, советская власть возвратила права евреям, но каким? Она возвратила права только еврейской нищете, а с богатыми евреями поступила так же, как и со всеми капиталистами. Ведь всякий знает, что у нас было много богатых евреев по сравнению с их общей численностью. Еврейские фабрики, заводы, дома, банкирские конторы, процентные бумаги, которых

у богатых евреев было достаточно, — все это конфисковано, отобрано.

Одним словом, мы, которых антисемиты называют защитниками евреев, мы в первую очередь, своим первым шагом разрушили в числе других и еврейский капитал. Пусть нам укажут еврейские — большую фабрику, банкирскую контору или значительный дом, которые бы не были отобраны. Я должен сказать, что в еврейских местечках еврейская беднота с еще большим азартом отбирала имущество от богатых евреев, чем это было в других местах, и это очень естественно. Задавленная нищетой, масса в первую очередь стремилась расправиться со своими непосредственными угнетателями, эксплоататорами, т. е. богатыми евреями. Характерно: мне, как председателю ЦИК, очень часто приходится бороться с еврейской молодежью, которая так же, как и русская молодежь, стремится отобрать синагоги и превратить их в клубы.

Царизм, натравливая русскую городскую нищету на еврейство, мотивируя ее бедность еврейской эксплоатацией, сам в то же время давал все права богатым евреям, в том числе защищал их имущество от разграбления нищетой. У нас как раз происходит обратное. У нас при советской власти происходит внутри еврейской национальности столь же острая борьба между богатыми, как и внутри всех национальностей, населяющих Советский союз. И в этой борьбе советская власть встала и стоит на стороне бедноты. Среди контрреволюционной эмиграции из Советского союза много евреев, бывших капиталистов, и среди вождей контрреволюции они занимают почтное место: достаточно напомнить таких столпов кадетской партии, как Винавер.

Разрушение еврейских местечек.

Империалистическая война, а за ней и революция больно ударили по еврейскому населению. Как раз по черте оседлости проходили фронты, и царские военачальники, состоявшие сплошь из антисемитов, сквозь пальцы смотрели на издевательства и грабежи евреев, а от времени до времени в честь поражения царской армии происходили и погромы. С начала революции эти места также сделались ареной ожесточенной борьбы между советами и целым рядом авантюристских правительств, здесь уже были огромные бандитские погромы, стирающие целые местечки с лица земли.

Революционной рукой советов все эти батьки-атаманы и мелкие бандитские шайки, сделавшие своей специальностью избиение и погромы евреев, были выметены; пришла советская власть, избавившая все народы от национальных надругательств и погромов. Но советская власть, принесшая гарантию жизни и спасение от погромов и насильственной смерти, принесла с собой ряд экономических невзгод еврейскому населению.

Всем известно, что на первых порах революция больно ударила именно по мелкой торговле и кустарному промыслу, как раз по тем отраслям, вокруг которых и жила основная еврейская масса. Разрушение торговли, падение и разорение кустарных промыслов, экономическое падение еврейских местечек, бывших очагов торговли и эксплоатации крестьян, — все это обрушилось на еврейскую бедноту, и евреи оказались в еще более безысходном положении. Они потеряли и ту слабую опору, которая помогала им продолжать свое существование.

В голодные годы в числе прочих мест я был и в еврейских местечках, и меня охватывало чувство беспокойства, как сумеет советская власть вытащить из этой подавляющей и безнадежной нищеты еврейскую бедноту. Русские, умирая от голода, все же имели в перспективе, что у нас будет урожай, евреи же и этой умеряющей боль мысли у себя не имели.

После голода прошло уже 4 года, за это время растет благосостояние Советских республик, растет самосознание всех, не только больших, но и маленьких национальностей, населяющих Советский союз. Все чувствуют, что Советский союз есть не мачеха, а мать. У нас открылись народы, которых никто не знал, которые сами себя не знали, а теперь они выявляют свое лицо. Все получили национальную автономию, лишь евреи, распыленные среди других национальностей, не могли получить себе территориальной автономии, хотя их общая численность — от $2^1/_2$ до 3 миллионов человек в Союзе — и дает им право на автономию.

Еврейская нищета, потерявшая надежду в будущем жить, занимаясь торговлей, кустарными промыслами и ремеслами, из которых их систематически вытесняет кооперация, вполне естественно обратила свое внимание на землю. Только земля даст возможность основной массе еврейства, т. е. бедноте, спастись от голода, вымирания и потери своей национальности. И перед советскими правительствами РСФСР, Украины и Белоруссии еврейским населением был поставлен вопрос о наделении их землей.

Правительство Союза поняло, что основную еврейскую массу можно предохранить от полного разорения и вымирания именно только переводом их на земледелие, для чего и был устроен комитет по земельному устройству трудящихся-евреев.

Почему создан комитет по переселению евреев?

Многие антисемиты ядовито задают вопрос: почему же правительство не организовало комитетов по переселению других национальностей? На это можно только ответить, что задающие вопрос забыли, что все другие национальности у нас имеют не комитеты по переселению, а автономные республики и области, имеют свои правительства, свои земельные органы, которые всегда стоят на страже их национальных интересов. Лишь одна еврейская национальность у нас не имеет собственного правительства, и единственным ее официальным представителем сейчас считается именно Комзет.

Размеры переселения.

Я не буду описывать истории наделения еврейского населения землей и превращения их в хлебопашцев. Напомню только, что Белоруссия посадила на землю 1 650 семей, Украина — 7 600 и т. д. В РСФСР также идет некоторое плановое расселение еврейства на землю. Об этом не было особенного крика. Крик и записки появились с тех пор, как в газетах появилось сообщение, что евреями заселяется Крым.

Необходимо считаться с бытовыми условиями.

Надо сказать, что когда переселяют население, то считаются с их бытовыми особенностями, например, степные места заселяются преимущественно украинцами или русскими из центральной черноземной полосы, а в места лесные идут северяне Новгородской, Вологодской, Вятской и других губерний. Не считаться с этим нельзя, если хочешь получить благоприятные результаты от переселения. Евреи по воле истории привыкли жить в мягком южном климате. Всем известно, что они живут на Украине, в Польше и Белоруссии. На север их царизм не пускал, также запрещена была им полностью и Сибирь. Поэтому в первую голову правительство стремится их расселить, в соответствии с их привычками, в тех местах, где они живут, и переселяет в такие

губернии и районы, где климат и все остальные условия не резко разнятся от их прежнего быта.

При царизме, когда в наших руках была еще и Польша, огромное количество евреев переселялось в Америку, а последние годы охватила идея, поддерживаемая иностранными еврейскими капиталистами, переселения главной еврейской массы в Палестину. Это течение еще сильно до сих пор, сионисты ведут кампанию против советской власти, сманивая еврейскую бедноту в Палестину, где они попадают в невероятную кабалу английского и еврейского капитала. Вполне естественно, что советская власть не может терпеть того, что из ее страны бежит не богач, не враг трудового народа, а обманутый еврейским капитализмом еврейский бедняк. И еврейские коммунисты, не те коммунисты, которые у нас занимают ответственные места, они уже евреи только по происхождению, а те евреи-коммунисты, которые живут внутри еврейской массы, обратились к правительству с тем, чтобы оно дало возможность переселенческой волне, стремящейся в Палестину, расселиться в Советском союзе, и средства, которые собираются за границей для земельного устройства евреев, тем самым привлечь на расходы по этому расселению.

Вопрос тов. Овчинникову.

В числе прочих мест, куда расселяются евреи, оказался и Крым. Какая благодать евреям: люди ездят в Крым поправлять здоровье, говорят, там всегда голубое небо, много роз, винограда и прочие блага, — как не позавидовать такому счастью, что евреев селят туда, а целые тысячи крестьян—русских, украинцев, белоруссов—идут в Сибирь и дальше, через Сибирь, на Дальний Восток. Известно — советская власть мирволит евреям.

Но, тов. Овчинников, я вам задам вопрос: почему же эти благодатные места не заняты до сих пор населением? Ведь Крым был заселен гораздо раньше, чем Примосковный район. Тогда, когда во всем нашем Центрально-промышленном районе были только леса, болота и звери, в это время Крым был уже заселен не только сельским, а и городским населением. И почему же вдруг люди вырубали леса, осушали болота, а в Крыму огромные благодатные пространства оставались незаселенными? И сейчас тысячи крестьян самовольно, вопреки плану Наркомзема, идут в Сибирь и дальше и селятся, а заколдованные места Крыма, избранные советской властью для евреев, остаются свободными.

Что представляет собою Крым как место для переселения?

Да только потому, что вот как нам пишут агрономы, посланные по обследованию крымских земель:

«Нами производится теперь выбор мест под поселки. Приходится выбирать из всех зол наименьшее. Ни в одном месте нельзя с уверенностью ожидать достаточно воды и хорошего качества. На всех участках (кроме 59) можно делать только шахтные колодцы глубиной свыше 20 сажен, до 50. Артезианские воды большею частью в этом районе горько-соленые. На днях я вам вышлю все материалы по каждому участку в отдельности. Пока восстановлен нами один колодец на 22-м участке в бывшей, ныне разрушенной, экономии Монтанай-Сырт, где предполагаем строить новый колодец. Заключили договор на два новых колодца: один — на 39-м участке (в районе Икора), другой на 62-м участке. Подготовлен договор с другим колодезником на 2 колодца и на восстановление одного. Стоимость работы без материалов: до 20 сажен — по 50 руб., а свыше — по 75 руб. за сажень. Восстановлен монтанайский колодец в 32 сажени; на 71-м участке колодцы в 45 — 48 сажен, и притом со скверной водой.

Проблема обводнения этих участков настолько серьезна и сложна, что я должен перед вами снова поставить вопрос о возможности и допустимости заселения участка Евпаторийского района».

Как видите из этой выписки, на эту землю простых поселенцев посадить нельзя; чтобы их посадить, на каждую десятину надо уложить минимум пару сотен рублей; ни у советского правительства, ни у населения, переселяемого в Сибирь, этой суммы нет. Эта сумма может быть собрана только за границей, что евреи и делают.

Евреям-переселенцам отведено $2^1/_2\%$ свободных земель.

Но ведь шум-то поднят, по существу, по пустякам. Ведь вся-то площадь, переданная в Крыму еврейским организациям, 60 тысяч десятин, а всей площади в Крыму 2 350 000 десятин. Значит, евреям отдана в Крыму земля, которая никогда прежде человеком не использовалась и, вероятно, еще много бы лет не была нами использована, и ее отдано только $2^1/_2\%$ всей земли.

Прежде, в царское время, еврейским помещикам, как барону Гинзбургу, принадлежало значительно больше земли, чем сейчас трудящимся евреям мы отвели в Крыму, и поэтому шум, поднимаемый по этому вопросу, необоснован.

Местечковое население должно стать трудовым земледельческим.

Перед советской властью все национальности равны. Она их всех хочет превратить в производительное трудовое население. Еврейство, по злой воле истории, было городским местечковым населением, для них земля была запретным плодом. Только, как я сказал, единицы из крупнейших капиталистов по личному разрешению царя владели землей; советская власть эту дарственную царизмом землю от еврейских капиталистов отняла. Но она же стремится местечковое безопорное население сделать трудовым земледельческим населением, и в этом уже есть значительные успехи.

Всякий честный человек должен сказать, что иначе советская власть поступить не могла и не может.

ЕВРЕИ-ЗЕМЛЕДЕЛЬЦЫ В СОЮЗЕ НАРОДОВ СССР.

Речь тов. М. И. Калинина на съезде Об-ва земельного устройства трудящихся евреев (ОЗЕТ) 17 ноября 1926 г.

СССР — отечество для всех трудящихся национальностей.

Товарищи, настоящий съезд, пожалуй, является наиболее характеризующим сущность Советской республики. Если мы возьмем любое из буржуазных государств, то вряд ли там возможен такой съезд — съезд евреев-крестьян. Это именно съезд, который возможен только в Советском союзе. Что это означает?

Это в первую голову означает, что Союз ССР не специфически великодержавная страна той или другой национальности, это не есть союз, носящий содержание старой России, а это — союз всех народов, входящих в него. В Советском союзе всякая национальность должна найти свое место. Если бы в СССР был ряд населяющих его народов, которые не нашли бы себе места в этом Союзе, которые не чувствовали бы себя как национальность, не чувствовали бы себя полноправными гражданами этого Союза, которые не считали бы этот Союз своим родным отечеством, то Союз советских социалистических республик по своему внутреннему содержанию не был бы действительно братским союзом всех народов, его населяющих. И вот съезд еврейских земледельцев, это есть действительное подтверждение сущности нашего Союза, где каждая национальность обретает свое национальное лицо.

Еврейская национальность испытывала и в старой России, и во всем мире наибольшее угнетение. И если бы не насильственное прикрепление компактных еврейских масс в определенном месте, то, пожалуй, значительная часть еврейского населения по сегодняшний день была бы основательно ассимилирована в старой царской России.

За эти годы 15

Старый царизм в сущности к этому и стремился, но он своей тактикой делал как бы все, чтобы этой ассимиляции мешать. Думая, что бесправием и полицейским произволом он уничтожает эту национальность, он на самом деле замыкал ее территориальными ограничениями и консервировал национальные предрассудки. Советскому же государству нет никакого основания стирать, ассимилировать, разрушать ту или другую национальность.

Советское государство есть государство классовое, это есть государство диктатуры пролетариата, и, пожалуй, ни в одном государстве так ясно перед всем миром не выявляется внешне классовое содержание государственной политики, как в Советском союзе. Остальные государства, будучи по своей внутренней сущности глубоко классовыми, свою классовую сущность прячут, замаскировывают. Ибо их буржуазная классовая линия сводится к защите привилегий, преимуществ ограниченного количества лиц, очень узкого сравнительно с общей массой населения, — они защищают интересы крупной и средней буржуазии. Эта часть населения измеряется в каждом государстве только сотнями тысяч человек, в крайнем случае, единицами миллионов человек, а все остальные миллионы, к какой бы они ни принадлежали национальности, — к господствующей или порабощенной, — они угнетаются. И поэтому буржуазные государства, зная, что вся их политика является защитой незначительного меньшинства населения, рекламируют свое неклассовое происхождение. В то же время Союз ССР перед всем миром демонстрирует свою классовую сущность, делая это открыто, потому что защищает рабоче-крестьянские трудовые массы, защищает огромное, подавляющее большинство населения. Когда мы говорим, что у нас диктатура, железная диктатура пролетариата в союзе с крестьянством, то, конечно, под жернова этой диктатуры подпадает меньшинство населения — буржуазно-капиталистическая часть. Но мы этого и не скрываем. Все, что сопротивляется нам и борется против диктатуры пролетариата, открыто подавляется нами и разрушается. Мелкая буржуазия, которая приемлет советскую власть, стремится так или иначе работать в пределах Советского союза, его законов, она нами терпится. Все сказанное мы не имеем никаких оснований замазывать в противоположность буржуазии, которая затушевывает сущность своей политики.

Когда мы переходим отсюда к вопросу, какие же задачи стоят у Союза ССР перед трудящимися массами, населяющими

Союз, то эти задачи сводятся к тому, чтобы дать максимальное количество благ трудовому населению Союза, к какой бы национальности оно ни принадлежало, дать возможность развертываться всем творческим силам Союза во всех его национальностях, снять всякого вида угнетение: экономическое, политическое, национальное, ибо национальное угнетение в своей основе, в своем фундаменте есть тоже угнетение экономическое.

Антисемитизм и борьба с национальным угнетением.

Раз стоит вопрос о снятии всякого вида угнетения, то, вполне естественно, перед нами выдвигается ряд практических задач, как снять это угнетение. Ведь одно дело — декларация, другое дело — проводить ее в жизнь. Октябрьская революция декларировала полноправие всех народов, населяющих Советский союз, право считать себя равноправными гражданами, занимать все государственные должности, от самой низшей до самой высшей, иметь полные права всюду и везде. Но это есть право, а какова же возможность? Вы сами понимаете, что Октябрьская революция, которая принесла полное освобождение всем народам, в том числе и еврейскому населению, с одной стороны, освободила этот народ, с другой, — основательно ударила по этому еврейскому народу, о чем я писал недавно в одной из статей по еврейскому вопросу. Я говорю: ударила, ибо Октябрьская революция на первых порах, в период острой гражданской борьбы, уничтожила — по крайней мере, на время — основу не то что благосостояния, но самой возможности существования еврейского населения — кустарные промыслы. Это был основательный удар по городской и местечковой еврейской бедноте, именно по бедноте. Поэтому мы и говорим: декларация — одно дело; в настоящий же момент мы приступаем к тому, чтобы эту декларацию претворить в жизнь, в реальную действительность.

За девять лет существования Союза ССР у нас образовался ряд самостоятельных республик, национальных областей, выявились народности, которые были до известной степени затеряны в старой царской России. Вполне естественно, что и еврейское население, живое, в своей массе довольно культурное, политически и социально вышколенное в постоянной борьбе за свое существование, не могло не выявить себя, не могло не стремиться найти и свое национальное место в Советском союзе. И здесь я должен сказать, что антисемитизм, который развит буквально

во всех буржуазных странах, там — в этих странах — вполне понятен. Если в старой царской России антисемитизм базировался на преимуществах евреев-выходцев из черты оседлости в торговле, скажем, на их конкурентоспособности и соперничестве с русскими капиталистами, — то по существу на этой же базе антисемитизм существует и во всем мире, будучи основан на зависти, стремящейся сохранить свои привилегии — привилегии буржуазии — перед лицом соперника. И поэтому антисемитизм понятен во всех буржуазных странах. Антисемитизм же в Советских социалистических республиках по существу в значительной степени покоится на старых предрассудках. Основа, зародыши его лежат в городах в среде мелкобуржуазного интеллигентского населения.

Наши крестьяне и рабочие не могут быть глубоко и сильно задеты антисемитизмом. Этот антисемитизм может быть на них только навеян, но не рождается в них самих.

Чем же навеян этот антисемитизм? Почему сейчас русская интеллигенция, пожалуй, более антисемитична, чем была при царизме? Это вполне естественно. В первые дни революции в канал революции бросилась интеллигентская и полуинтеллигентская городская еврейская масса. Как нация угнетенная, никогда не бывшая в управлении, как нация, из которой даже урядники не имели права формироваться (даже урядники, не говоря уже о чем-нибудь высшем), она, естественно, устремилась в революционное строительство, а с этим связано и управление. Целый ряд евреев занимал посты комиссаров, подкомиссаров, руководителей и проч. Это за целые тысячелетия был первый пример, когда евреи могли быть не только торговцами, музыкантами, докторами и т. д., занимаясь различными свободными профессиями, но стали принимать участие и в управлении, и в армии. В тот момент, когда значительная часть русской интеллигенции отхлынула, испугалась революции, как раз в этот момент еврейская интеллигенция хлынула в канал революции, заполнила его большим процентом по сравнению со своей численностью и начала работать в революционных органах управления. Вот на этой почве и развивается антисемитизм.

Но для еврейского народа, как нации, это явление имеет громадное значение, и, я должен сказать, значение отрицательное. Когда на одном из заводов меня спросили: «Почему в Москве так много евреев?» — я им ответил: «Если бы я был старый раввин, болеющий душой за еврейскую нацию, я бы предал про-

клятию всех евреев, идущих в Москву на советские должности, ибо они потеряны для своей нации». (*Смех, аплодисменты.*) В Москве евреи смешивают свою кровь с русской кровью, и они для еврейской нации со второго, максимум с третьего, поколения потеряны, они превращаются в обычных руссификаторов.

Мне кажется, что то течение, которое охватило значительную часть еврейской народной интеллигенции и еще более значительные слои еврейской бедноты, именно — стремление сесть на землю, — имеет под собой, во-первых, экономическую необходимость, желание так или иначе укрепить свою экономическую базу. Но я должен сказать, что если мы идеологически подойдем к этому вопросу, с точки зрения национальной, то я, по крайней мере, допускаю, что под этим стремлением кроется мощное, массовое, бессознательное явление — стремление сохранить свою национальность. Мне кажется, что это явление представляет собой одну из форм самосохранения национальности.

Тяга к национальному самосохранению.

В противовес ассимиляции и стиранию национальных граней, грозящим каждому маленькому народу, лишенному национального развития, — в еврейских массах развилось чувство самосохранения, борьба за национальность. Несомненно, организация земледельческих коммун, организация крестьянского земледельческого хозяйства в данных конкретных условиях есть, пожалуй, одно из наиболее действительных средств для самосохранения еврейской нации, как нации. Я говорю, что в основе этого явления лежит экономическое стремление, и правительство Союза социалистических республик, устраивая еврейскую городскую и поселковую бедноту на землю, разумеется, не ставит своей задачей путем создания этих поселков и деревень сохранить еврейскую нацию независимо от ее воли. Я должен прямо сказать, что оно этой цели себе не ставит, и не ставит по очень простой причине: правительство подходит к каждому вопросу практически; мы видим, что еврейская беднота страдает, что нужно найти для нее какой-то экономический выход, и вот переселение евреев и является как бы отдушиной, экономическим выходом для еврейской бедноты. Но правительство, понимая, что переход еврейской части населения на землю есть в то же время укрепление еврейской национальности, нисколько не препятствует этому. Советское правительство, помогая этому, как и каждой национальности,

всеми возможными, имеющимися в его распоряжении средствами (а эти средства, конечно, очень незначительны), стремясь к осуществлению экономических целей и восстановлению благосостояния еврейской бедноты, понимает, какое это имеет значение для еврейской национальности.

Конечно, те успехи, которые имеются от переселения еврейских трудящихся масс на землю, еще очень невелики, да это и не может быть иначе. Вы сами понимаете, что создать национально-земледельческую культуру народа, который земледелием никогда не занимался, — это, по существу, грандиозная задача. Для того, чтобы построить, скажем, крестьянский двор, для этого потребуется не меньше тысячи рублей, если полностью считать все расходы. Наконец, земледелие — одна из таких форм деятельности, результаты от которой скажутся только через несколько лет. Большая ошибка, если иные писатели, не успел еще человек переехать, как уже пишут об успехах. Это — фантазия. Так говорить — значит не знать крестьянского хозяйства.

Я не сомневаюсь, что значительное количество еврейского городского населения вначале будет разочаровано в своей новой деятельности, не получив немедленно больших результатов. И вполне естественно, потому что многие идут на земледельческую работу, стремясь укрепить этим свою национальность, а когда на этом пути встречают огромные трудности и небольшие результаты, то разочаровываются. Надо помнить, что все большие задачи требуют огромных усилий. Без этого нельзя получить больших результатов.

Перед еврейским народом стоит большая задача — сохранить свою национальность, а для этого нужно превратить значительную часть еврейского населения в оседлое крестьянское, земледельческое, компактное население, измеряемое, по крайней мере, сотнями тысяч. Только при таких условиях еврейская масса может надеяться на дальнейшее существование своей национальности. Здесь перед еврейским народом стоит огромная задача, и она потребует для своего осуществления большого напряжения и усилий со стороны масс, не привыкших к земледельческому труду, ибо труд горожанина иной, чем труд крестьянина.

Для этого требуются большие средства. Правительство, со своей стороны, употребляет все усилия для того, чтобы дать хотя некоторую материальную помощь. Нужно помнить, что перед советским правительством стоит задача переселения значительного количества крестьян других национальностей — украин-

ской, русской, белорусской и так далее. Если бы удовлетворить претензии этих крестьян даже не полностью, а хотя бы в половинном размере, то от правительства потребовались бы расходы, измеряемые сотнями миллионов рублей. Это абсолютно не по средствам в данный момент для Советского союза. Вот почему советское правительство ассигнует сравнительно небольшие средства для переселения еврейских крестьян на свободные земли. При этом оно стремится отвести такие участки земли, которые по своим климатическим и другим условиям соответствовали бы привычкам еврейского населения. Не зря назначили Крым, южные места Украины. Это те места, которые наиболее подходят к привычкам еврейского населения. Эти места не лучше тех, куда мы переселяем крестьян из других областей Советского союза, из Белоруссии, Центральной России и Украины. И напрасно наши враги и антисемиты стремятся доказать, что евреям отводятся лучшие земли. Мы великолепно понимаем, что эти земли не только не лучше, а по своим почвенным и климатическим условиям гораздо хуже и требуют огромного труда для освоения.

Советское правительство не рискнуло бы на большие расходы для переселения на эти земли русских, ибо мы сейчас русских, украинцев и белоруссов переселяем десятками тысяч, а если бы стали переселять в Крым, то, вместо десятков тысяч, переселили бы очень незначительное количество, потому что нужно было бы нести огромные расходы, которые уменьшили бы возможность увеличить переселение.

В смысле переселения евреев в Крым сочетались два идущих навстречу благоприятных обстоятельства. С одной стороны, мы в Крыму и около Крыма имеем в климатическом отношении подходящие для евреев земли, но они требуют громадных средств для их освоения и вложения значительного капитала, а между тем советское правительство не может сейчас осуществить эту задачу целиком на свои средства. Но, с другой стороны, советское правительство не мешает, чтобы евреи-переселенцы в национальном отношении получали помощь даже от евреев-капиталистов, находящихся за пределами СССР, за границей, ибо у себя, в СССР, евреев-капиталистов мы в свое время благополучно ликвидировали (*аплодисменты*), не физически их ликвидировали, а ликвидировали их капиталы, поэтому они потеряли значение. Но, расправившись с еврейскими капиталистами, мы вовсе не хотим ликвидировать тем самым еврейскую национальность. И вот тут происходит совпадение интересов, исхо-

дящих из различных точек зрения,— национального самосохранения массы и национального чувства еврейских капиталистов, находящихся за пределами Союза, которые чувствуют свой грех перед еврейским народом, которые, будучи капиталистами, пользующимися всеми благами, вместе с тем не могут спокойно спать, зная, что народ, родственный им по крови, страдает, мучается. Подобно тому, как русские дворяне, по крайней мере часть, когда-то чувствовали свою ответственность перед крепостными, так и сейчас по существу происходит такой же процесс, вероятно, в более слабой степени, потому что теперь в капиталистическом мире меньше сентиментальности, чем в старом дворянском мире. Но все-таки пресыщенным капиталами оно, это чувство, видимо, не дает спать спокойно и иногда заставляет задумываться целый ряд еврейских капиталистов над ответственностью за народ еврейский. И вот, когда пробуждается национальное чувство у еврея, желание поддержать свою национальность, естественно, я повторяю, у целого ряда еврейских капиталистов, находящихся за пределами Союза, появляется желание поддержать переселенцев. Вот получается некоторая общность интересов. Конечно, многие могут подозрительно отнестись к этому: как это так, с одной стороны, Советский союз в корне отрицает существование капитализма, борется решительно со всеми видами капитализма у себя, как же он может допустить, предположим, помощь капиталистов Запада евреям у нас, в Советском союзе. Я на это только могу ответить: очень часто в буржуазных парламентах коммунисты голосуют совместно с самыми крайними правыми, скажем, против данного состава правительства. Цели у голосующих разные, причины голосования различные, но голосуют вместе. То же самое и у нас здесь идет. Союз советских республик ценит каждую национальность, не может не ценить. Наше правительство не было бы советским, если бы не помогало самосохранению, сбережению национального чувства всякого мелкого населяющего СССР народа. Только при этом положении, я повторяю, каждая национальность будет считать Советский союз своим отечеством.

И вот сейчас еврейское население, которое целые тысячелетия существует в наших местах, сейчас впервые обретает отечество. Я как-то писал уже в своей статье, что, когда от нас бегут еврейские капиталисты и ведут против нас враждебную кампанию на Западе, для нас здесь ничего зазорного нет, но я считаю для Советского союза абсолютно нетерпимой вещью, с точки зрения советского строя, если из Советского союза поедут

трудящиеся евреи где-то искать свое счастье. *(Бурные аплодисменты.)*

Товарищи, я считаю, что Советский союз должен быть отечеством, в десятки раз более настоящим отечеством для еврейских масс, чем любая буржуазная Палестина *(бурные аплодисменты)*, ибо, товарищи, что может дать Палестина? Она может дать только эксплоатацию трудящегося еврейского населения до тех пор, пока там не будет советского государства, а когда там будет советское государство, — этого мы еще не знаем. Наконец, разве население, которое жило тысячи лет в нашем Западном и Юго-Западном крае, разве для этого населения осталась хоть какая-нибудь органическая, физиологическая и другая связь с Палестиной? Не может ничего остаться.

Бывает иногда, когда какой-нибудь абсурд или предрассудок являются всеобщими. Кажется явным, что это — предрассудок, не продумано здраво, а все же этот предрассудок почти всеобщий. Таков предрассудок, что евреи не являются в России русскими в прежнем смысле русской государственности. А, между тем, евреи живут по количеству лет на этом месте не меньше, чем украинцы, поляки, и в значительной степени не меньше, чем русские. И однако этот предрассудок существует как у русских, так и у евреев.

Из гонимых — в равноправные сыны.

Евреи, которые из поколения в поколение жили в наших юго-западных губерниях, вместе развивали русскую культуру, вместе подвергались эксплоатации, они не имели отечества, они были париями, их загоняли в специфические формы жизни для того, чтобы изолировать от всего остального населения. Я считаю, что этот очень распространенный обывательский предрассудок о том, что евреи должны где-то искать себе отечества, он теперь у нас не должен иметь места.

Нельзя найти искусственного отечества, нельзя его искусственно создавать где-то на стороне, а надо его создать там, где живут компактные массы населения, — а чтобы это было действительно их отечество, его надо завоевать. И вот Октябрьская революция завоевала не эфемерное, а действительное, конкретное отечество. Союз ССР — это такое же конкретное отечество для трудящихся евреев, как и для трудящихся всех других народов Союза, и поэтому у нас евреи, как равноправные сыны Советского союза, должны строить свою жизнь. Все остальное есть

только иллюзия, могущая дать психологическое удовлетворение тому или другому отдельному человеку, могущая десяток людей наполнить внутренним содержанием, но она никогда не может удовлетворить полностью еврейское население, измеряемое миллионами людей. Если еврейская национальность ищет отечества, то оно должно быть найдено внутри Советского союза. *(Аплодисменты.)* Благо еврейского народа, еврейских трудовых масс, не может быть отделено от блага русского рабочего, русского крестьянина *(аплодисменты)*, оно может быть только общее. И вот поэтому мы не боимся национального засилья, не можем его бояться, ибо разве сейчас являются конкурентами евреи, осевшие на негодных крымских землях? Нет! От кого они отнимут, с кем они поведут конкуренцию? Они могут создавать только новые материальные блага, этим самым увеличивая мощь Советского союза.

Товарищи, что сейчас можно наблюдать? Сейчас создаются маленькие территориальные еврейские единицы. Эти единицы очень малы, микроскопичны, но иногда малое имеет в себе великое. Надо сказать, что еврейские поселки, деревни, еврейские волости, они очень малы по численности, но для еврейской национальности они имеют огромное принципиальное значение. У евреев отечество еще очень мало, но уже есть области, есть территория, есть грунт, основа. Прежде у евреев были отдельные счастливцы капитала, которые владели землей по благоволению царей, как, например, барон Гинзбург. Но это были отдельные счастливцы, владевшие только по благоволению царей, по благоволению, которое могло быть каждую минуту уничтожено. Сейчас еврейская масса, превращаясь в земледельцев, формируя свои территориальные единицы, она сейчас все это делает не по благоволению того или другого высокого лица, а она это делает только потому, что имеет право, которое завоевала борьбой вместе с рабочими и крестьянами нашего Союза. *(Продолжительные аплодисменты.)* Вот в чем разница. Сейчас евреи, оседающие на землю, имеют полное на это право, которое они сами завоевали вместе с нами, и поэтому вполне естественно, что когда они оседают, то чувствуют себя равноправными гражданами Союза ССР.

О трудностях на новом производительном пути.

Товарищи, вот здесь собрался 1-й всесоюзный съездъ по устройству еврейских земледельцев. Конечно, я не сомневаюсь, у вас, вероятно, будет прикрашивание и идеализирование земледельче-

ской работы, которую вы производите. Это не плохо; всякий, кто думает, что приукрашивать в такой момент вредно, ошибается; это вредит практической деятельности, если руководители внутри себя приукрашивают, но, я повторяю, это не вредно для работников. Необходимо, чтобы они понимали, что они не только являются земледельцами; необходимо, чтобы их земледельческая работа, простая, крестьянская, механическая работа, поглощающая изо дня в день человека, чтобы она их одухотворяла и удовлетворяла.

Евреи, садящиеся сейчас на землю, лишаются хотя бы примитивной, но городской жизни, они в известной степени грубеют и, в конце концов, огрубеют на этой крестьянской работе. Так вот я и говорю, чтобы в этом труде они не забывали одно, что они выполняют огромную национальную миссию, и что те капиталисты Запада, которые помогают еврейскому народу, что по существу, давая эти подачки, они до известной степени этими подачками хотят на том свете *(смех)* завоевать местечко около Моисея *(смех, аплодисменты)*, ибо, товарищи, ведь если они верят в национальность, если они дорожат национальностью, если они верят хоть капельку в религию, то ведь их же спросят на том свете: где вы были тогда, когда созидалось, когда укреплялось, когда ковал себе отечество еврейский трудовой народ? *(Бурные аплодисменты.)* Я думаю, товарищи, что мы принимаем не милость от западных капиталистов, от Джойнта и др. организаций, не милость, а мы принимаем как должное, заботясь о спасении их душ. *(Смех, аплодисменты.)* Конечно, если будет помощь, несомненно, быстрее и скорее мы пройдем этот тяжелый период, но, если не будет помощи, я могу смело заявить от советского правительства, что, во всяком случае, советское правительство не может не помогать в посильной мере еврейской трудящейся массе. *(Аплодисменты.)* Товарищи, то сознание, то проявление настоящего национального чувства среди еврейских трудящихся масс, которые выражаются в стремлении сделаться производительным трудовым населением, — по существу, разумеется, еврейская трудящаяся масса всегда была производительной,—способствуют тому, чтобы и все остальные народы, населяющие Советский союз, признали, видели, внутренне осознали, что евреи являются национальностью производительной, работающей со всеми другими национальностями; когда еврейство стремится к земледелию, оно стремится к нему не только для самосохранения национальности, оно достигает не только этой цели,

но оно этим разбивает еще тот предрассудок среди обывательской массы, будто нет евреев-рабочих и крестьян, а есть только торговцы, только богачи. А мы же по существу знаем, что миллионы трудящихся евреев влачили и влачат жалкое существование, работая изо дня в день. Существование нэпманства, валютных спекулянтов из евреев ни в коем случае не должно застилать нам глаза (борьба правительства с этим явлением общеизвестна) и затушевывать тот факт, что массы трудового еврейства так же, как и массы любой другой национальности, бьются в самой тяжелой борьбе за существование, за насущное пропитание. Нелепо подводить трудовую еврейскую бедноту под один ярлык с нэпманами и спекулянтами (что делает русская буржуазия). И теперь еврейская национальность хочет заставить своими земледельческими колониями разбить этот предрассудок, чтобы все народы, населяющие Советские республики, видели, сознавали, что еврейская национальность является полностью равноправной в области трудовых работ.

Товарищи, я считаю, что в области культуры, в области движения вперед рабочего класса и крестьянства мне нечего призывать еврейское население, сумевшее себя проявить на этом поприще. Оно много делало, ибо я же сказал, что евреи полностью влились в революционные поры; раз они влились, значит, они были тесно связаны с революцией. Об этом нечего говорить. Во всех областях науки как старой России, так и Советской России, во всех областях науки еврейское население занимает не последнее место, и я не сомневаюсь, что в глазах народов и еврейское земледелие займет не последнее место. *(Аплодисменты.)* А правительство, со своей стороны, разумеется, при тех материальных возможностях, какими оно располагает, оно все сделает, чтобы еврейскому земледельческому населению помочь. Разрешите мне в лице нашего съезда передать горячий привет новым еврейским земледельцам и сказать им, что я им желаю полного успеха, но чтобы их не разочаровывали те трудности, которые есть, что задача, которую они решают, она больше, чем те трудности, которые стоят перед ними, что те невзгоды, тот колоссальный труд, который им приходится выполнять, что этот труд стоит тех задач, к которым стремится еврейская национальность. *(Бурные аплодисменты.)*

(×) М. И. в родной семье в 10-летнем возрасте.

НАШ ПУТЬ В ДЕРЕВНЕ

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СВЯЗИ С РАЗВИТИЕМ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЕЙ СТРАНЫ.

Доклад на 4-м съезде Советов 1927 г.

Товарищи, в виде исключения я позволю себе маленькую вольность и начну свой доклад с небольшого предисловия к нему. Во-первых, я буду стремиться держаться регламента. *(Смех; аплодисменты.)* Во-вторых, по возможности избегать цифрового материала в виду его значительного количества в тезисах по сельскому хозяйству и в докладах тт. Рыкова и Куйбышева. В-третьих, я не буду аргументировать полностью все тезисы пункт за пунктом, ибо в них заключена и соответствующая аргументация, и до сих пор я в печати не встречал возражений по существу этих тезисов. В-четвертых, я не могу вам дать полного анализа развития сельского хозяйства на основании тех цифр, которыми я здесь располагаю. Хотя надо заметить, что я перегружен обилием цифровых материалов, начиная с пятилетки Госплана до докладных записок украинского правительства, Института прикладной ботаники, большой записки проф. Кондратьева, тезисов экономиста Маслова, доклада мясной конторы Госторга, плана речи тов. Карпинского, председателя Центрального с.-х. банка тов. Шефлера; передо мной, далее, значительное количество крестьянских и рабочих писем, советующих на том или ином вопросе остановиться в докладе.

Но, товарищи, все это лишь сырой материал, могущий дать ту или иную иллюстрацию к отдельным моментам развития сельского хозяйства. А цельного, марксистски обработанного труда по развитию нашего хозяйства, в частности сельского хозяйства, еще нет, и поэтому в своем докладе я ограничусь лишь отдельными, на мой взгляд, главными моментами развития сельского хозяйства в связи с индустриализацией.

Сущность нашей политической линии в сельском хозяйстве.

Прежде всего, товарищи, я должен сказать, что доклад о развитии сельского хозяйства в связи с индустриализацией не надо рассматривать как доклад узкохозяйственный, а тем менее узкотехнический. Наоборот, доклад по сельскому хозяйству является глубоко политическим вопросом.

Ведь для нас важен не голый вопрос о развитии сельского хозяйства, а и вопрос о том, как, в каком направлении должно развиваться сельское хозяйство.

Для Советского союза, цель и задачи которого через диктатуру пролетариата освободить трудящихся полностью от ига капитала, вполне естественным является то, что в каждой сфере деятельности, и в особенности экономической деятельности, приходится ставить вопрос: приближает ли нас данная сфера деятельности к социализму?

В соответствии с этим и к сельскому хозяйству мы не можем подходить иначе.

Вопросы сельского хозяйства мы впервые в истории ставим как часть единого, гармонически целого народного хозяйства, руководимого и направляемого в интересах социалистической перестройки всей экономики страны.

Это обстоятельство коренным образом отличает наш подход к сельскому хозяйству от буржуазно-капиталистического подхода.

Начать с того, что сельское хозяйство и индустриальная промышленность в рамках буржуазного общества являются источниками многих и крайне острых противоречий. Напрасно мы стали бы искать в рамках буржуазного общества непосредственной экономической смычки, смычки между крестьянином и рабочим.

И не только потому, что посредниками на рынке выступали и выступают эксплоататоры, а и потому, что народное хозяйство и отдельные его части были и являются ареной жестокой борьбы как между аграриями и промышленниками, так и между представителями внутри этих лагерей.

Затем необходимо отметить, что в буржуазном обществе мы не найдем примера, чтобы развитие деревенской экономики шло как развитие всего крестьянского хозяйства в целом.

Ничего подобного. На одной стороне шел и идет неуклонный рост сельскохозяйственного производства помещиков и крепкой крестьянской буржуазии. На другой стороне — столь же неуклонная пролетаризация, обезземеливание и неисчислимые страдания беднядких и мелких середняцких хозяйств.

Рост верхушки и массовое обнищание крестьянских низов—таков путь буржуазии.

Великолепный пример дает в этом отношении вся аграрная история Англии. Столь же поучительно прошлое разорение мелкого крестьянства в царской России, обнищание крестьянства, ставка Столыпина на крепкого, сильного крестьянина-кулака, — все это еще достаточно свежо у всех в памяти.

Очень часто буржуазные ученые, публицисты, государственные деятели кичатся развитием у них сельского хозяйства, успехами его в капиталистических странах.

Но что значит, товарищи, успех развития сельского хозяйства в капиталистической стране?

На этот счет есть классический труд Владимира Ильича, его книга «О развитии капитализма в России». Тот исторический путь развития капитализма, который выявлен в книге Владимира Ильича по отношению к старой России, — по существу, этот путь проходили все капиталистические страны, — разумеется, если оставить в стороне те или иные несущественные отличия.

Развитие земледельческого капитализма в рамках буржуазных государств шло ценою колоссальных страданий крестьян, когда сотни тысяч, миллионы их обезземеливались, все слабосильные хозяйства безжалостно отметались; росла лишь одна верхушка, и наряду с этим происходило массовое разорение и обеднение остальных.

Вот что означает развитие сельского хозяйства в буржуазной стране.

Может ли Советский союз, советское правительство так подходить к развитию сельского хозяйства? Разумеется, не может.

Наша цель — подъем всей основной массы крестьянства.

В отношении сельского хозяйства, его движения вперед, наша коренная цель — благо всего трудящегося крестьянства.

И потому мы ставим своей задачей подъем подавляющего числа крестьянских хозяйств, а не отдельных его незначительных групп; мы всячески содействуем поднятию крестьянской бедноты, — отсюда и мероприятия наши в области организации незаможных селян, обществ крестьянской взаимопомощи, отсюда наши льготы в области сельскохозяйственного налога бедняцким крестьянским хозяйствам до 30 проц. всей массы налогоплательщиков, отсюда особые льготы по сельскохозяйственному кредиту маломощным крестьянским хозяйствам, образование фондов кооперирования бедноты и т. д.

Задача советской власти — это увеличить благосостояние всей массы бедняцкого и середняцкого крестьянства. В этом, само собой понятно, особая сложность и трудность задачи. Но в этом же и основное отличие нашей политики — политики пролетариата — в области сельского хозяйства по сравнению с буржуазией.

Американское фермерство и расслоение.

Я приведу вам для иллюстрации конкретный пример Америки. Перед тем как делать мне доклад, я поручил проф. Кондратьеву составить некоторые сравнительные данные по сельскому хозяйству у нас и в Америке. Вот эти данные.

Общая численность населения в Соединенных штатах в 1925 г. составляла 115 млн человек, из них живущих вне городов 53 млн человек., т. е. меньше половины, 46,1 проц. всего населения. В Союзе ССР, по данным на 1 января 1926 г., при общей численности населения в 146 млн человек, сельское население составляло 120 млн человек, т. е. 82,2 проц., или свыше $^4/_5$ населения.

Теперь — о различии в характере организации сельского хозяйства. В Соединенных штатах насчитывается $6^1/_2$ млн ферм, у нас — 24 млн хозяйств. Общая посевная площадь Соединенных штатов Америки исчисляется в 350 млн акров, что в переводе на десятины составляет 130 млн десятин. На одну ферму в среднем приходится 20 десятин; в Союзе ССР на одно хозяйство — 4 десятины посевной площади.

Стоимость скота на одну ферму определяется, приблизительно, в 1 240 довоенных золотых рублей, а у нас в среднем на хозяйство — 232 р. Стоимость построек в Америке на одну ферму — 1 780 зол. руб., у нас в Союзе — 396 руб.

Наконец доходность фермы в 1925 г. составляла в среднем 2 520 руб., а у нас на хозяйство — 302 руб.

Так как эту записку составлял не марксист, то он опустил очень важный факт, он выставил $6^{1}/_{2}$ млн ферм, а потом все делит, чтобы получить среднее относительно имеющегося капитала в хозяйстве и доходности ферм. Хотя то же самое он проделывает и в отношении хозяйств у нас, но ведь мы знаем, что в Америке по сельскому хозяйству имеются крупные капиталисты, у которых сосредоточена львиная доля земли, чего нет у нас. Затем, несомненно, из $6^{1}/_{2}$ млн ферм минимум 1 млн карликовых хозяйств. В Америке, как и в ряде других буржуазных государств, рабочие покупают маленькие участки земли в нескольких верстах от завода и обрабатывают их сами, приезжая с завода. Это — карликовые хозяйства, которые увеличивают количество ферм, снижая среднее количество земли на ферму, скрывая, что настоящими владельцами земли являются не фермеры, владеющие 20 десятинами земли, а земельные магнаты.

Когда мы произведем расчет всех земельных богатств и всех доходов от земли и вычислим (в процентах по отношению ко всему номинальному количеству земледельцев Америки), на кого какая доля земли и доходов падает, то мы увидим, что едва ли больше 10 проц. всего населения Америки пользуется доходом с земли, как с единственного источника, остальные же 36,1 проц. работают в качестве рабочих сельского хозяйства. А вся прибыль, которую сельское хозяйство дает, распадается преимущественно на самый незначительный слой крупных фермеров.

Посмотрим теперь, каково расслоение у нас. Надо сказать, что очень трудно сейчас получить вполне точные и исчерпывающие данные по вопросу о расслоении.

У нас еще не только нет данных, сведенных в общие по всему Союзу, но очень мало данных даже и по отдельным губерниям.

Однако из имеющихся данных можно вывести заключение, что, во-первых, даже внутри всего крестьянства, начиная от кулачества и кончая беднотой, разница, конечно, у нас несравненно меньше, чем между различными флангами фермеров в Америке.

Во-вторых, темп происходящего в условиях нашей политики расслоения крайне мизерный.

Вот как идет у нас расслоение по некоторым районам.

Например, в Северо-Кавказском крае: без скота в 1925 г. было 42,7 проц., в 1926 г. — 40,1 проц. Количество бесскотных уменьшилось. То же самое и с одной головой: в 1925 г. было 27 проц., в 1926 г. — 26,5 проц.

С двумя головами скота в 1925 г. было 20,9 проц., в 1926 г.— 22,2 проц. С тремя головами в 1925 г. — 5,3 проц., в 1926 г.— 6,3 проц. С четырьмя головами в 1925 г.—4,1 проц., в 1926 г.— 4,9 проц.

Из этого вы видите, что уменьшилось количество бесскотных, уменьшилось количество с одной головой, а увеличились все остальные группировки. Таким образом, по крайней мере по скоту, в Северо-Кавказском крае у нас не заметно сколько-нибудь сильного расслоения.

По Рязанской губернии хозяйств без рабочего скота в 1925 г. было 44,1 проц., в 1926 г. — 42,7 проц., т. е. приблизительно такое же расположение, как и в Северо-Кавказском крае.

Или возьмем коммуну немцев Поволжья. Там точно так же мы имеем систематическое (и еще более разительное, чем в предыдущих примерах) уменьшение процента хозяйств без скота, но при этом надо сказать, что там голод был причиной резкого падения числа скота в годы гражданской войны.

Так, до этой войны было бесскотных хозяйств только 25,4 проц., после войны: в 1922 г. — 63,1 проц., в 1924 г. — 53,2 проц., в 1925 г. — 47,5 проц. и в 1926 г. — 42,7 проц.

По Крымской республике приблизительно то же самое.

Вы видите, как неосновательны были крики о том, что у нас идет бешеное расслоение крестьянства и что в этом расслоении идет значительный рост кулацкой верхушки. Этот рост выражается, как, например, по Костромской губ., только в десятых долях процента в год, во всяком случае этот рост идет в очень незначительной степени.

Вот вам две картины: одна картина — капиталистического развития, другая картина — советского развития сельского хозяйства, сущность которого в том, что целым рядом мероприятий мы стремимся массу распыленных хозяйств не только не допустить до разорения, не допустить до превращения их в объект эксплоатации и наживы незначительной верхушечной группы, но стремимся эту массу хозяйств через кооперацию, через помощь Советского государства влить организационно в общее хозяйство страны.

Единство народного хозяйства СССР—основа рабоче-крестьянского союза.

Ведь главное, что отличает основы народного хозяйства СССР от буржуазного, это — единство народного хозяйства в Советском государстве.

Все наше народное хозяйство едино. Земля национализирована. Промышленность национализирована. Внешняя торговля монополизирована. Во внутренней торговле, в оптовой доминирующую роль играет государство, в розничной также основные позиции заняты государственной торговлей и кооперацией.

Все отрасли народного хозяйства служат одной цели — социалистическому строительству.

Может ли поэтому у нас быть антагонизм, непримиримое противоречие между промышленностью и сельским хозяйством, между их развитием? Конечно, нет. Отсутствие такого противоречия между промышленностью и сельским хозяйством находит свое яркое политическое выражение в союзе рабочего класса с основной массой крестьянства.

Наша задача — укрепить этот союз и своевременно предупреждать какие бы то ни было возможности разноречий между рабочим классом и крестьянством.

Вот что по этому поводу писал тов. Ленин в своей статье «Как нам реорганизовать Рабкрин»: «В нашей Советской республике социальный строй основан на сотрудничестве двух классов — рабочих и крестьян... Если возникнут серьезные классовые разногласия между этими классами, тогда раскол будет неизбежен. Но в нашем социальном строе не заложены с необходимостью основания такого раскола». (Том XVIII, ч. II, стр. 115.)

Товарищи, основанием для такого раскола была бы политика, при которой сельское хозяйство противопоставлялось бы промышленности.

Но о таком противопоставлении у нас одной части нашего хозяйства другой не может быть и речи. В нашем хозяйственном строительстве мы руководствуемся тем принципом, что здоровье целого сохраняется правильной работой частей его, их взаимной гармоничностью.

Ленин, говоря о расколе, имел в виду опасность раскола в коммунистической партии. Коммунистическая партия цементирует рабочий класс и крестьянство, коммунистическая партия

направляет корабль государственной власти на удовлетворение рабочих и крестьянских нужд, она его направляет на то, чтобы стирать и уничтожать те практические разногласия, которые могут возникнуть между этими двумя классами.

Товарищи, Ленин подчеркивал, что у нас не заложены с необходимостью элементы раскола. Из чего может, вообще говоря, выйти раскол? Он мог бы выйти из практического неумения, из того, что правительство, предположим, оттолкнуло бы от себя крестьянство теми или другими мероприятиями или, обратно, оттолкнуло бы рабочий класс теми или другими мероприятиями.

Какую линию должно вести наше правительство в области хозяйства? Такую, которая удовлетворила бы минимальные требования и рабочих, и крестьянских масс; я говорю минимальные, так как вы сами знаете, что при современных условиях и современных ресурсах на первых порах может итти речь лишь о самом минимальном удовлетворении.

При развитии сельского хозяйства мы, намечая те или иные практические меры, всегда принимаем во внимание, во-первых, пользу и интересы большинства населения; затем, мы не должны забывать, чтобы это развитие увеличивало социалистический сектор, чтобы это развитие работало на мельницу социализма. В связи с этим государство изыскивает и соответствующие практические методы в этой области.

Плановость и районирование.

Как и все наше народное хозяйство, так и сельское хозяйство мы строим по принципу плановости, в полном сочетании с планами развития всего народного хозяйства.

В буржуазных государствах промышленность, в том числе и сельскохозяйственная, развивается стихийно на почве конкуренции, бесшабашной взаимной борьбы, бесконечного соревнования за наживу.

Америка является самым ярким выразителем буржуазного хозяйства, где вся мысль, где 99 проц. населения занято только тем, как бы вырвать из общей суммы денег наибольшую сумму именно мне, такому-то.

В соответствии с этим и развитие в буржуазном государстве идет стихийно, путем толчков, «регулирование» происходит там на почве тяжелых хозяйственных кризисов.

У нас, в противоположность развитию буржуазных государств,

должно быть развито плановое хозяйство, сознательное внесение в него плановости. В этом — коренная разница.

Плановый подход к сельскому хозяйству, — это, конечно, одна из труднейших проблем. У нас 24 миллиона средних и мельчайших хозяйств рассеяно на огромной территории — одной шестой части земного шара. Отсюда трудность планового регулирования.

Преодолеваем ли мы эту трудность?

Имеются ли у нас успехи в области плановости?

Безусловно, товарищи, успехи в этой области есть. Достаточно вам напомнить, как мы сознательно из года в год повышаем, непропорционально ко всем остальным сельскохозяйственным культурам, производство хлопка, производство свеклы. Мы выделили эти районы. Эти культуры также производит средний и мелкий крестьянин, который имеет только от $^1/_8$ до 3 десятин земли; однако хлопководческое хозяйство поставлено теперь почти на плановых основаниях.

Такую же политику мы проводим по отношению к сахарной свекле. Я вам привел только два элемента, но в них ясно выражена плановость. Конечно, не всегда полностью и последовательно осуществляется каждый наш план. В настоящем году по свекле плановость у нас была нарушена. Количество засеянных десятин было меньше, чем мы предполагали. Но это, товарищи, не потому, что принцип плановости был плох, а оттого, что были совершены те или другие частные практические ошибки.

В естественной связи с плановостью у нас проводится принцип сельскохозяйственного районирования. Вы знаете, что наш Союз в смысле своей экономический структуры чрезвычайно разнообразен.

Параллельно с районами развитой индустрии мы имеем формы самого примитивного скотоводства. Высокая товарность уживается на нашей огромной территории с формами натурального хозяйства. Этого нельзя забывать при разрешении конкретных сельскохозяйственных задач.

Если мы будем требовать одновременно в одинаковой мере машинизации, допустим, хлопководческих районов в Средней Азии и скотоводческих районов Казакстана, то это будет неправильно.

Сельское хозяйство тесно связано с промышленностью соответствующих районов. В этом отношении все сельское хозяйство может быть разделено на две крупные основные категории — на производство зерновых культур и на производство технических культур.

Технические культуры и развитие сельско-хозяйственной промышленности.

Технические культуры, — например, хлопок, свекла, картофель, лен, — более тесно, чем зерновые, связаны с промышленным производством.

Каково фактическое положение вещей здесь?

Добыча хлопка, свеклы, картофеля и первичная обработка их производится кустарным, ремесленным, путем. Наша задача заключается в машинизации всех вспомогательных процессов по первичной обработке хлопка, по производству патоки и крахмала, по обработке масляных семян и т. д.

Тем самым закладываются основы крупного промышленного сельского хозяйства. Появляются соответствующие заводы.

Когда я находился в Туркестане, мне бросилось в глаза, что крестьянские поля запахивались трактором Хлопкома. Там трактор переходит с одного крестьянского участка на другой. Кооперация или Хлопком за определенную плату вспахивают крестьянские поля.

А ведь от своевременной и быстрой вспашки крестьянского поля зависит очень многое. От вспашки в значительной степени зависит и расслоение в деревне, ибо у богатого крестьянина — хорошая и сильная лошадь, и он во-время пашет, а это создает условия и для лучшего хлеба. В Туркестане запашку ведет или кооператив, или Хлопком. Когда запашка кончена, то тот же кооператив или Хлопком дает семена. Как известно, хлопок свозится на заводы; на заводах хлопок очищается от семян, и потом из этих заводов Хлопком отпускает семена.

Хлопком или кооперация дает и удобрения на поля.

А в те 8 месяцев, которые требуются для произрастания хлопка, когда требуется огромное количество крестьянского ручного труда, этот труд крестьяне вкладывают в свои десятины. Когда хлопок готов, его собирает тот же трактор Хлопкома: он приезжает на полосы, обирает хлопок и увозит его на государственные заводы.

Товарищи, вот вам пример практического перевода сельского хозяйства на промышленные основы; конечно, как говорят, без крыши и без стен, но по существу мы этим путем распыленное мелкое сельское хозяйство не только планируем в смысле площади засева и цены хлопка, но мы социалистически внедряемся и в само производство хлопка.

Если, товарищи, это возможно по хлопку, то я не сомневаюсь, что точно такие же процессы будут наблюдаться и по льну в Северо-западной и Центральной областях Советского союза. В самое последнее время строятся льняные фабрики, которые выполняют следующие операции: стилку и мочку льна, его мяние, трепание. В настоящее время крестьяне будут только снимать лен с полос, обсушат, обколотят зерно и отправят. Значительное количество самых трудных операций будет проделываться уже фабричной обработкой. По словам специалистов, лен будет лучше, и увеличится количество выхода волокна из льняной соломы. Значит, мы тут не только сократим крестьянский труд, самый тяжелый труд, но увеличим и ценность льна, и, следовательно, труд посевщика-льновода будет вознагражден выше благодаря большей выгодности льна и увеличению количества волокна. Я думаю, фабричная обработка льна приведет также, в свою очередь, к увеличению роли кооперации, к большему влиянию кооперативных и регулирующих органов в льноводческих районах.

Наконец, товарищи, возьмите картофельные районы. Говорят, из картофеля можно очень много продуктов выработать. Поэтому поле для фабричной обработки картофеля очень широкое, и влияние завода, техническое влияние фабрики на картофельные районы с развитием этой обработки, с увеличением потребностей рынка, конечно, будет увеличиваться.

Я вам привел пример Туркестана. Я не был в картофельных районах, но я знаю, что кооперация, влияние государственных органов в этих районах, проведение этого влияния здесь гораздо легче, чем в тех районах, где ведут универсальное земледелие. Значит, товарищи, специализация районов на том или другом предмете, несомненно, является одной из наилучших возможностей, приближающих нас к социализму.

Помимо этих технических возможностей, которые приближают фабрику к крестьянскому полю, специализация районов очень сильно и быстро увеличивает кооперативную мощь, увеличивает влияние кооперации уже по тому одному, что в картофельном районе, предположим, все картофелеводы имеют более или менее одинаковое оборудование своего хозяйства, и потому лавка или кооперативный магазин, когда делает заказы фабрикам или государственным трестам, всегда может эти заказы сделать в массовом масштабе, и так как эти предметы в данном районе имеют массовое потребление, то они могут быть дешевле.

Из этого вы видите, что районирование дает возможность не только среднее, но и мельчайшее крестьянское хозяйство внедрять в социалистическое русло, вводить в нашу плановость. Конечно, это хозяйство—мелкая единица, но и эта единица подсчитывается и вводится в наше плановое русло.

Зерновые культуры.

Товарищи, я указал здесь путь внедрения социалистических нитей в самый процесс производства сельского хозяйства и потому в первую очередь привел пример применения этого пути в районах с техническими культурами. Но, товарищи, как вы знаете, для нашего сельского хозяйства и всего народного хозяйства имеет огромное значение и развитие зерновых хлебов. Правда, в настоящем году мы по целому ряду технических культур получили недохватку. Наша промышленность, работающая на сельскохозяйственном сырье, имеет гораздо большее техническое оборудование, чем то количество сельскохозяйственного сырья, которое мы получили в этом году и которое должно быть обработано ею. В связи с этим целый ряд заводов не загружен из-за недостатка технических культур.

Но из этого неправильно было бы сделать вывод, что зерновые культуры не имеют для нас значения.

Когда мы говорим о необходимости поднятия сельского хозяйства, то среди первоочередных задач мы должны поставить вопрос о поднятии производства зерновых хлебов уже по тому одному, что зерновые хлеба являются основным и главным элементом образования цены всех остальных товаров, и, во-вторых, потому, что зерновые продукты у нас составляют львиную долю нашего сельскохозяйственного экспорта.

Наконец, только при значительном увеличении производства зерновых продуктов мы можем на этой базе шире подойти и к производству технических культур.

До сих пор главными районами, производящими зерновые продукты, были те районы, где ведется экстенсивное хозяйство, где земли сравнительно много, как, например, на Кубани, в левобережной части Украины, где сравнительно редкое население, в Сибири, в Заволжьи и в Поволжьи, т. е. как раз в тех районах, где, как я говорю, количество земли на крестьян приходится больше, где крестьяне живут, пожалуй, более обеспеченной жизнью, где и значительный кулацкий слой имеется.

И вот тут встает вопрос, какие нити дадут возможность ухватиться, чтобы вовлечь эти хозяйства в социалистическое русло. Я сейчас не буду рисовать вам картину этих нитей; несомненно, что этих нитей больше, чем мы думаем, и когда будут выступать товарищи из этих районов, они укажут возможность провести плановость и в этих районах, как мы проводим плановость на Северном Кавказе, укажут возможность и эти экстенсивные зерновые хозяйства внедрять в общую систему социалистического хозяйства.

Какая в этих районах основная задача? Конечно, увеличение урожайности — вот главная задача. Наша урожайность из рук вон плоха. Достаточно вам напомнить довоенную урожайность. С десятины, в среднем, у нас получали 45 пуд., в то время как в Германии 150 пуд., в Бельгии 180 пуд. и т. д. Конечно, мы не можем наше экстенсивное хозяйство сразу приблизить к такому урожаю, но если каждая десятина будет давать хотя лишних десять пудов, то сразу общее количество хлеба увеличится до огромных размеров. Я думаю, что главная задача, которая стоит в этих районах с зерновыми хлебами, это — увеличение роли кооперации, которая должна, во-первых, покупать хлеб, во-вторых, снабжать крестьянина товарами, как потребительскими, так и всем, что необходимо для производства; в особенности мы должны в ближайшие годы подойти к вопросу об искусственном удобрении наших полей, а в соответствии с этим и удешевить удобрительные материалы до себестоимости или даже, может быть, ниже себестоимости.

Вопрос увеличения урожайности — это коренной вопрос. Конечно, много путей к разрешению его. Я уже упомянул о записке, которую я получил от тов. Горбунова из Института прикладной ботаники, который рассылает семена. Этот Институт получил целый ряд ответных писем от крестьян, которые пишут, что селекционные семена значительно увеличивают урожайность. Таким образом, удобрения, сортирование семян, селекция семян, развитие кооперации, которая найдет пути и возможности на этих землях пустить в значительном масштабе тракторы, — это и целый ряд других путей должны послужить повышению урожайности.

Сельское хозяйство и индустриализация.

Вопрос об улучшении сельского хозяйства, об интенсификации его, о применении лучших машин подводит нас к коренному вопросу о том основном рычаге, который дал бы нам возможность двигать вперед сельское хозяйство.

Несомненно, основным рычагом, который должен дать возможность развить сельское хозяйство и значительно поднять благосостояние огромного большинства крестьянства, является индустриализация страны.

То, что сейчас предпринимается советским правительством, — постройка новых фабрик и заводов, электрических станций, — все это с виду как будто не имеет прямого отношения к сельскому хозяйству. Но в том-то и дело, что при том инвентаре, которым сейчас владеет наша деревня, она не может выбиться из урожаев в 45 — 50 пуд., а при такой урожайности наше крестьянство будет влачить жалкое существование.

Нам нужно заменить весь инвентарь крестьянина новым. Но сделать это, дать новый инвентарь миллионам хозяйств, наша современная промышленность на нынешнем ее уровне не в силах. С этой задачей может только справиться широко развитая промышленность, построенная на новой высокой технической базе.

Прежде чем крестьянин заменит соху плугом и лошадь — трактором, должны быть построены тракторные заводы, должны быть построены заводы, изготовляющие плуги. А прежде чем будут построены эти заводы, должны быть построены заводы, плавящие железо, ибо без железа трактора не сделаешь. А для того, чтобы лить железо, надо увеличить добычу угля, ибо сначала смешивают железную руду и уголь, и тогда только получаются чугун, железо, сталь.

Вот почему индустриализация страны не может противопоставляться сельскому хозяйству.

Индустриализовать страну не значит забросить сельское хозяйство. Это — полное непонимание лозунга. Индустриализация страны означает общий подъем производительности труда как в промышленности, так и в сельском хозяйстве, подъем технического уровня и здесь, и там.

Такова основная линия социалистического развития, которую проводит советское правительство. Конечно, каждый должен задать себе вопрос: а что же дала эта линия?

Каковы результаты нашего стремления поднимать сельское хозяйство так, чтобы при этом поднималась вся основная масса крестьянства? Говорят: результат венчает дело, — позвольте же узнать результат. Я теперь и перейду кратко к результатам, которые эта политика дала.

Не буду утомлять Съезд подробными цифрами. Они имеются в значительном количестве в тезисах Президиума ЦИК Союза по сельскому хозяйству, которые, вероятно, вы все читали. Я только сообщу вам несколько цифр.

Общая валовая продукция сельского хозяйства по довоенным ценам, по расчетам Госплана и Наркомфина Союза ССР, составляла в 1925/26 г. 10 млрд 786 млн руб., а в 1926/27 г. будет составлять 11 млрд 641 млн руб., т. е. за эти 2 года, — от III к IV Съезду Советов Союза ССР, — валовая продукция сельского хозяйства с 67,5 проц. возросла до 83,8 проц. довоенной валовой продукции.

Посевная площадь в 1926 г. равнялась уже 102,5 млн десятин, или 96,1 проц. довоенной посевной площади, тогда как в 1925 г. эта площадь составляла лишь 92,8 проц. довоенной.

Развитие ясное, определенное.

Теперь об ассигнованиях государства на сельское хозяйство. Некоторым кажется, что интересами промышленности интересы сельского хозяйства отодвинуты на последний план. Ассигнования на промышленность кажутся огромными, если вспомнить такие сооружения, как Волховстрой, Шатурская станция, Каширская, Тифлисская и целый ряд других, новые постройки, как Семиреченская ж. д., Днепрострой. Все это измеряется десятками и сотнями миллионов рублей. Наконец, постройка огромных новых заводов, стоимость которых каждого в отдельности измеряется десятками миллионов рублей. И вот отсюда создается впечатление, что сельское хозяйство в загоне в смысле ассигнования средств.

Но указанные выше достижения сельского хозяйства в значительной степени обязаны специальным мероприятиям советской власти в отношении сельского хозяйства.

Достаточно сказать, что вложения в него по государственному и местному бюджетам плюс средства системы сельскохозяйственного кредита и средства различных хозяйственных организаций, финансирующих крестьянское хозяйство под посев определенных культур, составят за время между III и IV Съездами Советов Союза, т. е. за 1925—1927 гг., 1 млрд 100 млн руб., дав увеличение за один год, по подсчетам Госплана Союза ССР, на 50 проц.

Итак, вы видите, что та политика, которую мы вели, которая исходит из стремления обеспечить социалистический характер развития деревни, подъем большинства и ограничение роста

кулацкой верхушки, — она не противоречит систематическому развитию крестьянского хозяйства, общему развитию сельского хозяйства в целом.

Об усилении товарности сельского хозяйства.

Конечно, говоря об успехах, нужно сказать и о недочетах. В чем заключаются главные недочеты в нашем сельском хозяйстве?

Если наше сельское хозяйство близко к довоенному (а я думаю, как бы ни была точна наша статистика, она все-таки, вероятно, не учитывает всего, и я думаю, что сельское хозяйство уже достигло довоенного уровня), то наша товарная часть значительно отстает от этого уровня.

Она достигла 67,7 проц. довоенного ее состояния.

Несомненно, над этим вопросом надо подумать. Для Советского государства в целом, для развития промышленности основное значение имеет именно товарная часть. Почему же в сельском хозяйстве, почти достигшем до довоенного уровня, товарная часть дает только 67,7 проц.?

В первую голову это есть издержки революции. Нет помещичьих имений, уменьшилось кулачество, т. е. сошла на-нет группа весьма крупных производителей товарности. А, с другой стороны, это — накопление физических сил крестьянства, так как крестьяне больше и лучше едят, большее количество своей продукции сами потребляют, меньше выбрасывая на рынок.

И это вполне естественно. Ведь революцию-то делали кто? — рабочая и крестьянская масса, — и делали не за прекрасные глаза самой революции, а за улучшение своего материального положения. В смысле товарности, — да, — нам нехватает целых десятков процентов до довоенного уровня, но в то же время крестьяне стали лучше питаться. В этом вся суть. Это — издержки революции. Можем ли мы возмущаться этим, можем ли мы быть недовольными? По-моему, не можем.

С этим фактом мы считаемся и находим его вполне естественным, ибо ведь было же время в 1918—1919—1920 гг., когда рабочий класс был распылен, деградирован, фабрики не работали. Однако государство считало своей обязанностью поддержать рабочий класс и не могло его не поддержать. Было ясно, что придет время, и старые навыки рабочих, их квалификация понадобятся. И ведь как мало времени прошло с тех пор, и весь квалифици-

рованный рабочий класс использован и теперь стоит на производстве и из года в год увеличивает интенсивность своей работы.

Но ведь и крестьянство наше в массе своей участвовало в гражданской войне, оно перенесло также огромные муки голода. Ведь сотни тысяч крестьян буквально умерли физической смертью, и смешно было бы после урожая не воспользоваться им и не восстановить свои физические силы. И поэтому сейчас, когда у нас наблюдается известная недохватка товарности, когда потребление деревней сельскохозяйственных продуктов стало бо́льшим, чем раньше, то это является вполне объяснимым, и тот убыток, который мы терпим на товарности, он будет покрыт увеличением физических сил крестьян.

Пройдут 2-3 года, крестьянин подкормится, и окрепнувшая физическая сила его и его моральное состояние несомненно скажутся и на увеличении производительности крестьянского хозяйства. К увеличению товарности будет толкать сама жизнь: сейчас крестьянин удовлетворяет первую потребность, ест лучший хлеб, ест чаще кусок мяса, но за этими потребностями растут и культурные потребности.

Вот что пишут об этом наши враги, например, меньшевистский журнал «Социалистический вестник», который стремится каждый наш промах раздуть до невероятных пределов, а каждый успех до таких же размеров умалить:

«Крестьяне стали более требовательными покупателями; нынешний покупатель — более состоятельный, самые насущные требования которого уже удовлетворены», «крестьянин во многих местах не хочет чугуна, подай ему эмальированную посуду»; «наличный ассортимент товаров не удовлетворяет покупателя, и низкое качество изделий является моментом, тормозящим сбыт».

Что же все это доказывает? Ведь, когда тормозится сбыт изделий, это может быть бедствием для того или другого хозяйственного органа, но это — плюс для советской власти в целом. Это значит, что первоначальные нужды мы уже удовлетворили, что мы их перерастаем и идем вперед.

В этом же «Социалистическом вестнике» приводится новая маленькая частушка, которая выражает потребности крестьянства лучше, чем все статьи:

Надоели лапти ножкам:
Из лаптей торчит солома,
Ножки тянутся к сапожкам
Из шевра али из хрома.

Но ведь тяга к хромовым сапожкам заставляет крестьянина подпимать культуру, подпимать сельское хозяйство, повышать его товарность, рассчитывать при этом не исключительно на свои личные усилия и свой замкнутый двор, а на ту помощь и тот размах, которые способна дать лишь сельскохозяйственная кооперация в деле улучшения производства, машинизации его и т. д. Именно хромовые сапожки требуют, чтобы крестьяне больше выбрасывали на рынок с.-х. товара. Все это говорит за то, что рост товарности не за горами: увеличение потребностей крестьянина повелительно будет толкать его к товаризации своего производства.

А рост с.-х. товарности становится сейчас одной из самых актуальных задач всего нашего строительства. Для индустриализации страны необходимы все более значительные излишки сельскохозяйственного производства, все больший рост товарности его и в соответствии с этим повышение спроса на промышленные изделия.

Совхозы.

Под сельское хозяйство должна быть подведена новая техническая база: развитие интенсификации сельского хозяйства и его укрупнение как по пути строительства коллективов и все более широкого производственного кооперирования крестьянских дворов, так и по линии крупного рационализированного хозяйства совхозов.

Если говорить о крупных, мощных с.-х. предприятиях, то таковыми в первую голову должны явиться совхозы. Среди крестьянства было в значительной степени распространено предубеждение против совхозов. Но это предубеждение было направлено не против советских хозяйств как таковых, а против недочетов в них.

Против идеи совхозов деловое крестьянство не только не возражает, но видит в них действительно настоящих проводников агрикультурных знаний, руководителей и организаторов с.-х. производства. Бесхозяйственность совхозов, неумение их вести дело, отставание в ряде случаев по результатам даже от обычного крестьянского хозяйства восстанавливали против них крестьян, — и вполне справедливо. Крестьянство, в сущности, было настроено не против совхозов, а против лжесовхозов.

ЦИК и СНК Союза ССР недавно издали новое положение о советских хозяйствах. В этом положении на совхозы возлагается

задача организаторов культурного сельского хозяйства, носителей крупного машинизированного с.-х. производства.

Теперь, когда прошло 10 лет, на протяжении которых значительное количество совхозов первоначально разорилось и когда по этому поводу иногда говорят о том, что руководители совхозов проели совхозы, то я считаю, что это — глубокая неправда.

Если бы совхозы получали такую же материальную поддержку на первых порах, как наши фабрики и заводы, то я уверен, что только очень маленький процент совхозов был бы ликвидирован.

Но, как бы то ни было, значительное количество совхозов ликвидировано, а оставшаяся часть совхозов теперь уже окрепла, и, несомненно, эта оставшаяся часть совхозов должна играть культурную роль среди крестьянских масс.

Совхозы нужны и как рассадники улучшенных семян и племенного скотоводства и как центры, где должны находиться сложные машины и предприятия по обработке с.-х. продукции и т. д. Если можно так выразиться, вероятнее всего в будущем каждый государственный совхоз станет той электростанцией, которая будет оплодотворять все окружающее крестьянство, поскольку оно еще будет распыленным, не будет кооперировано в более крупные производственные единицы.

Поэтому я говорю: государственные совхозы надо беречь, их надо развивать, давать известные средства для их развития. Надо сказать, что наши партийные организации на местах не всегда понимают все огромнейшее преобразующее значение, которое имеют совхозы. На завод или фабрику посылают лучшего коммуниста, а в совхоз они не считают своею обязанностью посылать лучшего коммуниста, а между тем совхоз имеет не меньшее значение, чем фабрика, и в совхозах должны работать также лучшие коммунисты и лучшие непартийные работники. Совхоз в будущем, это — база, это — опора, это — то место, куда крестьянин будет тянуться за всякой справкой, за технической поддержкой, за советом для накопления знаний в целях лучшего ведения своего хозяйства.

Колхозы.

Параллельно с совхозами мы дожны поощрять и помогать развитию коллективных хозяйств. У меня о колхозах была издана целая брошюрка. Когда я ее писал, то имел перед собою огромное количество бытового материала, присланного мне о колхозах. Надо прямо сказать, что если так часто колхозы лопа-

лись, то не на базе своего производства, а большей частью, пожалуй, 90 процентов колхозов разорялись на почве внутреннего неустройства, на почве коммунального сожительства.

Тогда же я писал, что коммунальную обработку земли, мне кажется, надо резко отделить от совместного сожительства. Председатель колхоза, предположим, ни в коем случае не может совмещать в себе и руководителя того жилища, где все живут.

Там, где все живут одной семьей, несомненно, скандалы идут не на полосе, не в поле, а в доме, около печки, около обеденного стола. Поэтому мне и казалось, что кооперирование населения должно касаться главным образом производственной стороны, и эту производственную сторону резко отделить от быта, от общежития крестьян.

Ведь, в самом деле, если бы мы, предположим, передали фабрику или завод в руки рабочих (а сейчас есть кооперативные заводы в 50—60 чел.) и поместили бы всех в одну квартиру, и от директора завода зависел бы и внутренний быт, внутренняя обстановка, он вмешивался бы во внутреннюю жизнь рабочих, то мог ли бы такой завод долго просуществовать?

Он лопнул бы на почве взаимных неурядиц.

Поэтому мне и кажется, что коллективное развитие в области производства, оно должно итти вперед, но именно в области производства, а не в области так называемой коммунизации быта и жизни. Жизнь, семья, должна быть отделена от производства, ее коммунизация должна итти по иному руслу.

О колхозах недавно был издан новый закон. Этот закон делает значительный шаг вперед в области колхозного строительства: колхозы вводятся в общую систему сельскохозяйственной кооперации; им предоставлен целый ряд налоговых льгот, на них возлагается выполнение агрикультурных мероприятий соответствующих районов; Сельскохозяйственному банку предложено выделить фонд для долгосрочного кредитования коллективов — не менее 2 млн. руб. и т. п.

И в этом законе, как и в законе о совхозах, ЦИК и СНК Союза ССР указывают на необходимость решительной борьбы с так называемыми лжеколхозами, борьбу с образованием коллективных хозяйств в личных целях, в целях получения лучших участков земли. Неизбежный распад таких лжеколхозов только подрывает самую идею коллективизации.

Советская общественность и крестьянство должны в деле колхозного строительства помочь органам власти. На развитие

коллективных форм сельского хозяйства должно быть обращено особое внимание настоящего Съезда. Само собой разумеется, что никакого принуждения со стороны органов власти в этом не должно быть. Лишь добровольное объединение крестьян даст положительные результаты в деле коллективного строительства.

О сбыте и снижении цен.

Я особо выделил вопрос о сбыте и снижении цен. Этот вопрос должен был бы стоять в начале моего доклада, но я его выделил особо благодаря его исключительной важности.

Имеющиеся у нас недостатки в области сбыта отражаются по самым разнообразным линиям. Посмотрите сейчас, каков стол рабочих; у нас рабочие нуждаются в целом ряде продуктов. Стол нашего рабочего, да и не только рабочего, а и большинства граждан Союза, в высшей степени скуден и однообразен и особенно скуден овощами. Мы почти не едим овощей, а, между прочим, во всей Западной Европе, да и, пожалуй, во всем мире, это считается самым дешевым продуктом, а у нас это является предметом роскоши.

Рабочие, несомненно, не имеют в достаточном количестве ни огурцов, ни салата, не говоря уже о благородных овощах, как спаржа и проч. А между тем мы поедаем относительно огромное количество хлеба, мяса, масла в самом худшем для здоровья сочетании. И, конечно, это в значительной степени зависит от сбыта, от того, как наладить сбыт.

В настоящий момент наблюдаются попытки рабочих самим как-нибудь восполнить указанный недостаток. Я был недавно в Нижнем Новгороде, и тов. Муралов говорил, что рабочие ставят перед собой задачу обзавестись огородами, так как не хватает овощей. Тов. Балахин из Иваново-Вознесенска говорит, что и там практически эту задачу поставили и организуют около Иваново-Вознесенска огороды, для которых выписывают специалистов.

Все это делается под давлением рабочих, так как недостаток овощей очень сильно сказывается. А ведь этот недостаток главным образом зависит от сбыта и перерабатывающих фабрик. Мы не имеем не только свежих овощей, но у нас страшно дороги сухие овощи и консервы. Казалось, это должен быть самый дешевый продукт, а у нас он является роскошью, которую едят только под Новый год и по-старому на Пасху. Из всего этого вы видите, что на органах, сбывающих сельскохозяйственные продукты, лежит

гораздо более трудная задача, чем на органах, сбывающих промышленные продукты.

Возьмем мануфактурные магазины, железные лавки и т д.; все их товары меньше поддаются климатическому влиянию, долго не портятся. Сельскохозяйственные же продукты быстро портятся. Это — во-первых; во-вторых, сельскохозяйственный продукт громоздкий, его тяжело везти. Наконец, сельскохозяйственный продукт требует очень внимательного отношения к себе от сбывающих органов. Чуть-чуть руководитель магазина или склада прозевал, и целые партии товара погибли. Вы видите, что сбытовая часть в отношении сельскохозяйственных продуктов, — это очень ответственная задача; здесь как для потребительской, так и производственной сельскохозяйственной кооперации работы — непочатый угол.

Нами поставлен одним из центральных вопросов — вопрос о снижении цен. Советское правительство поставило себе задачей до июня сего года уменьшить цены промышленных товаров на 10 проц. Я не буду доказывать вам необходимость этого снижения, она сама собой очевидна. Но в наших тезисах еще на написано, что необходимо во что бы то ни стало удержать стабильность хлебных цен, вообще цен на сельскохозяйственные товары. Могут сказать: не проще ли просто увеличить цены на сельскохозяйственные товары и тем самым ослабить ножницы между промышленными и сельскохозяйственными ценами? Это — большой принципиальный вопрос, и нельзя мимо него пройти. В том-то и дело, что если бы мы стали на путь повышения цен на сельскохозяйственные товары, то тотчас же возросла бы стоимость прожиточного минимума рабочего, и рабочие потребовали бы соответственного увеличения зарплаты.

Цены на сельскохозяйственные продукты являются составной частью цен на другие товары, и при повышении сельскохозяйственных цен правительство не могло бы сохранить прежние цены и на остальные товары. Они также поднялись бы, и в результате получилось бы только снижение стоимости червонца. Нашей задачей сейчас является стабилизировать, держать на твердом уровне основной ценообразующий фактор — хлеб, и на основании этого итти к постепенному снижению цен на все остальные товары.

Это, конечно, одна из труднейших задач, но не более трудная, чем ряд задач, которые мы уже решили. Мне кажется, что вовсе не обязательно для нас снижать огульно и поголовно все цены

сразу. Прежде всего оно должно коснуться главных предметов массового потребления.

Снижение цен повлечет увеличение производительности труда в сельском хозяйстве, ибо это даст возможность крестьянам купить большее количество и предметов потребления, и орудий производства. Но, товарищи, не всякое понижение и не всякого товара влечет к увеличению производительности труда: например, на водку, вероятно, не будем понижать цен. Если бы, предположим, на водку понизили цены, то вряд ли кто-нибудь сказал, что от этого у нас повысится производительность труда. Нам нет основания во что бы то ни стало, сейчас же понижать цены и на наиболее тонкие и дорогие сукна (я привожу это к примеру),— это еще пока предмет роскоши, а на предметах роскоши наше государство может гораздо больше получать прибыли, чем на остальных предметах. Для нас важны 20-30 предметов крестьянского и рабочего обихода, и я думаю, что советское правительство при поддержке рабочего класса и крестьянства с этой задачей справится. Я не сомневаюсь, что мы эту задачу разрешим, но, разумеется, не сразу. Если за нынешний год уменьшим цены еще на 5 проц. сверх того 5-процентного снижения, которое уже проводится сейчас, то это значит, что у нас вырастет благосостояние населения приблизительно на 5 проц. Если считать, что человек 50 проц. расходует на продукты питания, а 50 проц. — на товары промышленности, то указанное снижение на 5 проц. означает, что рабочие в этом году получат реальную прибавку к зарплате на 5 проц., а крестьянство получит ту же прибавку в виде добавочной покупки товара на 5 проц.

Основной вывод.

Товарищи, я сейчас кончаю согласно регламенту, и поэтому разрешите мне подвести итоги. Я вначале в своем докладе наметил общеполитическую линию, которую мы проводим в области сельского хозяйства, ту разницу, которая отличает развитие сельского хозяйства у нас и в капиталистических странах; затем я коснулся целого ряда частных вопросов, касающихся районирования, роли кооперации, совхозного и колхозного строительства и т. д.

Товарищи, вся наша деятельность на всех частных секторах работы, по всем видам сельского хозяйства, вся пронизана одной определенной идеей. Это, во-первых, увеличить производитель-

ность труда в каждом данном секторе, во-вторых, обеспечить при этом подъем всей массы трудящихся и, в-третьих, вводить развитие хозяйства в русло социализма, в общую плановость социалистического строительства.

Товарищи, можно смело сказать, что темп развития сельского хозяйства у нас не меньше, чем в Западной Европе, ибо надо же принять во внимание голод, который у нас был, надо принять во внимание гражданскую войну. Если все это учтем, то увидим, что расстояние, на которое ушли в сельском хозяйстве государства в Западной Европы, участвовавшие в войне, не больше, чем расстояние, на которое ушли мы.

Советская власть своей политикой не затормозила развития сельского хозяйства, хотя с точки зрения буржуазного руководителя кажется, что советская власть все делает для того, чтобы тормозить развитие сельского хозяйства, прижимает для этого крестьянскую верхушку, облагает ее больше, чем рядового крестьянина, тормозит накопление кулака, т. е. крупного потребителя товаров. Что бы ни говорили и сколько бы ни обвиняли в этом смысле Советское государство, это не может опровергнуть того факта, что сельское хозяйство растет.

Почему это? Да потому, что советское правительство опирается на рабочих и крестьян, потому что в советском строительстве участвует не верхушка только, а самые широкие рабоче-крестьянские массы, поддержкой и сознательностью которых создаются условия для претворения в жизнь мероприятий советского правительства.

В заключение, товарищи, мне хочется вам напомнить следующее. Ведь вся наша политика направлена на то, чтобы деревню приблизить к городу. Этим проникнуты все без исключения мероприятия советского правительства по сельскому хозяйству.

Эти мероприятия, — являются ли они для нас, для граждан Советской республики, для коммунистов, случайно наметившимися в ходе практической жизни, или эти мероприятия вытекают из той программы, на которую опирается и которую проводит в жизнь коммунистическая партия?

Товарищи, я вам прочту один из пунктов программы коммунистической партии. Вот что там говорится: «В виду того, что противоположность между городом и деревней является одной из самых глубоких основ хозяйственной и культурной отсталости деревни, Российская коммунистическая партия видит в уничто-

жении этой противоположности одну из коренных задач коммунистического строительства».

Товарищи, эта программа писалась еще при Владимире Ильиче, и мы своей работой по сельскому хозяйству часть за частью, кирпич за кирпичом практически проводим в жизнь программу Российской коммунистической партии. *(Бурные аплодисменты.)* Материальным выражением постепенного претворения в жизнь вот этого оглашенного мною пункта программы является появление на крестьянских полях уже до трех десятков тысяч тракторов и сотен тысяч электрических лампочек. Это уже частица города; конечно, маленькая частица, но, товарищи, она не стоит на месте, а постепенно растет.

Все будущее именно за ней; именно она идет вперед и преобразует деревню с каждым годом все более заметно. А коль скоро она растет, значит, и деревня с каждым годом будет приближаться к городу, т. е. деревня будет пользоваться всеми благами культуры, которыми пользуется город.

Это и является программой коммунистической партии, это и является задачей пролетариата. И когда пролетариат выполнит эту задачу, то тогда действительно будет полностью закреплена победа диктатуры пролетариата, победа социализма над капитализмом. А коль скоро это так, то пролетариат Союза, конечно, употребит все усилия не только на то, чтобы построить себе дома, но и на то, чтобы преобразовать крестьянскую жизнь из дикой, из заброшенной в глухие уголки, из жизни, в которой абсолютно отсутствуют элементы одухотворенности, в одухотворенную общественную жизнь. *(Долго несмолкающие аплодисменты всего зала. Все делегаты встают и устраивают тов. Калинину овацию.)*

Заключительное слово.

Товарищи, в своем докладе я не касался вопросов о сельхозналоге и кредите. По последнему вопросу ко мне поступил целый ряд записок.

О сельскохозяйственном кредите.

Несомненно, в условиях нашей хозяйственной жизни кредит с каждым годом приобретает все большее и большее значение. Условия кредита, т. е. вопросы о долгосрочности кредита, процентах и т. п., имеют для крестьянства огромное значение. Раздаются совершенно справедливые жалобы на то, что кредит

слишком краткосрочен, не соответствует экономическому состоянию крестьянского хозяйства, и что поэтому нужно его сделать более долгосрочным. Повторяю, жалобы эти вполне естественны и, конечно, справедливы.

Идя этому навстречу, правительство постепенно удлиняет сроки кредитования, и средства на сельскохозяйственный кредит из года в год увеличиваются.

Задолженность по с.-х. кредиту на 1 октября 1924 г. равнялась 65,8 млн руб. Отсюда вы видите, что только очень незначительная прослойка крестьянства могла воспользоваться этим кредитом, и в то же время процент был слишком дорогой: аппарат управления, конечно, был еще плох, организация была слишком новая, старая кредитная организация была совершенно разбита.

На то же число 1925 г. задолженность по кредиту равнялась уже 218,3 млн. руб., т. е. задолженность возросла более, чем в три раза. На то же число 1926 г. сумма задолженности по кредиту возросла до 409,3 млн руб.

Таким образом, из приведенной мною справки вы видите, что из года в год выдачи ссуд под кредит увеличиваются. Параллельно с этим удлиняются и сроки, но, разумеется, не настолько, чтобы удовлетворить крестьян. Установленный у нас самый длинный срок измеряется 2 — 3 годами, в то время как долгосрочность кредитов должна была бы измеряться, по крайней мере, 5 — 6 и даже 10 годами. Поэтому те улучшения, которые постепенно вводятся по кредитам, очень медленны по своему темпу, а сравнительно с запросами и нуждами крестьянства очень малы.

Какой процент берется по с.-х. кредиту? До 1926 г. по долгосрочным ссудам он достигал 8, по краткосрочным — 12. Как видите, это очень большой процент. С 1926 г. правительство постановило взимать по долгосрочным ссудам 6 проц., а по краткосрочным 10 проц. — тоже не маленький процент.

Этот, несомненно, тяжелый для сельского хозяйства процент вызывается следующими обстоятельствами. Я запросил справку, сколько процентов платит сберегательная касса. Вы знаете, что процент по сберегательным кассам самый низкий во всем мире, потому что в эти кассы сегодня вкладывают, а завтра вынимают. Физические лица, которые вкладывают деньги и могут ежедневно вынуть их, получают 8 проц.; юридические же лица, т. е. учреждения, по своим вкладам получают 6 проц.; а по срочным вкладам для всех вкладчиков установлены 9 проц. Вот эта

именно дороговизна процента, который правительство уплачивает населению, разумеется, ведет к дороговизне и всех остальных кредитов не только по сельскому хозяйству, но и по промышленности. Несомненно, дороговизна кредита ложится в значительной степени и на стоимость наших фабричных изделий и, разумеется, тормозит размах развития самого сельского хозяйства.

Все это вызывается основной причиной — сравнительной бедностью нашей страны и распыленностью средств. Для чего советское правительство платит такой процент вкладчикам сберегательных касс? Для того, чтобы собрать больше распыленных средств: если правительство хочет вкладывать миллионы рублей в новые предприятия, в сельское хозяйство, в кредит, то оно может эти средства взять только из двух источников.

Этими источниками служат или обложение населения, или собирание его сбережений. В первом случае население облагается прямыми и косвенными налогами, и государство в бюджетном порядке уже начинает финансировать тот или другой орган, или через кредитную систему. Во втором случае государство собирает у населения частями сбережения под известные проценты. Конечно, собирание распыленных средств в компактную денежную массу дает возможность государству проделать огромную работу, как чисто хозяйственную, так и большую финансовую, в виде системы мероприятий по кредитованию, в том числе и отдельных крестьянских хозяйств.

Из сказанного мною вы видите, что есть причины существующих форм и условий кредитования, которые будут изживаться, но постепенно, медленно, из года в год, и тогда только будут внесены коренные улучшения в дело кредитования.

Дальше идет жалоба крестьянина, который возмущен тем, что, получая кредит, он вынужден брать пай, т. е. входить в кооператив. С моей точки зрения, это возмущение совершенно неосновательное. В чем здесь дело? Надо понять, что кредитование идет через так называемый кооперативный кредит. Для того, чтобы крестьянин мог получить кредит, он должен быть членом соответствующего кооперативного товарищества, т. е. организации, внушающей известное доверие. Денежные средства этого кооперативного товарищества составляются из членских взносов самих членов товарищества; кредиты, которые получает этот кооператив, соответствуют тому доверию, которое он имеет; если кооператив пользуется большим доверием, он получает и больший кредит.

Мало того, непосредственно членами кооператива собрана сравнительно небольшая сумма, которая измеряется до сих пор, по сравнению с довоенным временем, менее 10 проц., в то время как вложения правительства в это дело далеко превысили довоенные. Внутри самого крестьянства еще слишком мала инициатива, и это очень естественно: ведь прежде кредитно-кооперативная система являлась по существу финансовой организацией верхушечной части деревни. В настоящий момент верхушечная часть деревни никакой заметной роли не играет, ибо первый удар крестьянства пришелся по кулацкой части деревни; верхушечный слой крестьянства, который опутывал нижнюю часть крестьянства, разбит; наше правительство стремится к тому, чтобы в кредитной кооперации играли роль середняцкие и бедняцкие слои крестьянства, т. е. те слои, которые прежде играли самую незначительную роль в кооперации. Вот эти-то причины и задерживают рост собственных средств в кооперации, а, кроме того, и нужного опыта нет, а опытный в кредитной кооперации кулацкий слой не приемлет советскую власть, да его и не пускают в органы управления кооперации.

Те ассигнования, которые правительство произвело по кредиту, показывают, что к вопросу о кредите правительство относится очень серьезно. Кредит в дальнейшем будет одним из важнейших регуляторов сельскохозяйственного производства. Когда государство вложит в кредитную систему значительные средства, оно будет иметь возможность влиять кредитной системой в таком направлении, которое соответствует политике Советского государства, т. е. улучшение кредитования бедноты, кредитование в определенных местностях тех культур, которые в данный момент особенно ценны, и т. п.; тогда советские органы смогут регулировать, направлять в соответствующее русло хозяйственную политику, не прибегая к административным мерам,— это именно и будет экономическим регулированием, это будет внедрением отдельных хозяйств в соответствующее общим целям народного хозяйства русло. Поэтому кредитная система представляет собой один из могучих рычагов по рационализации, по введению плановости в сельское хозяйство.

Несмотря на те препятствия, которые встречаются на пути нашей кредитной системы, число кооперативов и членов кооперативов из года в год растет. Приведу цифры: в 1924 году на 1 октября было 6 774 первичных кооперативов, в 1925 г. на то же число — 8 556 кооперативов, в 1926 г. на то же число — 9 114 кооперативов.

Так же растет и количество членов: вместо 1 544 тысяч на 1 октября 1924 г. к 1 октября 1926 г. — 4 322 тысячи человек, т. е. больше, чем в три раза.

Я не буду вас утомлять цифрами, но скажу, что сумма средств, падающих на кооперативы, из года в год увеличивается, а в соответствии с этим должна уменьшаться и расходная часть на каждый рубль оборотов в этом кооперативе.

Одним словом, принимая во внимание всю критику, которая была на Съезде по отношению к кредитной системе, принимая во внимание все те отрицательные стороны, которые каждый крестьянин может рассказать про свой низовой кооператив, принимая во внимание, что все это правильно, — все-таки надо рассматривать этот вопрос в процессе достижения, в процессе развития, а развитие по кредиту идет, пожалуй, быстрее, чем по любой из других отраслей нашего хозяйства. И именно это-то и внушает нам оптимизм и уверенность, что с этой отраслью деятельности мы справимся.

О сельскохозяйственном налоге.

Я хотел остановиться в двух словах на сельхозналоге, о котором в докладе я ничего не сказал. У меня имеется целый ряд записок, в которых говорится о тяжести обложения скота и о необходимости облегчений в этом отношении. В нынешнем году ставки сельхозналога остаются старыми, но в него вносятся некоторые облегчения: не облагаются лошади до 4 лет (раньше они облагались, начиная с 3 лет), не облагается молодой скот до 3 лет (раньше он облагался, начиная с 2 лет). С виду это, пожалуй, и не так заметно, но на самом деле это значительные льготы по сельхозналогу.

Очень большие нарекания имеются на обложение скота: об этом говорится и в частных беседах, и в газетах, и в письмах, поступающих ко мне; многие крестьяне говорят, что лучше было бы ввести прямое обложение только по пашне. Конечно, с хозяйственной точки зрения я допускаю, что обложение скота и вообще прогрессивное обложение берет больше с прогрессивного хозяйства. Но в нашем сельском хозяйстве в настоящий момент из всех объектов обложения крестьянского хозяйства, конечно, самым важным объектом является скот.

Два хозяина имеют, предположим, по четыре десятины земли, но если у одного из них три коровы, а у другого одна корова, то разница выражается не только в числе коров, — разница выра-

жается в том, что десятина того хозяина, который имеет три коровы, родит на 10 пудов больше, чем земля того, который имеет одну корову. Как же вы хотите после этого, чтобы обложение было одинаковое? Поэтому все крики о том, что лучше перейти к обложению только по земле, это — необоснованные крики, это — крики более состоятельных хозяев.

По существу, если крестьянин имеет мало скота и много земли, то меньшее обложение действует более разрушительно на его хозяйство, чем на многоскотного хозяина.

Я, разумеется, говорю о хозяйстве полеводческом, а не о скотоводческом. Там, где есть скотоводческое хозяйство, там и другая степень обложения. Несмотря на то, что я сам считал справедливым обложение скота, я был за уменьшение налога на скот в целях развития скотоводства.

Наконец, внесены еще некоторые смягчения в сельскохозяйственный налог. Практика показала, что по с.-х. налогу много обкладывают малосемейных. Предположим хозяйство с тремя членами, с доходом в 200 руб., — при обложении их приходится исходить из дохода на каждого человека. Но ведь мы с вами знаем, что в крестьянском хозяйстве расходы иногда вызываются не только количеством членов семьи, — иногда и сам дом требует соответствующих расходов: хомуты, скамьи, домашнее оборудование и т. д. Истекший год показал, что маленькие семьи слишком сильно обложены. Поэтому нужно было внести некоторое облегчение, и эти облегчения внесены.

Принимая во внимание, что продукция сельского хозяйства увеличится по сравнению с прошлым годом, надо думать, что в этом году по с.-х. налогу будет чувствоваться значительное облегчение.

Вопросы земельной практики.

Товарищи, которые выступали здесь, в сущности говоря, солидаризировались с моим докладом и лишь в той или иной степени развивали или дополняли доклад.

Хочу сделать поправку к речи тов. Шлихтера — наркомзема УССР, который жаловался, что Украина переселила меньшее количество, чем остальные республики. Я запросил соответствующую справку, которая утверждение тов. Шлихтера опровергает. Я не буду читать этой справки, укажу лишь, что выселено больше всего из Белоруссии, и это вполне понятно: белорусские районы, наиболее перенаселенные, являются районами погранич-

ными, где крестьянство, помимо обыкновенных крестьянских невзгод, терпит еще невзгоды от пограничности, откуда к нам бегут ежегодно десятки тысяч людей, что, несомненно, отягчает крестьян.

В связи с вопросом о переселении и с вопросом, который поднял тов. Файзула-Ходжаев, о необходимости в союзном масштабе провести мероприятия по животноводству уже намечается до известной степени координирование земельной политики во всесоюзном масштабе.

Как известно, каждая республика имеет свой самостоятельный народный комиссариат земледелия, который свою работу увязывает с работой других наркоматов только через совещания и взаимную информацию. Первой увязкой земельных органов в союзном масштабе будет, вероятнее всего, рассмотрение на ближайшей сессии ЦИКа основ Земельного кодекса, которые положат первый кирпич и дадут основную политическую линию, закрепленную в юридических формах по советской линии, для руководства народными комиссариатами земледелия союзных республик.

Тов. Файзула-Ходжаев поднимает вопрос о необходимости в союзном масштабе организовать орган по улучшению животноводства, а тов. Агамалы-Оглы, председатель Азербайджанского ЦИКа, указал на необходимость организационных хозяйств тоже, вероятнее всего, в союзном масштабе, потому что селекционное хозяйство имеет свою природу: селекционные семена везде вырастить нельзя. Что можно вырастить в Азербайджане, того нельзя вырастить в Архангельской губернии, а что можно вырастить в Архангельской губернии—морошку, клюкву,—нельзя вырастить в Азербайджане.

Несомненно, есть целый ряд и других хозяйственных нужд, которые вызывают необходимость большей увязки, большей связи между народными комиссариатами земледелия.

О семенной ссуде.

У меня было получено несколько записок по вопросу о семенных ссудах. Правительством недавно издано распоряжение, которым совершенно снято с населения 16 млн пудов семенной ссуды. Следовательно, более или менее бедное население совершенно освобождено от уплаты за ссуды за прошлые годы.

Кроме того, 7 987 тыс. пудов передано в распоряжение местных исполкомов. Если они будут иметь возможность собрать это количество, то, возможно, они организуют свои местные фонды.

Конечно, сбережение, хранение этих фондов стоит значительных средств и до известной степени рисует нашу некультурность: иначе не было бы оснований в натуральной форме сохранять предохранительные семенные фонды, не было бы оснований их беречь.

В Европе голодовки совершенно вышли из обихода; по крайней мере, прошло не менее ста лет, как в Европе не было голодовок. Изучая историю Европы, вы увидите, что она также через определенные промежутки времени в прошлом имела голодовки, и люди сотнями тысяч, миллионами умирали с голода. Старая царская Россия нам оставила в наследие голодовки, т. е. некультурность. Чтобы избавиться от голодовок, мы должны проделать колоссальнейшую предварительную работу. У нас есть целые миллионы десятин культурной земли, которая засыпана в период двух поколений, в период от 50 до 60 лет. Возьмите историю засыпания сыпучими песками целых городов. Чтобы не было голодовок, мы должны в первую очередь засадить лесом те районы, где происходят засышки, откуда идет знойный, сухой ветер, который доносится к таким районам, как Орловская и Тульская губернии.

Если перевести это на денежные средства, потребуется умопомрачительная сумма. Мы к этому уже приступили, но прежде, чем закончим, как говорят, — роса глаза выест. Поэтому необходимо иметь семенные фонды. Правительство передало в семенные фонды 7 млн с лишком пудов, и будет очень плохо, если эти 7 млн пудов будут распылены. Я думаю, что, помимо республиканского фонда, в тех губерниях, в которых неурожаи являются более или менее частым фактом, очень важно иметь запас. Достаточно вам напомнить, что в прежней Самарской губернии, в ее заволжской части, бывшие помещики, большей частью из разночинцев или из крестьян, хранили хлеб в запасе на 3 — 4 посева для неурожайных годов.

Когда у них был неурожайный год, они снова свободно сеяли; слабый урожай — снова сеяли старыми запасами, и один хороший урожай у них покрывал все. Пока мы еще не побороли те климатические условия, которые имеем, пока не побороли нашу бедность, нашу некультурность, слабую машинизацию нашего хозяйства и эти пустынные пространства, буквально открытые для среднеазиатских горячих ветров, до тех пор нам придется очень чутко относиться к семенным фондам.

Не «обеднячивание» середняков, а подъем бедняка.

Здесь тов. Вакуленко просит ответить: какие меры думает правительство принимать против, так сказать, искусственного обеднячивания. Товарищи, это неправильно. Никакого искусственного обеднячивания правительство не производит.

Те органы власти или тот представитель власти, который проводит линию на обеднячивание населения, извращают политику советской власти. Советская власть стремится поднять бедняка до середняка, — поднять, а вовсе не разорять середняка до бедняка. Советская власть только борется против возрастающих крупных кулацких слоев, которые, выросши на почве эксплоатации окружающего крестьянства, потом закабаляют это крестьянство в своих интересах, закабаляют не только материально, но и политически.

Вот с чем борется советская власть, но думать, что советская власть искусственно обеднячивает крестьянство, это совершенно неправильное, извращенное понимание. И те местные представители власти, которые проводят эту линию, извращают нашу политику.

Совершенно разные вещи — обеднячивать или поднимать бедняка до середняка. Обеднячивать просто: мы в 1918-19 г. все были обеднячены, но к этому не стремилась советская власть: мы к этому были вынуждены объективными, не зависящими от нас условиями. В настоящий момент задача советской власти — поднимать материальное благосостояние подавляющего большинства крестьянства, всех его низовых частей, поднимая их благосостояние, повышая зарплату самого обездоленного человека, — того, который в своем распоряжении имеет только собственную физическую силу. Нет более бедного человека, чем человек, живущий только продажей своей физической силы, — больше у него ничего нет, все покупное. Он называется пролетарием. Постепенно увеличиваем зарплату, уменьшая рабочее время до необходимого минимума, который возможен по современным техническим условиям.

Советская власть спокойно может существовать только тогда, когда вырастет культура рабочего класса и поднимется благосостояние крестьянства. Если положение рабочего класса из года в год будет ухудшаться, если крестьянство будет все беднеть, а кулачество расти, если все имущественное состояние деревни будет из года в год перемещаться от крестьянской массы к вер-

хушке, то советская власть будет свергнута, и никакие силы, никакие органы и никакие ответственные товарищи, которые будут до конца бороться и класть свои головы за советскую власть, все-таки ее не удержат. Советская власть будет крепка только тогда, когда крестьянские низы, беднота и середняки, почувствуют, что советская власть принесла им и рабочему классу облегчение. А когда они это осознают, тогда в мире не будет силы, которая нас победит. Как только крестьянин и рабочий внутренно поймут, что их благосостояние целиком связано с советской формой власти и что всякая другая власть, которая придет, не увеличит их благосостояния, а уменьшит, то в мире не будет силы, которая победит Советский союз. Пусть обрушится вся техника, все сонмище капиталистических государств, — они не будут в силах справиться с массами: нельзя победить тот народ, который глубоко осознал свои интересы.

Вот почему не только экономически, но и политически глубоко важен подъем крестьянских масс, а параллельно — культурный рост рабочего класса. Повышение благосостояния и культура — это есть самое сильное укрепление Советского государства.

Вот разница между нашим государством и капиталистическим: в то время как капиталистические государства боятся просвещения народа, одурманивают его бесконечным количеством средств, начиная с религии и кончая кино, Советское государство бросает все на просвещение народа и, главным образом, в области политики, не боясь, что просвещение послужит фактором ослабления Советского государства. Десять лет назад всякий русский интеллигент считал идеалом, если наше государство дойдет до так называемых английских свобод, а теперь русская революция соскоблила этот поверхностный либерализм, а когда соскоблила, то под ним, под этим либеральненьким флером, оказался черный, ничем не прикрытый реакционный элемент, и теперь Англия, которая десять лет назад казалась страной свобод, оказалась страной мракобесия, страной борьбы с каждым свободным проявлением рабочих общественных организаций.

Страховка — не налог.

Наконец, товарищи, отвечу на последний вопрос, на бытовой вопрос. Один крестьянин говорит, что лучше, если бы «страховку причисляли к налогам».

Это неправильно. Налог — есть налог. Это есть обязанность возлагаемая государством на каждого гражданина. Налог — это

исполнение государственной обязанности в интересах государства, так как государство имеет необходимые расходы, начиная от армии вплоть до расходов на настоящий Всесоюзный съезд, а страхование, это — чисто личное обеспечение благ страхующегося человека. Принудительное страхование как бы подразумевает, что не все люди одинаково благоразумны, что есть некоторые люди, которые за повседневными нуждами забывают застраховать свое имущество, или у них не хватает средств для этого, поэтому их нужно страховать принудительно, хотя бы в минимальном размере, что влечет очень незначительные расходы. Нет никакого основания смешивать страхование с налогом. Многие крестьяне очень склонны причислять страховку к налогам. Это — грубейшая ошибка.

Я не думаю, чтобы они не понимали этого: они умеют считать, умеют и понимать. Пусть, кто хочет, считает крестьянина незнающим и непонимающим, а я считаю, что у него чорт ум не съел, он все великолепно понимает *(аплодисменты)*, а когда он это говорит, то это как бы его маленькая оппозиция *(смех)*. Расход на страхование является расходом в интересах самих страхующихся. Недаром многие застраховывают себя сверх окладного страхования еще дополнительно в добровольном порядке.

Товарищи, я имею очень много записок, но вы сами понимаете, что ответить на все нет никакой возможности. Основные вопросы я затронул. Разрешите мне на этом закончить свое слово. *(Продолжительные аплодисменты.)*

Дома во время отпуска. (1926 г.)

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ

ОТВЕТ КРЕСТЬЯНИНУ ПОКРОВСКОМУ.

Речь на торжественном заседании Читинского горсовета 27 июля 1923 г.

Председатель. — Позвольте объявить заседание открытым. Товарищи, я уверен, что выражу мысль всех присутствующих здесь, как членов горсовета, так и гостей, что сегодняшний день приезда к нам Михаила Ивановича Калинина является для трудящихся Дальнего Востока после пережитых за эти годы событий радостным днем. *(Аплодисменты.)*

Кубяк. — Товарищи! Рабочие и работницы Читы были первыми застрельщиками в ноябрьской советизации Дальнего Востока. Первый возглас, первое требование раздалось из уст работников и работниц: долой буфер, да здравствует советская власть, объединение с Москвой!

После этого дня прошло восемь с лишком месяцев, и сегодняшний день мы здесь собрались в присутствии председателя ВЦИК, сегодняшний день наш Читинский горсовет в присутствии представителей профсоюзов и трудящихся устанавливает органическую связь с Советской Россией.

Товарищи, этот длинный путь партизанщины и гражданской войны на Дальнем Востоке пройден нами через бесчисленное количество жертв. Длинный путь отрыва рабочих и крестьян Дальнего Востока от западной Советской России наложил соответствующую печать на всю нашу бытовую жизнь и условия нашей работы. В течение этих лет мы утратили весьма многое, что необходимо нам наверстать. Товарищи рабочие и работницы, нам главным образом нужно помнить, в интересах союза города с деревней, что нами до сих пор еще немногое, или почти ничего не сделано по отношению к дальневосточной деревне. Дальневосточная деревня переживает сейчас то, что пережили уже крестьяне западной Советской России. Возьмем законодательство о землеустройстве. Мы лишь сейчас сталкиваемся здесь с этим

Поэтому, товарищи, я просил бы вас развить нас и помочь крестьянству, и я думаю, товарищи, что тт. Кубяк и Калинин могут какими-нибудь судьбами повлиять на крестьянство, заставят их учиться и в это же время сделают крепкий союз и облегчат крестьян как культурно-просветительно, так и экономически.

Вот все мое краткое слово, и я думаю, что на мое слово тов. Кубяк, более развитой меня крестьянин, сделает несколько выводов, которые покажут путь для деревни.

Калинин.— Я отвечу на одну записку, остальные записки особенной ценности не представляют, и вопросы, заданные там, можно решить частным порядком, даже в мастерской со своим соседом обсудить и выяснить.

Записка такая: от товарищей беспартийных.

«Ответьте, тов. Калинин, почему происходит гонение на беспартийных рабочих, это недопустимо в свободной стране — издеваться над рабочими, которые принесли большие жертвы в деле защиты революции?»

Записка эта совершенно мне непонятна. Могут быть гонения на отдельного человека, это я еще понимаю, но коммунистическая партия это ведь не секта, она есть часть рабочего класса, думает о благосостоянии массы всех людей. У нас всего коммунистов 400 000 человек, из них вероятно около полсотни тысяч, если не больше, в Красной армии находится, часть коммунистов разбросана по всей России, и вы сами судите, много ли остается в управлении. Ясно, что в строительстве коммунистического общества участвуют не только коммунисты, но и беспартийные. Если бы коммунистическое строительство делалось только руками коммунистов, тогда бы мы и через тысячу лет не достигли коммунистического общества. Коммунисты рисуют чертеж, по которому развивается и идет план нашей работы.

Теперь я хочу ответить товарищу, выступавшему крестьянину. Я считаю его речь неправильной по существу. Во-первых, он заявляет, что крестьяне находятся в большой беде, что крестьянское хозяйство разоряется. Это неправильно. Может быть отдельные места, отдельные уезды, даже целые губернии, это я допускаю, разоряются, но в общем и целом крестьянское хозяйство в Советской республике укрепляется, это не подлежит никакому сомнению. Конечно в Самарской губ. крестьяне разорены, когда их хватил голод, также в Сибири ряд губерний, как

Барнаульская или Алтайская, там крестьяне разорены. В этом разорении участвовало отчасти правительство, в том числе я, мы переложили на них продналог в позапрошлом году. Нужда заставила это сделать. Одно дело разорить крестьян, чтобы спасти десяток крестьянских хозяйств. Да, мы разорили крестьян в Алтайской губ., может быть 500 хозяйств разорили, но зато спасли миллионы хозяйств в Самарской губ. С продразверсткой тоже не особенно гладко происходило, были некоторые случаи чрезмерного нажима, который позволяло себе начальство, прибегавшее иногда к агрессивным мерам, в высшей степени жестоким. Но с другой стороны, когда будут судить их, конечно, признают, что они виноваты, хотя сказать, что можно провести налог только словами убеждения, этого уже, извините, нельзя. Без нажима тоже ничего не получишь. Зачем же так рисовать, что крестьянство особенно находится в тяжелом положении? А рабочие, разве меньше они страдали, голодали за этот период времени, разве рабочие меньше обнищали; они потому разве меньше обнищали, что им не с чего было обнищать, но что голодали, это не подлежит никакому сомнению. Я ручаюсь, что все последние юбки своих жен они отвезли крестьянам Самарской губ. У нас также был сильный голод в России, когда центр буквально голодал, когда мы питались кониной и восьмушкой хлеба. Я был тогда городским головой и питался не лучше, а когда начали юбки отвозить крестьянам, то самарские крестьяне говорили мне: вы лодыря гоняете, дармоедничаете, — а я им говорил:

— Подождите, ребята, вы находитесь в такой губернии, где может голод шарахнуть.

И голод действительно шарахнул, приходилось их спасать. Но когда спасаешь, нужно у другого брать, опять-таки у крестьян, потому что ни у кого из нас хлеба нет. Есть, конечно, жалование и то небольшое. Поэтому особенными сиротами прикидываться нельзя, сиротство тут не к лицу, особенно сибирскому крестьянину. Ведь мы имели огромное количество партизан из сибирских рабочих и крестьян, а в партизаны идет не забитый человек, а сильный, а вы говорите, что в Сибири крестьяне забиты, этого нет. Конечно, не идет быстрое обогащение крестьян, это правда. Вот если бы вы сказали: советская власть поступает неправильно, рабочие получают в два раза больше, чем получали в мирное время, в то время как крестьяне нищают,—но этого сказать нельзя. Рабочие сейчас получают

в два раза меньше, чем в мирное время. Может быть, живут недурно маленькие группки, начальствующие лица, в том числе и я, то есть мы сравнительно сыто едим, есть одежда, но, ведь, накопления тоже нет, по крайней мере фабрик, заводов ни у кого нет. Съешь только разве в праздник кусок пирога. *(Смех.)* Тут беда общая.

Нам необходим между рабочими и крестьянами союз, но в то же время я говорю рабочим: вы будете гегемоном здесь, руководителем в этом союзе. Но гегемония пролетариата — это не гегемония буржуазии. Если бы я был представителем буржуазного класса, что я должен был бы сделать? Прижать миллионы людей, чтобы дать возможность отдельным лицам развиваться, толстеть, наживаться — в этом суть буржуазного общества. Мы сейчас бы имели возможность по крайней мере сделать двести тысяч хороших жизней,— это просто сделать. Даже в Германии кое-кто наживается сейчас, а все остальные беднеют не по дням, а по часам. Мы же должны поднять благосостояние ста сорока миллионов человек. А что значит поднять благосостояние? Это значит, чтобы каждый крестьянин имел возможность спать со своей женой в отдельной комнате на хорошей кровати, в этом суть, а не в выспренних словах. Вы думаете, коммунизм есть отвлеченная идея? Это пустое заблуждение. Коммунизм есть увеличение благосостояния всего населения, всего государства, всех, а не одного. А если из коммунизма выкинуть материальную часть, то от коммунизма останется яичная скорлупа без внутреннего содержания. Поэтому, когда крестьяне хотят быть богатыми, то это значит, что будет поднято благосостояние не отдельного человека, не отдельной губернии, а всех граждан, крестьян и рабочих, это одна из трудных задач, величайших задач. Достаточно вам привести самый простой примитивный пример: у нас 99% крестьян спят не на кроватях, но на полу. Значит, чтобы увеличить их благосостояние, надо сделать по крайней мере около 120 миллионов кроватей, а теперь сосчитайте, сколько надо для этого железа, а если еще хотите с металлическими шариками, то сколько это будет стоить. Я только на 12-м году попробовал варенье за то, что писал письмо одной кухарке. А вспомните, на каком году вы сами попробовали варенье? При коммунистическом обществе каждый захочет: извольте, чтобы варенья на всех хватило, — а сколько пудов веренья в таком случае придется наварить? Коммунистическое общество и должно обеспечить всех, в основном по крайней мере. Конечно, человек такое существо, которое

никогда не удовлетворяется. Вот два года тому назад еще говорили: «Нет сапог — это чепуха, хлеб нужен». Теперь хлеб есть, а говорят: «Нужно мясишка кусок». Это есть прогрессивная сторона человека. Но настоящая трудная задача — это поднятие общего благосостояния людей. Возьмем такую мысль: как мы работали до войны? Я ручаюсь, — 90% населения работало от зари до зари, одни работали на своем хозяйстве, а другие из-под кнута. Мы с Кубяком сдельно работали, — как немножко прогуляешь, так и приходится нагонять, по ночам работать. А в то же время сколько было обеспеченных людей, — это был маленький слой, очень маленький слой. И перед нами стоит задача не восстановления нашего хозяйства до довоенного состояния, оно ничего нам не даст. Наша задача — увеличить нашу производительность, чтобы каждый работал в сто раз с большей производительностью, чем это было в 13-м году. Как эту задачу поставим перед собой, то увидим, что коммунизм — не фунт изюма, это одна из труднейших мировых проблем. Если увеличим производительность в сто раз — это будет означать: инвалиды все будут обеспечены, сироты будут в благотворительных домах, если крестьянин умрет, его дети не пойдут по миру и не превратятся в воришек и жуликов. У нас всякий будет иметь тогда полное обеспечение.

Есть ли надежда на это положение? Я не сомневаюсь, есть, и знаю, что мы должны гигантское завоевание сделать, по крайней мере, в следующие пять лет. Эти пять лет вначале будут потрачены на восстановление испорченного, будут подходить близко к тринадцатому году, то есть к довоенному производству, а затем гигантски будут развиваться вперед, чтобы увеличить производительность в десять раз, а это будет возможным лишь тогда, когда рабочие будут поставлены в соответствующие условия. Например, они будут получать хорошую заработную плату, это первое основание, второе — они должны будут иметь сносную квартиру, чтобы ночью могли выспаться и утром приходить на работу со свежими силами. Затем, им надо новое орудие производства, особенно в крестьянском хозяйстве. Придется все выкинуть, все заново перестроить, другого выхода нет, ибо той примитивной обработкой, которой работают крестьяне, дальше хозяйствовать нельзя. Вы говорите, что благосостояние крестьян слишком пало, что при таком состоянии поднять его нельзя, — это клевета. Вы знаете, мой отец начал свое хозяйство с одной коровы и овцы, а когда умирал, оставил нам с братом

одну корову да развалившуюся избенку, и нам еще с братом также пришлось делиться. И так хозяйство идет тысячелетиями из поколения в поколение. Конечно, один какой-нибудь кулак выбьется в купцы, сначала местные, а потом уездные. А вы говорите, крестьяне особенно обнищали, крестьяне были вообще нищими, если можно так выразиться. Мы с Кубяком сами являемся рядовыми обыкновенными крестьянами и прекрасно все понимаем.

Сибирский крестьянин откуда сюда появился? Кто его выгнал из России, с родины? Вы знаете, что̀ для каждого значит родина? Особенно крестьянину, который любит окружающую обстановку, начиная с печки и кончая окружающим озером? Теперь в известный момент крестьяне начинают беднеть, крестьянам теперь тяжело, но представьте, как правительство может уменьшить эти налоги, ведь армию содержать надо или нет? Пусть скажут: распустите армию, но тогда вас побьют, возьмут другие и создадут свою собственную армию. Значит, содержать армию надо. А железные дороги? Железная дорога между Владивостоком и Петроградом, на расстоянии восьми тысяч верст — она дает нам большие убытки и при царизме также давала убытки и долго будет давать. Она нам давала убытки при нормальном положении, но теперь — сколько лет рельсы не снимались, и мы должны их сменить, сколько паровозов уничтожено, и должны их отремонтировать. Я взял только одну дорогу, а сколько у нас таких железных дорог?

Наконец, мы хотим, чтобы крестьяне учились и поэтому вынуждены поддерживать рабфаки, университеты. Я ручаюсь, если мы поставим вопрос, кто из вас хочет быть в университете, я ручаюсь, даже тот, кто был в университете, скажет: я хочу подновить свои знания. Все желают итти в университет, а не могут в университет попасть, потому что нет средств. Может быть, сыновья нашей молодежи будут уже все учиться в университете, кончат, пойдут пахать, я допускаю, так и будет в будущем, а сейчас мы слишком бедны, чтобы из университета посылать пахать. У нас при теперешнем положении не только должны пахать, но и стоять во главе правительства, и многие там стоят без высшего образования. Западно-европейские газеты издеваются: сидят, мол, крестьяне, неучи, не умудренные в финансовых делах, смеются, издеваются. Пусть смеются, хорошо смеется тот, кто смеется последний. Мы, мол, по-простому, по-крестьянски управляем здесь. А вы-то, господа, с высшим образованием,

куда выехали? Сегодняшний день как раз моя статья идет в вашей газете, я в ней говорю им: «хотите поработать с нами, приезжайте служить с крестьянами, а управлять будем сами». Что же? Это ничего не значит, что у нас без высшего образования работают наверху. Мы сами с тов. Кубяком пять лет находимся у власти с первых дней революции, и многие беспартийные сидят членами ВЦИК, мы ни одного закона, связанного с крестьянством, не издадим без обсуждения с рядовыми крестьянами. У нас два министра из крестьян: министр земледелия, народный комиссар Александр Петрович, крестьянин Тверской губ., и тов. Яковенко, вашей губернии, по социальному обеспечению, а вы говорите — крестьян нет у власти. Вы не у власти персонально, — это я допускаю, все 16 миллионов крестьян у власти, конечно, не могут быть, — но представители крестьян у власти находятся и будут находиться.

Что улучшение положения крестьян происходит, это не подлежит никакому сомнению, но оно улучшается параллельно с общим улучшением. Когда сейчас везем хлеб за границу, у нас стремление не только его продать, а поднять цену на него здесь в России до ее нормальной величины. И если у крестьян извлекаем налоги, то они обратно возвращаются к ним, потому что машины и металл нужны и крестьянину, заводами поддерживаются и потребности земледельческой работы.

Богатство крестьян создается не крестьянами, это иллюзия, что богатство крестьян создается крестьянами, оно может создаваться только при помощи рабочих, ибо, если вы крестьянина голого пустите на самую лучшую землю, я уверен,— он помрет, он голый работать не сможет. Он может тогда работать, когда рабочие подготовят кусок железа, когда крестьянину-степняку привезут бревно из лесной местности для отопления. Поэтому, товарищ-крестьянин, передайте своим односельчанам, что наше богатство целиком связано с рабочими, без этого оно создаться не может. Предположим, сейчас у вас остались еще старые орудия производства, но за следующие пять лет они износятся, и крестьянин без рабочего околеет. Мне задают коварный вопрос: «А что полезнее для государства, крестьянин или рабочий?» Я говорю, тебе железо нужно, потому нужен и рабочий, сначала он должен добыть железо, перевезти на завод, там проделать ряд манипуляций, и пройдет долгий путь, прежде чем крестьянин сможет этим железом обработать землю. Я считаю, что читинские рабочие должны тесно слиться с крестьянами, но слиться

не значит подделаться к крестьянам. Вы должны прямо сказать: мы, братья, соединимся, тогда победим, а если разъединимся, то жизнь побьет то одного, то другого. Товарищи, я напомню вам, как много трудов вы кладете, когда выращиваете новую лошадь. Вы пять лет за ней ухаживаете, сами хуже питаетесь, чтобы ее вырастить. Я спрашиваю: кого нам надо выращивать в нашем хозяйстве? Конечно, рабочего, он первый удар в землю делает, и за этим ударом получается первая частица, из чего делаются разные необходимые изделия. Нам надо сохранять жизнь рабочего, сохранять его квалификацию. Слесаря вырастить сейчас нам дороже, чем самую лучшую лошадь, и слесарей только десять хороших можно насчитать. Поэтому сохранить десяток слесарей для государства, это значит все равно, что в крестьянском хозяйстве вырастить хорошую лошадь.

Поэтому крестьянин должен понять, почему рабоче-крестьянское государство хотя и стремится уменьшить крестьянский налог, но во всяком случае не настолько, чтобы этим самым уморить рабочего. Наша цель — поддержать, подкрепить рабочих; если мы не сохраним наше основное богатство, если не сохраним квалифицированных мастеровых, то мы погибнем. Крестьянин поэтому должен понять, если иногда мы в Советской республике кормим рабочих, даже не работающих, мы все-таки говорим: надо их накормить. Не из-за какого-то особого чувства это делается, а зная, что рабочий понадобится для всего.

Все это я предлагаю передать напрямки сибирским крестьянам, которых вы в ближайшее время увидите, и сказать: если хотите увеличить богатство, чтобы был у вас лишний самовар, рубашка, должны употребить все силы, чтобы сохранить рабочего, не оставлять без хлеба, и только при полном братском, дружественном союзе между рабочими и крестьянами увеличится наше общее благосостояние. *(Аплодисменты, Интернационал.)*

НА ОБЩЕСТВЕННЫЙ СУД КРЕСТЬЯН И РАБОЧИХ.

Где моя революционная заслуга?

(Письмо Владимира Я. М. И. Калинину.)

Дорогой Иван Михайлович Калинин!

Я спрашиваю, где моя революционная заслуга, ибо я ее должен не только видеть, но и иметь. Я — крестьянин-батрак, малограмотен, рождения 1901 г. В Красной армии служил полтора года, с 1 октября 1922 г. по 18 апреля 1924 г. Все полтора года служил письмоводителем роты, им и демобилизовался. Уезжая домой, получаю «наказ» политчасти, что должен проделать демобилизованный на селе. Проделываю. Организовал хату-читальню и членов около семидесяти человек, так как последней не существовало до моего приезда. Провожу читки, доклады и лекции. Пользуюсь популярностью на селе. Но что я за это получаю? Что я от этого имею? И, наконец, устраивает ли это меня?.. Конечно, нет. Я исполнил, даже блестяще исполнил порученное мне дело, дело вести политпросветительную работу на селе, но я опять повторяю, что это меня не устраивает. Мне нужно жить, мне нужны средства существования, а я их не имею, я — нищий. Я иду в г. Николаев, берусь на учет, мне пишут очередной № 3252. А я говорю: Как? Через три-четыре месяца устроюсь на службу? Ведь на моем иждивении жена и ребенок. Мне отвечают: «Больно скоро хочешь устроиться, а годика полтора-два походи, тогда может быть. Видишь — безработица!» — Я демобилизованный, — говорю. «Ну, и что ж, вас много. Нет дела». И смотрят, как на серую шинель, ни больше, ни меньше... Да еще говорят: «Демобилизованные пользуются только один год льготами». Меня это режет ножом по сердцу. И выходит то, если я не ошибаюсь, что образованные люди (а если образованные, то и богатые и вышедшие из богатой среды)

как жили десятки-сотни лет назад роскошно, так и теперь живут роскошно. Разве не в тех романовых домах, не на тех персидских коврах и не на тех ли креслах, на которых сидел «самодержавец Николай» и его свора министров, теперь сидят называемые вожди рабочих и крестьян, т. е. образованные люди, как Рыков, Зиновьев, Калинин и другие, а мы, крестьяне, десятки, сотни и тысячи лет были темными, необразованными — такими остались, такими и в будущем останемся на всю жизнь...

Мы только нужны тогда, когда грозит опасность образованным людям, получающим прекрасное жалованье — по 200 — 300 — 500 и больше рублей в месяц. Да разве не бросается в глаза надпись на портрете тов. Каменева: Зампред. СНК СССР, Предс. СТО и Предс. Московского Гор. совета — три должности. И интересно заглянуть в раздаточную ведомость, сколько тов. Каменев получает в месяц. А я — безлошадный батрак и от сельского хозяйства получаю $17^1/_2$ коп. в день, — убийство, не жизнь. А если иду на завод, то дают № 3 252 очередной, а есть и большие номера. Говорят — жди. Я жду. А если бы война вспыхнула? Тогда под землей не скроешься. Заберут. Нужно нас, крестьян, молодых, цветущих жизней, превратить в пушечное мясо. Ибо нежелательно утерять теплое место образованному люду. Я бы на то, что дать 1 000 руб. другому, дал бы ему 100 руб., а на 900 руб. послал бы на фабрику каких-нибудь 20 — 30 человек голодных и безработных по 30 — 35 руб. в месяц. Но нет же и на 30 рублей службы.

И теперь, когда я голоден, раздет и т. п., власть и не знает про это. Пусть я умру, — тоже мало дела. А ну, война. Сразу... Товарищи! Польются красные речи... Товарищи!..

Итак, нет справедливости. Мы были рабы и будем, потому что мы темны. Моя просьба поместить в «Крестьянскую газету» это письмо, хотя я знаю, что его не поместят. Если бы я написал, что мой сосед самогон варит, тогда печатали бы, а это ни за что.

Но я думаю, тов. Калинин ответит мне, где моя революционная заслуга?

Владимир Я.

Одесской губ., Николаевского района,
Ингульское н. о.,
д. Добрая Криница.

О ДУТЫХ ЗАСЛУГАХ И ШИРОКИХ ПРЕТЕНЗИЯХ НА НАГРАДУ.

(Ответ М. И. Калинина.)

Не видно заслуг, а видно претензии.

Несмотря на явную контр-революционность, выражаемую письмом Владимира Я.... вопреки его опасениям, что это письмо не будет напечатано, я считаю очень полезным опубликовать его перед широкими массами, чтобы на этом примере показать, как иногда люди, не будучи сами по себе контр-революционными, считающие себя вполне лойяльными советскими гражданами, на частных практических вопросах повседневной жизни сползают на контр-революционную точку зрения.

Несколько слов об авторе письма. Я не вижу, какое же он делал революционное дело,—отбыл очередную воинскую повинность, притом в писарях, поэтому, думаю, что он клевещет на себя, представляясь необразованной серой шинелью. Провести всю военную службу писарем уже означает, что автор выделяется из обыкновенной крестьянской массы, что это уже не серая пехотная шинель. Нет, Владимир Я. и на войне будет не в окопах, а в канцелярии. Поэтому все его негодующие восклицания о том, что его правительство погонит защищать советскую власть в передовых рядах пехоты,—неверны. Этого советскому правительству не удастся сделать. Владимир Я. все-таки застраховал себя от окопов, он будет воевать так же, как и служил военную службу,— в канцелярии. Он родился в 1901 г., значит в 1918 г. ему было 18 лет. Целые тысячи нашей молодежи записывались добровольцами в борьбе с царизмом. Казалось бы,—бедный крестьянин-батрак, молодой, очевидно, не глупый, а в настоящее время и с «революционной заслугой», должен быть в передних рядах в качестве добровольца. Однако он выждал, когда его государственный закон привлек на военную службу, и выполнял ее не как революционное дело, а как государственную обязанность, за неисполнение которой государство карает.

С каких это пор исполнение государственой обязанности, как военная служба, стало считаться революционной работой, за которую требуется особая награда? Впрочем, помимо этого Владимир Я. делал читки и доклады, и с самодовольством говорит, что

они делались блестяще. Но, как бы ни были хороши эти доклады, у нас теперь везде, по всему Союзу, сотни тысяч людей делают доклады, и товарищи ни разу не слыхали о том, чтобы кто-нибудь, помимо обыкновенной платы, требовал бы за это особого вознаграждения.

Вообще Владимир Я. о своей персоне очень высокого мнения. Он о себе так же думает, как о себе думал Хлестаков. Но ведь Хлестакову подвезло, целый город во главе с городничим его принял за ревизора, и поэтому какую бы глупость он ни говорил, все эти глупости ставились ему в плюсы, за которыми таятся скрытые мысли ревизора. Владимир же Я., к сожалению, был только чтецом и докладчиком, и поэтому вполне естественно, что за этот вид услуги наши крестьяне платят довольно неохотно. Докладчик должен радоваться, что у него находится достаточное количество слушателей — это и есть его единственная и возможная награда.

Не наша вина, а наша беда.

Все претензии Владимира Я. и требование к себе особой внимательности ни на чем не основаны. Миллионы людей живут очень бедной жизнью, пробиваясь с хлеба на квас, и если В. Я. хотя бы одной крупицей был революционер, то, я не сомневаюсь, он сумел бы и устроиться на какой-либо работе, и уже во всяком случае он не предъявлял бы каких-либо особых претензий к рабоче-крестьянскому государству.

Значит ли, что я отрицаю трудность жизни бедняка? Нет. Бедняк, как мучился, так мучается по сей день. Это не наша вина, а наша беда. Избавлением явится только социализм, когда человек будет иметь право на необходимые материальные блага, безотносительно, работает ли он или не работает.

Но Владимир Я. не только недоволен тем, что он бедняк, а он противопоставляет свою бедность другим, как Каменеву, который сейчас, в данный момент, получает 225 рублей, это значит максимум, самое большое жалованье, которое получает коммунист. Коммунист, сколько бы мест он ни занимал, не может получать больше, чем 225 рублей. Поэтому все опасения, что Каменев по многим ведомостям получает жалованье, — напрасны.

«Женюсь я, а семью содержи государство!»

Владимир Я. с глубоким убеждением требует, чтобы советское правительство дало возможность жить ему и его семье. Я уже сказал, что это — дело будущего, дело социализма. А ведь в настоящих-то условиях и пятнадцатилетний комсомолец понимает,

что такой гарантии нет. Значит, каждый, кто обзаводится семьей, прежде чем ею обзавестись, должен серьезно подумать, сумеет ли он предохранить ее от голода и нищеты. Удивительная логика — женюсь я сам, а государство в это не может вмешиваться, а содержание семье гарантируй государство! А разве, когда женились, вы не знали, что советская власть не только не дает гарантии благосостояния новой семье, а тысячи беспризорных шатаются по Союзу? В. Я. скажет: «Это плохо». Я сам знаю, что плохо, и все органы советской власти знают, что плохо, но ведь это же факт, с которым каждый здравомыслящий человек в своей практической жизни должен считаться. Я знал не хуже Владимира Я., что если бы я женился двадцати лет, тем самым прибавил бы нищеты в царской России. Однако и в 25 лет я не решился жениться, боялся, что мои дети пойдут по миру. Мне не хотелось быть виновником хотя бы пары новых нищих. Конечно, к Советскому государству можно предъявить более строгие требования. Но ведь предъявлять можно, а должно вместе с тем знать, что пока что ничего не получишь, ибо неоткуда взять.

Поговорим о разнице жалованья, получаемого мной и Владимиром Я. Вы хотите, чтобы государство обеспечило вам содержание, примерно, равное моему. Слишком многого вы хотите, не по силам такая штука нашему бедному государству.

Но почему же все-таки наше бедное государство при всей своей нищете платит сравнительно порядочное жалованье Калинину? Отвечу на это простым примером. А почему крестьянин, когда отправляется в длинную дорогу, кормит овсом именно только ту лошадь, на которой он собирается ехать? Каждый ответит: для того, чтобы она не стала по дороге. Пока Калинин является председателем ЦИКа, он есть рабочая лошадь государства, и овсом для него является ну хотя бы хороший костюм, в котором надо принимать иностранных посланников.

Владимир Я., вы как думаете, крестьянская беднота согласилась бы, чтобы ее представитель на посмешище всего буржуазного мира демонстрировал свою нищету? Все это несерьезно, надуманно. Если к вопросу подойти с другой стороны, Владимир Я. завидует Калинину, живущему в данный момент, безусловно, лучше его. А нет ли огромного преимущества у В. Я. перед Калининым? Мне кажется, есть. И оно, по-моему, много ценнее, чем преимущество Калинина. Например, мне уже 50 лет, моя песенка уже спета, я замечаю, как день за днем тают мои физические силы, а с ними погасают мысли и мечты о своей будущей работе.

Автор письма — слепец.

Уважаемый гражданин В. Я., вы слепы, не видите, какое неоценимое богатство у вас в руках, в особенности оно ценно в наших советских условиях,— ваша молодость. Неужели вы думаете, я пожалел бы все, что у меня есть сейчас, променять на то, что имеете вы? Быть на двадцать пять лет моложе в Советской республике! Что может быть ценнее этого? Если же вы не умеете распорядиться своим богатством, — пеняйте на себя.

Когда Владимир Я. сравнивает себя с нами, он должен сравнивать, какое я жалованье получал в его годы, ибо, может быть, к 50 годам он также будет избран, если не председателем ЦИКа Союза, то председателем ЦИКа какой-либо Советской республики, жалованье которых одинаково. Рыков в его годы был в Нарыме, Каменев в Туруханске, а я на севере Олонецкой губ. с содержанием ссыльного 2 р. 40 к. в месяц, без права поступления на какую-либо общественную или государственную работу.

Наша революционная «награда».

Требовали ли революционеры когда-нибудь революционной награды? Если бы мы ее ждали, подохли бы с голоду, во-первых, а, во-вторых, ничего бы революционного не сделали. Вместо этого мы вскопали заступом четверть десятины земли под картофель, что для Северной Олонии было новостью, организовали кузницу, где делали топоры, а кое-кто занимался перепиской по 5 копеек с писчего листа. Одним словом, за ту работу, которую мы искали, как гончие собаки, нас не баловали платой. И представьте, ведь находили мы эту работу.

Какая же заветная мечта воодушевляла нас, какая мечта давала возможность нам довольно энергично бороться за свое существование? Такой мечтой было свержение самодержавия, освобождение бедняка от пут капитала. Нашей мечтой было дать возможность бедняку строить свое будущее самому. И единственной наградой за нашу революционную работу могла быть только Сибирь, и в 1916 г. я ее получил, имея уже четырех детей. Вообще у старых революционеров нет слова «награда» за революционную работу, а впрочем, если можно считать наградой, — то многие из моих друзей и товарищей ее своевременно получили: например, Томский — 7 лет каторги, Рудзутак 10 — и т. п., и т. п. Тысячи из них погибли, сотни из самых выносливых, приспособившись к дьявольским условиям царской каторги, сейчас во главе правительства. Вот дорога революционеров.

Заслуг у автора на грош, а претензий много.

Я привык ценить каждую работу и считаю, что каждый крестьянин и рабочий должен ее ценить. Я бы очень хотел быть снисходительным, хотел бы, чтобы Советское государство уплатило каждому, кто на его создание потратил частицу крови. Но из письма я не вижу, чтобы Владимир Я. действительно ее потратил. А у нас все-таки есть, — в этом нет никакого сомнения, достаточно на улицу взглянуть, на количество искалеченных в гражданской войне борцов, — такие, которые действительно имеют право такой вопрос поставить. Они имеют право жаловаться на советскую власть за слабое к ним внимание, но уже ни в коем случае не Владимир Я. Он был в стороне, когда люди боролись, он только из-под палки выполнил то, что государство от него повелительно потребовало, ни своего пота, ни крови на советское строительство не потратил.

Увы, в жизни всегда так бывает: чем человек меньше сделал и чем он имеет меньшую ценность, тем у него больше претензий. «Где моя революционная заслуга?» — Ее не было, нет, видимо, не будет в будущем, а с ней вместе вам, очевидно, не видать и награды.

М. Калинин.

ОТКЛИКИ НА ПИСЬМО ВЛАДИМИРА Я. И СТАТЬЮ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА КАЛИНИНА.

Крестьяне и рабочие откликаются.

В № 15 «Крестьянской газеты» было помещено письмо крестьянина Владимира Я., из села Доброй Криницы, Одесской губернии. Владимир Я. обратился с запросом к Михаилу Ивановичу Калинину. Михаил Иванович в том же номере газеты дал на этот запрос свой ответ.

О чем писал Владимир Я. и что ответил тов. Калинин, — все помнят.

Мы отдали письмо Владимира Я. на общественный суд крестьян и рабочих. Редакцией получено огромное количество писем-откликов. Письма эти заслуживают большого внимания, в большинстве они написаны вдумчиво и обстоятельно. По ним редакция может определить, что думают крестьяне и рабочие по поводу вопросов, затронутых в письме Владимира Я. и в ответе тов. Калинина.

Письма есть разные. Огромное большинство крестьян считает письмо Владимира Я. ошибочным. Эти письма находят, что Владимир Я. и все мы никогда не выбьемся из нищеты, если сами будем сидеть сложа руки и не используем тех возможностей поднимать свое хозяйство, которые дала беднякам и середнякам советская власть. Эти письма призывают Владимира Я. и тех, что думают подобно ему, к упорной работе, к самодеятельности.

Многие письма содержат указания, как бороться советской власти и крестьянам с нуждой. Они вносят деловые предложения, указывают на необходимость тех или иных мероприятий.

Все эти предложения тов. Калининым и редакцией «Крестьянской газеты» будут тщательно изучены и представлены на рассмотрение высших партийных и советских органов. Все, что найдется наиболее ценного в этих предложениях, будет использовано с наибольшей полнотой.

Некоторые письма считают, что тов. Калинин должен был ответить не столько Владимиру Я., сколько осветить весь вопрос о положении бедноты в целом.

Есть, наконец, небольшое число писем, которые поддерживают Владимира Я.

Почти все письма интересны и заслуживают того, чтобы быть напечатанными. Но для этого у нас нет возможности, — размер газеты слишком мал.

Поэтому мы ограничиваемся помещением в 3—4 номерах только нескольких писем. После этого будут даны сводка и оценка всех писем «Крестьянской газеты» и новая статья тов. Калинина.

Я. Яковлев.

Где корень зла.

По поводу письма: «Где моя революционная заслуга?» и ответа на него М. И. Калинина, помещенных в № 15 «Крестьянской газеты», мне хочется сказать несколько слов.

Уж не слишком ли круто расправился наш всесоюзный староста с автором письма, Владимиром Я.? Мне кажется, не совсем правильно разобрал Михаил Иванович это письмо и не учел, что в этом письме есть доля горькой правды, ропот миллионов, выраженный автором немного резко.

По-моему, в данном случае, оба неправы — и автор письма, и наш всесоюзный староста,

Владимир Я. направил все свое недовольство не туда, куда нужно было направить, он обрушился на вождей рабоче-крестьянского правительства, упрекая их в тех грехах, в которых они меньше всего виноваты, т. е. в больших ставках жалования, в роскоши и т. п. Перенесшие в дни самодержавия пытки, мучения, холод, голод, подполье, тюрьмы и каторгу, они заслужили, бесспорно, те 225 руб., которые они получают. Вспомнить только, что они получают 225 руб., а в царское время царские правители получали сотни тысяч рублей в месяц.

Владимир Я. в своем письме совершенно упустил из виду, что главным виновником недовольства и глухого ропота масс являются недостатки нашего государственного аппарата. Ведь наш советский госаппарат еще на 75 процентов является старым дореволюционным аппаратом, несмотря на то, что коммунистическая партия прилагает все усилия к его исправлению. Возьмем хотя бы наши советские учреждения, начиная с ВИКа и кончая губисполкомом. Их боится иногда наш русский мужик, потому что в них 50 процентов бюрократизма. Грубость в обращении совершено сбивает с толку посетителя и не дает ему возможности видеть, что это его собственное, родное учреждение. Кто же работает в этих учреждениях? В большинстве все видные посты занимают партийцы, которых партия увидела в своих рядах с 1918 г. и позже. Нельзя возводить обвинения огульно, но некоторые из этих партийцев далеки от коммунистических правил, они находятся под незаметным влиянием новой буржуазии и, получая, правда, невысокие оклады — от 100 до 200 руб., находят возможным путем разных наградных, проездных, командировочных да суточных получить еще лишек. И вот, видя, с одной стороны, неуместную роскошь, а с другой — голую, ничем не прикрытую нужду трудящихся, нарастает глухое недовольство, результатом чего и было письмо Владимира Я., только с неправильно направленным гневом.

Это первое.

В чем же, собственно, неправ М. И. Калинин?

А в том, что он всю силу своих доводов направил на то, чтобы разбить по всем пунктам Владимира Я. — и только. Правда, всесоюзный староста не отрицает, что миллионы людей живут очень бедной жизнью, пробиваясь с хлеба на квас, но, по Калинину, выходит так, что, если в человеке есть хоть крупица революционера, то он обязан просто ждать социализма.

Правда, Владимир Я. уж не так много перенес в жизни, революционной-то награды он, пожалуй, и не достоин. Но ведь в нашем Советском союзе миллионы незаметных, серых героев, вынесших все тяготы царской бойни и гражданской войны, возвратившихся в свои бедные лачуги буквально разбитыми физически и нравственно. Разве они не в праве требовать хотя бы участливого отношения к ним в тех учреждениях, куда они обращаются за справкой или за советом, и зачастую взамен этого получают насмешку и пожатие плечами? И когда у одного из многих с более, чем у других, горячей душой, но с меньшей заслугой перед революцией, вырвется вопль ропота, вы, Михаил Иванович, называете это контр-революционным выпадом, а всем остальным говорите, что избавлением явится только социализм, а пока... **терпи, надейся.**

Лучше было бы, если бы все лучшие, передовые силы партии были немедленно направлены на беспощадную борьбу с той социальной заразой в государственном аппарате, которая зовется бюрократизмом и волокитой. Тогда бы не было того ропота, который зачастую слышим от побывавших в учреждениях.

У нас сейчас в печати слишком много внимания уделяют проводимому в жизнь режиму экономии. Но работники мест и из режима экономии ухитряются сделать пугало для трудового человека. Вот пример.

Из окрестных с нами селений, а также и из нашего отправилось до 50 человек в Нижний Новгород. Придя туда и не найдя работы, они решили заняться чисткой сапог, для чего необходимо выправить патент. Обратились за патентом в губмилицию, а она направила в губкоммунотдел, губкоммунотдел посылает обратно в губмилицию. Наконец, начальник милиции или помощник его, не желая разговаривать, резко заявил: «Проводимый в жизнь режим экономии не дает возможности уделять так много времени пустякам», — и перед носом просителей закрывается окошечко. Безработные же в количестве 50 человек тоже начали проводить «режим экономии», граня на улицах панели и проедая последние гроши, пока, наконец, уже через 5 дней не добились просимого.

Вот мысли и факты, которыми я решил поделиться через печать.

Крестьянин *Головлев.*

Дер. Ягубовка, Сергачского у.,
Бутурлинской вол.

Мои соображения по письму Владимира Я. и ответу М. И. Калинина.

Прочитав письмо крестьянина Владимира Я. и ответ тов. Калинина, я пришел к следующему заключению. Письмо свое Владимир Я. написал в порыве отчаяния. Хотя, действительно, революционных заслуг его не видно, но все же местные власти иногда так поступают, что невольно делаешься контр-революционером. Приказы и распоряжения центра исполняются так, как покажется удобнее местным властям. Например, распоряжение, что демобилизованные в первую очередь получают работу, проводится в жизнь очень плохо. Бывало и так: приходит товарищ и спрашивает работы и в большинстве случаев получает ответ:

— Работы нету!

— Но ведь я демобилизованный.

— Так что ж, на руках, что ли вас за это носить?

— А распоряжение центра?

— Без вас знаем, что делаем, — и больше не хотят разговаривать.

А разве мало случаев, что семье красноармейца нет льгот по сельхозналогу? Что бедняков облагают так же, как зажиточных? Об этом даже не раз писали в нашей астраханской газете «Коммунист». Вот при таких обстоятельствах и напишешь такое письмо, хотя оно и написано чересчур резко.

Здесь невольно подумаешь: и зачем это в центре ломают головы над новыми декретами, все равно их местная власть исказит?

И многие крестьяне у нас говорят: «Не может быть, чтобы в центре написали такой декрет, который во вред бедняку!» Многие хотели бы написать об этом письма в центр, но боятся, что их перехватят, поехать же нет средств.

Вот вам пример того, как местная власть поступает неправильно. В 1922 г. я приехал в отпуск с Кавказа и начал говорить о порядках. Меня член партии Шевченко вызывает в ячейку и говорит: «Не все высказывай, что знаешь». А на общем собрании один раз чуть не стащил с трибуны и велел замолчать, мол, граждане этого требуют, и показал от них заявление. Когда я это заявление вырвал, оказалось, что это кусок газеты. Дальше, моя мать однажды сказала на улице женщине: «Соберите мне по 10 руб. хоть на дорогу, я поеду в Москву к Ленину и все ему расскажу. Я уверена, что он в ужас придет от беспорядков», —

а на утро ответственный секретарь волкома Мамаев Григорий (и ныне здравствующий) вызвал ее в волком и хотел за это арестовать, но потом, отлаяв ее, вытолкал в шею. И мать пришла со слезами, а женщины боялись и рот открыть, несмотря на беспорядки. Я сам мечтал поехать в Москву и открыть все свои болячки, но не позволяют средства, но все же этой надежды я не теряю.

Вот это все и могло заставить Владимира Я. написать такое грубое письмо. Во многом он действительно неправ, а прав тов. Калинин. Революционной заслуги у него нет. Он пишет: «я — малограмотный», но малограмотный письмоводителем роты быть не может, да вообще с ответом тов. Калинина я согласен, кроме некоторых его частей. Во-первых, «Не наша вина, а наша беда» — тов. Калинин пишет: «Если бы Владимир Я. хотя одной крупицей был революционер, он сумел бы устроиться». Может быть в центре — да, но у нас в селах — не так легко. Засидевшись на теплых местах по нескольку лет и чувствуя за собой некоторые грешки, они скорее дадут по протекции место или бывшему кулаку или беглецу в белую армию, так как настоящий революционер им не по зубам.

Дальше, относительно женитьбы — я с тов. Калининым тоже не согласен. Если я не сумею прокормить семью, значит, вечно не надо жениться? Значит, итти к проститутке и размножать то, с чем борется власть? Это значит — итти против власти.

Дальше о молодости. Мы все ценим заслуги тех товарищей, которые всю свою молодость провели в ссылке, на каторге и вообще испытывали разные гонения от царских чиновников за улучшение быта крестьянского и рабочего. Мы считаем даже недостаточной ту награду, которую, по словам Владимира Я., они получили. Им приходится сейчас еще больше ломать головы над управлением страной, и те три должности, которые занимает тов. Каменев, только скорее сведут его в могилу и этим нанесут еще одну рану нашему общему делу. Таких испытанных борцов не так много, и их надо беречь и не загромождать такой тяжелой работой. Если бы можно, то, мне кажется, что их от всего надо бы освободить, а на их место назначить более молодых, а им сказать: «Довольно, товарищи, вы поработали, теперь отдыхайте и смотрите за нами, чтобы мы не ошиблись, в чем и поправляйте нас». Вот тогда наши старые борцы могут прожить лишних 10 лет и принести гораздо больше пользы нашему делу. Почему так рано ушли от нас товарищи Ленин,

Фрунзе и т. д.? — От переутомления. И, если бы только можно, я уверен, что каждый крестьянин и рабочий с удовольствием отдал бы день от своей жизни, чтобы из них составились целые годы, которые удлинили бы жизнь нашим старым изношенным товарищам.

Но что наша молодость? От такого жалкого существования, как некоторые влачат, иногда и жизни бываешь не рад, а там старость, такая же беспросветная! Хотя бы вот мое положение. Рождения я 1896 г. В 1915 г. взяли на германскую войну. В конце 1917 г. вернулся раненый по демобилизации. В 1918 г. иду добровольцем в Красную армию в кавалерийский полк. В 1919 г. кончаю курсы краскомов (а как учились? — где жаркий бой — туда курсантов) и уезжаю на Черноярский фронт. Был в городе Черном Яру осажден 40 дней (с 20 сентября по 1 ноября), участвовал во взятии Царицына, и вернулся из Донской области тифозный. Пока ехал до Астрахани, выздоровел и поехал на Кавказ добровольцем, несмотря на то, что командир Смирнов оставлял в резерве. По 1922 г. был на Кавказе по ликвидации банд, и теперь я безногий инвалид (правой ноги нет по пах). У меня жена и двое детей, а места мне нет, сейчас безработный; раньше служил на 35 руб. избачом, мне, конечно, этого не хватает, а на большее — считают не достойным.

А если начнешь просить прибавки, то говорят: «прибавить нельзя, ставка». А сейчас избачом член партии Божанов В., который, когда ему предложили это место, сказал: «Дадите 60 руб., буду служить». И ему сейчас платят 60 руб.

Вот такие-то неправильности и доводят до отчаяния, и невольно начнут бродить контр-революционные мысли. Вообще от этих ненормальностей население ропщет и ропщет на власть, они не понимают, что исходит это не из центра. Эту опасность надо предотвратить и повести решительную борьбу с беззаконием, так как кулаки этим могут воспользоваться.

А. Ф. Рыбалченко.

Астраханской губ., с. Камызяк.

Бьет мимо цели.

Ответ на письмо Владимира Я.

Возможно, что моя писанина придет немного поздно, но все же прошу вас поместить, так как, находясь от Москвы за 12 тысяч верст в глухой деревне, ранее никак послать нельзя было, в виду того, что № 15 от 13 апреля к нам пришел 16 мая сего года.

Я, как служивший в рядах Красной армии, не могу не ответить на письмо Владимира Я. Я не согласен с тов. Калининым в том, что Владимир Я. только лишь в повседневной жизни переходит на контр-революционную точку зрения, нет, он вообще не «серая шинель», а довольно-таки развитой парень, и он, как из его письма можно заключить, и довольно грамотный; поэтому мне кажется, таковой элемент надо изолировать от общества, так как он проводит, не скрывая, белогвардейскую линию.

В чем его революционная заслуга? Человек прослужил в мирной обстановке с 1922 г. по 1924 г. — в этом нет никакой революционной заслуги. Нас десятки тысяч демобилизованных, и мы работаем в селах; я не думаю, что хуже, чем Владимир Я., и не ставим это себе в заслугу.

Почему Владимир Я., как батрак, не повел организацию бедноты и совместно с кресткомом не организовал что-либо? Владимир Я. говорит, если «надо будет, то нас возьмут и превратят в пушечное мясо». Сплошная ложь, никто из-за шкурного интереса нас брать не будет, я сам — беспартийный, но должен сказать, что мобилизация коснется и всех ответственных работников-партийцев, что мы и видели раньше. Кто лег в Приморьи под Казакевичем? Отряд коммунаров! Слишком снисходительно относится к гр. Владимиру Я. тов. Калинин. Разве не доказательство, что товарищ Фрунзе сам все время был на фронте и имел несколько ранений.

В настоящее время я сам нахожусь в очень глухой деревне со дня демобилизации из армии, но не вижу в этом вины правительства. Имея от роду 22 года, я думаю, что доживу до того времени, когда не будет безработных. Правильно отметил тов. Калинин, что заслуги нет, а требований много. Я — сын рабочего и заявляю, что не только по требованию, а как увижу, что я нужен, стану под Красное знамя не с такими, как Владимир Я., а, действительно, с настоящими борцами за дело трудящихся.

Н. К.

Село Новая-Кумара, Амурской губ.

Владимир Я. — неудачник.

При чтении письма В. Я. бросается в глаза обращение к тов. Калинину: «Дорогой» и т. д., как будто бы автор письма настолько душевно близок к тов. Калинину, что другого выражения и не должно быть. Но при дальнейшем чтении письма вдруг

усваиваешь, что для В. Я. тов. Калинин дорог, как «летошний снег, и оказывается, что дорога для В. Я. зарплата, получаемая тов. Калининым, а вовсе не он сам.

Если В. Я. считает себя революционером-пропагандистом, то неуместно в его письме слово «сидят», ясно подчеркивающее мнение В. Я.: мол, тов. Рыков, Калинин и др. о народном благе не думают, а заняты только собственным благополучием, как это делал Николай Романов и компания.

В этой же фразе выражение «называемые вожди» объясняет, что В. Я. не признает вождей революции за таковых (хорош пропагандист!) и показывает свои ростки будущего бутона контр-революции.

Относительно недовольства того, что В. Я. не нравятся «называемые вожди», так как они образованы и развиты, приходится удивляться, как времена меняются. Раньше, в 1917 г., этих вождей за их малую образованность и действия называли башибузуками и т. п., а теперь им же ставят в вину их образование. На возмущение гр. В. Я. о том, почему вожди образованные, а народ темен, я бы ответил В. Я., что слепому нужен зрячий поводырь, а иначе оба слепых (водимый и поводырь) и шагу не сделают в нужном им направлении.

Удивляюсь я Владимиру Я.: молод, батрак, и при наступлении сезона сельскохозяйственных работ не надеется найти работу. Тут что-то не вяжется. Обращался ли он в союз сельскохозяйственных и лесных рабочих? Ведь это прямой защитник батраков. Для канцелярской работы в деревне, начиная с Урала и восточней, ощущается большой недостаток в работниках, а одесским солнцем сыт не будешь.

Есть поговорка: «чем дальше в лес, тем больше дров». Так и при дальнейшем чтении письма В. Я. получаешь впечатление, что В. Я. решил как следует распушить вождей соввласти своей насмешкой. «Польются красные речи... Товарищи!»

По-моему, если В. Я. не верит красному, да еще товарищу Калинину и его не признает, то как же В. Я. называет тов. Калинина для себя «дорогим» и обращается к нему с запросом? Что-то непонятно.

Общее впечатление о В. Я. как о человеке создается такое: В. Я. — неудачник, недовольный соввластью, ожидающий с «неба манны».

М. П.

Г. Ишим, Боровское лесничество.

Или обман, или темнота.

Владимир Я. считает себя заслуженным революционером, имеющим авторитет у населения, и однако должности никакой себе ни найдет. Тут кроется или обман, или темнота. Если бы он был батрак и имел авторитет у населения, то почему не выбран хотя бы председсльсоветом или хотя бы секретарем? Дальше, если Владимир Я. действительно хороший работник, то почему ему не организовать кооператив и работать в нем? А раз Владимир Я. сидит в своем селе без работы, то это говорит за то, что он в селе авторитетом не пользуется. А в газету написать и возвеличить себя можно скоро. Пусть он действительно заслужит звание заслуженного революционера, и тогда он без дела сидеть не будет.

Владимир Я. не подумал сравнить, что давал царь рабочим и крестьянам и к чему ведут наши вожди.

Вождей, которые ведут и смогут довести до коммунизма, надо беречь. Разве не памятна нам всем рабочим и крестьянам смерть Владимира Ильича Ленина, тов. Фрунзе и других? Почему такая ранняя смерть? А потому, что много уходило сил при малом отдыхе. Разве бы не согласились сейчас рабочие и крестьяне платить тысячи в один месяц Владимиру Ильичу? Конечно, согласились бы, лишь бы был жив Владимир Ильич!

Заканчиваю свое письмо, скажу еще несколько необходимых слов. Владимир Я., увидя мою подпись — учитель, скажет: «Ему хорошо живется, поэтому так и пишет». Нет, Владимир Я., учителю с семейством живется очень плохо. По-твоему, я бы сказал: «При царизме жилось втрое лучше учителям», но все-таки за царизм я не ратую, я верю в будущее, в коммунизм, когда наступит лучшая жизнь, и это будущее (конечно не мое, а моего потомства) заставляет, толкает меня к работе на укрепление соввласти.

К сведению Владимира Я. Я — беспартийный, 4 года служил в Красной армии. Работаю: как член сельсовета, заведую школой и уголком. Получаю только за учительство.

Учитель *Иван. М.*

С. Чиганары, Ленинской вол., Ядринского у., Чув. ССР.

Прав ли Владимир Я.?

Прочтя в № 5 «Крестьянской газеты» письмо Владимира Я., которое привлекло внимание всего крестьянства и дало почву для разновидных толков, считаю необходимым изложить свое мнение.

Первое. Верно ли то, что Владимир Я. правильно и так хорошо, по-советски, как это он указывает, проводил работу в хате-читальне? Я думаю, что нет, и вот по каким соображениям: Владимир Я. работал, как механизм, думающий выслужиться, заботящийся о том, что, мол, я за это имею? Такой работой пользы не принесешь, а только вред.

Второе. Правда ли то, что представители нашей советской верхушки — богатые люди, и в тех ли условиях они находятся, в которых находился Николашка? Что они люди образованные и испытанные революционеры, это неоспоримо и иначе быть не может. Ведь руководить страной советов — дело серьезное и требует не малой подготовки. Ну, а о богатстве излишне и говорить. На получаемое жалованье в Москве далеко не разгонишься. Собственности же у наших вождей нет — не то, что у Романовых. И, наконец, если бы покойный Ильич был богат (а он, по мнению Владимира Я., должен быть богаче всех), то, наверно, Крупская не работала бы в Главполитпросвете.

Прав Владимир Я. в том, что наши вожди, а вернее, наши центральные органы власти находятся в романовском доме, в Кремле, на котором с гордостью развевается красный флаг. Ну, что же из этого? Неужели лучше было бы взорвать Кремль и при наших общих недомоганиях на месте развалин построить скудную лачугу? Кремль — историческая ценность, и ее мы должны беречь пуще своего глаза. Заглянем во внутрь — кабинет Ленина — обыкновенный письменный стол, обыкновенный стул и кресло для посетителей. Воображаю в уме сейчас нашего Калиныча, сидит в рабочем кабинете, работает, костюм гражданский, без побрякушек, принимает всех без исключения. Так ли было при «самодержце Николае»? Наверное, нет. Над этим пусть задумается Владимир Я. и поинтересуется, на какую сумму драгоценностей «романовских» передано в музеи.

Третье. Нужны ли мы в случае войны образованным людям (под которыми, как видно, Владимир Я. подразумевает наших вождей)? Я считаю, что в наших условиях советского строительства, в случае войны, мы им будем нужны постольку, поскольку они будут нужны нам, а последнее — несомненно, но главным, образом, мы будем нужны самим себе и своим семьям — как бойцы, отстаивающие свое же благополучие.

Четвертое. В одном я лишь только согласен с Владимиром Я. Это в вопросе о безработице, о нужде. Да! Безработица и нужда еще отягощают в нашем Союзе миллионы трудящихся. Мы —

бедны и не находим выхода из этого тяжелого положения. Но виноваты ли в этом Калинин, Рыков, Зиновьев и пр., не высосут же они из пальца работу! Надо согласиться, что в настоящий момент это общесоюзный наш недостаток. Мы бедны в нашем хозяйстве в целом, и если бы мы совсем оставили Калинина и других без жалованья, то это была бы капля в море.

Один совет Владимиру Я.: прежде надо изжить несправедливости в самом себе, а затем судить других, Сам Владимир Я. признает, и я с ним вполне согласен, что мы еще темны, а в темноте преимуществует нужда. Наша общая задача — культурным светом нужду убить и в первую очередь двинуть вперед сельское хозяйство.

Селькор *Гасабов.*

УССР, с. Михайловское, Скадовского района, Херсонского округа.

Сад насадили — плодов дождемся.

Письмо Владимира Я. читало все село и оживленнно толковало на все лады. Наши селяне хоть не все так грамотны, как Владимир Я., но рассуждают далеко не так, как он. Он говорит, что образованным людям, как Калинин, Зиновьев и все наши вожди, на этом и на том свете вечная масленица. Владимир Я., правда, далеко не может глянуть. Его взор завалеп дорогими коврами, дворцами, стульями, диванами и перинами. По его, выходит, что лучшее благо вождей, это — «мягкие кресла и перины». Горе так судить. Я помню сказочку про цыгана. Говорит цыган: «Як бы я был царем, то я б только сало ел да шкурку с молока». На этот аршин мерит и Владимир Я.

Мы видим Калинина не в кресле, а за суровой работой. Калинин служит рабочим и селянам не за перины и не за жалованье. Где силы, молодость, здоровье Калинина и наших вождей? Отданы нам, селянам и рабочим. Если каждый из нас, даже темный, высоко ценит свою жизнь, ни за что ее никому не продаст, то тем более жизнь наших вождей не может быть переводима на деньги. Наши вожди отдают свою жизнь, умирают за рабочих и селян, чтобы ценой своей жизни облегчить, вести к счастью миллионы страдальцев, умиравших под гнетом «помазанников божьих». Поднимать на борьбу миллионы, быть горячим участником их освобождения — вот единственная награда наших вождей. За это они работают и будут работать, хоть совсем у них жалованье отнять.

Почему запутался Владимир Я.?

Владимир Я. думает, что если сегодня революция, то завтра же она дает все свои плоды. Кто заводит сад, ждет, ухаживает за ним, работает до поту целых 5 или 7 лет до плодов — и дождется своих «революционных заслуг», вкусных плодов дерева. Если я сегодня засадил (я его-таки засадил) сад, а завтра же — через год-два — пойду рвать фрукты, — я их там не найду. И если я, не найдя плодов, топориком весь сад со злости «чик, чик, чик», — меня назовут сумасшедшим. Если Владимир Я. даже и не садил сада, а вдруг захотел ягод, то он должен подождать, как и все. Нас царь оставил в такой нищете и темноте, что мы выбираемся из ямы уже восемь лет и еще оттуда не выбрались.

Виноват ли Калинин, что нас наши бывшие «батюшки и матушки» так далеко задвинули в грязь, нищету и темноту, что мы целиком еще оттуда не выбрались? Конечно, нет.

Нам еще многого и много недостает. Но не нужно выкидывать из памяти то, что было, когда нас считали собственностью пана-дворянина, меняли на собак, убивали, пороли нагайками, не давали земли. Это кажется сном, а за границей, где еще пьянствуют паны, там еще до сих пор это существует.

Главное наше добро в том, что мы вышли на верную дорогу и дойдем до лучшего. Разве наше дело все сделано? Нет. Буржуазию у себя мы выгнали, а вокруг нас она еще веревки для нас, рабочих и селян, плетет.

Тернист путь наших вождей и наш.

Когда мы выбираемся из леса темноты и гнета царя, то наши враги тоже дают нам «советы». Тот, кто послушает совета наших врагов, то покаяться уже не успеет. Что наши вожди образованы, — это хорошо, а то, куда они нас завели бы, если бы они были темны, как мы? Их бы буржуазия обманула 7 раз на одном месте. А сколько таких борцов за трудящихся правители царя повесили, постреляли, сгноили в тюрьмах?! Не одну тысячу. Нашу темноту, наше рабство берег и лелеял царь штыком смерти и нагайкой. Много Калининых и Зиновьевых царь с помещиками отправили на тот свет. Но они, видя трудящихся закованными, не могли выдерживать. Революционеров вешали, убивали, а они — герой героя сменял. Живой сменял мертвого, чтобы довести, дождаться наших дней, нашей смены. Несмотря на революцию, путь дальше еще очень труден. Мы еще пока достаточно не-

разбогатели, а во-вторых, нас хочет запутать в жизни мировая буржуазия (дает советы). Наши вожди работают без отдыха. Разве им не пора уйти на отдых, разве не служили, не хватит с них? Для них-то хватит, но трудящимся мало. Кругом нас еще лес и дикая буржуазия, и без наших вождей мы не можем остаться. Под их руководством мы победили панов и помещиков, и только под их руководством мы победим буржуазию всего мира. Мы верим делу, опыту, а не сладким словам. Бить зверя и не добить — плохо. Вокруг нас людоеды-паны за границей еще кишат. Они готовятся нас слопать, но нам выгоднее их слопать, их меньше, а все трудящиеся в желудок буржуазии не вместятся.

Мы еще не настолько научились, чтобы заменить героев-вождей. Их наука для нас неоценима. Их учила тюрьма, нагайка, штык и веревка. Значит они очень умны, если прошли все это. Я им больше верю, чем себе. Почему? Я не так опытен и не прошел огонь и воду, как они, и нас всех, простачков, может любой Владимир Я. запутать, если мы глубоко не разберемся, не раскинем смекалкой. Чтобы скорей скинуть нищету, мы должны не отставать от наших вождей. Наша жизнь, наша борьба требует миллионов работников, чтобы не разрушить то великое, что начато.

«Мы — пушечное мясо», — говорит Владимир Я.

Владимир Я. говорит: «Калинину, мол, хорошо, а нам нужно воевать, чтоб ему всегда было хорошо». Так можно курицу за верблюда принять! Калинин сытости не искал и не ищет. Жизни своей не ценит и не щадит, как и все вожди наши. А если буржуй захочет нас съесть, то трудящие пойдут — Владимир Я. может на печке при кошке остаться — все, как один, без агитации. Нам не страшно быть мясом пушек за свободу, за свои права и землю, когда буржуй тоже делается мясом. Буржуи требуют наших жизней, отдают свободу, землю и фабрики лишь с бою. Ничего не сделаешь! Умирали же мы за «царя и отечество», то умереть за самого себя сознательно, за свои интересы, это — великая пролетарская честь.

Много ли получают наши вожди?

Царь платил министрам по несколько тысяч в месяц. За границей и теперь платят буржуи своим чиновникам тысячи. Калинин и другие товарищи получают не много. Если Калинин примет иностранных послов в дырявой овечьей бурке, то будут смеяться не с Калинина, а с нас. Попробуем мы все поделиться жалованьем Калинина? Каждый из нас получит миллионную часть

копейки из жалованья Калинина. Наше бедное наследство от царя, помехи мировой буржуазии (а отсюда и наша темнота), — все это мешает нам в хозяйстве скоро все наладить. Наш Союз велик, за день не объедешь. Нас хоть и стараются капиталисты задушить, а на зло им мы растем, и хватит у нас терпения. Не хватает лишь терпения у Владимира Я. Он не видит причин темноты и бедности, а лишь видит жалованье Калинина. Пусть не забудет Владимир Я., что нам нужно всю свою технику и все хозяйство поднять наравне с заграницей и выше. А кто будет работать? Мы сами, а где нужно большой науки дело, то нужно мастера найти, даже хоть и от капиталистов сманить к себе за дорогую плату, пусть его ум за наши деньги на нас работает, в нашу общую пользу. Всем известно, что в большой научной работе потерять хороших работников значит себя обидеть, самому проиграть.

Если послушать Владимира Я., — выходит, что все, сделавшие что-либо для революции, должны сейчас же получить награду за свое дело, — нет, это не так! Если власть платит вождям, это посильно для нас, а заплатить всем «героям» в роде Владимира Я., то селяне и рабочие за чуприну возьмут.

Подождать еще нам надо, поработать. Наша революция, наша свобода — молодое дерево плодового сада всех трудящихся всего мира.

Еще рано требовать всего от самих себя. Плоды есть и будут из года в год больше. Если мы не будем укреплять наш Союз, а будем с него лишь требовать, то мы его подточим, а этого хочет капиталист. Тогда нас капиталисты накроют, как глупых обезьян. Они думают, как бы селянам и рабочим заговорить зубы, побрататься с ними, пообещать горы всего, особенно в царстве небесном, подойти ближе, по-братски обняться, а потом обезоружить и поговорить по-настоящему с нами, по-хозяйски, как было при «царе-батюшке». 1 000 раз нас обманывали цари и помещики, а 1001-й раз не пройдет!

Не к лицу нам слушать Владимира Я. Пусть бережет свои советы сам для себя. Видно, жизнь его еще не научила.

Скораев, А. Р.

С. Белочи, почта Рыбница,
Автономной Молдавской ССР.

Владимир Я. ударился в испуг.

Уважаемый товарищ, Владимир Я. Если вы читали ответ М. И. Калинина, то я не сомневаюсь в том, что вы отказались от своего требования награды за революционные заслуги, которых вы не имеете.

Недостатки есть, которых не скрывают и наши вожди, но их нужно искать поближе к себе, а не в вождях революции. В чем же те недостатки и от кого они зависят, как не от нас самих? Мы, встретившись с препятствием в виде безработицы и не умея с ним бороться, сейчас же ударяемся в испуг и кричим караул. А в это время, пользуясь нашей растерянностью, в органы власти на местах проникают люди, чуждые нашему лагерю, и чинят нам всевозможные гадости. Так вот, уважаемый тов. Владимир! Прежде чем говорить о недостатках вообще, нам самим нужно уделить максимум энергии и внимания делу строительства нашего Советского государства. Вы — батрак, вы — нищий, но вы не один — нас очень много. И ни один, однако, из сознательных тружеников, действительно имеющих революционные заслуги, не позволил бы завидовать лучшему положению наших вождей.

Рассматривая нанесенное вами оскорбление уважаемому всеми тружениками нашему всесоюзному старосте М. И. Калинину и другим товарищам, я, как труженик земли и леса, доброволец Красной гвардии и участник гражданской войны, не могу простить вам этого проступка, который, быть может, допущен вами благодаря вашей несознательности, и прошу вас о своевременном извинении перед М. И. Калининым и рабоче-крестьянским правительством в целом. Если же это вы откажетесь сделать, то я и все сознательные крестьяне и рабочие сочтут вас за контр-революционера.

Г. Криворучкин.

С. Шатрово, Тюменск. у.

Владимир Я. — слеп.

Владимир Я. говорит, что он помогал восстанавливать советскую власть, а за это теперь не видит никакой награды. Но я, как живущий в углу вашего Союза, на границе русско-латышско-польской, могу сказать, что у нас каждый неграмотный старик замечает разницу между соввластью и властью буржуазии. И если бы в несколько раз больше пострадавший польский солдат, чем Владимир Я., предъявил такие требования и обвинил бы

буржуазное государство, то этот изувеченный солдат попал бы в тюрьму. Вот это и показывает, что мы живем в свободной стране, и привилегии от власти беднякам большие.

Сам тов. Калинин не отрицает, что бедноте у нас живется еще не так, как должно быть, но все же заботятся о ней больше, чем в каком бы то ни было буржуазном государстве.

Владимир Я. говорит, что на безработного смотрят как на ничтожного человека. Это очень часто бывает верным. Бюрократизм у нас развился, и вот в этом есть упущение нашего рабоче-крестьянского государства. Всяким вот этим ненормальностям наше правительство должно объявить ожесточенную борьбу.

В. Я. неправильно выражается, он слишком нападает на наших вождей. Это, безусловно, лишнее. Не только наше правительство должно бороться с ненормальностями, но и мы сами должны им помогать в этом.

С. Усененок.

Дер. Росицы, Бриссенского района,
Полоцкого округа.

Уравнять всех под одну гребенку нельзя.

Одно дело — побывать писателем и хату-читальню организовать, а другое дело пережить империалистическую войну, Февральскую революцию, гражданскую войну, военный коммунизм и, наконец, сделать Советскую Россию знаменитой для всего мира, восстановить хозяйство за пределы довоенные, вести во всех отношениях политику с другими государствами, — не умея этого, мы проиграем все, к чему стремимся.

Люди, пережившие баррикады, побывавшие на фронтах добровольно — и не писарями, а с оружием в руках, в окопах, живут не лучше Владимира, но они не ставят вопроса о том, чтобы государство дало награду, они и сейчас также работают для общей пользы.

Разве совласть нам не помогает? Кто национализировал богатства, фабрики, землю и сделал достоянием народа, кто уменьшил в 4 раза налоги, кто льготу бедноте дает, разве Романов к этому стремился, думал ли это раз в 300 лет? Кто ведет мирную политику, если не совласть? Кто допустил к управлению рабочих и крестьян, разве Калинин не крестьянин, а Рудзутак — разве не батрак? Раньше кто лечился на курортах? — капиталисты, а теперь наоборот.

Я думаю, что тов. Калинину работы вполне хватает без наших писем и не нужно отнимать у него время такими письмами.

Баженов.

С. Кушма, Шумихинск. района,
Уральск. обл.

Берись за работу, получишь свою награду.

Я, как бывший партизан-сибиряк, боровшийся против Колчака и ходивший добровольцем с 27-й дивизией на запад со своими партизанскими вождями — Кравченкой и Щетинкиным, хочу ответить Владимиру Я.

Я тоже не прочь потребовать награду за свои революционные заслуги, но смешно — у кого просить, с кого требовать?

Я награду за свою борьбу нашел в своем труде.

После годов царской и гражданской войны, побывав в окопах и под снарядами, узнав вкус колчаковских прикладов и нагаек, в 1921 г. я демобилизуюсь. Не один я возвращаюсь к своему хозяйству. Все мы беремся за перестройку хозяйства на новый лад. Строим теплые скотные дворы — для нашей суровой Сибири последние полезны. Сеем кормовые травы, корнеплоды — последние удваивают удои молока и увеличивают процент жира в молоке.

Вот наша награда за революционные заслуги! Мы свободны, говорим на собраниях, делаем на дому читки, — нас никто не преследует. Нам дают в рассрочку сельскохозяйственные машины, дают ссуды на постройку, на покупку инвентаря, мы сами собой правим, нам делят землю. Плату за раздел рассрочили, а с беднацких хозяйств и совсем скинули платеж. Нам предоставили право организоваться в коллективы, коммуны, артели и дают всевозможные льготы — все это, как мы считаем, награда нам за нашу борьбу.

Может быть, Владимир Я., именуя себя батраком, на самом деле является самососом, а не общественником. А если он общественник, то как же он может укорять тех людей, которые выполняют громаднейшую работу на общее благо? Непонятно.

Укоры — делу не помога. Благодаря помощи советской власти я улучшил свое хозяйство. Это—моя награда за мою революционную борьбу. И Владимиру Я. я тоже советую или быть общественником, чтобы тебя, Владимир, избрали на общественную работу, или, как батрак и толковый человек, организуй

коллективно артельное хозяйство. Тебе советская власть даст указания и поддержку.

Иванов Николай Варфоломеевич.

С. Саганское, Минусинского округа.

Тысячу раз неправ Владимир Я.

Владимир Я. неправ, тысячу раз неправ.

«Где моя революционная заслуга?» — не то с сердцем, не то с дрожью в голосе восклицает Владимир Я.

Но в чем его заслуга? Тысячи демобилизованных красноармейцев делают такую же и даже большую работу, чем Владимир Я., и не тянутся так жадно к награде, как Владимир Я.

Строй хозяйство — получишь награду.

У нас на Урале, в Тюменском округе, один демобилизованный красноармеец организовал коммуну «Красные орлы». Эта коммуна считается лучшей во всей Уральской области, и, надо думать, этот товарищ не тянется за наградой. Он сам себе создал награду, поставив дело так, что ему позавидует любой ответственный центральный работник.

Вот вам еще пример. В Верх-Камском округе, Уралобласти, по почину демобилизованного красноармейца тов. Контарева, организовалась сельскохозяйственная коммуна, открыла кузницу, кровельную мастерскую. Тов. Контарев тоже не требует награды, а сам личным трудом хочет выйти из нужды и вывести за собой других. Это единицы — герои труда, а сколько их всех таких в Союзе? Их много, и все они делают без крика свое великое дело, строят на деле социализм, сами куют себе награду, не кидаясь с претензиями к правительству.

Тов. Владимир Я., как видно из твоего письма, ты пользуешься популярностью на селе и даже организовал хату-читальню, а почему бы тебе не последовать примеру наших уральских товарищей и организовать коммуну! Крестьяне тебе верят, тебя уважают, они за тобой пойдут. Правительство тебе сколько возможно поможет, правительство много внимания уделяет беднякам и вообще всем крестьянам, но полностью удовлетворить все запросы всей огромной массы крестьянства нашего Союза оно не в состоянии, а потому мы должны помогать сами себе.

Есть ли у вас в селе комитет взаимопомощи? Есть ли у вас кооперация, как сельскохозяйственная, так и потребительская?

Если нет, — организуйте. Меньше слов, а больше живого практического дела! Ты организовал хату-читальню и гордишься, что блестяще кончил работу. Окинь взором и со здравым рассудком Советский союз и ты увидишь, какую огромную работу проделало правительство на сельскохозяйственном фронте за короткое время существования соввласти. Это — огромный, гигантский шаг. Ты пишешь, что на нас смотрят как на серую шинель. Кто же смотрит на нас такими глазами? У нас страна рабоче-крестьянская, и управляют ею рабочие и крестьяне без всяких царских холопов и прихвостней. Поэтому на нас смотреть как на серую шинель никто не может, и над нашей бедностью никто смеяться не будет и не намерен, а скорее всего, если есть возможность, помогут. Но надо помнить, что под лежачий камень вода не бежит.

Наши вожди — борцы за наше благо.

Дальше Владимир Я. пишет: «Образованные люди вышли из богатой среды и сами богатые». Неужели М. И. Калинин богат? Неужели он имеет в Москве собственные фабрики и заводы? Я думаю, что ничего подобного у центральных работников нет; и они богаты своим революционным опытом и практикой, и я предполагаю, что многие центральные ответственные работники — крестьяне от сохи и рабочие от станка, и, вероятно, с низшим образованием. Роскошь, о которой пишет тов. В. Я., теперешние ответственные работники видели в тюрьмах и на каторге.

Нет, тов. Владимир, кто жил прежде роскошно, ступал по персидским коврам, тот против нас воевал, а не с царем боролся, потому что ему жаль было насиженного, теплого гнезда, он не хотел его уступить добровольно тому, кто имеет на это право — рабочему и крестьянину. С какой бы стати Рыков, Калинин и Сталин стали рисковать самоотверженно своею жизнью, если бы, как вы выражаетесь, они, образованные и богатые люди, жили хорошо и роскошно на рабоче-крестьянской шее?!.

Власть заботится о нашем просвещении.

Прав ты, тов. Владимир Я., когда пишешь, что тысячи лет мы были неграмотны. Это — справедливо. Царизм только тем и держался, что трудящимся с помощью религии набивали голову всякой святой чепухой.

А теперь зачем же привлекают и учат каждую кухарку управлять государством, привлекают каждого рабочего и крестьянина

к строительству новой жизни? Мы темны, неграмотны, но мы должны учиться. Двери всех школ широко открыты перед всеми рабочими и крестьянскими массами, и твое утверждение, будто мы останемся неграмотными на всю жизнь, ни на чем не основано. И все, кто так утверждает, остаются неграмотными только из-за лени.

Мы знаем, тов. Владимир Я., что государство расходует большие деньги на дело ликвидации неграмотности, на дело просвещения, оно дает больше, чем берет. Нужно ли после этого говорить, что государство хочет нас держать в темноте? Я думаю, что — нет, ибо всякий здравомыслящий, всякий зрячий человек видит, что государство старается нас просветить.

Управление страной требует выучки.

Ты думаешь, что управлять государством так же легко, как блин испечь? Испробуй. Если тебя сразу поставить на какую-нибудь высокую должность, тебя, не разбирающегося в жизненных вопросах текущего момента, — мало бы ты сделал хорошего.

Чтобы не допустить анархии, ВКП(б) руководит крестьянством на местах и говорит, чтобы мы сами участвовали в управлении государством, и более даровитых и более опытных из своей среды крестьяне сами выдвигают на ответственные работы, и правительство не протестует против этого.

Мы — сознательные борцы за свои права.

Теперь о войне. Если правительству будет угрожать какая-либо опасность, — разве это не будет угроза нам самим? Разве правительство защищает не наши интересы, охраняя наш мирный труд? Разве наше правительство хочет войны, чтобы превратить нас в пушечное мясо?

Наше правительство — выразитель воли народа. В. И. Ленин говорил: «Мы сильны, когда выражаем то, что сознают массы». Разве ВКП(б) идет не по тому пути, который указал В. И. Ленин?

«Мы были рабы и будем», пишет Владимир Я. Нет, мы были рабы господ при царизме, но теперь не рабы. Чей ты раб, дорогой товарищ? Не дана ли тебе полная свобода работать на себя? Не дано ли тебе полное право располагать своей жизнью, как хочешь, по своему личному усмотрению? Нет, рабы такого удовлетворения жизненных потребностей не имеют. Для нас, царских рабов, заря освобождения взошла, для нас, освобожденных

рабов капитала, восходит заря социализма, для нас пришло избавление от гнета, и этим мы обязаны всецело ВКП (б), основанной тов. Лениным, — поможем же всемерно своему правительству.

Те наши товарищи, на которых ты, тов. В. Я., нападаешь, — активные деятели нашего освобождения. Их надо горячо благодарить за наше освобождение, а не нападать.

Правительство прекрасно видит бедность страны, но оно не может сразу поднять на желательную высоту наше обедневшее хозяйство. Мы перенесли продолжительные войны, и войны оставили глубокие раны на теле нашего государства. Чтобы залечить эти раны, требуются годы и годы. Мы должны это понимать, и жаловаться на слабое к нам, беднякам, внимание государства мы не должны, такие жалобы неуместны в настоящее время. Пишущий эти строки — сам бедняк, безлошадник, но он не идет и не пойдет за Владимиром Я.

Селькор.

Дер. Средние Кубы, Саратовский округ,
Уральской области.

Работой одолеем трудности, к лучшей жизни пробьемся.

Что-то страшно писать на имя Калинина. Деревенская баба — и вдруг письмо Калинину! Но Калинин и Рыков сами виноваты, внушив нам, деревенским бабам, что мы равноправны. Вот и хочется что-либо написать, так руки и чешутся. Быть может, меня и поругает Калинин, но я все-таки свои мысли напишу.

Тов. Калинин считает, что Владимир Я. сползает на контр-революционную точку. Если человек на эту точку сполз, то, быть может, это от нужды и недостатков. В нужде и в горе все на кого-то бывает досадно. Ведь правда, что мы, крестьяне, живем плохо, ведь, в самом деле, работаем до поту, а живем все не как человек. Возьмет иного досада, и сползет он на контр-революционную точку зрения.

И еще слыхала, как многие крестьяне говорят, что много тратится денег бесполезно. Вот командировки эти сколько поглощают денег, разные съезды. А денежки надо беречь и зря не расходовать. Нам нужно строить фабрики и заводы, дать работу безработным, вот тогда крестьянин не сползет на контр-революционную точку зрения.

Не надо ставить так вопрос, что всякий, кто скажет или напишет резкое слово, сползает к контр-революции.

Это не так, потому что в стране, где рабоче-крестьянское правительство, можно говорить правду в лицо, как Чичерин Лиге наций. В словах Владимира Я. тоже есть доля правды. Но Владимир Я. пишет, что мы — рабы, что мы так же темны, как и раньше, — это неправда. Мне 41 год, и я помню, что я при старой власти боялась даже старшины в волости, а в настоящее время прихожу в уездный исполком и никого не боюсь. Я — крестьянка, в 1924 г. была членом уисполкома и знаю, что уездная власть еще проще деревенской. Мужик в деревне скорей нос задерет, чем работник в уезде. Значит, мы теперь не такие рабы темные.

Я и говорю: давайте помогать власти, давайте указывать на ошибочные поступки нашей власти. Сама власть к этому нас призывает, а царь нас ни о чем не спрашивал. На месячное жалованье царского министра можно было целую деревню круглый год кормить, а наша власть получает в центре 200 руб. в месяц — это пустяки. Если же мы бедно живем — это, правда, тяжело, но это благодаря разрухе и голодовке после неурожая. Но что делать? Мы все-таки идем вперед, не стоим на одном месте, не будем падать духом, дождемся хорошей жизни.

К. Г. Шевякова.

Дер. Услимово, Тарусского у.,
Калужской губ.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ОТВЕТ ТОВ. М. И. КАЛИНИНА НА 2-Е ПИСЬМО ВЛАДИМИРА Я. И НА ОТКЛИКИ С МЕСТ. С мест получено 2500 писем.

Я должен начать с извинения перед читателями «Крестьянской газеты», что не имел возможности в разгар внимания к письму В. Я. написать заключительный ответ.

Его письмо вызвало огромное количество откликов, и это позволит мне ограничиться, со своей стороны, только несколькими дополнительными замечаниями вдобавок к тому, что я уже писал в предыдущий раз.

Но сначала о поступивших откликах. Всего получено две тысячи пятьсот писем, из них около сотни от коллективов, в том числе резолюции, принятые в результате обсуждения. При всем желании не только напечатать, но и дать полную характеристику всех писем невозможно. Активность проявлена здесь всеми слоями населения: авторы писем — крестьяне, рабочие,

красноармейцы, батраки,—от деревенской интеллигенции получено до 70 писем. Слабо отозвались партийцы и комсомол, всего от обеих групп 60 писем. Надо предполагать, что именно эти группы всего менее читают «Крестьянскую газету».

Огромное большинство соглашается с моим ответом, но значительное количество берет под свою защиту В. Я. Из них несколько писем носят ярко контр-революционный, глубоко враждебный к советскому строю характер.

Например, чего стоит одно замечание: «Вы не умеете носить фрак, так лучше представитель оборванцев будет им под стать». Заканчивает автор с грустью: «Я не пишу своей фамилии, ибо нарымский климат вреден для моего здоровья, но я не контрреволюционер; по-моему революция и контр-революция одинаково глупы, им человечества не переделать».

Читатель из приведенной цитаты видит, что автор письма— «по его мнению, не контр-революционер», но с каким сладострастием он поджарил бы на медленном огне эту «рвань» советскую. Само собой разумеется, что он полностью солидаризируется с В. Я. Надо сказать, таких явных или скрытых контрреволюционных писем не больше 3—5.

Значительное количество лишь жалуется на трудность положения. Медведев из Хабаровского округа, дер. Матвеевки, пишет: «Я был партизаном, но что мне дала советская власть за это? Не лечат, на службу не берут—нетрудоспособный, нас забыли, никому мы не нужны, а продналог плати».

Или: «О бедняках надо подумать более энергично, не утешая социализмом, до которого ведь надо жить» (из письма Михайлова, Пензенской губ.).

Советская общественность как в городе, так и в деревне не растет, а буквально прет.

Эти жалобы и указания безусловно справедливы. К сожалению, я не могу привести и одной пятисотой из писем, полемизирующих с В. Я. При всем желании нет физической возможности напечатать две тысячи писем не только в газете, но и в книге. Одно лишь ясно из того оживленного обмена мнений, который вызван письмом и ответом: как бы ни шипели наши враги,—советская общественность как в городе, так и в деревне не растет, а буквально прет. Но не только общественность растет, а и глу-

бокое понимание существа вопроса, что лучше всяких доводов показывает, насколько советский строй соответствует интересам трудящихся. Привожу для иллюстрации несколько цитат.

Рассказов из Смоленской губ. пишет: «Молодому, энергичному работнику, как видно из письма В. Я., популярному на селе, — и вдруг нечем существовать. Такие ребята, как рисует себя В. Я., без дела не бывают, их куда-нибудь да выберут. Очевидно, неправда, что В. Я. пользуется авторитетом».

Пономарев из Бийска, с. Уся, пишет: «Я вижу плоды нашей работы: специальный фонд для кредита бедноте, трактор, отпущенный бедноте в кредит, часто вижу свои заметки в газетах, это для меня лучшая награда».

Андронов из Саратовской губ., дер. Кашаровка: «Говорить так публично правительству и прикрываться словами — мы рабы — не вяжется с понятием раба. Людей высшего технического и научного труда ставить в условия сторублевой жизни — это рубить сук, на котором сидим».

Гарбуз из Украины, из Лубенского округа: «Я крестьянин, неграмотный, семидесятилетний старик, считаю письмо В. Я. в корне неправильным. Стоит оглянуться назад. С крестьян-бедняков лился ручьем кровавый пот в пользу помещиков, а теперь крестьяне пашут бывшую помещичью землю, и на ней гудят тракторы коммун».

Из Татреспублики, Чистопольский кантон, ст. Шишилинское, С. Аги: «В. Я., не от того мы стали с тобой нищими, что нам дают № 3 252 в Николаеве, а от того, что богатство страны поглотила империалистическая война и страшный голод 1921 г., когда посевы уменьшились на половину довоенных».

В заключение абзац из письма чернорабочего Кагана из Плещеницкого района (г. Борисов, Советская ул., 13): «Владимир Я. не видит наших достижений. Я хочу ему привести пример. В Плещеницком районе (Борисовского округа) жизнь сильно двинулась вперед. Теперь, вместо одной школы, мы имеем 5; устроена семилетка, в которой учится до 300 человек, половина крестьян; строится семилетка в Зареченском сельсовете. В районе имеется несколько изб-читален, много стали выписывать газет и журналов крестьяне. Во многих деревнях имеются драмкружки, сельскохозяйственный, политический, проводится ликвидация неграмотности, организовано несколько яслей в районе, проводятся собрания, конференции и т. п. Крестьяне видели уже

кино-передвижки; в Плещеницах два радиоприемника установлено, и крестьяне слушают Москву. Если до Октябрьской революции одно помещичье восьмипольное хозяйство было, то теперь крестьяне целыми деревнями на многополье переходят. Увеличился скот, крестьяне закупают сельскохозяйственные машины, бросают соху и т. п. В м. Плещеницах устроена электростанция, а при ней лесопилка. Предполагается устроить завод деревообделочной промышленности в Плещеницком районе. Правда, не везде достигнуты такие успехи, правда, немало еще у нас злоупотреблений, но они уходят в прошлое».

Я уже сказал, что писем получено 2 500, ни одно из положений В. Я. не осталось неопровергнутым, можно было бы привести тысячу цитат, великолепных по форме и мысли, но я вынужден быть на них очень скупым и стараюсь приводить больше из окраин, куда газеты доходят с трудом; их строчка в центральных газетах как бы уменьшает это расстояние и протягивает от них к далеким корреспондентам нити взаимного общения.

Несколько слов о моем первом ответе Владимиру Я.

Теперь несколько замечаний о моем прошлом письме; эти замечания вместе будут служить и ответом на вопрос А. П. Смыкова из Башреспублики, с. Удельно-Луванейское: «Тов. Калинин,— пишет он,—мало остановился на общих вопросах и зря много уделил внимания личности В. Я.».

Совершенно правильно, что гвоздь моего письма был обращен на личность автора письма. Но я продолжаю думать, что поступил правильно, остановив внимание не на общих вопросах, а именно на авторе персонально, хотя много корреспондентов и читателей стоят на точке зрения тов. Смыкова.

Так почему же я, вопреки своему обычаю, обрушился на автора и стремился, насколько это было в моих силах, дискредитировать его перед рабоче-крестьянской массой? Да потому только, что В. Я. не случайный, исключительный человек, а довольно распространенный тип. Если бы я не встречал В. Я. на фабриках, в деревне, в армии и в особенности в советских учреждениях, я бы считал совершенно излишним, ненужным останавливаться на нем персонально. Видимо, ответ попал в точку, ибо на письмо отозвались крестьяне, рабочие, сельская и городская интеллигенция, красноармейцы, комсомольцы, и, насколько

я знаю, письмо основательно читалось партийными товарищами. Значит, удар пришелся по такой струне, звуки которой воспринимались широким кругом людей.

Я не сомневаюсь, что письмо было предметом многочисленных дискуссий — об этом говорят присланные резолюции, да и меня в Москве приглашали принять в дискуссиях участие, но я не хотел предупреждать то или иное толкование письма, пусть письмо будет понято так, как воспринимает его читатель. И, насколько можно судить по письмам, оно в огромном большинстве понято совершенно правильно, что В. Я. есть тип упадочный, носящий в себе заразу безверия, а в одном крестьянском письме метко говорится — неудачник. Своим письмом я лишь стремился облегчить читателям разглядеть отрицательные стороны В. Я., сбросив с него не идущее к нему покрывало-революционности.

О втором письме Владимира Я.

Владимир Я. льстит народу, обманывает его.

Мною получен от В. Я. ответ. Не перепечатываю его полностью в виду его размера (10 печатных страниц), во-первых, а во-вторых, по существу оно ничего нового не дает и, в-третьих, оно носит еще более личный характер. Остановлюсь лишь на принципиальных общих вопросах.

В. Я. пишет:

«Я спрашиваю вас, Михаил Иванович, может ли нищий, как я, быть контр-революционером? Нет, тысячу раз нет!»

Вот это и называется не видеть дальше своего носа. В. Я. говорит: «Вся миллионная масса крестьянства и пролетарии будут со мной в этом согласны». Горячо вы, В. Я., пишете, хлестко пишете, но прямо вам скажу, грубо и резко: обманываете вы народ, льстите ему, чтобы тем самым сделать свой обман менее заметным.

Есть ли среди бедноты контр-революционеры? Конечно, есть... Что их контр-революционность на 99 процентов бессознательна, может быть в значительной степени вызвана безысходной нуждой, все это правильно. Но отрицать то, что есть и что общеизвестно, смешно. Неужели все одиннадцать миллионов, голосовавшие в Германии за Гинденбурга, богачи и кулаки? Кто же этому поверит? А наши белые армии состояли разве только из помещиков и богатых крестьян? В тысяче забастовок,

которые приходилось проводить пролетариям, не участвовали ли другие, такие же пролетарии, в штрейкбрехерстве? Крестьянская беднота разве не хватала и связанными не передавала полиции агитаторов-народников несколько десятков лет тому назад?

Если бы вся беднота была сознательна и революционна, то капитализм и одного дня бы не просуществовал сейчас в мире.

В том-то и дело, что мало ли еще бедноты благодаря своей малосознательности и, пожалуй, нищете до сих пор ждет улучшения своего положения от капитализма! А капитализм на одурачивание городской и сельской нищеты тратит сотни миллионов рублей. Достаточно вспомнить религиозные культы, основная цель которых — одурачивание нищеты, специальные штрейкбрехерские и фашистские организации, состоящие из подонков общества и направленные против сознательной бедноты. Как же после этого с пафосом кричать: «Я бедняк, и только потому, что я бедняк, я уже не контр-революционер». Нет, такими фальшивыми, лицемерными, не просвещающими, а затуманивающими действительность фразами не собьете с правильной мысли бедноту.

Что беднота города и деревни в своей массе революционна, об этом знают лучше всех именно большевики, этому особенно учил и по всем данным недурно учил свою партию Ленин. Успехи Октябрьской революции в значительной степени базировались на революционности беднейших масс города и деревни. Сейчас основой советской власти, конечно, является беднота, ее поддержкой сильна советская власть. Но, чтобы под прикрытием революционности массы отдельные выходцы из ее среды могли протаскивать контр-революционные идеи, — этот номер не пройдет. Не беднейшие массы контр-революционны, а ее отдельные отщепенцы, типа В. Я.

Недаром матерые контр-революционеры сразу же признали В. Я. своим. Оговариваюсь, я оцениваю В. Я. не по его личной жизни, ее я не знаю и не считаю удобным ее обсуждать. Предложение В. Я., чтобы запросить его односельчан, не входит в мои обязанности, это было бы действительно вторжением в его личную жизнь. Между прочим, такие письма есть и очень для В. Я. неблагоприятны. Я считаю неполитичным, вредным для дела их использование мною, пусть они покоятся в архивах газеты, которая очень ревниво оберегает спокойствие не только нравящихся ей корреспондентов, но и в особенности тех, которые опасаются репрессий за свои мысли.

Я обсуждаю общеизвестную о б щ е с т в е н н у ю деятельность В. Я., выразившуюся в его двух открытых письмах, но они-то, безусловно, являются контр-революционными.

Пара слов по поводу моей резкости к В. Я. Об этом говорится в ряде писем, и сам В. Я. старается также воспользоваться этим, говоря: «Где же мне спорить, когда мое образование означает ноль без палочки, с таким выдающимся, талантливым, дальновидным и проч.».

Такой демагогией наполнены целые страницы последнего письма. Самоунижение, говорят, паче гордости. Напрасно В. Я. представляется менее образованным, чем я. Он более молодой, это правильно, но по всему видно — из молодых, да ранний. Образование наше, видно, одинаковое — сельская школа, а в каллиграфии, вероятно, мой оппонент сильнее. Но если бы автор двух писем был менее сознателен, чем можно судить по его письмам, я все-таки не имел бы права смягчить, подделываться, говорить с В. Я. не как с взрослым ответственным человеком.

По-моему нет большего оскорбления и худшей спеси, как видеть в своем противнике развивающегося пионера. И что это за старо-дворянская черта видеть в крестьянине-батраке неумного, малосознательного человека? Что может быть более рабского и унизительного, чем такое отношение?

Русские белогвардейцы придерживаются такой тактики по отношению ко мне, показывая этим особо ко мне пренебрежительное отношение, но ведь мне-то это кажется смешным, потому что я понимаю, что это единственное их орудие против представителей советов. Крестьянин и рабочий выросли, менее всего они нуждаются в опекунах, хотя бы и вышедших из их среды. Ты подай мысль, резко, определенно формулируемую, которую рабочие и крестьяне разберут по косточкам, не хуже автора мысли. В. Я. злоупотребляет и грубо льстит, когда он необразованных, малосознательных крестьян противопоставляет образованным. Тем самым, может быть незаметно для себя, он унижает, наносит самое позорное оскорбление низам, делая это под флагом лести.

Что дала советская власть бедноте, — Владимир Я. не видит.

Отвечу на несколько общих вопросов (которые я сознательно обошел в своем первом письме, чтобы не разбивать на них внимания читателей). В. Я. снова их ставит, и корреспонденты

многочисленных писем говорят об этом, хотя, признаюсь, мне придется, может быть, другими словами, но по существу теми же доводами отвечать, какими отвечают полученные редакцией письма. Что дала советская власть бедноте? Пока что дала очень немного, даже ничтожно мало... Это правда, но и это микроскопическое малое никогда ни одно правительство нигде в мире не давало, не дает, и, можно быть уверенным, ни одно капиталистическое правительство не даст, поскольку оно является капиталистическим.

У нас беднота имеет все преимущества в смысле прав и возможностей получить влияние в советах и советском аппарате. Но, конечно, одного формального признания этих прав мало, и партия, учитывая это, хотя бы на последнем пленуме ЦК, находя участие бедноты слабым, неудовлетворительным, требует от местных организаций обратить на привлечение бедноты в советы в деревне и городе усиленное внимание. Позволит ли себе хотя бы одно правительство допустить даже слабый намек на нечто подобное?

Кто у нас пользуется неотъемлемым правом поступления в учебные заведения от начальных и до вузов. Я слышу возражение, что сотни тысяч бедноты из молодежи, не говоря о вузах (где уж бедноте — вузы!), остаются неграмотными.

Но кто же спорит против этой истины? У нас, действительно, из сотни или тысячи бедноты один попадает в вуз. Этого не опровергнешь. Но, во всяком случае, аттестационная комиссия при приеме в вуз при прочих равных условиях и равной подготовке преимущество отдаст беднейшему. Поищите на земном шаре — есть это где-либо?.. А между тем нам еще понадобится десяток лет, чтобы уничтожить полную неграмотность, и, конечно, неграмотной является в огромном большинстве беднота.

Мне скажут: все это так, но ведь бедняку юридические права все равно, что лисе виноград: хорош, но для питания — зелен, вот насчет питания-то слабовато... С какой стороны оценивать с точки зрения единичного бедняка, да еще отягченного случайными бедствиями (ведь всем известно, что беды особенно приличивы к бедняку), конечно, материальная помощь мала. А с точки зрения государственной — советской властью проведены исключительной важности меры. Достаточно напомнить хотя бы уравнительное распределение земли помещичьей и кулацкой. Кто решится сказать, что это — не питание бедноты. Освобождение от сельхозналога 25 процентов беднейших крестьян. Непо-

средственная материальная помощь специально беднейшим слоям населения при различного рода стихийных бедствиях; льготный кредит в размере посильного выделения на эту цель особых фондов; уплата членских взносов по вступлению в кооперацию. Достаточно напомнить, что одна Московская губерния в настоящем бюджетном году расходует свыше миллиона рублей на помощь бедноте в различных формах. Повышение заработной платы сельскохозяйственных рабочих. Стремление правительства административными и экономическими мерами избавить их от чрезмерной эксплоатации, привлечение их в профсоюз, страхование от потери трудоспособности и т. д. Невозможно перечислить всех мер, направленных к материальной поддержке бедноты. Все делаемое еще крайне скудно, положение еще тяжело, не скрою, но ведь это не вина советского правительства, а его беда, и она будет изживаться с ростом материальных средств страны, с постепенным изживанием недавно пережитых бедствий.

Владимир Я. ставит вопрос не по-красноармейски, а по-шкурнически.

Является ли служба в Красной армии, безотносительно какую в ней исполняешь обязанность, революционной? Безусловно. Наша Красная армия является хранительницей народных завоеваний, она основная, непосредственная защитница единственного в мире пролетарского государства. Она является тем барьером, который охраняет рабочих и крестьян от растерзания их капитализмом. Как же после этого не ценить, не признавать важнейшего значения каждого винтика в этом могучем аппарате защиты? Так чем же вызван мой столь грубый ответ В. Я.? А тем, что В. Я. поставил вопрос не по-красноармейски, не так, как ставит его боевой защитник пролетарского государства, а по-шкурнически. Настоящий красноармеец-боевик скажет: пусть советская родина ко мне иногда несправедлива, но моя жизнь находится в ее полном распоряжении, социалистическая родина, даже в случае отдельных несправедливостей, однако в основном справедлива, ибо это — мое государство, и его ошибки я должен вместе с ним исправлять. А В. Я. в первую очередь требует награды за свою военную работу, обвиняя советскую страну, что она не дает ему просимой награды. Вот в чем суть вопроса...

В. Я. в последнем письме очень красноречиво упрекает меня в жестокости к нему, — я, дескать, лишаю его права иметь хорошую, милую четырехлетнюю дочурку.

Владимир Я. извратил мою мысль.

К чему такое извращение моей мысли? Вопрос идет не о праве, а о **возможности**. Может ли Советское государство сегодняшний день твердо обеспечить 30 руб. заработка в месяц Владимиру Я.? Я должен ответить: к сожалению, еще не может. У нас около миллиона видимых, до известной степени, учтенных безработных, несмотря на то, что в истекшем году привлечено в промышленность и органы управления не менее миллиона человек новых.

Откуда же, спрашивается, столь значительная армия безработных? Она пополняется из перенаселенной деревни, где лишней рабочей силы, по словам некоторых статистиков, имеется до 15 миллионов человек. Расширяющаяся промышленность, поглощая наличных безработных, привлекает из деревни новые кадры. Кто может упрекнуть, что советское правительство слабо развивает промышленность? Темп ее развития в последние три года идет быстрее, чем где-либо. Но ведь сама-то задача грандиозна. Подумайте только — найти работу, приспособить к работе новых 15 миллионов вдобавок к тем 7 миллионам, которые имеются сейчас в наличности.

Как ни тяжело еще пока, а можно с удовлетворением сказать, что в Советском союзе проделана, конечно, не усилиями только одних правительственных средств, гигантская работа по улучшению положения детей. Достаточно напомнить, что у нас наполовину уменьшилась детская смертность по сравнению с довоенным временем. Какой бы подняло крик торжества любое из буржуазных государств, имея такие результаты, как уменьшение детской смертности на 40 — 50 процентов довоенных. И однако у нас еще далеко не изжита детская беспризорность. Кто может сомневаться в стремлении партии, правительства — ликвидировать эти печальные остатки империалистической войны, гражданской борьбы и жесточайшего голода. Сколько было предпринято и предпринимается мер! Достаточно напомнить постановление II Съезда Советов Союза ССР об организации 100-миллионного фонда имени Ленина на борьбу с детской беспризорностью.

Настоящий фонд, несмотря на денежные затруднения, растет. Сейчас только по РСФСР имеется неприкосновенного капитала 11 миллионов рублей.

Но ведь работы и денежных средств по действительному, полному изживанию детской беспризорности потребуется громадное количество, точно также и времени, принимая во внимание многомиллионную армию крестьян, ждущую применения труда

(деревня свою рабочую силу использует не более, как на одну десятую возможности) и наличность уличной беспризорности.

Как можно при этих условиях ставить вопрос об обязанности государства обеспечить сейчас же определенным минимумом существование каждой семьи? Ведь это есть только наша задача, насущная цель советского строя, это есть еще завоевываемое пока будущее, которое тем скорее наступит, чем продуктивнее мы будем работать, чем экономнее будем жить. А настоящая действительность такова, что государство не гарантирует хотя бы минимальную помощь каждому попавшему в бедствие, не потому, что не хочет, а не может.

Все, мною сказанное, — это всем известная и понятная истина, но это не мешает людям типа В. Я. снова и снова за свои личные неудачи делать ответственным Советское государство.

Вопрос об обеспеченности детей, подпимаемый Владимиром Я., занимает значительное место в новом советском быту. Графа об алиментах в наших судебных органах играет далеко не последнюю роль. Борьба около этого вопроса довольно острая (у меня в приемной накоплено порядочно бытового материала, возможно, он будет использован мною или кем-либо другим для освещения этого вопроса). И, конечно, тот, кто беспокоится за судьбу детского роста и воспитания, должен сейчас решительно, резко и определенно заявить родителям, что в значительной части обеспеченность их детей зависит пока от них самих.

Нельзя скрывать, затушевывать перед молодежью, которая еще слабо себя обеспечила материально (рабфаковцы, студенты, рабочий, только что окончивший фабзавуч, крестьянская молодежь, еще не призванная в ряды армии), что семья даже при наших советских условиях налагает определенные материальные обязательства, что, как бы мы ни идеализировали советскую семью, она, безусловно, опаляет крылья молодого, еще не укрепившегося полета. Надо считаться с действительностью: семья не только есть простое сожительство двух товарищей, а имеет и некоторую взаимную связанность и обязанность. И, конечно, при вступлении в брак эти обстоятельства должны быть принимаемы во внимание.

Три окончательных вывода.

Подхожу к концу своей затянувшейся статьи — ответа Владимиру Я., так сказать, к выводам, к окончательным результатам завязавшейся дискуссии.

Вывод первый: трудовая масса в своем подавляющем большинстве разбирается в мероприятиях Советского государства, признает их положительное значение для настоящего времени и питает, несмотря на все имеющиеся недостатки, глубокую уверенность, что только тем путем, который намечается коммунистической партией, может быть изжита нищета, беспризорность, постоянная необеспеченность трудовой безработной массы, само уничтожение слова «беднота». Масса сознает, что мы придем к этому через увеличение средств производства и увеличение производительности труда как в городе, так и деревне.

Второй вывод: мелкий хозяйчик, не видя перспектив своего хозяйства, как хозяйства индивидуального (единоличного), заражает своим безверием, пессимизмом отдельных выходцев не только из среды мелких хозяйчиков, а и примыкающей к мелкой буржуазии интеллигенции. В. Я. как раз является типичным представителем таких идеологов (проповедников) мелкобуржуазных идей; поэтому В. Я. и является типом реакционным, вредным для строительства социализма. Это — мелкобуржуазный упадочник, живущий настроением минуты, поддающийся быстрому впечатлению происходящих перед глазами частных случайностей, интеллигент.

Иногда один штрих определяет характер человека лучше целого описания. Например В. Я. в заключительном аккорде письма говорит: «Я наметил в своей статье независимость и свободу. Когда увижу эту статью на страницах газеты, то уйду в мир отдыха посредством самоубийства. Там только правда».

Если бы не было двух его писем, которые дают великолепную характеристику В. Я., то одна вышеприведенная фраза говорит сама за себя, что от В. Я. несет эсеровщиной, со свойственной ей позой, самовлюблением и крикливостью. Ну, какой же рабочий или крестьянин будет смаковать, рисоваться всенародно своим будущим самоубийством? А уж если случится такое несчастье, потеря веры в собственные силы, полная безнадежность найти работу (как это недавно происходило в Вене, где на почве безработицы происходили частые самоубийства) или

несчастная любовь, так в этих случаях самоубийца в собственных глазах является не героем, а жертвой.

Вывод третий: социализм строится не из желаемого нами материала, а из существующего в наличности общества. А наше общество еще не освободилось от всех органических связей с капиталистическим строем. И лишь постепенно, шаг за шагом идет, с одной стороны, строительство социалистическое, а с другой — разрушение, изживание капиталистических форм жизни.

Поэтому перед глазами наблюдателя всегда видны две стороны одной и той же медали. На одной — рост социалистического будущего, а на другой — тлен, разрушение привычных обывателям форм жизни, невзгоды, материальное и в особенности духовное обнищание, чему наиболее ярким примером служит наша эмиграция. Эти противоречия в одном и том же процессе многих и многих сбивают с правильной линии. Теневая сторона революционного созидания толкает мелкобуржуазных революционных фразеров к беспредметной мечте и фантазии. А всякий, кто позволит себе в своей практической деятельности исходить из них, не минет реакционного лагеря, хотя бы он и стремился быть архи-революционером.

Значит ли это, что мы отрицаем революционный энтузиазм, широкий полет мысли и т. д.? В глазах буржуазии не было большего фантаста, как Ленин. Действительно Ленин обладал исключительным полетом мысли, далеко опережающим беспредметные фантазии, но его широкие и далекие перспективы, принимаемые обывателями за фантазии, опирались на существующую, конкретную действительность. Он всегда исходил не из желаемого, а из имеющихся в наличности сил, как непосредственно учитываемых, так и еще скрытых, находящихся в покое, которые надо пробудить.

Каждый шаг серьезного политика требует изучения окружающих условий и обстановки, и кто хочет крепче быть подкованным, не потеряться в волнах жизни, в ее ежедневных практических противоречиях, тот должен постоянно искать из них правильного выхода в интересах трудящихся масс, а не толкать их в безвыходный тупик, как это делает В. Я.

РУКОВОДЯЩАЯ РОЛЬ ПРОЛЕТАРИАТА В РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОМ СОЮЗЕ. *

Что фундаментом Советского государства является союз рабочего класса с крестьянством — это стало уже общепринятой прописной истиной не только в рядах коммунистической партии и среди широких слоев советского общества; даже и непримиримые враги наши признают, что сила советского строя покоится именно в этом союзе.

Казалось бы, столь общее признание делает излишним столь часто, как это делается у нас, поднимать этот вопрос.

Однако жизнь изо дня в день снова и снова ставит этот вопрос в порядок текущего дня. И, пожалуй, от практического политика требуется наиболее глубокое знание, — для ориентировки в своих действиях, — этого вопроса.

В признании союза рабочих и крестьян важнейшим фактором современной политики нет разногласий, от этой печки все начинают танцовать; но достаточно паре отойти на пару шагов, как получается полное смешение языков, и люди перестают понимать друг друга. Гамма мнений полна от «до» до «си».

Я не имею намерения излагать здесь все оттенки мыслей по данному вопросу,—это слишком бы удлинило статью; во-вторых, для понимания вопроса, мне кажется, достаточно знать крайности и отличия их от линии, проводимой нашей партией.

Но прежде, чем перейти к выявлению различного понимания этого вопроса внутри партии, я остановлюсь на той ожесточенной травле, которой подвергается союз рабочих и крестьян со стороны непосредственных наших врагов — белогвардейцев.

Русские белогвардейцы, ожегшись на крестьянах в период гражданской войны, сейчас, как азартные игроки, промотавшиеся в политической игре до последней нитки своего скудного одеяния,

---

*) Статья эта была впервые помещена в № 20 журн. «Ком. Рев.» за 1926 г.

ждут выигрыша на непоставленную ставку игорного стола. Они мечтают, лелеют в себе мысль, что наступит момент разрыва союза рабочих и крестьян, и тогда... по их ожиданию, наступит праздник на улице русской белогвардейщины, не только, впрочем, русской.

Надежды белогвардейцев питаются предположением, что ненавистные им классы (рабочих и крестьян) вследствие противоположности интересов в конечном счете разойдутся; и сейчас белые ловят каждое известие, малейшее недовольство, — в особенности крестьянства, — чтобы на этом строить свои планы и предположения о скором конце советской власти.

В связи с этим и контр-революционная работа белогвардейцев начинает приобретать другой характер. В первый период советской власти все их внимание было обращено на организацию офицерских боевых отрядов, чтобы уже с их помощью использовать и крестьянство в принудительном порядке. Предварительная политическая работа среди крестьянства, идейная его подготовка, не считалась необходимой.

Теперь среди белогвардейских группировок важнейшей политической работой является именно связь с крестьянством сочувствующих им групп на почве недовольства крестьян теми или иными мероприятиями советской власти и ошибок местных органов.

Теоретической основой белогвардейской агитации является нападение на то, что в союзе рабочих и крестьян руководящая роль принадлежит пролетариату. В эту сторону направляют свои усилия и демагогию враги рабочих и крестьян в надежде, что на этой почве им удастся увлечь кой-кого из сирых. Несомненно, исходя из обостренного политического чувства крестьян, мы должны дать исчерпывающий ответ по этому основному вопросу.

Если мы зададим себе мысленно вопрос, существует ли в природе государство, не опирающееся на диктатуру какого-либо класса, то получим довольно единодушный ответ: такого государства в природе нет. И с тех пор, как существуют различные классы, такого государства не было в прошлом. А Маркс, потративший всю жизнь на изучение капиталистического общества, в своем выводе говорит, что современное капиталистическое государство служит для порабощения и подавления угнетаемых классов, и его правительство есть не более как комитет по защите интересов капиталистического класса.

Эти выводы Карлом Марксом сделаны свыше полсотни лет тому назад, теперь же они подтверждаются особенно наглядно на основании бесчисленного количества фактов, столь общеизвестных, как последняя империалистическая война; расправа с колониями: Марокко, Сирия; удушение восточных стран — Китай, Корея; расправа капиталистов с рабочими «в благодарность» за их усиленную работу для империалистической войны — Англия, Италия; разгул кнута и нагайки на крестьянских спинах — Польша, Румыния, Болгария и т. д., и т. д. Всего не перечтешь. Повсюду голая неприкрытая диктатура капиталистической буржуазии. Может ли крестьянство в пределах такого государства найти защиту своих интересов? Ясно, что нет.

Не удлиняя статью соответствующими фактами о положении крестьянства в капиталистических странах, я приведу только недавний разговор между мною и двумя крестьянами из Белоруссии, живущими в двух верстах от Польской границы.

Мы разговорились, крестьяне жаловались на ряд неправильных распоряжений местной власти, указывали, что им довольно трудно живется, и изложили свои жалобы. В конце я задал вопрос:

— А связь с заграницей имеете?

— Как же, ведь там осталось много родных, иногда приходится просто перекликаться.

— Ну, а крестьянам там лучше живется?

— Ну, нет, там жизнь собачья, панская, оттуда к нам народ бежит, приходится их кормить.

Этим, мне кажется, сказано больше, чем сотнями страниц печатного материала.

Не будем рыться в истории (кто хочет, пусть прочтет хотя бы мою брошюрку о «Союзе рабочих и крестьян в прошлом и настоящем»), а зададим простой вопрос: может ли в настоящее время существовать чисто крестьянское государство? Ответ жизнь дает лишь один — не может. Мало того. Такие огромные страны, как Китай, Индия, где крестьянство в подавляющем большинстве, но все же имеется и слабая промышленость, попали в кабалу мирового капитала, и они лишь постольку освобождаются от иноземного завоевания, поскольку растет их промышленность. В борьбе за национальное освобождение руководящая роль принадлежит городам, т. е. рабочему классу, организаторское влияние которого дает возможность собрать и направить против завоевателей громадную силу крестьян Китая. Успехи китайской национальной революции в подавляющей степени будут зависеть от

того, сумеют ли революционные силы города сочетать свои интересы с интересами масс крестьянства.

Советское государство не является капиталистическим, — как бы ни хотелось врагам доказать обратное, — ибо крупные капиталы у нас экспроприированы у капиталистов и земля национализирована; но, вместе с тем, оно еще и не есть коммунистическое, ибо, во-первых, коммунистического государства, как государства, существовать не может, при коммунизме государственные формы отмирают. Во-вторых, у нас в значительной степени существует мелкая собственность и все сопутствующее ей, т. е. свободная торговля, частное производство, свободный рынок рабочей силы и т. п., — мы проходим путь между капиталистическим строем и коммунизмом.

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — говорил Маркс, — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный момент, государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».

Из чего исходит Маркс, с таким убеждением предвосхищающий, что государство этого периода не может быть ничем иным, как революционной диктатурой пролетариата? Опуская доказанную экономическую необходимость именно пролетарской диктатуры, мы остановимся лишь на политической стороне вопроса. Ну, какие же классы на современной стадии развития капиталистических государств могут проводить в жизнь диктатуру, кроме крупной буржуазии и пролетариата? Скажут: а куда же девалось многомиллионное крестьянство, оно своей численностью могло бы управлять, не прибегая к непосредственным способам подавления, как это делает буржуазия к классам угнетенным, а пролетариат к буржуазии? В этом-то и суть, что крестьянство не является однородным классом, как пролетариат. Крестьянство само делится на социальные группы, у которых диаметрально противоположные интересы. Беднейшая часть крестьянства в наших условиях от 35 до 40 процентов тесно примыкает к пролетариату, 50 процентов, если не больше, — середняки, колеблющиеся между зажиточными и беднотой, и от 8 до 10 процентов — кулаки и зажиточные, гнущие к буржуазии.

Ясно, что при такой социальной культуре класса не может быть единой классовой линии. Наглядным примером неустойчивости обще-крестьянской линии есть политика Керенского у нас,

или распределение крестьянских сил в Польше, где они распадаются по различным политическим партиям от кадетов до левых.

Всякий может понять, что при существующем распределении социальных сил даже у нас более или менее длительная политика такого качания, неустойчивости привела бы к захвату власти буржуазией и водворению капиталистического строя, что, разумеется, повело бы к поражению не только рабочего класса, но и крестьянства, по крайней мере его первых двух групп, т. е. 90 процентов всех крестьян. Диктатура захвачена и может быть удержана только таким монолитным классом, как пролетариат, который экономически владеет всеми последними достижениями в технике, а политически он без сожаления и оглядки ломает старый строй, ибо у него позади нет ничего, кроме цепей порабощения. Вот основная причина, почему пролетариат играет руководящую роль в союзе рабочих и крестьян. И все потуги белогвардейцев опорочить эту роль, представить политику рабочего класса политикой противокрестьянской, обречены на неудачу. Интересы 90 процентов крестьян тесно связаны с интересами рабочего класса в целом.

Внутри коммунистической партии по вопросу о руководящей роли пролетариата в рабоче-крестьянском союзе нет принципиально разных оттенков мысли о самом руководстве, а есть лишь различные оттенки по вопросу о практическом проведении в жизнь руководящей роли пролетариата.

Если мы рассмотрим, так называемый в общежитии, правый крестьянский уклон, то его характерные стороны: отрицание расслоения крестьянства, притупление интереса к конечным целям нашей борьбы перед частными текущими задачами, принижение лозунгов пролетариата до крестьянского мировоззрения и т. д. Надо сказать, что вообще правый крестьянский уклон находится еще в самом зачаточном состоянии и проявляется он только у отдельных лиц по разным вопросам. Опасность заключается не столько в идейном содержании уклона, как в его бытовом,— в бытовом перерождении революционного коммуниста, который, увлекаясь текущими успехами, и сам обрастая хозяйственно, невольно отодвигает из своей постоянной перспективы основную классовую задачу пролетариата — завоевание коммунизма, а попутно с этим в его сознании падает и руководящая роль пролетариата в происходящих явлениях.

Левый уклон имеет гораздо большее политическое значение, хотя бы уже только потому, что его последователи стремятся

завоевать легальность левого уклона в партии, они имеют своих представителей в ЦК и ЦКК, которые при настоящих условиях являются легальными аренами его проповеди. Если отвлечься от ряда отдельных особенностей левого уклона, вытекающих как частности из целого, то самая суть их тактической линии выразится, примерно, такой формулой. Первое — главная опасность коммунизму в Советском союзе грозит со стороны крестьянского влияния на диктатуру пролетариата в целом. Поэтому нашей первой задачей является — уберечь пролетариат от мелкобуржуазного влияния крестьян. Для этого необходимо организовать особо крестьянскую бедноту в союзе с ней пролетариата, через крестьянскую бедноту привлечь к строительству советов середняцкие слои крестьян, и главным лозунгом текущей политики ставить острую политическую борьбу с кулачеством.

Второе: хотя наша государственная промышленность и торговля являются социалистическими предприятиями, но как и внутренняя структура их, а также и мелкобуржуазное окружение (вольный рынок) веспромышленности заставляют признать наличие эксплоатации рабочего класса и служащих, с вытекающими отсюда последствиями, т. е. рабочий класс и служащие могут противопоставить свои интересы государственным.

Основным каналом социалистического накопления должно быть отчуждение от мелкобуржуазного собственнического производства, т. е. в своей подавляющей массе — крестьянства.

Несмотря на то, что вышеприведенная тактическая линия идет по наименованию от левых, все же она насквозь оппортунистична в вопросе о руководящей роли пролетариата. Ибо под флагом защиты пролетарской чистоты от мелкобуржуазной скверны, противопоставлять интересы наемного труда советскому социалистическому государству и настаивать на мысли, что основным накоплением социалистического хозяйства может быть, главным образом, отчуждение мелкобуржуазного собственнического хозяйства, — значит принижать, суживать роль пролетариата; из национального руководителя, гегемона всех классов, тащат пролетариат назад в замкнутую цеховую оболочку.

Значит, перед нами две, с внешней стороны взаимно исключающие тактические линии, исходящие из противоположных сторон, но стекающиеся в одно мелкобуржуазное русло политики. Одна исходит или защищает интересы верхушки крестьянства, другая — привилегированную часть рабочих. Если бы это было неверно, был бы невозможен, противоестественен политический

блок: Зиновьев, Троцкий, Шляпников, Сокольников. А между тем все яснее становится общность их политики в основном, при внешней разноголосице; разноголосица на практических вопросах только скрывает от широкой массы партийцев присущую им всем мелкобуржуазную сущность, но сама по себе эта разноголосица не мешает все более тесному сплочению на базе, если не разрушения, то по крайней мере ослабления диктатуры пролетариата.

Переходя к партийному пониманию руководящей роли пролетариата в рабоче-крестьянском союзе, мне кажется, нет основания подвергать это понимание ревизии, поскольку оно дано в словах тов. Ленина в следующей формулировке:

«Диктатура пролетариата есть руководство политикой со стороны пролетариата. Пролетариат, как руководящий, как господствующий класс, должен уметь направить политику так, чтобы решить в первую голову самую неотложную, самую «больную» задачу. Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно. Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата. Тот пролетарий или представитель пролетариата, который захотел бы не через это пойти к улучшению положения рабочих, оказался бы на деле пособником белогвардейцев и капиталистов. Ибо итти не через это значит: цеховые интересы рабочих поставить выше классовых интересов, значит: интересам непосредственной, минутной, частичной выгоды рабочих принести в жертву интересы всего рабочего класса, его диктатуры, его союза с крестьянством против помещиков и капиталистов, его руководящей роли в борьбе за освобождение труда от ига капиталистов. *)

Итак, руководящая роль пролетариата должна всякий раз заключаться в том, чтобы решить в первую голову самую неотложную задачу, стоящую перед Советским государством, — и такие задачи пролетариатом решаются не просто как пролетариатом, а как господствующим, руководящим в Советском государстве классом. Само собой понятно, что политика просто пролетариата и пролетариата, как класса господствующего, может не совпадать на конкретных вопросах. Например, пока у нас было самодержавие, заветной мечтой пролетариата было разру-

*) Ленин, О продовольственном налоге.

шение самодержавно-буржуазного государства, а сейчас политика пролетариата в Советском союзе направлена к максимальной защите государства. Защита Советского государства (при диктатуре пролетариата) есть основа основ действительно пролетарски-выдержанной революционной линии.

Теперь своевременно поставить вопрос, какие же больные места стоят перед Советским государством, а значит, и перед партией в данный момент? На это прямой ответ дает директива XIV съезда партии, а именно: «во главу угла поставить задачу всемерного обеспечения победы социалистических хозяйственных форм над частным капиталом, укрепление монополии внешней торговли, рост социалистической госпромышленности и вовлечение под ее руководством и при помощи кооперации все большей массы крестьянских хозяйств в русло социалистического строительства».

Вышеприведенная общая директива XIV съезда партии развивается следующим образом тов. Сталиным в политическом отчете ЦК съезду:

«Мы работаем и строим в обстановке капиталистического окружения. Это значит, что наше хозяйство и наше строительство будут развиваться в противоречии, в столкновениях между системой нашего хозяйства и хозяйства капиталистического. Этого противоречия нам не избегнуть никак. Это есть рамки, в пределах которых должна протекать борьба двух систем — системы социалистической и системы капиталистической. Это значит, кроме того, что наше хозяйство должно строиться не только в его противопоставлении вовне хозяйству капиталистическому, но и в противопоставлении различных элементов внутри нашей страны, в противопоставлении социалистических элементов элементам капиталистическим.

Отсюда вывод: мы должны строить наше хозяйство так, чтобы наша страна не превратилась в придаток мировой капиталистической системы, чтобы она не была включена в общую систему капиталистического развития как ее подсобное предприятие, чтобы наше хозяйство развивалось не как подсобное предприятие мирового капитализма, а как самостоятельная экономическая единица, опирающаяся, главным образом, на внутренний рынок, опирающаяся на смычку нашей индустрии с крестьянским хозяйством нашей страны»...

Директива XIV съезда указывает задачи момента, выполнение которых укрепляет как диктатуру пролетариата, так и его руко-

водящую роль в строительстве социализма. Она указывает на те препятствия, которые необходимо преодолеть, и на те силы, опираясь на которые только и можно достигнуть поставленных перед пролетариатом целей; силы эти: крупная промышленность, опирающаяся на крестьянское хозяйство, смычка индустрии с крестьянским хозяйством страны.

На вышеприведенном частном примере видно, что при полном сохранении руководящей роли пролетариата в решении стоящих перед Советским социалистическим государством задач, в этом решении их под гегемонией пролетариата участвует и крестьянство как активный участник общего процесса. И пролетариат в данном случае является не просто как пролетариат, а как господствующий класс, представляя собой союзную нацию, не в буржуазном смысле этого слова, а как выразителя единственной в мире страны, строящей социализм.

В родной деревне. (1927 г.)

СОВЕТЫ И СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ

СОВЕТЫ, ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАВО И БЕСПАРТИЙНЫЕ МАССЫ.

О ходе перевыборной кампании советов 1926/27 г. *)

Нынешняя кампания перевыборов в советы подходит к концу. Все же общие результаты выборов трудно еще подсчитать. Пока сведения приходят телеграфом, трудно гарантировать точность самих цифр. Затем сама разработка материалов в первоначальной стадии шла в ускоренном порядке.

У меня сейчас под рукой более полные сведения о ходе выборов имеются лишь по РСФСР и краткие, только телеграфные, по остальным союзным республикам.

Всего участвовало в выборах советов в текущую кампанию в процентах от всего населения имеющих право голоса:

Союзные республики:		УССР.	БССР.	ЗССР Грузия.	УзССР.	ТуркССР Пробные.
Город	1926 г.	52,7	—	55,5	—	—
	1927 »	54,9	—	65,7	—	—
Деревня	1926 »	54,0	46,5	58,8	45,7	36,8
	1927 »	52,5	46,6	52,7	46,2	38,7

Эти цифры дают картину очевидной близости к прошлым выборам. Но не по всем республикам наблюдается увеличение активности города (это увеличение касается, главным образом, индустриальных центров); и не везде одинаково падение или стабилизация активности деревни. В общем же в крестьянском населении не повысился интерес по сравнению с прошлыми выборами в советы.

По отдельным группам избирателей, за исключением красноармейцев, самая высокая активность наблюдается среди членов профсоюзов. Неорганизованные группы населения также увели-

*) Из материалов доклада, сделанного на пленуме ЦК ВКП(б) в феврале 1927 г.

чили свою активность, но в гораздо меньшем проценте (и притом почти исключительно за счет увеличения участия женщин).

Одним из положительных явлений этой избирательной кампании является значительно возросшая активность в промышленных городах, среди рабочих, находящихся в профсоюзах. Параллельно с этим упала активность неорганизованных в профсоюзы, значит, главным образом, среди обывательской среды. Это как раз тот пункт, на который в прошлом году все время напирали, что вот, дескать, обыватель прет.

Но я считаю потерю влияния на обывателя значительным минусом современной избирательной кампании. У нас вообще принято относиться с некоторым пренебрежением к этому: мещанство, дескать, что оно собой представляет? Пустое место! Это, по-моему, грубейшая ошибка. Мещанство имеет огромное бытовое влияние на всю обстановку. Мещанство в моменты больших общественных движений, например, в моменты объявления войны или во время голодовок, — в полосы таких огромных событий настроение мещанства имеет, безусловно, большое значение. Буржуазные государства очень усиленно обрабатывают мещанство в своих интересах. Я считаю, что Советское государство также должно обрабатывать, не может не обрабатывать в своих интересах мещанства. Ведь мещанство отличается от других слоев населения некоторой формальностью своего мировоззрения и не перерабатывает привитое критически. Мы не говорим о том, чтобы сделать мещанство революционным, глубоко идейно преданным советской власти, но мы его должны сделать своим, чтобы у мещанства были определенные мысли и идеи, которые бы его делали союзником советской власти. Я считаю, что правительство обязано проделать эту работу. И, конечно, выборы есть один из моментов политического просвещения мещанства. Ведь в нормальное время мещанство и на собрания не вытянешь; оно распылено по своим конурам; не использовать выборы — значит упустить благоприятный момент. Женщины поддержали этот слой увеличением своей активности, очевидно, здесь сказалось влияние организованных рабочих на свои семьи, а, возможно, и знакомых, к чему призывала их партия.

Что касается выборов в сельских местностях, то, судя по первым впечатлениям, избирательная кампания в деревне прошла, очевидно, без значительного подъема. К сожалению, у меня нет материала о предвыборных собраниях в деревне, что имеет не меньшее значение, чем самая процедура непосредственных выборов.

Состав избранных лиц изменился несущественно по сравнению с прошлым годом. Нынешняя кампания особых сюрпризов и неожиданностей не принесла. Во всяком случае, можно сказать, что наши предвидения результатов данной избирательной кампании в очень значительной степени оправдались, и, вероятнее всего, состав исполкомов, когда мы подведем точные итоги по всем исполкомам, будет более или менее близким к прошлогоднему.

Как особое замечание, надо сказать, что к этой избирательной кампании подход был несколько иной, чем к прошлогодней. К прошлогодней избирательной кампании подходили с лозунгом оживления советов. Этот лозунг оживления советов отчасти понимали как расширение избирательных прав. Нынешняя избирательная кампания начата, до известной степени, с лозунга о том, что в прошлую избирательную кампанию некоторые парторганизации упустили классовый момент, классовое содержание наших выборов, и это должно быть исправлено. Основным в данном случае была переработка избирательной инструкции, и суть этой переработки была не в формальном изменении того или иного пункта, а в несколько ином по сути политическом подходе к инструкции. Переработка давала лозунг о необходимости более яркого выражения классового содержания в нашей работе по перевыборам советов. Я должен сказать, что, хотя это выполнено, осторожно выражаясь, пестро, в одном месте был перегиб в одну сторону, в другом месте — в другую сторону, — но все-таки с превалирующим влиянием в сторону сужения избирательных прав. Это безусловно. Пожалуй, это первая избирательная кампания, когда мы имеем значительное количество жалоб по вопросу о лишении избирательных прав. Некоторые говорят, что отчасти в этом виновата новая инструкция, потому что она ставила местные избирательные комиссии в такие условия, что волей-неволей они, иногда даже чувствуя, что исключают середняцкий элемент, все-таки обязаны были применять инструкцию, и вследствие этого получился кое-где вредный политический эффект. Но приведу сначала имеющиеся у меня цифры о лишении избирательных прав.

Для сравнения с прошлым годом имеются данные по 213 городам, в которых процент лишенцев в этом году увеличился на 3,4%. По отдельным городам процент лишенцев колеблется попрежнему от 0,1% в фабрично-заводском поселке Владимирской губ. «Коммунистический авангард» до 32,0% в г. Пустоши,

Псковской губ. (в прошлом году в Пустошах было 26,6%). Удивительный город, очевидно, самый богатый из всего Союза: 32,0% населения состоит из старых бюрократов, купцов и священнослужителей.

Рассматривая отдельные категории лишенцев и сравнивая их с прошлым годом, мы отмечаем увеличение в этом году процента лиц, прибегающих к наемному труду, на 7,5% вследствие избирательной инструкции, ограничивающей применение наемного труда; далее, мы видим уменьшение процента торговцев на 12,3%, лиц, живущих на нетрудовой доход, на 4,6%, духовенства на 11,3%, но понижение этих процентов по отношению к прошлому году следует считать лишь условным, относящимся целиком к разной системе учета в этом и прошлом году иждивенцев. Иждивенцы выделены в отдельную группу только в этом году и составляют 35,5%, — в прошлом году они учитывались почти всюду вместе с лицами, на иждивении которых они находились, и выделение их в самостоятельную группу в этом году, естественно, понизило процент основных групп лишенцев.

Сами по себе цифры не носят угрожающего характера, хотя процент лишенцев и увеличился больше чем в два раза, но все же по деревне всего лишено 2,5%. Но ведь вопрос надо поставить так: что сейчас важнее политически, что полезнее, — полезно ли нам полностью отсеять кулаков с тем, что если при этом отсеется некоторый процент попавших сюда середняков, то все-таки лучше лишиться этих середняков для того, чтобы полностью отсеять кулаков. Вот та линия, по которой шел целый ряд местных органов, избирательных комиссий и партийных организаций. Надо отсеять всех кулаков, если хочешь действительно отсеять. А вы знаете, что социальный состав кулаков от зажиточных середняков трудно внешне отделим, и при отсеивании кулаков отсеивается ряд середняков. Я считаю, что партия хотела, чтобы было отсеяно максимальное количество кулаков, но чтобы ни в коем случае не отсеивались середняки. Гораздо вреднее исключить из участия в выборах одного середняка, чем дать возможность проскочить одному кулаку. Просачивание одного кулака существенных результатов на выборах не может иметь. И, наоборот, лишение избирательных прав середняков дает моральное право кулакам указывать: что же, что мы исключены, вот и вас тоже исключили! Это могучее орудие в руках кулаков. Если в деревне, при двух исключенных кулаках, найдется еще четыре исключенных середняка, то кулаки будут указывать

не на тот факт, что их, кулаков, исключили, — мы, мол, по праву исключены, — а вот вас исключает ваша же собственная власть. Я считаю, что эта политика отсечения середняков политически вредна и нецелесообразна.

Здесь у меня имеется огромное количество писем, которые характеризуют, что в настоящий момент избирательное право сделалось очень ценным правом в РСФСР. Во всяком случае, ни в одну избирательную кампанию, в прошлом, не реагировали так на лишение избирательных прав, как в эту избирательную кампанию. Я вам прочту эти письма, они показывают, что у нас действительно были допущены некоторые ошибки.

Вот письмо в «Бедноту» из Никольского района, Северо-Двинской губернии: «С начала революционного времени население было слишком бедно и экономически отстало, но прошли годы революции, и вместе с экономическим ростом хозяйства страны начало подниматься сельское хозяйство и отдельных граждан. Появился интерес у некоторых крестьян к сельскохозяйственным орудиям. В 1925 году было в сельсовете 11 молотилок, в 1926 году их стало 18 штук и большинство с полными приводами. 1927 год обещал дать на усиление сельского хозяйства еще около 10 новых молотилок. Их в числе 10 человек за это лишили избирательного права. Какой же результат?»

Письмо это пишет красноармеец, который в конце говорит: «Я сагитировал еще пять крестьян выписать такие же молотилки, а теперь я от них получаю скандал, что ты нас подвел с этими молотилками».

Вот другое письмо из Тамбовской губернии: «Имущественное состояние: 2 лошади (а в Тамбовской губернии крестьянин с двумя лошадьми не бедный), 1 корова, 2 телки, 12 овец и 2 свиньи по 9 месяцев. Все домашние и полевые работы обрабатываем трудом членов своей семьи, за исключением уборки урожая 1926 года, в виду крайней необходимости, так как на четырех трудоспособных мужчин была только одна трудоспособная женщина, в силу чего на страдную пору была нанята по труддоговору подсобная работница». И вот его на основании ст.ст. 14 и 15 лишили избирательного права.

Он пишет дальше: «Как общественный работник, единогласно избирался от 320 домохозяев, второй раз избираюсь в нарзаседатели, единогласно был выбран на 1926 год в члены сельсовета, состою членом школьного совета». Целый ряд своих заслуг он описывает, а его, — жалуется он, — лишили избирательного

права. Вот я сейчас прочту вам еще одно письмо, оно еще не перепечатано, — это письмо прислано товарищу Савченко, члену коллегии Наркомзема, его родным братом, моим старым знакомым, с которым мы были вместе в ссылке еще в 1900 году в Тифлисе; он был тогда социал-демократом, а после этого окрестьянился в Смоленской губернии.

Это письмо, по-моему, имеет огромное значение. Автор его — человек очень экспансивный и всю жизнь борется, по крайней мере, с несправедливостью. Не член партии, но очень культурный человек, побывавший в нелегальных кружках. 2 — 3 года в тюрьме сидел. Его голос имеет очень большое значение; во всяком случае, нужно сказать, что с местной властью он плохо ладит. По своему складу ума он должен критиковать; и каждый промах, который он видит, он должен обязательно перед обществом раскрыть и кого следует уличить.

«Дела кулацкие совсем замыкали (конечно, это письмо не к печати), сейчас веду упорную борьбу; наш волисполком, чтобы избавиться от моей критики, подвел меня под категорию кулаков и лишил меня права избирательного голоса, хотя статьи 14, 15 и 17 инструкции говорят за то, что меня неправильно лишили избирательного права, неправильно считают кулаком, так как хозяйство мое не расширяется за пределы трудового, так как я и моя жена, несмотря на незначительный процент своей трудоспособности, работаем не покладая рук, но беда в том, что имею нынче одного работника. Землю сдавать не буду, а местный сельсовет указал, что я не работаю, а имею работника и работницу. Но этого нет. Когда была работница, тогда не было работника. И вот, как говорится, пока Улита едет, а когда она приедет, а выборы на носу. Но я лишен права даже присутствовать на выборах. Ты можешь представить, какое это глубокое оскорбление; мне, старому политработнику, который при царизме был бесправным и теперь оказался таким, несмотря на свою полную солидарность с советской властью, приходится хлопотать о восстановлении своих гражданских прав, чтобы не быть политическим трупом. Написал бы Калинину, но мало шансов на то, что он получит, а ехать в Москву мне сейчас тоже не легко, а посему прошу тебя, если ты когда найдешь возможность поговорить с ним, то скажи, что я прошу его выручить меня из кулацкой ямы по старой памяти. Ведь мы когда-то были друзьями; для него это сделать пустяки. Ну, а если он забыл меня, ведь это было давно, тогда уж помирюсь

с положением». «Принимая во внимание постановление партии о подходе к крестьянству, многим и многим крестьянам положение пиковое, например: иметь землю и хозяйство, но не иметь рабочей силы — равносильно не иметь хозяйства. Я, например, пока имею часть трудоспособности» (ему 56 лет, его жена больная и трое ребятишек — от 2 до 6 лет). «Да и то за работу попал в кулаки, а когда последняя трудоспособность будет утеряна (семья тоже нетрудоспособна), тогда что делать? Имеется только два выхода: один выход — отправиться в «земельный отдел», другой выход — итти и просить «Христа ради», но мне и этого второго выхода нет, потому что я — безбожник. Надо просить «ради советской власти и будущего социализма...» Кулаки не дадут. Значит, выход только один — отправиться в «земельный отдел». Исходя из принципов, которые существуют сейчас, я ничуть не преувеличиваю. Быть может, в дальнейшем государством это будет предусмотрено, — будем надеяться».

Приведенные два письма показывают, что лишают в данном случае избирательных прав активных крестьян. Первого автора я не знаю, насколько он советский. Что же касается Савченко, то я его знаю. Семья у них состоит из четырех братьев. Старший был дворником, хранил когда-то оружие нашей военной организации несколько лет, подвергался обыскам, будучи дворником; у него искали склад этого оружия, но неудачно. Адресат — рабочий, столяр, был в ссылке в Тифлисе, а теперь крестьянствует. Третий — член коллегии Наркомзема РСФСР. Четвертый брат нелегально жил лет десять; он сжег рядом имение помещика князя Оболенского, теперь он, верно, где-нибудь секретарствует. Вот вам вся семья.

Беру его имущественное положение. Он живет на пчельнике, у него около 30 — 40 ульев. Этим он и живет. Семья у него из 5 человек, больная жена. Ясное дело, он должен взять или работника, или распустить свое хозяйство. Другого выхода нет. Поэтому я и считаю, — давала ли наша инструкция право местным товарищам учесть это положение? Я опять тщательно прочитал инструкцию и считаю, что давала эту возможность. В этих явлениях не инструкция виновата, а виноват подход к делу. Вот вам новое письмо: «Правильно ли меня лишили избирательного права?» — Я не знаю, какой губернии *) этот человек, письмо это из Бурмакинской волости, деревни Котлов. Он пишет:

*) Ярославской губернии.

«Меня лишили права избирательного голоса как кустаря, производящего колбасу, единоличным своим трудом, по выданному удостоверению Бурмакинским ВИКом. Я — сын крестьянина-бедняка. По окончании приходской школы с 1900 года я был отдан в колбасную в ученики и до 1918 года работал в городе, но не порывал связи с деревней. Летом работал в своем хозяйстве, а на зиму уходил в город на заработок, и так работал до 1918 года.

Во время Февральской революции я работал на станции Ярославль Северной железной дороги. После этого я занимал выборные должности — был председателем примирительной камеры, а после Октябрьского переворота занимал должность секретаря профсоюза 3 участка службы пути, а в конце 1918 года окончательно переселился в деревню, потому что не стало рабочих рук в хозяйстве, так как родителям стало по 72 года, а у жены скопилось 5 человек детей.

По приезде в деревню избираюсь председателем ВИКа и в такое трудное время, как 1919 — 1920 гг., работал членом ВИКа один год 9 месяцев и с тех пор общественной работы не несу, лишь в 1924 году был членом сельсовета. За время существования советской власти я был на 7 уездных съездах советов, на 3 губернских и на XVIII губернской партконференции в качестве гостя. На последнем губернском съезде советов был 25 апреля 1925 года».

Я привожу это письмо, в котором видно дальше очень характерное мировоззрение этого человека. Но об этом потом.

«Хозяйственное мое положение, — пишет он, — таково: земли 8 десятин, едоков 11 чел., из них работоспособных двое — я и жена, детей 7 человек». Теперь живой инвентарь: «1 лошадь, 1 корова, 1 телка годовалая и 20 штук кур. Мертвый инвентарь: 2 плуга, 2 бороны с железными зубьями, 1 окучник, 1 телега с колесами, 2 саней и 1 каток. Постройки: дом, сарай, рига и житница. Севооборот в хозяйстве семипольный. Товарность выражается рублях в 700, заключающихся в клеверном сене и в льняном волокне».

Очень большая товарность. Такая товарность, надо сказать, в обычном нашем хозяйстве очень редка. «В прошлом году я получил премию за полеводство и сортовые семена от УЗУ». «В заключение вышеприведенного, я прошу редакцию поставить определение моей личности и хозяйства на критику: кулак я или середняк, причем колбасу произвожу личным трудом только

по зимам, т. е. с 1 октября по 1 апреля, как профессионал колбасы, нанимаю на летний сезон работницу, плачу 14 рублей в месяц на моем содержании и даже с обувью».

Дальше следует интересная вещь: «Искренно говоря, — пишет он, — я сознаюсь, что в борьбе за существование во мне преобладает семейный эгоизм, но мало альтруизма. А если смотреть с точки зрения материалистической философии, то таковая альтруизма и не требует, ибо классовая борьба основывается именно на эгоизме, так как лозунгом ее является — моя доля не должна быть меньше твоей. Этим письмом я ни на кого не жалуюсь и ни перед кем не хочу ползать на коленях, чтобы восстановить свои права, только чувствую незаслуженное оскорбление личности, так как за плугом ходить прав никаких не надо, а лишать этого права, я думаю, никто не будет потому, что, чем больше товарность в трудовом хозяйстве, тем лучше для меня в частности и вообще для советского общества. С внешней стороны, мне думается, что я на кулака не похож, а поэтому зачем лишать права голоса, а с идейной — это вопрос частный и не подлежащий анализу, во что человек верит: в бога или богов, в чорта или еще в какую чушь, но я лично не верю ни в какую из существующих догм, а знаю, что равенство людей осознано огромным большинством мыслящего человечества, и глубоко убежден, что капиталистический строй будет разрушен и заменен социалистическим, и знамений разрушения буржуазного мира очень много. Прошу редакцию поместить. Я думаю, что таких людей найдется еще, лишенных прав голоса, совсем не походящих на кулачество».

Так кончается письмо. В деревне такие лица — решающие лица; видите, какие выкрутасы в письме, но автор искренне в эти слова верит и этими словами жарит по крестьянину. Иногда я, по совести, слушаю и ничего не понимаю, а крестьяне говорят: правильно, правильно, правильно. Вот это плохо, что они говорят «правильно», а ты ничего не понял, что он сказал. Он и сам-то, вероятно, не понял, а крестьяне говорят, что правильно. Вот и нужно сказать, кулак ли он? Конечно, таких лиц очень много. Я допускаю, что имущественно это кулак, хотя формальных сторон для его исключения нет. Но очень много таких типов, которые около кулаков крутятся. Они не есть сами кулаки, но они являются проводниками кулацких идей. Эти лица вообще к власти примыкают, им нужна эта власть; они к кулакам прежде примыкали постольку, поскольку кулаки были решающей

инстанцией, а теперь они льнут к советской власти. Что он стоит за советскую власть, это видно хотя бы из того, что он участвовал на нескольких съездах советов и на губернских съездах советов. Я считаю, что такого человека не следовало бы лишать избирательных прав, ведь он, несомненно, стоит за советскую власть; нельзя говорить, что он не за советскую власть; он был на ряде уездных съездов советов, был даже на конференции гостем; чтобы он выступал против нас и вместе с тем выступал на съезде, — таких вещей у нас не бывает. А что такие типы одни из сильнейших агитаторов и что нам не сравниться с агитацией такого типа в деревне, это факт, потому что крестьяне говорят — «мы его понимаем».

Имеются сводки таких жалоб в Рабкрине, сделанные тов. Яковлевым, они говорят о значительном количестве их. Например, в Рязанской губернии в некоторых местах почти все учительство было лишено избирательных прав. Учителя исключались по самым различным мотивам; поэтому, делая общую характеристику, я не буду приводить целого ряда писем, но должен сказать, что есть в этом вопросе некоторый перегиб, что немножко много лишили избирательных прав, и в особенности самое главное, что имеется в этом лишении — это то, что мы лишили избирательных прав кое-где наиболее активные элементы середняков. Видимо, в этом повинны все республики в той или иной мере. Вот что пишет крестьянин из Украины:

«Дорогой товарищ, Михаил Иванович!

Прочитал я в № 5 «Крестьянской газеты» ваш ответ на письмо крестьянина Киселева и хочу сказать вам несколько слов. Я, собственно, не собираюсь защищать взгляды гр. Киселева или возражать вам, но мое внимание затронуто пунктом вашего письма, где сказано: «А искренний, честно преданный советской власти, хотя бы и бывший полицейский, может найти избирательные права, при содействии общества, через общественную рекомендацию». Слова эти мне представляются насмешкой: вам хорошо «там», наверху, говорить, а загляните сюда, вниз, на нашу горькую действительность, которая, находясь в руках «сатрапов», говорить, совсем по-иному. Итак, по существу: я — крестьянин-середняк. До революции работал у помещиков и кулаков. Отец имел 5 десятин надельной земли, я имею после социалистической нарезки — 9 десятин. В противовес бывшему полицейскому, могущему

найти избирательные права, — я, не бывши никогда полицейским, не могу найти своих избирательных прав, которые похищены у меня самым подлым образом.

История: в 1917 году я неоднократно избирался крестьянами на различные съезды. В начале 1918 года я имел несчастье служить в войсках Украинской центральной рады. С приходом гетманщины меня дважды арестовывали — сначала немцы, а потом гетманская варта. Просидел за решеткой 42 дня и был спасен от «комендантского» немецкого расстрела лишь стараниями различных общественных организаций. В 1919 году, с приходом на Украину советской власти, был избран заместителем председателя народного суда. Был им три года, с перерывом на время деникинщины. В 1921 году служил инструктором по внешкольному образованию при волнаробразе. В 1922 и в 1923 годах был в составе членов сельсовета. К концу 1923 года, при перевыборах советов, я по милости председателя совета С. Пашкевича (которому я, будучи членом сельсовета, ставил «палки в колеса», мешая его своеволиям), очутился в списке лиц, лишенных избирательных прав, а в примечании это объяснялось: «за службу в гетманской варте». Я сюда, я туда, я гвалт, что это делается? Подал заявление в сельсовет. Там Пашкевич. В вик, там — ему подобные. Ни голоса, ни ответа. Вычитал совет в газете. Посылаю через сельсовет и рик в нарсуд. Нарсуд возвращает в рик мое ходатайство для направления по принадлежности. Как в воду кануло! Обращаюсь к общему собранию незаможных селян с просьбой поддержать мое ходатайство. Постановляют поддержать.

Беру выписку из протокола КНС и посылаю опять по инстанциям. Ни слуху, ни духу.

В 1924 году, не имея прав, организую в селе общество потребителей. Много трудностей пришлось преодолеть, и новое общество при 19 членах и 60 руб. капитала начало работать, доведя состояние свое до настоящего времени до 3 000 руб. Я все время работаю как счетовод и фактический руководитель кооператива.

Но я отклонился от своей темы. В 1925 году посылаю письмо на имя тов. Г. И. Петровского. Канцелярия ВУЦИКа направила мое письмо в сельсовет с предложением мне заполнить анкету и направить по инстанциям. Сделал. Сел-, рай- и окризбиркомы соглашаются с тем, что я лишен избирательных прав ошибочно и постановляют: восстановить меня в правах и об утверждении просить президиум ВУЦИКа. Постановление окризбиркома да-

тировано 10 марта 1926 г., но, несмотря на промежуток времени чуть ли не год, и до сих пор ничего не слышно. В этом году пишу в окрисполком; ВУЦИК ничего не ответил, а окрисполком «сжалился», — вместо ответа, которого я просил (чтобы сообщили о судьбе прошлогоднего ходатайства), изволил посоветовать подать заявление по инстанциям (недоразумение или насмешка). Подаю опять сначала и не могу выйти из заколдованного круга. Селизбирком постановляет: «Принимая во внимание, что гр. Д. работает с 1924 г. по кооперативной линии, как технически, так и организационно, имеются хорошие результаты, а также своею работой по иным общественным делам выявил свою лойяльность к советской власти, поддержать его в ходатайстве о восстановлении избирательных прав». Вот это постановление мне вовсе не нужно, мне нужно постановление прошлогоднее, где сказана правда об ошибочности (а не злой умысел) лишения меня избирательных прав, а не это постановление, ставящее меня, как исправившегося полицейского, выявившего свою «лойяльность». Между тем, при нынешних перевыборах советов имя мое пусть красуется в списках лишенных избирательных прав, вызывая насмешку над властью со стороны всего крестьянства, знающего, что я никогда ни в какой полиции не служил. Крестьяне смеясь говорят: «до бога высоко, а до царя далеко», или же «Доки солнце зийде — роса очи выисть».

18 февраля у нас произошли перевыборы сельсовета, и я, мечтая об избирательной карточке, как о волшебном талисмане, которого 4 года добиваюсь, был устранен от участия в выборах. И после этого разве не звучат насмешкой ваши слова, подчеркнутые мною в начале этого письма. Довожу обо всем этом до вашего сведения, — я уже ни о чем не прошу, ибо не уверен в успешности просьбы (4-летний опыт). Пишу по привычке, как селькор, но, все-таки, думаю, что те, кому следует, извлекут отсюда надлежащие выводы и примут нужные меры для изжития «бюрократии», а я, по мере сил и возможностей, буду трудиться на пользу советской державы, хотя и без гражданских прав.

Крестьянин Григорий Никифорович *Дончук*.

Д. Ново-Добрянка, Добровеличковского района, Первомайского округа, на Украине».

Какие мотивы этого лишения, — трудно сказать. Думаю, что в значительной степени мотивы есть те, что кто-то из власти хочет избавиться от беспокойных элементов. Ведь эти элементы

выступают с хозяйственной критикой местной власти. А по хозяйственной критике они народ очень сильный. В этих выборах заметно возросло самосознание, самоуважение людей. Есть много писем, где люди жалуются на невнимательное отношение к ним. Приведу одно коротенькое письмо, которое получено из Ярковского района, из гор. Козлова:

«Бессильна я что-либо сделать на нанесенное мне публичное, как я считаю, оскорбление на перевыборном собрании Ярковского сельсовета тов. Бурлаковым, заведующим Ярковской финчастью, каковой проводил собрание, и поэтому я решила написать вам, тов. Калинин, как поступают здесь люди партийные. Веря в заветы тов. Ленина, я пошла на перевыборное собрание с тем, чтобы выдвинуть кандидатуру из женщин, что мной и было сделано; слышу — и меня кто-то крикнул в кандидаты. При записи моего имени тов. Бурлаков начинает так: «Козлова Агриппина. А мы запишем Козлова «Аграфена», — ранее ее попы крестили и называли Агриппиной, а в простонародьи, да и мы будем ее звать Аграфеной, — так и запишем». Я на это ничего не возражала, зная хорошо, что так или иначе назвать — оно одно и то же имя. Но обида вот в чем. При голосовании он опять начинает: «Аграфена-Аграфена и, в конце-концов, Аграхвена, и сам иронически смеется. За что такая насмешка брошена тов. Бурлаковым в произношении моего имени? Я теряюсь в догадках. Быть может за то, что я бедная крестьянка и зачем-то пришла на выборы, или виновата в том, что 30 лет назад меня родители крестили у попа, или еще какие причины, но вот, в силу этой брошенной мне насмешки, я в слезах ушла с собрания, не проголосовав выставленную мною кандидатуру. Вредного я ничего не делала как тов. Бурлакову, так и советской власти и коммунистической партии».

Я хочу показать этим письмом, как сильно выросла чувствительность у избирателей. В связи с этой выросшей чувствительностью и наша политика в деревне делается более сложной, она должна быть более осторожной как в области проведения собраний, так в особенности и в области лишения избирательных прав.

Не могу отказать себе в желании поместить еще два заявления в президиум ВЦИКа о восстановлении в избирательных правах с «того берега». При всем уважении к полезности исполняемой просителями работы (заявления их ниже помещаются), нам все же кажутся их мотивы неуважительными. Если бы гр. Троц-

кий привел в заявлении доказательства своего участия в строевых частях на фронте, это был бы сильный довод за восстановление его избирательных прав. Что касается гр. Урусова (очевидно, бывшего князя), он должен говорить не о «восстановлении» прав, а о том, чтобы Советское государство, в виде исключения за его общественную, советами признанную работу, дало ему избирательные права. Разумеется, такая работа по своей ценности должна выходить из нормальных рамок, чтобы дать избирательное право.

«Ходатайство

сотрудника правления Госбанка Троицкого, Василия Николаевича.

Согласно решения избирательной комиссии Сокольнического района гор. Москвы, сообщенного мне месткомом сотрудников правления Госбанка 19 февраля с. г., я лишен права избирать и быть избранным в советы как б. белый офицер армии Колчака.

В виду того, что с 1922 г. и по сие время я служу беспрерывно в одном и том же учреждении (в Госбанке), состою с начала 1923 г. членом профсоюза совторгслужащих (членский билет № 20140) и добросовестно выполняю свои обязанности, прошу ВЦИК восстановить меня в правах гражданства.

С первых дней Октябрьской революции я служил в Красной армии. В августе 1918 г. в составе штаба фронта в Казани был взят в плен белыми и мобилизован ими.

За службу у белых судился Верховным трибуналом ВЦИК в гор. Ново-Николаевске и приговорен к трем годам условного лишения свободы, с освобождением из-под стражи (копия справки о сем прилагается).

После суда короткий промежуток времени был на службе в Красной армии, в музыкантской команде особого кавалерийского дивизиона войск ГПУ в Сибири, после чего поступил на службу в контору Государственного банка в Ново-Николаевске. В сентябре того же 1922 г. переехал в Москву и поступил на службу в правление Государственного банка, где служу и по настоящее время.

Несмотря на выраженное мною желание служить по специальности в Красной армии, я, согласно приказа РВСР за № 1128/202, как б. белый, был уволен в бессрочный отпуск».

«Заявление

старшего инспектора инспекции правления Госбанка Урусова, Сергея Дмитриевича.

Согласно инструкции о выборах в советы, утвержденной ВЦИК 4 ноября 1926 г., я лишен избирательных прав как б. губернатор и товарищ министра внутренних дел.

Ходатайствую о восстановлении в правах по следующим основаниям:

1. Я принял в 1903 г. назначение бессарабским губернатором со специальной целью установить в губернии порядок охраны населения от погромов после известного Кишиневского апрельского погрома. Через 1 год и 8 месяцев я вышел в отставку.

2. После 17 октября 1905 г. я был приглашен премьером Витте в министерство внутренних дел на правах товарища министра для составления проекта реформы местного управления в духе измененного государственного строя. Убедившись в бесцельности занятий, через 4 месяца вышел в отставку.

3. После Февральской революции 1917 г. я был приглашен премьером Львовым для составления инструкции о милиции в то время, когда полиции уже не было, а милицию предстояло организовать. Положение мое было оформлено назначением товарищем министра без содержания. Окончив работу в конце мая 1917 г., я в начале июня был от должности уволен.

4. В 1906 г. как член 1-й Государственной думы был привлечен к суду по делу о Выборгском воззвании и отбыл тюремное заключение.

5. В 1913 г. был вновь осужден за издание книги «Записки губернатора» и отбыл 4-месячное тюремное заключение.

6. До 1917 г., в течение 11 лет, был лишен прав государственной и общественной службы.

7. С 1918 г. служу без перерыва, состоя с апреля 1921 г. членом профсоюза (билет № 26357), в 1918—1919 г. бухгалтером кооперативного товарищества «Техномощь»; с 1919 по 1921 г. военный моряк. С 1921 по 1925 г. управляющий делами особой комиссии по исследованию Курской магнитной аномалии. С 1925 г. по настоящее время — в Госбанке.

8. В 1923 г. был внесен в список работников, «упорный труд», «неусыпное рвение и плодотворная деятельность которых, направленная на восстановление и развитие народного хозяйства рес-

публики», послужили поводом для награждения нас орденом Трудового красного знамени. ВЦИК, № 62, 9 июля 1923 г.

Желая, наконец, стать полноправным гражданином и настаивая на полной лойяльности, проявленной мною в отношении правительства республики с самого начала ее существования, считаю возможным просить ВЦИК восстановить мои права.

С. Урусов».

* * *

Общий вывод из этой перевыборной кампании. Вообще, надо сказать, что выборы идут выше среднего, и в основе своей они идут по тем предвидениям, которые партия наметила.

Самым большим дефектом в этих выборах я считаю тот факт, что при лишении избирательных прав задели некоторый слой активных середняков. Конечно, вполне естественен большой процент получаемых нами писем, потому что самые активные больше всего пишут, но, помимо этого, можно думать, что наши товарищи на местах в вопросе лишения избирательных прав не приняли во внимание, что, если мы хотим деревню сделать более советской, если мы хотим, чтобы в особенно острые моменты деревня непоколебимо шла вместе с пролетариатом, то именно этот активный элемент должен быть в тесном контакте с советами. И поэтому я считаю, что с этой стороны есть некоторые упущения.

Несколько слов по вопросу о выдвижении и выдвиженцах. Наша советская система имеет исключительную ценность тем, что она, пожалуй, как ни одна система, дает возможность вылавливать наиболее живой элемент из населения. Ведь каким образом выдвигаются новые силы, проверяются на своей практической работе? Одним из главных резервуаров, из которого черпаются новые силы, являются выборы в советы. Значит, советы, помимо той политической работы или того политического эффекта, который дают в выборной кампании, еще выполняют огромную роль и в смысле выдвижения новых, еще не испытанных, вновь наросших практических сил в деревне и в рабочей среде.

Какие же результаты мы в этой отрасли имеем? Надо сказать, что вообще, хотя мы давно ставим вопрос о подсчете этих сил и учете работы их, все же по существу в этом отношении сделано очень мало. У нас есть сводка по 24 губерниям и по Татреспублике, всего 25 с Татреспубликой. Цифровая сводка:

всего выдвинуто с 1923 г. по 1926 г. новых работников через выборные кампании 7 452 чел., из них: рабочих выдвинуто 5 351 чел., крестьян 840 чел.; служащих — 1 219 чел.; членов ВКП — 5 484 чел., беспартийных — 1 410 чел.

В ближайшем будущем придется поднять учет квалификации выдвигаемых работников; партийные работники учитываются и квалифицируются в партийных органах, а не-партийные работники, выдвинутые в советы, почти нигде не учитываются, или, во всяком случае, учитываются в очень слабой степени. Я попросил дать сведения хотя бы об основной группе беспартийных работников, — это о членах Центрального исполнительного комитета — беспартийных крестьянах. У нас всего членов ВЦИК — 300, а беспартийных там — 76, в ЦИКе Союза всего членов — 450, беспартийных — 106. Я хотел навести справку, как же работают члены ВЦИКа, и вот какие результаты.

Все беспартийные члены ВЦИКа распределяются на три группы, всего у нас характеристик имеется о 43 крестьянах — членах ВЦИКа. Из них 24 чел. относятся к группе наиболее активных и устойчивых общественных работников. «К первой группе, — гласит справка, — следует отнести группу наиболее активных членов. — Члены ВЦИКа этой группы большую активность проявляют на сессиях ВЦИКа. Все их выступления на пленарных заседаниях сессии, и в особенности в комиссиях, носят знающе-деловой характер. По выступлениям этих товарищей видно, что они с головой ушли в общественную работу и умело претворят в жизнь опыт и свои знания по вопросам жизни, быта и нужд деревни». Можно сказать, что они имеют очень большое значение в работе в самом ВЦИКе, и у меня в канцелярии работает человек 8 — 10, работают в Организационном отделе ВЦИКа, в Доме крестьянина и т. д. и т. п., и на крестьянской работе.

Так вот, эта первая группа составляет 24 чел. Из этой группы я многих лично знаю, и из них некоторые очень ценные работники, настолько ценные, что, например, когда у меня решается какой-нибудь вопрос по финансовой части или по земельному делу, и я зову, предположим, какого-нибудь опытного человека, инструктора или еще кого-нибудь, он иногда прямо говорит, что член ЦИКа в этом вопросе знает больше, чем он, потому что члены ЦИКа имеют больше возможности специализироваться. Недавно прорабатывался новый закон о сельскохозяйственном налоге, и крестьяне, члены ЦИКа приняли очень большое в этом участие.

«Вторая группа, — говорит справка, — тоже довольно значительная, относится к числу малоактивных, оторвавшихся, — их человек 12 из 43. Все свое внимание они уделяют на усиление и обогащение личного имущества. Большинство крестьян из этой группы до избрания их в члены ЦИК'а были активными, пользовались авторитетом и уважением населения, а теперь их авторитет среди местного населения утратился».

И, наконец, третья группа — малоработоспособных людей, ряд крестьян, которые выдвинуты и от которых нельзя ожидать особенных результатов в их работе. Я думаю, что первая попытка систематизации работы непартийных очень слаба. Она охватывает 43 чел. из 106 и организована пока в РСФСРовском масштабе. Вероятно, у республик на местах есть тоже какой-нибудь учет. Эта первая попытка учета работы беспартийных и использования их для практической административной работы, несомненно, должна усилиться. Внимание на непартийных должно быть обращено больше, чем это было до сих пор. К учету их только приступили, начало уже сделано, теперь необходимо его продолжать и развивать.

ЧТО ДЕЛАЕТ СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ. *)

По существу говоря, можно бы заглавие перевернуть: «чего не делает советская власть для осуществления демократии», ибо все, что бы ни делала советская власть, есть осуществление или укрепление демократии, ибо все, что укрепляет советскую власть, как таковую, своим следствием укрепляет и демократию.

Впрочем, сначала условимся, что̀ надо понимать под словом «демократия».

В Америке под флагом либералов и демократов скрываются самые отчаянные реакционеры, защитники наиболее организованной и эксплоататорской буржуазии. Для них свобода, демократия означает освобождение эксплоатации рабочих от всякого государственного ограничения.

В Англии, в стране якобы действительной свободы, за последнее время происходили судебные процессы коммунистов, где с необычайной яркостью выявляется, что английский демократизм возможен лишь в пределах английской консервативной мысли. Всякий же, выступающий активно против настоящего империалистического строя Англии, хотя бы без оружия в руках, подлежит тюремному заключению. Хотя тюремное заключение я не считаю наиболее сильным оружием против активной деятельности политических партий, но оно лучше всего иллюстрирует их правовое положение. Главная враждебная сила, мешающая практической деятельности хотя бы английской коммунистической партии, — это могучее влияние на весь английский быт крупного капитала.

Представьте себе практическую деятельность коммунистической партии в Великобритании: печатание прокламаций, воззва-

---

*) Эта статья написана тов. М. И. Калининым осенью 1926 года для иностранной печати. У нас она впервые была опубликована в журнале «Новый мир» (X, 1926). *Ред.*

ний, газет, книжек возможно только в типографии владельца-капиталиста, квартира штаба партии находится в доме владельца-буржуа и т. д., и т. д. Всюду сопротивление отчаяннейших врагов коммунизма, которые и за страх и за совесть считают своим святым делом вредить коммунизму.

В совершенно противоположных условиях находятся консерваторы, вообще реакционеры. Их сторонники вербуются преимущественно среди имущих, среди собственников — от ресторатов до владельцев земельных участков включительно. Ясно, что их деятельность здесь находит решительную поддержку. От молитвенного дома до свободного от застройки участка земли, — все предоставляется к их услугам. К этому надо добавить явно и тайно сочувственное отношение органов правительства, в руках которого сосредоточены огромные материальные и денежные средства.

И после всего этого говорят, что если сравнить условия политической борьбы для консерваторов и коммунистов, то эти условия одинаковые: в свободной, в глазах обывателей всего мира самой свободной стране в мире, в Англии — лицемерие и лицемерие, полный и возведенный в систему обман рабочих. Никакой свободы и в особенности политического равенства я здесь не вижу, этого не было и нет.

А ведь под демократией — даже буржуазной, — по крайней мере хоть формально, подразумевается (конечно, обывателями) возможность для народных масс легально отстаивать свои интересы. «Право» есть, но воспользоваться им рабочий не может. Если же рабочие массы начинают систематически пользоваться своим «правом», оно немедленно отнимается верхушечными классами. Наглядным примером этому является упомянутый выше судебный процесс английских коммунистов.

Но все-таки что же сделала советская власть, режим диктатуры пролетариата (одно название «диктатура» вгоняет в пот благонамеренного обывателя-буржуа) для осуществления демократии, действительной демократии, а не буржуазной, не в кавычках? Иначе говоря, какими возможностями советская власть наделила широкие массы рабочих, крестьян и городской бедноты в области защиты их кровных интересов? Каждый политический шаг советской власти исходит из положения — поднять, укрепить угнетенные и обездоленные массы трудового населения. Я остановлюсь на нескольких выполненных советской властью задачах, хотя бы в хронологическом их порядке.

Первыми актами советской власти было: прекращение империалистической войны, аннулирование тайных хищнических договоров, конфискация всей помещичьей земли и бесплатная передача ее народу. Пройду мимо первых двух; мне кажется, нет основания доказывать их демократичность. Остановлюсь на последнем.

Пусть мне укажут в истории хотя один законодательный акт, который бы наносил по помещичьему, самому реакционному классу столь жестокий удар, как конфискация земли. Передача всей помещичьей земельной собственности трудовому народу бесплатно, — разве это не является действительным укреплением народовластия, демократии? Представим конфискацию всей земли у английских лордов или конфискацию громадных имений германских аграриев. Разве эта мера не была бы революционной, и разве она не укрепила бы значительно германскую или английскую демократию? Но ведь мы не ограничились только землей, а конфисковали все фабрики, заводы и вообще все крупное частно владельческое имущество, которое полностью передано в руки рабочего государства. Ведь это значит, что мы лишили крупных собственников главной основы их засилия и господства — капитала.

Что же, такие меры укрепляют демократию или разрушают ее? Только лакеи буржуазии и злейшие враги народа, в какие бы народнические мантии они ни рядились, могут отрицать демократичность вышеприведенных мер.

В Советском союзе юридически и, насколько это возможно практически проведено полное равенство полов. Женщина у нас действительно сравнялась во всем с мужчиной. Покажите хоть одну самую демократическую страну, где бы женщины имели равные права с женщинами Советского социалистического союза? И это ведь не слова, а действительно так: в нашем Центральном комитете партии имеются женщины, в ЦИКах Союза и республик тоже имеются, в Совнаркоме имеются, в президиуме ВЦСПС имеются и т. д. и т. п. Мы разрушили святое святых буржуазии. В дипломатии в качестве полномочного министра и посланника СССР работает женщина. Но если бы меня спросили, а существует ли действительно полное равенство между женщиной и мужчиной в Союзе, то я бы сказал: фактически, конечно, еще полного равенства нет. Оно может быть только в развитом коммунистическом обществе, до которого еще нам очень и очень далеко.

Между тем вот что говорят русские белогвардейцы, которые в своем мракобесии и реакционности превзошли сами себя:

«Русские женщины, — читаем мы в кадетской газете «Руль»,—все жалуются на ограничение их гражданских прав во Франции. Понесет дама в ломбард закладывать кольцо или часы, а у нее спрашивают:

— А разрешение вашего мужа?

— Но ведь это женские часы, мои часы, какое же разрешение?

— Это все равно. Без разрешения супруга вы не можете закладывать и ваших личных вещей...

И так во всем. Хочет женщина нанять квартиру—сейчас вопрос: «А разрешение мужа?» Хочет открыть мастерскую, опять. «А ваш супруг разрешил?»

Особенно негодуют наши пожилые дамы:

«Помилуй бог: мне шестой десяток идет, а у меня, точно у девчонки, спрашивают, позволил ли муж. Хотела бы я видеть, как бы это он мне не позволил...»

В «варварской» России женщина так привыкла к юридическому полноправию, что в Европе, и особенно в странах латинской культуры, она чувствует себя на положении полуребенка, всегда и во всем опекаемого. Я слышал даже, как наши дамы смеются над французскими дамами.

«Ведь француженка, без позволения мужа, даже письмо заказное отправить не может... А еще Европа называется...»

Да, называется Европа, но еще лет 50, а может быть и все 100, пройдет, пока они нас в этом отношении догонят. Мы очень мало ценили то хорошее и то прекрасное, что у нас было. Мы очень часто принимали в Европе благоустройство за культуру. И только теперь, когда мы так близко подошли к европейскому быту и к европейскому закону, мы с удивлением видим, что были области, где мы стояли впереди всех. Европейцы, которые так поражаются юридическим равноправием русской женщины, объясняют это явление тем, что у нас был целый ряд самодержавных императриц и что это императрицы повлияли на наше законодательство. Грешный человек, я тоже так думал, но один русский профессор в Праге, человек огромных знаний и знаток вопроса, объяснил мне, что это ходячее мнение лишено научной основы. — И до императриц так было.

Корни явления надо искать в другом месте — в славянском отношении к женскому равноправию».

Это из «Руля», от 22 января 1926 г.; фельетон А. Яблоновского — «Русский Париж».

Этот поборник равноправия женщин, как гоголевский Петр Петрович Петух, тут же смакует: «Ужасно положение простых русских людей, не знающих ни одного французского слова и попавших в «эмигранты». Это положение глухонемых. Мне одна русская дама рассказывала, что встретила на улице старушку в платочке, которая все подходила к французам и крестилась и показывала что-то такое руками. Ее, конечно, никто не понимал. Подошла старушка и к моей знакомой и тоже стала креститься. Но результат получился все тот же: знакомая только руками развела. Тогда у старушки вырвалось восклицание досады: «Ах ты, господи, твоя воля». — «О, да вы русская». — «Русская, матушка, русская... А то как же. Вот час целый спрашиваю, как мне в русскую церковь пройти и никто не понимает...» — «А вы бы по-другому как-нибудь спрашивали, я, вот, и русская, да не поняла». — «Да как же спросить-то, когда я по-ихнему не слышу. Ничего по-французски не слышу, хоть убейте меня. Ну, думала, крещусь я по-русски православным нашим крестом и показываю, как люди богу молятся, — как не понять. Так вот, ни один не понял, а люди они вежливые...» — Оказалось, что русская няня, вместе с господами бежавшая от большевиков. Тоже, конечно, «враг народа», «империалистка» и «контр-революционерка»... Из русской прислуги, кажется, одни только няни и последовали за господами. Но это и неудивительно. Няни ведь были членами семьи, искренними друзьями и скорее родными, чем служащими людьми. Они своим долгом считали разделить с господами несчастье. И вот в Париже, в Берлине, в Лондоне появились эти своеобразные «эмигрантки» — такие же, как были в России: в темных платочках, в темных платьях «с горошком», тихие, ласковые и милые, бесконечно милые. Старый тип сохранился во всей неприкосновенности от Пушкина до наших дней. А кстати, Пушкин-то свою Арину Родионовну не называл «няней», а называл «мамой». И уже взрослым человеком и прославленным поэтом все, бывало, говорил: «мама». И старой нянюшке это ужасно нравилось: «все меня мамой величает, а какая я ему мама». Слышу и вижу, что русские рабочие, устроившиеся на заводах, очень переутомляются. Редко кто работает положенные восемь часов, — почти все проводят на заводе девять и десять часов».

Ведь это пишет бывший русский радикал, и между тем как ему мил старый помещичий быт с его ваньками, нянями и прочей помещичьей челядью. Насколько же выше, благороднее современных писак «Руля» гоголевский Петух. Он вместе со своими крепостными ловил карасей в своем пруду и смаковал не рабство, а искусство своего повара.

Правнуки Петуха выросли, они поняли вкус не только в кулебяках, а и в смачности института рабовладения. Насколько был прав Щедрин, говоривший: поскреби русского радикала, окажется помещик. Теперь времена изменились: не надо скрести, шелуха радикализма спала сама собой, и старый помещичий быт стал заветной мечтой русской эмиграции. Что же, пусть она скрашивает жизнь гоголевскому зоологическому саду эмиграции. А молодое поколение иногда будет туда заглядывать для наглядного изучения прелести отжившего режима.

На изжитие современного положения женщины потребуется очень значительное время. И вот в Советском союзе принимается целый ряд мер к ускорению приближения момента полного равенства между мужчиной и женщиной. Я допускаю, что, может быть, здесь мы в чем-нибудь и ошибаемся в частностях, но для меня не подлежит никакому сомнению, что ни одно государство не делает столько, как Советский союз, для наделения женщин такими правами, которые бы давали возможность ей реально сравняться с мужчиной. Достаточно напомнить 3-месячный отпуск с полным содержанием при родах, или обсуждение на последней сессии ВЦИКа кодекса законов о браке. Весь спор вокруг кодекса велся и ведется сейчас, как лучше обеспечить женщину. Я спрашиваю, что это? К чему это ведет — к укреплению демократии или ее ослаблению?

Возьмем национальный вопрос, вокруг которого более чем где-либо сплетен клубок коварства, лжи и лицемерия среди настоящего буржуазного, так называемого «демократического» общества. Когда тащили миллионы рабочих и крестьян на мировую бойню, буржуазные сирены обоих воинствующих лагерей пели о национальном самоопределении, о праве народов на собственную культуру. Куда все это делось? Разве национального угнетения стало в 1926 году меньше, чем в 1913, последнем мирном году? Английский империализм стал менее жаден? А французский капитал своими жестокими кровавыми расправами в колониях не заменил ли полностью приказчика немецкого капитала — Вильгельма, лицемерно всю жизнь рядившегося в фальшивую одежду

рыцаря и при первой опасности позорно бежавшего из своей страны от народного гнева. За большими акулами следуют маленькие: Польша, Румыния и т. д. и т. п.

Одним словом, шовинизм, национальная обособленность, желание подчинить себе национальные меньшинства, грабежи и угнетение маленьких народов, — все это нисколько не уменьшилось по сравнению с довоенным периодом. И разрешение национальных вопросов сейчас во всем мире стало еще более запутанным и трудным, чем это было до войны. Каждое карликовое государство стремится отгородиться таможенными барьерами от своих соседей, ведя войну у себя внутри с национальными меньшинствами. Этой участи не избегли такие колоссы, как Англия и Америка, которые буквально эксплоатируют весь мир. Одним словом, зреют элементы для новой войны.

В царской России национальный вопрос был в числе наиболее уязвимых и практически трудно разрешимых вопросов. Свыше двух столетий царизм насильственно присоединял к себе национальность за национальностью, все время проводя политику угнетения, национального порабощения, курс на ассимиляцию присоединяемых народов, стремясь к полному уничтожению малых национальностей, повсюду закрепляя русское господство. За русским солдатом в присоединяемой территории шел колонизатор, под флагом культуртрегера. Это был только носитель царского кнута и нагайки. В связи с этим распространялась страшная ненависть как к царизму, так и ко всему русскому.

Перед советской властью встала труднейшая проблема — объединить эти противоположные друг другу элементы, пылающие ненавистью ко всему русскому, пропитанные глубокой подозрительностью, не проводится ли и под флагом советской власти новая руссификаторская политика. Сейчас можно сказать, что народы, населяющие наш Союз, видят в лице советской власти уже не угнетателей-руссификаторов, а действительных защитников всех народов, населяющих Советский социалистический союз. Я не увлекаюсь, не говорю, что эта задача из легких и что она полностью решена; наоборот, с каждым годом существования советской власти открываются новые трудности по согласованию национальных интересов, по поднятию их политического самосознания до общесоюзного уровня. Действительно, это труднейшая проблема. На самом деле, сколько требуется сил, воли и энергии, народного пафоса и бесконечного количества труда, чтобы научить степняка-киргиза, мелкого хлопковода-

узбека, садовода-туркмена и т. д. и т. п. воспринять идеалы ленинградского рабочего.

Советская власть основательно в этом направлении поработала. Достаточно вспомнить, что у нас шесть Советских республик, объединенных между собой в Союз особыми договорами, дающими право в любое время любой из них односторонним заявлением выйти из Союза. В обыденной государственной работе Союзные республики обладают огромными правами самостоятельности, ибо глава вторая Союзной конституции прямо говорит: «Суверенитет Советских республик ограничен лишь в пределах, указанных в настоящей конституции, и лишь по предметам, отнесенным к компетенции Союза; вне этих пределов каждая Союзная республика осуществляет свою государственную власть самостоятельно. Союз советских социалистических республик охраняет суверенные права Союзных республик». И действительно, Союзные республики у нас имеют всю полноту прав согласно нормам Союзной конституции.

Каждая Союзная республика в своих пределах имеет ряд автономных Советских республик, областей и просто небольших национальных автономных единиц. Достаточно сказать, что РСФСР имеет десять автономных республик и тринадцать областей, чтобы понять, насколько велики стремления Советского союза в деле обеспечения национальных прав. Каждая небольшая народность, насчитывающая несколько десятков тысяч населения, компактно живущих, имеет право выделиться в автономную единицу, с ведением государственного делопроизводства на своем родном языке. Для защиты национальных меньшинств в Центральном исполнительном комитете Союза создана новая «палата» — Совет национальностей, имеющая одинаковые права с прежней «палатой» — Союзным советом. Обе они и составляют ЦИК Союза. Можно уверенно сказать, что нигде в мире не относятся столь внимательно и бережно к национальным особенностям и нуждам, как в Советском союзе.

Можно было бы думать, что это поведет к разброду многомиллионного, многонационального, разноязычного, страшно территориально разбросанного бывшего царского государства. Однако на девятом году существования советского строя можно смело сказать, что с каждым годом все более и более изживаются сепаратные, приходские стремления как областные, так и национальные. Идея Союза все сильнее охватывает чувства и самосознание народов, населяющих Союз советских социалисти-

ческих республик. Объезжая самые глухие углы Союза, я повсюду это видел. Например, год тому назад, будучи в Фергане, Бухаре, в аулах Туркмении и других местах, я повсюду видел желание местного жителя выявить себя не только узбеком, туркменом, а и гражданином Советского союза. Характерно, в поездку по Средней Азии, т. е. по Узбекистану и Туркменистану, я получил около 3 тысяч различных заявлений на местных языках. Лица, стоящие во главе Союзных республик, мне шутя говорили: «народ сломал все конституционные формы перед Москвой, — пишите резолюции, они нами будут выполнены». Можно отметить новую черту среди рабочих, крестьян и в особенности нарождающейся народной интеллигенции — желание побывать, а у молодежи поработать и в особенности поучиться в Москве.

Сама Москва из специфически русского города, где русская чуйка имела права подобно сюртуку в европейском быту, наполняется разноплеменными костюмами народов Востока. Москва становится центром сочетания и накопления народной мысли от Дальнего Востока до пределов Польши. Недаром заслуженные вожди народов, — как, например, Нариман Нариманов, бывший председатель ЦИКа Союза от Закавказской федерации и бывший предсовнаркома Азербайджанской республики, — похоронены в Москве. Трудно сказать, кто кого и куда тянет: восточные народы Союза тянут Москву к себе, или Москва их притягивает. Я думаю ни то, ни другое. Здесь просто растет интернациональная мысль. Рабочие и крестьяне различных национальностей Союза, чувствуя опасность от капиталистического мира, плотнее сжимаются, выковывая общую мысль, общее оружие защиты от еще могучего империализма. Я этим не хочу сказать, что перед нами лежит легкий путь в национальном вопросе, в вопросе близкого сожительства и совместного труда разных национальностей.

Развитие техники и связи ведет к постепенному уменьшению территориальных расстояний. Это не только сближает людей: самая жизнь их, несмотря на то, что они живут в различных широтах земли, все более приобретает одинаковый характер. В то же время маленькие национальности, видя надвигающуюся опасность утраты своих национальных особенностей, особенно ревниво оберегают их. И вот перед нами стоят эти трудности: с одной стороны, на деле выявить полную свободу самоопределения маленьких национальностей и, вместе с тем, найти та-

кие формы совместного сожительства и совместной работы, которые дали бы возможность охвата в полном объеме сил природы, дали бы возможность всю силу народной мощи Союза бросить, направить в наиболее уязвимое место. Что говорить: и до сих пор задача остается трудной. Но постепенное, изо-дня в день, практическое ее решение должно привести нас к заветной цели. Мы тем более в этом убеждены, что главное в национальной розни — эксплоатация человеком человека — у нас изживается. У нас нет крупной буржуазии: основа национальной розни у нас подорвана.

Скажите, есть ли это действительное, настоящее укрепление демократии?

От большого перейду к малому. При советской власти упрощена орфография русского языка. По этому поводу могут сказать, что вопрос этот принципиально решен до советской власти. Это правильно, что и говорить, но ведь одно дело признавать необходимость тех или других мероприятий, а другое — провести их в жизнь. В нашей старой русской грамматике было много, чересчур много условных, искусственных грамматических знаков, которые создавали громадные затруднения в правописании. Достаточно напомнить, что в старом правописании была буква «ять», во многих словах заменяющая «е» простое, даже в таких словах, где произносится как «ё». Это было пугалом не только для детей младшего, но и старшего возраста. Можно смело сказать, что учитель мог в любое время срезать на русском языке, обвинить в незнании русского языка самого способного ученика. И на изучение этих условностей тратилась бездна времени, что, разумеется, доступно только совершенно обеспеченным людям; благодаря этому даже те крестьяне и рабочие, которые кончали городскую или земскую школу, считались неграмотными. Во всем этом, конечно, был дух привилегированности, обособленности так называемого культурного общества. Я не сомневаюсь, что то же самое существует и в других буржуазных странах, где язык, так называемый литературный, различен от народного.

Наши реформы в русском языке дали могучий толчок восточным народам произвести в их языках еще более глубокую реформу. Напоминаю, что тюркские народы свои восточные шрифты, представляющие исключительные трудности при изучении языка, заменяют латинским, более простым шрифтом. Что все старое, заскорузлое, антинародное идет против таких ре-

форм, не надо удивляться, ибо ведь упрощение (в самом широком смысле) изучения грамоты, делая ее народной, всеобщей, тем самым лишает, развенчивает перед народом мнимых жрецов знания.

Кто осмелится сказать, что перечисленные мною меры советского правительства не идут навстречу действительному советскому демократизму? Кто осмелится сказать, что они не соответствуют интересам трудовых масс?

Я мог бы с первого дня советского строя и до сдачи в набор моей статьи проследить всю работу советского правительства изо-дня в день, — и я не сомневаюсь — во всей этой работе красной нитью проходит одно стремление, это — укрепить власть трудящихся громадного большинства народов, пробудить его энергию и волю к защите своих интересов. Наши враги (а их у нас достаточно) делают все для того, чтобы отравлять сознание народных масс глупейшими небылицами, фантастическими измышлениями в роде «национализации женщин», грубыми и непристойными обвинениями.

Вместо всей недостойной галиматьи, измышляемой о большевиках, занялись бы шаг за шагом изучением советского законодательства и административной практики советских органов, где действительно еще много можно найти отрицательных явлений, и уже на почве этих существующих в жизни фактов били бы по советскому строю.

Такую именно политику ведут коммунистические партии; они не просто поносят буржуазный строй, а собирают конкретные факты буржуазного режима и в их настоящем виде подносят рабочим и крестьянам, и, чем факты жизненнее, чем менее оспоримы они, тем они сильнее бьют по капиталистическому режиму. Почему же весь могущественный буржуазный мир, располагающий колоссальнейшей прессой и средствами, не последует за коммунистами? Ведь к их услугам русская белогвардейская пресса, знающая, где и как собирать такие сведения, лишь бы платили. Просвещенные хищники журналистики знают ценность опубликования таких сведений, и, однако, они пользуются, как я уже сказал, выдумками с потолка, доверие к которым все больше падает со стороны широких масс деревни и города. Это можно объяснить только боязнью фальсификаторов, что правдоподобное описание даже отрицательных сторон советской общественной жизни будет революционировать их собственные народные массы. В беспристрастной обрисовке наших

отрицательных явлений будет проглядывать огромная творческая работа, замазать которую нельзя, а именно ее-то владыки империализма и хотят скрыть от собственных масс.

Не сомневаюсь, читатель уже негодует, что мы, увлекаясь полемическими настроениями, далеко ушли в сторону от непосредственной темы нашей статьи. Возвратимся к нашей теме. Мы еще не сказали, что в нашем Союзе полностью проведен восьмичасовой рабочий день. Не фиктивно, как это делается в капиталистических странах, а реально. Многие умники нашему восьмичасовому дню противопоставляют пять-шесть предприятий в мире — вроде Форда, — где также введен восьмичасовой рабочий день. Но ведь это ничего общего не имеет с нашим восьмичасовым рабочим днем, ибо у нас этот закон распространяется на весь наемный труд, не исключая домовой и личной прислуги, а в особо тяжелых производствах рабочий день сведен к шести часам. И это уже не эпизодическое явление, а приобрело все права гражданства и быта за девятилетнюю историю своего существования. Ввести 8-часовые работы в крупной промышленности не представляет особого затруднения. Крупная индустрия так выматывает силы рабочего, что само производство требует более короткого дня, а вот распространить этот закон на весь наемный труд не решаются и самые богатые страны, как Америка. Достаточно перечислить: строители, коммунальники, служба движения железных дорог, обслуживающий персонал домов, торговых предприятий, столовых, ресторанов, милиция и т. п. В этих профессиях рабочий день измерялся в России от 10 до 18 часов в сутки. Можно с уверенностью сказать, что и в передовых капиталистических странах он приблизительно такой же длинный и по сей день.

Полное внедрение в жизнь, в народный быт восьмичасового рабочего дня — это величайшая проблема, ведущая к освобождению человечества от всякого вида рабства. Она в своем практическом проведении встречает колоссальнейшие трудности и, смело можно сказать, не по силам буржуазному строю. Надо вспомнить, что в таком труде участвуют миллионы неквалифицированных людей, распыленных в своей работе, еще не пропитанных полностью пролетарским мировоззрением, слабо культурных, подвергающихся большему влиянию капиталистических элементов и, наконец, еще не научившихся работать с полной продуктивностью. У нас в области производительности пока идет главный нажим на производственные организации и органы

управления, но, несомненно, в следующей стадии встанет вопрос о полном приобщении к индустриальному пролетариату и этой распыленной массы не только идеологически, а и приближением в интенсивности труда. И, конечно, это возможно только при советском строе, где в производительности заинтересовано все население страны, где результаты производительности отзываются в первую очередь на рабочем классе. Все вышесказанное не подводит ли крепчайший фундамент под демократию, под действительную рабочую демократию?

Скептический читатель за рубежом Союза, настроенный с некоторой доброжелательностью к нам, скажет: «Все это правильно, факты, изложенные Калининым, более или менее не подвергаются сомнению, а как же все это вы свяжете с произволом вашего ГПУ?»

Здесь нам придется объясниться начистоту с зарубежными читателями. Нигде столько не напущено туману, клеветы и самой беспардонной лжи, как вокруг ГПУ. В особенности в этом стараются наши социал-соглашатели, меньшевики и социалисты-революционеры всех оттенков. Нет ни одного номера «Социалистического вестника» («Социалистический вестник» — официальный орган русской социал-демократии, издаваемой в Берлине), в котором не было бы статьи, направленной против ГПУ. Одно то, что центральный орган меньшевиков уделяет столь огромное внимание ГПУ, доказывает слабость меньшевиков в принципиальных вопросах. Русские социал-реформисты стремятся, как все буржуазные партии, спор с основных принципиальных вопросов перенести на частности и главным жупелом своим избрали ГПУ, вокруг которого всего удобнее плести клевету. Во-первых, я отмечаю столь распространенную ложь за рубежом Союза, что наше ГПУ ведет самостоятельную, независимую политику. За все, что делало и делает ГПУ, несет ответственность, не только формальную, а и по существу, все советское правительство. Можно с уверенностью заявить, что ни в одной стране орган охраны не связан столь крепко с правительством, как в СССР.

Является ли необходимым для Советского союза сохранение такого органа? На это я отвечу вопросом же: покажите мне хоть одну страну в мире, где обходились бы без специального органа надзора за государственными преступлениями? Такой страны нет, а ведь казалось бы, что государственности, существующие свыше тысячи лет, менее всего в этом нуждаются.

Так почему же вы предъявляете такое требование к государственности, которая существует только десять лет, само существование которой вызывает скрежет зубовный во всем капиталистическом мире? С нажимом буржуазной контр-революции, с ее самыми разветвленными органами, принимающими самые различные формы, вплоть до издания «Социалистического вестника» и наводнения нашей страны осведомителями иностранных контр-разведок, — может ли наш народный суд справиться? Конечно, непосредственно попавшие с поличным понесут должную кару и от суда, но ведь у нас сотни тысяч белогвардейцев, пригретых международным капиталом, у которых заветной мечтой является вернуть свои привилегии и отобранные народом капиталы, и в этом они находят постоянную поддержку от своих зарубежных собратьев.

Все они находят тысячи легальных и нелегальных путей для борьбы с советской властью. В моей личной канцелярии был такой случай. ГПУ предупреждает меня, что один из моих чиновников ведет слишком тесную связь с иностранцами. ГПУ подозревает, что он им делает какие-либо взаимные услуги. Я был уверен, что ничего особенно секретного он не ведет, что документов на руках он иметь не может, что нельзя допустить с его стороны прямого предательства. Человек в глазах обывателей простой, честный. И однако он оказался референтом иностранных фирм. Я справился в среде буржуазной адвокатуры, допустимы ли с точки зрения адвокатской этики такой поступок, — получил отовсюду ответ, что это есть недопустимое предательство.

Мне, до ознакомления с его личными показаниями, казалось диким такое поведение. Человек сознательный, образованный, умеет разбираться в степени преступности, не враг советской власти. По крайней мере, если бы его нечаянно спросить, сторонник он или противник советской власти, он искренно признал бы себя сторонником. И однако оказалось, его так просто купили. Лишь читая его исповедь на суде, начинаешь понимать, как ловко наши враги умеют развращать наш служебный персонал. Сначала простое знакомство с иностранными журналистами, что так льстит русскому интеллигенту. Среди них возможно показать свою культурность и некоторые глупости советского строя, что вполне соответствует интеллигентской психике. Через журналистов завязывается связь с коммерсантами, которые дают небольшие, вполне законные поручения, как,

например: деловое письмо, а потом проект контракта и т. д. и т. п., а потом, смотришь, у иностранцев имеется с учреждением уже тесная связь, а человек незаметно для него сделался наемником иностранного капитала, оставаясь вместе советским чиновником, что особенно дорого и ценно иностранцам. Лишь очутившись в тюрьме ГПУ, такой человек поймет, что он делал государственное преступление. Что это, отдельный случай, необычный инцидент? Нет, судя по ряду судебных процессов, это довольно бытовое явление, это признак, что наша буржуазная интеллигенция еще слабо прониклась советской государственностью.

Тот, кто возражает принципиально против ГПУ, как органа охраны, надзора и отчасти административной расправы, тот хочет ослабить советский строй в самом уязвимом месте — в борьбе с подпольной работой его врагов. Меньшевистские иудушки ловят и разоблачают отдельные одиозные факты из деятельности ГПУ. Конечно, как и в каждом учреждении, бывают промахи и в ГПУ, но надо открыто сказать, что у нас в ГПУ работают наиболее уважаемые и выдержанные товарищи, в то время как в буржуазных странах в государственную охрану идут из чисто карьерных соображений. Человек, дорожащий своей репутацией, не пойдет в разведывательные органы буржуазии, и там охрана действительно состоит из людей с пониженной буржуазной моралью, ибо защищать интересы буржуазии из моральных побуждений вряд ли кто из разумных людей станет.

У нас в советской государственности в основе ее лежат идеальные цели — освобождение человечества от всех видов рабства и эксплоатации. Вполне естественно, что наиболее активные органы, стоящие непосредственно на фронте борьбы (армия, органы ГПУ) в Советском союзе пользуются среди рабочих и крестьян не только уважением, но и глубокой любовью. И чем сознательнее гражданин Союза, тем глубже понимает он значение вышеназванных институтов. Мы, принципиальные противники милитаризма, никогда не опускаем из агитации момента, что принуждены сохранять и развивать Красную армию из чувства самосохранения. Она нам не нужна для нападения, но это не уменьшает народной симпатии и даже известной гордости в достижениях военной мощи. В лице бойцов Красной армии мы видим передовой отряд в бою за социализм. Такие же чувства мы имеем и к органам ГПУ. Я выше уже говорил: туда посылаются наиболее стойкие и выдержанные коммунисты, в правильном предположении, что

им по роду деятельности приходится вращаться во враждебной нам среде, подвергаясь тлетворному ее влиянию.

И вот наши враги, в том числе меньшевики и эсеры, наносят удары по активному органу Советского государства в борьбе с контр-революцией. Что в ГПУ, как и в других советских органах, бывают ошибки, самоуправство и даже злоупотребления, которые, конечно, жестоко отзываются на попавших под воздействие ГПУ, это понятно, с этим руководящие органы самого ГПУ решительно борются. Но все россказни наших врагов о массовом аресте рабочих, о боязни крестьян перед агентурой ГПУ и т. д. и т. п.,—все это есть сплошное вранье. Рабочим и крестьянам менее всего приходится сталкиваться с ГПУ, принимая во внимание отсутствие его агентов в деревне. Наиболее страдающим элементом являются, конечно, спекулянты, торговцы-скупщики краденого и контрабандных товаров. Но, разумеется, это до известной степени работа побочная, навязанная ГПУ как хорошо налаженной организации, притом в советских условиях спекуляция часто связана с контр-революцией.

Разумеется, главная задача ГПУ — бороться с контр-революцией, за это именно ее и ненавидят наши враги. От этого назначения ГПУ советская власть отказаться не может не по внутренней силе контр-революции,—с ней, пожалуй, мы справились бы и более мягкими мерами,—а благодаря враждебному окружению нашего Союза, которое питает, воодушевляет, снабжает материальными средствами нашу разбитую контр-революцию. Неужели хоть один честный человек поверит, что наши контр-революционные газеты и журналы все издаются на эмигрантские средства? Ясно, что им помогают иностранные капиталисты, а я предполагаю — и правительства. Поэтому все демагогические крики о ГПУ есть желание разрушить зарекомендовавший себя орган в борьбе как с внутренней контр-революцией, так и с международной контр-разведкой.

Есть все основания думать, что читатель если не убедился полностью, то во всяком случае наши доводы признал заслуживающими внимания. Это тем более легко ему сделать, что они не выходят из обычного его поля зрения. Все перечисленные мною меры советского правительства теоретически приемлемы как для обывательски настроенных рабочих масс, так и для демократической интеллигенции за рубежом. Конечно, настороженный слух демократии шокирует мой хвалебный отзыв ГПУ, но с этим можно примириться, принимая во внимание, что та-

кие же органы охраны существуют буквально во всех странах, не исключая самых демократических; и на советскую охрану вешают собак лишь потому, что она защищает столь одиозный для демократов советский строй. Повторяю, все мною перечисленное, включительно до ГПУ, должно быть приемлемо для зарубежной демократии, по крайней мере теоретически. Но у нас есть действительно трудно перевариемые демократией установления. Мы не допускаем, — не принципиально, но довольно решительно и последовательно,—существования других политических партий. И вместо того, чтобы бить нас по этому действительно важнейшему для мелкой буржуазии вопросу,—а нам есть основание подискуссировать по нему с вами,—кричат на всех перекрестках о незаконных действиях ГПУ, чем замазывают существо вопроса, подменяют коммунистическую партию, советский строй административно исполнительным органом.

В Советском союзе легально существует только коммунистическая партия. Мы решительно отметаем навязываемую нам мысль, что мы не можем терпеть других конкурирующих с нами партий. Меньшевики выступали на VII Съезде советов (это было в конце 1919 года), анархистские группы выступают и по сей день, легально существуют сионистские организации (поэлэ-цион и гехолуц). Всем, наконец, известен факт — наш блок с левыми эсерами. Одним словом, прошлая история дает картину стремления большевиков приобщить к борьбе за конечные идеалы человечества способные на эту борьбу партии. И уж не наша вина, если все они последовательно, одна за другой, в процессе борьбы обанкротились, превратившись в орудие борьбы мировой реакции с нами.

Платформы наших партий за истекший период времени оценивались не только их писанными параграфами, а более существенным признаком: на какой стороне баррикады они находятся. Кто же сомневается, что они все время находились на стороне наших врагов, вместе с самыми злейшими врагами бились против нас, и так продолжается до сих пор! Правда, был незначительный период существования группы наложизненцев, стремившихся быть нейтральными, но ведь эти нейтральные ослабляли наш фронт, вносили разложение в наши ряды, вольно или невольно делались осветителями для врагов нашего внутреннего состояния. А левые эсеры — наши первоначальные союзники — в самый острый момент изменили, или, выражаясь решительнее, предали дело пролетарской революции. Если бы их предательство

удалось, ведь сотни тысяч крестьян и по крайней мере десятки тысяч рабочих были бы вырезаны. Удивительно коротка память у наших противников.

Так называемые социалисты хотят, чтобы мы легализировали хотя бы пока только социалистические партии. Но как же их легализировать, когда они до сих пор стоят по ту сторону баррикады, когда у них очередной работой считается свержение советского строя и восстановление на место его буржуазной демократии?

С меньшевиками и эсерами — даже архи-левыми — в лагерь пролетарской революции пройдут злейшие враги советов, а они сами будут являться передовым отрядом буржуазии в ее повседневной борьбе с нами. Разве сейчас «Социалистический вестник» не находится в авангарде в борьбе с советами? Кому он служит? Разве Дан мог бы гарантировать, примерно, такие же отношения с советской властью, какие существуют между Макдональдом и другими лидерами английской Рабочей партии — и английским королем? Кто мог думать пятнадцать лет тому назад — в период разгáра ликвидаторства, — до каких пределов дойдут меньшевики в ненависти к строю пролетарской диктатуры? Можно почти не сомневаться, что сейчас они советскому строю предпочли бы старый царский. Такой факт можно объяснить только их классовой родственностью с буржуазией.

Поэтому легализация таких партий есть по существу легализация буржуазной организации, у которой в перспективе может быть одна цель — свержение советов, в то время как мы держим курс на отмирание не только буржуазных партий (мы даже их разрушаем насильственно), но на отмирание вообще буржуазных классов.

Наши противники (под противниками я подразумеваю тех, кто все же признает идейность наших стремлений, но считает их тактически ошибочными), обвиняя нас в целом ряде частных ошибок, забывают, что эти ошибки становятся в их глазах ошибками потому, что ими упускается главное, т. е. то, что советский строй не приемлет буржуазных классов. Теперь мы подошли к основному: нарушаем ли мы принципы демократизма, отнимая у буржуазии политические права? Покажите мне хоть одну революцию в мире, в которой не нарушались бы чьи-либо права! Достаточно напомнить изгнание из Франции крупного дворянства великой французской буржуазной революцией. На наших глазах произошло изгнание императорских домов в Австрии,

Германии и т. д. Сейчас в Германии происходит борьба за конфискацию императорских имений. Ведь все это считается глубоко законными и безусловно демократическими актами. Еще недавно буржуазия некоторых стран гордилась изгнанием иезуитского монашествующего ордена из своих стран. Что лежит в основе этих решений? Только одно: предохранить народ от развращающего влияния изгоняемых... Почему же этот вполне законный, историей оправданный способ делается столь ненавистным, когда его применяют советы? Только потому, что мы его применили к буржуазии, которая господствует над всем остальным миром.

Нам могут сказать: но ведь вы этими мерами даете возможность буржуазии применять такие же меры к коммунистам. Да, конечно; но если бы буржуазия могла столь легко справиться с коммунистами простым их изгнанием из страны, — она давно бы это проделала, да ведь частично и делает. Обмен белогвардейцев на коммунистов Польши, Венгрии и т. д., производимый советским правительством, разве не есть изгнание последних из своей страны? Это есть изгнание с призом. Коммунистов не могут изгнать, потому что сам капиталистический строй их повседневно создает. Царь не только изгонял их, а уничтожал, и однако же сам первый пал их жертвой. Действительно, по существу является ли такая мера в глазах мелкобуржуазной демократии антидемократической, противодемократической? Если бы буржуазная демократия мыслила последовательно и не боялась с соответствующей последовательностью делать должные выводы, то, во-первых, она бы на основании бесчисленных исторических примеров вынуждена была признать, что принципиально, с точки зрения ее же морали и политики, это допустимо. Античная демократия, краса и гордость мелкобуржуазных демократов, в целях своего самосохранения часто к этому прибегала. Значит, ничего нового — по крайней мере принципиально-нового разрушением всех антикоммунистических партий мы не вносим, — этот метод в истории часто применялся мелкобуржуазной демократией. Очевидно, наши мелкобуржуазные верхи могут возмущаться лишь потому, что их методами воспользовались против них.

Конечно, одним принципиальным признанием, что это делается в целях самосохранения или в целях оберегания народа от идейного растления (чем мотивируется либерально-буржуазными правительствами изгнание иезуитов), еще не решается вопрос о политике советской власти. Надо данный конкретный случай, хотя бы ликвидацию нами легального существования всех буржуазных

партий—от монархических до меньшевиков включительно, оправдать интересами народа. Я уже говорил выше, что в настоящих советских условиях легализация даже так называемой социалистической в кавычках партии приводит к возможности организовать в пределах Союза штаб враждебной партии, через который пролезут и все остальные партии, ибо ведь они в сущности представляют единый противосоветский фронт. Такая легализация значительно упростила бы и прямую чисто военную контр-разведку наших врагов. Этим я не хочу бросить тень подозрения на меньшевиков или эсеров в сношениях с контр-разведками, но ведь сейчас социалистические партии гораздо ближе к своим буржуазным правительствам, чем это было до войны. Можно ли сомневаться, что значительное количество пилсудчиков из ППС служат в польской контр-разведке, а они в свою очередь имеют связи с русскими социалистами? Значительное количество социал-демократов служит в германской полиции и т. д. и т. п.

Значит, простая предосторожность должна повелительно диктовать предохранительные меры защиты. Если некоторые социалисты сознают необходимость ликвидации буржуазных легальных партий, тем самым они уже предопределяют и ликвидацию социалистических, ибо я снова повторяю: они в силу объективных условий сделаются аванпостом капиталистического нападения. Мы находимся в таких условиях, когда программа наших «социалистических» противников неумолимо превращается в щит врага, в удобное прикрытие для буржуазии. Вот если меньшевики и эсеры докажут, что они не несут с собой реставрацию буржуазной диктатуры, что в случае таковой попытки они будут вместе с нами бороться,—тогда другой вопрос. Но ведь все прошлое говорит как раз обратное. А потому и разговор о легализации таких партий есть разговор праздный. Социал-демократия тесными узами связалась с капиталистическим строем, сделалась одним из его устоев: очевидно, и ее исторический путь кончится вместе с буржуазией.

От конфискации помещичьих земель, фабрик и заводов до расширенных прав ГПУ и монопольного положения коммунистической партии,—все эти меры пронизаны одной политической целью: охранить советскую демократию от разрушительных замыслов капиталистического мира против советов. Так откуда же у вас появились коварные капиталисты?—зададут нам вопрос рабочие из-за пределов Советского союза. Ведь я сам хвалился выше, как одной из самых демократических мер,

конфискацией капиталов у крупной и средней буржуазии. Это правда, но, во-первых, каждый здравомыслящий человек должен понять, что даже при идеальной конфискации значительное количество средств еще осталось у капиталистов; наша конфискация, разумеется, далека от такого идеала, местные органы до сих пор еще ее дополняют. Затем, почти все наличные средства и сокровища были предупредительно спрятаны, несомненно, часть их переправлена за границу. У нас, кроме того, остался громадный слой мелкой буржуазии, которая хотя и основательно пострадала от революции, но почти не подвергалась конфискации, а новая экономическая политика дала ей значительные возможности залечить свои раны. Во-вторых, наши капиталисты хранили значительные сбережения за пределами Союза и, лишившись легальных средств у себя на родине, естественно ищут сочувствия и помощи у своих зарубежных братьев, капиталы которых, к сожалению, еще не конфискованы рабочими. Конечно, по мере сил и возможности они таковую помощь от зарубежной буржуазии получают и совместно ведут непрерывный подкоп под Советский союз, под советскую демократию. И вот главным средством защиты является диктатура пролетариата.

Вот здесь-то и стоит как перед советским строем, так и перед коммунистической партией труднейшая проблема: как увязать диктатуру пролетариата с советской демократией. Просто демократический строй (буржуазная демократия), за который, между прочим, столь рьяно держатся социал-демократы всех оттенков, недостаточен. Он ведет не вперед к коммунизму или хотя бы к рабочей демократии, а назад — к неприкрытой диктатуре буржуазии. Современный капитализм (империализм) лишь постольку терпит в своих странах буржуазную демократию, поскольку она помогает одурачиванию рабочих и крестьянских масс. В подмандатных же странах он стремится в полной мере восстановить новое капиталистическое рабство, — это подтверждено огромным количеством фактов последних послевоенных лет. Достаточно напомнить опыты, прошедшие перед нашими глазами в Германии, Италии, Англии, Болгарии, Польше и т. д. и т. п. Повсюду в выше перечисленных и не перечисленных странах буржуазная — даже буржуазная — демократия съедена без остатка открытой реакцией, открытой диктатурой буржуазии. Если бы большевики не предвосхитили такой участи, очевидно, и у нас был бы, примерно, такой же ход истории: у власти находились бы наши Чемберлены-Лютеры, т. е. Гучковы-Милюковы.

Поэтому, когда социал-демократы нас ругают насильниками и захватчиками, мы отвечаем: да, виновны, но безусловно заслуживаем понимания и признания. Вы горды тем, что вами не нарушен буржуазный демократизм, что хотя вы и слопаны прожорливой буржуазией со всеми вашими квази-демократическими потрохами, но и в пищеварительном канале буржуазии вы все же остались демократами. Что правда, то правда. Но предположим, что социал-демократическая верхушка чувствует себя недурно внутри питательного желудка буржуазии, — слово «предположим», очевидно, в данном случае лишнее, — а при чем же здесь рабочие, крестьянская беднота?

Не знаю, как за пределами Советского союза, у нас же, — это я могу заверить с огромной достоверностью, — 99,9% рабочих и 90% крестьян на это не пойдут. Они предпочитают диктатуру пролетариата буржуазной диктатуре.

Насколько стеснительна диктатура пролетариата для развития его (пролетариата) самодеятельности, развертывания его творческих сил, о которых особенно пекутся социал-демократы? Конечно, диктатура вносит известные ограничения личных прав, как и всякая другая организация. Например, профсоюзы заставляют платить членские взносы не только желающих платить, но и не желающих, поскольку они хотят оставаться членами профсоюза. Но в момент хода забастовки сами рабочие сурово расправляются с штрейкбрехерами. В периоды войны государство совершенно не считается с личными интересами и располагает полностью жизнью гражданина. К нарушению государством этой категории прав гражданина буржуазная демократия приучена господствующими классами. У нас, на ряду с упомянутыми выше, введено лишение прав по имущественному признаку: капиталисты у нас лишены права участия в выборах и права быть избранными в советы, их предприятия платят бо́льшие налоги, чем предприятия государственные, кооперативные и предприятия общественных организаций, капиталисты не пользуются рядом привилегий, какими пользуются трудящиеся, члены союзов и т. д. Но при всем этом у нас можно проследить тенденцию систематического расширения как непосредственно прав личности, так и расширения избирательных прав на такие категории граждан, которые в недавнем прошлом были их лишены. Предоставлено, например, избирательное право кустарям, ремесленникам, не пользующимся наемным трудом, — привлечены домашние хозяйки к выборам и т. д. Конечно, с европейской точки зрения

это покажется малозначительным, ибо там избиратель ценится не своей численностью, а той политической ролью, которую данная социальная группа играет в буржуазном государстве. Но в рамках советского строя такое продвижение имеет глубокое принципиальное значение.

Крупных капиталистов мало, но роль их в политике и экономике буржуазной страны огромная, значит, и фактические права их несоизмеримы с правами других социальных групп населения. Капиталисты имеют громадное число людей для личных услуг, а кто же может думать, что прислуга крупной буржуазии имеет в любом капиталистическом государстве какое-либо значение при выборах? Ясно для каждого человека со здравым смыслом, у которого нет на глазах мелкобуржуазных шор, что вся эта глубоко угнетаемая и презираемая в капиталистическом обществе челядь голосует за своих господ. Вот вам и желанная демократия! Каждый капиталист в архидемократическо-буржуазном строе имеет столько голосов, сколько у него прислуги. Это, можно сказать, легальные, освященные буржуазным законом голоса. Советское же правительство, расширяя избирательные права, исходит, главным образом, из количественного значения группы: оно приобщает таким образом на ряду с пролетариатом широкие трудящиеся элементы страны, которые измеряются миллионами, к политическому действию, конечно, под пролетарским влиянием. Так пролетарское государство будет превращаться постепенно, по мере успехов социалистического строительства, изживания капиталистических отношений и исчезновения капиталистов, в государство общенародное, имеющее уже новый смысл и содержание (устремление к коммунизму).

Выборы в советы имеют совершенно иное значение, чем выборы в парламент в буржуазной стране. Каждая политическая группа в капиталистической стране стремится захватить власть в первую очередь для личного обогащения и, во-вторых, провести в государственной системе те или другие льготы господствующему классу. Но так как самый архидемократический буржуазный строй не выходит из сферы влияния диктатуры крупного капитала, то и сфера деятельности различных буржуазных групп крайне ограничена. Вот что говорит Делези в своей книжке «Демократия и финансовая олигархия во Франции»: «Нельзя представить себе капиталистического государства, в котором капиталисты не имели бы влияния на правительство,

как равным образом невозможно существование социалистического строя, в котором правительство не имело бы контроля над производством. Если бы поэтому нынешняя капиталистическая Франция имела правительство, логически отвечающее ее строю, то директор Французского банка был бы президентом республики, председатель правления Лионского кредита — премьером, министрами были бы эти выдающиеся дельцы, члены семи или восьми административных советов, служащих органами связи между крупными компаниями, а народное представительство состояло бы из директоров этих компаний и крупных акционеров, управляющих всем хозяйственным аппаратом страны».

Значит, всякая буржуазная группировка, появившаяся у власти, вынуждена выполнять волю настоящих правителей-диктаторов. Как я уже сказал выше, сфера ее деятельности крайне узка, в особенности она узка в области государственных льгот широким массам мелкой буржуазии, голосами которых данная группировка прошла в парламент и получила министерские портфели. Однако это не мешает им в момент выборов делать самые заманчивые обещания массам, выполнить которые они не могут, да, пожалуй, и не хотят, ибо и сами-то выборы происходят под сильнейшим воздействием крупного капитала. Как говорит тот же Делези: «Повсюду подкуп нагло торжествует, и нет никакого средства бороться с ним, ибо он действует во имя верховного народа, между тем последний перестает узнавать свою республику. Они находят, что со времени империи им подменили ее. Они с тревогой спрашивают себя, не является ли столь жданная ими верховная власть не больше, как обманом зрения, а демократия — не больше, как ловушкой для простецов?» Вождю революционной мелкой буржуазии, который не постеснялся бы и был бы способен если не уничтожить, то, по крайней мере, основательно потрепать крупный капитал, — такому искреннему вождю с таковыми намерениями, конечно, к власти в коалиции с крупным капиталом не пройти. Все левые программы и платформы выставляются политическими буржуазными жуликами именно для улавливания избирателей, для заведомого их обмана.

Но если бы даже такие группировки захотели провести свою волю, крупный капитал, разумеется, этого бы не позволил, как это много раз случалось в недавнем прошлом с оппортунистическими рабочими партиями, которые пробовали на демократических парламентских началах провести в жизнь частицу политики

в интересах народных масс. Все такие опыты, как всем известно, кончались крахом. Крупная буржуазия как раз столько времени терпела у власти — у призрачной, не реальной власти — реформистов, сколько ей это было необходимо для укрепления своих рядов, для успокоения рабочих и мелкобуржуазных масс. Как только рабочие и мелкобуржуазные массы успокаивались, крупный капитал сбрасывал их представителей, и власть переходила или непосредственно к прямым ставленникам крупного капитала без всякого прикрытия, или же в замаскированной форме, т. е. к таким буржуазным группам, которые свою непосредственную связь с крупной буржуазией прикрывают левыми программами, показными парламентскими боями с крупной буржуазией и т. п. И опять-таки все это делается для обмана народа, для втирания ему очков.

Из всех борющихся на выборной арене политических партий лишь партия революционного пролетариата, коммунистическая, лишь она одна борется не только, даже не столько для получения мандата в парламент, сколько для того, чтобы на почве выборной кампании сплотить вокруг коммунистической партии, вокруг ее революционных лозунгов, широкие рабочие и крестьянские массы. Коммунисты и не скрывают, что они ни в малейшей степени не сомневаются, что через парламент, через хотя бы архидемократические буржуазные выборы пролетариат в лице коммунистической партии не может оказаться во главе власти. Как только буржуазия почувствует опасность появления коммунистов через выборы во главе правительства, так тотчас же полетят в мусорный ящик истории все конституционно-демократические гарантии. Партия окажется вне закона, и ей, чтобы восстановить свое право, действительное, реальное право пролетариата, придется его восстанавливать через вооруженное восстание пролетариата, через вооруженное свержение пролетариатом буржуазии.

Является ли названный путь восстания таким законом исторического развития, через который не проскочит ни одна пролетарская революция? В случае чисто буржуазного правительства, видимо — да, что же касается возможных реформистских правительств, в особенности, если они окажутся правительством через революцию, благодаря народной революции, то могут оказаться случаи, похожие на русский предоктябрьский, когда тов. Ленин от имени коммунистической партии предложил меньшевикам и эсерам взять власть самостоятельно, без коалиции с буржуазией, с обязательством сохранить систему советов, с передачей им пол-

ноты власти. При таких условиях коммунисты снимали лозунг вооруженного восстания, при таких условиях Ленин считал возможным, что коммунисты придут к власти через завоевание советов, т. е. до известной степени парламентским путем. Но он оговаривался, что эта стадия очень короткая, измеряемая неделями, даже днями. Если русские реформисты (меньшевики и эсеры) не воспользуются благоприятно сложившимися для них условиями, то вооруженное восстание останется очередным лозунгом коммунистической партии, и реформисты будут свергнуты пролетариатом. Последующие события полностью подтвердили прогноз Ленина. И, что характерно, как раз не оправдалась та минимальная надежда Ленина, что оппортунисты, припертые революционным народом к стене, под приставленным к их виску дулом револьвера, может быть перейдут хоть временно на революционный путь борьбы за интересы народа. Увы, природа оппортунистов уж такова, что они не могут не быть в коалиции с буржуазией. Несомненно, с того времени идет дальнейшая эволюция и ассимиляция всех социал-демократических партий в буржуазном лоне, недаром парламентаризм переживает период упадка, дискредитации и заменяется фашизмом, т. е. персональной диктатурой, неприкрытым подавлением рабочего класса, уничтожением демократических форм управления.

Итак, подводя итоги по вопросу о парламентских выборах, можно сделать основной вывод, который в той или иной степени приложим буквально ко всем более или менее развитым капиталистическим странам: с каждым годом эти выборы все больше и больше теряют свое политическое значение. С каждым годом все больше и больше стираются грани между всеми буржуазными партиями, в том числе и социал-демократической партией, которая превращается в левое крыло общебуржуазного фронта. Ее связь с буржуазией укрепляется не только благодаря мелкобуржуазным воззрениям ее вождей, но и неуклонному увеличению материальной зависимости от крупной буржуазии, финансового капитала и т. п. Значит, в настоящий момент появление у власти социал-демократии, т. е. самого левого, наиболее прогрессивного, что есть в капиталистическом строе, не несет чего-либо принципиально враждебного капиталистическому миру. Одним словом, ни одна из политических партий, — конечно, исключая коммунистическую, — не несет за собой новой эры. Поэтому и принципиально политическая ценность выборной кампании сейчас выявляется постольку, поскольку в ней развертывается борьба

между коммунистами и остальным буржуазным фронтом. Этим я не хочу уменьшить значение того, что мы применяем неодинаковую тактику к различным буржуазным группировкам. Бывают моменты, когда коммунисты голосуют за социал-демократов или радикал-социалистов против реакционеров. Но это уже не принцип, а тактика данного момента, учитывающая все своеобразие местных условий. И эта частная коалиция постольку и революционна, поскольку она не изменяет и не нарушает основного принципа противопоставления коммунизма всему буржуазному фронту в целом.

Наши изобирательные кампании преследуют другую цель. У нас также диктатура, но диктатура, противоположная буржуазной, — диктатура рабочего класса. Эту диктатуру пролетариат держит крепко и, конечно, ее не может по существу изменить голосование в советы, поскольку он ее сохраняет. И все-таки к выборам в советы мы подходим принципиально иначе, придаем им несравненно большее значение, чем любая буржуазная группировка, в том числе и социал-демократическая. Это звучит парадоксом для наших врагов, допускаю. Они привыкли советскую власть отождествлять с насильниками над волей народа, и это мнение внедряется в широкие массы населения: буржуазными правительствами, ученой кастой, церковью, прессой. Но ведь мало ли ложных воззрений, имеющих исключительное распространение и значение. Например, для большинства населения имеется в наличности бог и не только как идея, а именно в наличности, как действительный факт. А ведь каждый реально мыслящий человек понимает, что только людская глупость позволяет уживаться в головах людей такой несуразности. Конечно, она уживается потому столь долго, что над этим поработали и работают до сих пор господствующие классы. Они не жалеют сил и средств на все то, что укрепляет их господство, что притупляет, засоривает головы рабочих и крестьян. И вот все институты обслуживания буржуазного господства всего мира распространяют легенду о насилии большевиков. Но как бы ни был могуч аппарат распространения лжи у наших врагов и как ни слабы коммунистические партии, парализующие, борющиеся с распространяемой ложью, а все же земля вертится, и истина, что советская власть есть действительная власть рабочих и крестьян, все больше и больше проникает в сознание рабочих и крестьян всего мира.

Коммунистической партии нет основания вносить обман и лицемерие в избирательную кампанию; наоборот, именно через изби-

рательную кампанию она стремится просветить, поднять на высшую ступень политического сознания крестьянские и городские мелкообывательские слои населения, приобщить их к пролетарской диктатуре, внедрить в их головы сознание, что только пролетарская диктатура дает действительную, реальную, непризрачную свободу. Мы хотим, чтобы мелкобуржуазные слои населения, пропитанные мелкобуржуазной идеологией, в процессе выборов, на всех ступенях возможно более активного участия в них, поняли сущность пролетарской диктатуры, ее необходимость на данной ступени исторического развития. Посредством выборов мы стремимся на широком рабоче-крестьянском базисе укрепить диктатуру пролетариата. Для капиталистов выборы в парламент — это бросить обглоданную кость народу, иллюзию, что он может забаллотировать ту или другую буржуазную группировку, или особо ненавистную ему партию. Выборами пользуется буржуазия, чтобы отвлечь народные массы от сути вопроса, обещая, что новые лица будут выполнять волю народа. Такая сказка про белого бычка происходит при всех выборах. Мы же стремимся поднять массы до пролетарского политического сознания, до сознательного участия в строительстве новой жизни на трудовых началах. Только такие достижения укрепят Советский союз, сделают его неприступной скалой. Вот почему участие широких масс города и деревни в выборах имеет для нас огромное значение.

Все разговоры о захватничестве, о не-всеобщности нашего избирательного права и т. д. являются только пустой фальшивою болтовней. Ни одно правительство в мире не стремится в такой степени привлечь широкие массы к участию в выборах, как советское. Наша конституция и местная практика парализуют силы у врагов народа, эксплоататоров его и угнетателей, и вместе с тем стремятся развить активность, аппетит к политической деятельности у самых широких масс населения, давая всякие льготы наиболее забитым, отсталым, материально обездоленным. Неужели это есть антидемократизм, противонародность, неужели такая избирательная политика идет вразрез с интересами народа, с интересами рабочего класса? Нет, как ни сильна распространяемая против советов клевета, все же истинно-народный демократизм, если он есть где-либо в парламентских выборах, так это только при выборах в советы. Конечно, при огромной избирательной кампании всегда возможны отдельные ошибки и даже злоупотребления. В «Бедноте» от 7/II 1926 г. так описываются выборы Горневского сельсовета в Калужской губернии: «Избира-

тельное собрание. Очень развязно уполномоченный открыл собрание и сразу же предложил выставлять кандидатов в новый сельсовет. На замечание же сотрудников Губзу — избрать сначала президиум собрания, он торопливо произнес: «ну да, сначала нужно избрать президиум, хотя из трех человек. Председательствовать-то все равно буду я, но нужно мне в президиум дать еще хотя двух человек». Далее, на замечание сотрудников Губзу, во исполнение инструкции по перевыборам советов, зачитать некоторые параграфы конституции РСФСР, уполномоченный твердо сказал: «об этом им раньше сказано, все это они уже знают, но, если хотите, зачитайте, я не возражаю». При зачитке и разъяснении, конечно, оказалось, что все это, особенно для женщин, было совершенно новым и очень важным сообщением, так как в основном законе (конституции) сказано, что властью в селе является совет, а не председатель: сказано ясно, кому и как нужно выбирать этот совет, и так далее. Интерес к собранию сразу заметно поднялся. Равно и обсуждение выставленных в члены сельсовета кандидатов было допущено лишь исключительно по настоянию губпредставителя, а то хотели приступить, без всяких разговоров, прямо к голосованию. Отводов и возражений не было. Была одобрена и кандидатура только что смененного председателя сельсовета Лоскутова. Вдруг выступает вперед женщина и просит слова против. Она сказала: «Нельзя выбирать в сельсовет Лоскутова. Он у меня при двух свидетелях нынче получил с.-х. налога 8 рублей, на руки мне никакой квитанции не дал, сказав, что после принесет. Прошло уже полгода, а он квитанции не принес. Теперь я узнала, что эти 8 рублей за мной считают недоимкой и хотят получить снова. Такого человека в совет выбирать нельзя». Подобные поступки за Лоскутовым числятся. Об этом подтвердили еще 3 — 4 человека. Указывали, например, что земли по обложению с.-х. налогом было почему-то прописано более, чем в прошлом году, и так далее. Выборы. При голосовании прошли, при одном против и одном воздержавшемся, теперешний председатель совета и одна женщина, двое других прошли менее дружно. Лоскутов провалился».

Ясно, что данные выборы могли пройти формально, крестьяне ими были бы не удовлетворены, но уже данный случай говорит, что в массе всегда найдется, кто бы указал на недобросовестность кандидата или его негодность. Во всяком случае, как партия, так и советские органы стремятся привлечь избирателя именно к активному участию в выборах.

Но ведь выборы, как бы они ни были часты, всеобщи, интенсивны в своем процессе, все-таки есть только праздничные периоды в государственной жизни, а что делается в периоды между выборами? Интересно и здесь провести параллель между буржуазным парламентом и советами. В буржуазном парламенте, как я уже говорил выше, с момента выборов совершенно прекращается всякая связь между избранными депутатами и его избирателями. У нас каждые новые выборы вовлекают новые десятки тысяч рабочих, крестьян и городской бедноты в государственное строительство, в самом широком смысле слова. Во время текущей работы советов собираются беспартийные конференции, прикомандировывают в советские органы ряд подсобных работников из комсомола, женотдела, активных рабочих и крестьян через комитеты взаимопомощи в деревне, профсоюзы в городе, кооперацию и т. д.; таким образом вылавливается рабочий и крестьянский актив. Наконец, все стремление коммунистической партии направлено на то, чтобы привлечь массы к достижению той или иной поставленной практической цели.

Одним словом, как в партии и общественных организациях, так и в советских органах, постоянно устремлено внимание на привлечение к самостоятельности широких масс. Конечно, это стоит не дешево. Делегирование заводами своих представителей, хотя бы по заданиям обследования рабоче-крестьянской инспекции, огромное количество волостных беспартийных конференций, прикомандировывание крестьян в качестве выдвиженцев на советскую работу и для ознакомления их с государственным аппаратом, — все это, я говорю, безусловно стоит дорого. Но это окупается растущей активностью рабоче-крестьянских масс, все большим и большим их осведомлением и развитием широты их кругозора.

У нас не красуется сейчас повсюду лозунг Ленина: «каждая кухарка должна участвовать в управлении страной», но что мы к этому стремимся, это факт. Где, — покажите хоть одно правительство в мире, которое сознательно развивало бы политическую активность масс, которое столь настойчиво ее привлекало бы к участию в управлении государством. И кто же после этого может сказать, что это все не является мерами укрепления советской демократи?

Не является ли укрепление советской демократии, о которой столько мною написано, нашей конечной целью? Если бы единственной целью советов было укрепление демократии, хотя бы

и советской, то и при этих обстоятельствах ее не удалось бы укрепить: в том-то и дело, что нашей основной целью, за которую мы боремся, к которой приспосабливаем все свои действия, — является борьба за коммунизм. Все остальное, как диктатура пролетариата, советская демократия, развивающаяся в пределах диктатуры пролетариата и т. д., все это — средства к достижению коммунизма.

В самом деле, целью буржуазного государства является охрана беспредельной наживы собственников-капиталистов: значит, как бы ни была буржуазная демократия общенародна и какой бы государственной защитой ни пользовалась личность, она не может, поскольку государство является буржуазным, выходить за пределы собственнических интересов. А целью советского государства, диктатуры пролетариата, является коммунизм, и цель эта может быть достигнута только вместе с массами. Диктатура пролетариата не менее способна прибегать к принуждению, даже к насилию; ее требования к исполнителям гораздо строже и нетерпимее, чем у буржуазной власти, но все они в своей сущности направлены в интересах масс, потому-то они и являются для масс приемлемыми. Если наше поступательное движение к коммунизму не будет оборвано, то оно ведь предопределяет глубокое изменение экономической структуры советского государства; концентрирование всей крупной промышленности в руках советского государства, кооперирование кустаря, мелкого крестьянина-производителя, ремесленника, 8-часовой рабочий день, нормальная в соответствии с производительностью заработная плата рабочих, их сознание, что они являются, как граждане Советского союза, совладельцами этих фабрик, привычка крестьянина к общественной работе в советах, в кооперации, в комитетах взаимопомощи, демократизация Красной армии, основанная на постоянном притоке из рабочих и крестьян командного состава, действительно товарищеские отношения между командным составом и красноармейцами, участие армии в политической жизни страны, значительное поднятие общей культуры и политической активности широких рабоче-крестьянских масс, — все это необходимые элементы в строительстве коммунизма. Но кто же опровергнет, что все это вместе является действительным укреплением демократии? А проведено все это в жизнь может быть только классовой волей пролетариата. Только пролетариату ясно видна заветная цель, к которой стремятся трудящиеся массы и которая несет им действительное освобождение от порабощения

и эксплоатации. Вот потому-то пролетариат и является вождем, гегемоном как в борьбе за коммунизм, так и в его непосредственном строительстве.

Конечно, коммунисты не закрывают глаза на препятствия. Я уже опускаю трудности экономические, культурные, слабость нашей техники. Но у нас еще значительные практические трудности и в самой советской системе, трудности сохранения диктатуры пролетариата при советской демократии. Мне представляется, что отношение пролетариата ко всем остальным мелкобуржуазным трудовым массам отчасти напоминает отношение коммунистической партии к пролетариату. Практически диктатуру пролетариата проводит коммунистическая партия, и без коммунистической партии на данном историческом этапе развития пролетариат своей диктатуры не удержит. Однако диктатура партии вмещается в диктатуру пролетариата. Если партия не воплотит в себе полностью диктатуру пролетариата, то тем самым она оторвется от рабочего класса, тем самым это уже не будет диктатурой рабочего класса, она не будет им терпима, такая диктатура снизится к мелкобуржуазной утопии.

Примерно так же относится диктатура рабочего класса к другим трудящимся массам, она ими терпима постольку, поскольку они чувствуют и сознают, что в конечном счете она является главной защитницей их действительных интересов. И вот здесь-то и стоят огромные трудности, чтобы прежде всего это сознание все больше и больше охватывало трудящиеся массы, а затем чтобы из них слой за слоем поднимались все новые силы до полного понимания необходимости пролетарской диктатуры.

Все это может развертываться только в рамках советской демократии, шире и глубже которой и по форме и по содержанию ни одна голова в реальных формах домыслить не могла.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

10 ЛЕТ СССР.

Наперекор «точным» предсказаниям всех буржуазных и социал-демократических прорицателей о «скором», «неотвратимом» падении, советы справляют свой десятилетний юбилей, что, вне всякого сомнения, является величайшим торжеством трудящихся масс всего мира.

Классовым врагам пролетариата теперь больше ничего не остается, как обливать помоями страну советов, чернить советскую власть и обвинять руководителей коммунистической партии в насильничестве, в узурпаторстве, деспотизме.

В этом, по силе возможности и уменья, — и за материальную мзду, и по собственному влечению — им помогают социал-демократы. Но напрасны все старания, все помои и грязь, распространяемые нашими врагами.

Не залепить им зрения рабочего класса; и то, что было только идеей, только мечтой великих людей, претворяется в советах миллионами рабочих и крестьян в практическую жизнь. Но что особенно бесит и выводит из равновесия наших врагов, так это усиливающееся с каждым днем мирное социалистическое строительство в стране советов.

Излюбленное дело для белогвардейцев всех капиталистических государств и их подголосков рисовать картины, как подавлены рабочие и крестьяне в Советском союзе, какое нищенское существование влачат они, какое бесправие творится в советских судах и т. д., и т. п., как, наконец, рабочие и крестьяне ждут не дождутся того счастливого времени, когда явится из-за рубежа Советского союза какой-нибудь избавитель в лице Николая или Кирилла Романовых.

Десять лет существования советов для белогвардейцев — совершенно бесследный эпизод.

Они думают, что трудящиеся массы остановились в своем развитии, законсервировались (застыли) вместе с белогвардейцами

на грани их белогвардейского миропонимания и политического уровня. А жизнь показывает как раз обратное. Если в первоначальной своей стадии революция ломала старые институты (устои) государства, наиболее ненавистные массам (разгон полицейских участков, разгром помещичьих усадеб), то в последующем периоде началось проложение непосредственных путей лучшей жизни — ломка своего собственного быта.

Классы, боровшиеся за победу революции, теперь стремятся полностью реализовать результаты побед на полях сражений у себя, в своем повседневном жизненном быту.

Все политические партии, от фашистов до социал-демократов включительно, ставят своей непосредственной и прямой задачей уничтожение советского строя. Против этого возразить, конечно, нечего: поскольку они еще располагают пока силами бороться с советами, это их право — лелеять планы уничтожения советского строя. Но думать после десяти лет существования СССР, что в этой борьбе их поддержат рабочие, крестьяне, абсолютно уже нет никаких оснований.

Что же эти партии могут предложить взамен советов? Такой именно вопрос, вполне естественно, в первую очередь поставят как рабочие, так и крестьяне. Ведь все эти партии тянут *назад*, к *прошлому*, к далеко отошедшему и к давно отжившему прошлому не только рабочих, но и крестьян.

И как бы ни идеализировать это «прекрасное далекое», с какой бы снисходительностью ни относиться к этому прошлому, оно в понимании масс было и остается кошмарным.

История крестьянства и рабочего класса есть сплошная Голгофа, история сплошных невыразимых страданий.

1.

В русской литературе сохранились огромные запасы письменных памятников, живописующих тогдашнее положение крестьянина и отчасти рабочего. И, несмотря на то, что в основе большинства этих произведений лежит известная доля сентиментальности (слащавости), несмотря даже на то, что в значительной своей части этим произведениям не чужды розовые краски и что нарисованные ими картины сильно приукрашены в лучшую сторону, они дают ценнейший материал.

Вот описание крестьянской «холопской жизни»:

Плач холопов XVIII века.*)

О, горе нам, холопам, за господами жить.
И не знаем, как их свирепству служить.
А хотя кто и служит, — так, как острая коса;
Видит милость — и то, как утреняя роса.
О, горе нам, холопам, от господ и бедство.
А когда прогневишь их, так отымут и отцовское наследство.
Что в свете человеку хуже сей напасти?
Что мы наживем, — и в том нам нет власти.
Пройти всю подселенную — нет такова житья мерзкова.
Разве нам просить на помощь Александра Невскова?
Как нам, братцы, не досадно
И коль стыдно и обидно,
Что иной и равный нам никогда быть не довлеет,
И то видим: множество нас в своей власти имеет.**)
Во весь век сколько можем мы, бессчастные, пожить.
И всегда будем мы, бессчастные, тужить.
Знать, прогневалась на нас земля и сверху небо.
Неужель мы не нашли бы без господ себе хлеба?
На что сотворены леса, на что и поле,
Когда отнята и та от бедных доля?
Зачем и для чего на свет нас породили?
Виновны в том отцы, что сим нас наградили.
Противны стали ныне закону господа,
Не верят слугам ни в чем и никогда.
Без выбору нас, бедных, ворами называют,
«Напрасно хлеб едим» — всечасно попрекают,
А если украдем господский один грош,
Указом повелят его убить, как вошь.
. . . .
. . . .
Холопей в депутаты затем не выбирают,
«Что могут-де холопы там говорить».

Трудно указать в литературе более реалистическое описание прошлой жизни крестьян, чем то, которое дали сами крестьяне

---

*) Найден в старинном рукописном сборнике акад. Н. С. Тихонравовым и под таким заглавием напечатан в «Почине» 1895 г.

**) Т. е. иной, который недостоин быть с нами равен, имеет множество нас в своей власти (примеч. Н. С. Тихонравова).

в своем «Плаче холопов»; следовало бы его напечатать в крестьянских газетах полностью и хранить в красных уголках для крестьянской молодежи.

Могут возразить, что ведь эта песня-плач пелась в восемнадцатом столетии, а мы, слава богам, живем в двадцатом.

К сожалению, такое возражение имеет лишь формальное значение. Крепостное право отменено с небольшим полсотни лет назад; наши отцы еще испытывали всю его прелесть на себе.

А разве отмена крепостного права по существу облегчила положение крестьянства? Наоборот, оно стало еще нестерпимее, обострилось еще более.

Да ведь, по совести говоря, русские белогвардейцы типа Кутеповых, Евлогиев, Крупенских, Марковых и иже с ними с упоением и восторгом возвратили бы этот золотой для них век.

Это идеал их, идеал густопсового, махрового помещика.

Да только ли идеал русской черной сотни? Я думаю, не будет большой натяжкой сказать, что этому вполне сочувствуют и внешне культурные «благородные лорды» Англии. В самом деле, чем отличается только что описанное положение русского крепостного крестьянства от положения эксплоатируемого населения в таких английских колониях, как Индия, Африка, на островах Азии и т. д., и т. п.?

Попробуйте перевести эту песню на языки индусов, негров, малайцев и т. д., и можно быть уверенными, они найдут в ней многие и многие черты собственного быта.

А ведь надо сказать, что не только оголтелая буржуазия, но и так называемая «социалистическая» общественность страдают удивительной близорукостью, какой-то буквально обывательской узостью, относя факт борьбы рабочего класса за классовые задачи пролетариата лишь к немногим аристократическим странам Европы, между тем как наиболее яркая и наиболее ожесточенная борьба классов в наше время переносится именно во внеевропейские страны и преимущественно в страны восточные.

Английская забастовка углекопов в 1926 году, как великая забастовка, займет почетное место в истории рабочего движения мира, но все же ее нельзя равнять с китайской революцией, острие которой направлено в самое сердце мирового империализма. И что характерно, на этой революции более всего сказывается опыт русской Октябрьской революции и именно — руководящая роль пролетариата в революции.

Можно смело сказать, — самые блестящие страницы китай-

ской революции вписаны китайскими рабочими. И в современных условиях рабочий сектор Китая в международном рабочем движении занял не менее ответственное место, чем рабочий сектор любой из европейских стран.

В дальнейшем китайское крестьянство, в особенности китайская беднота, на собственном опыте убедится, что его победа возможна лишь под руководством китайских рабочих. И этого сознания, что завоевание достигнуто кровью рабочих и крестьян Китая, никто отнять не сможет.

На эту тему можно было бы писать и говорить бесконечно, тем более что материала для этого более чем достаточно.

2.

Но перейдем от народного эпоса (былин) XVIII столетия к художественной картине последних годов крепостного быта.

Из записок крепостного времени.

«Когда молодой барин к нам приехал, их и узнать было нельзя: очень выросли, возмужали, отростили большие усы и сделались еще красивее прежнего...

Егор Петрович все по комнатам с матерью ходили и расспрашивали о хозяйстве да о своих мужиках.

С виду наш барин казался таким строгим, что, кажется, я бы и подойти к ним не посмела; а наша Дунька была девка отчаянная, — все шмыгала по тем комнатам, где можно было повстречаться с молодым барином. Я тоже раза два (за делом) мимо барина пробежалась, только они меня тогда не заметили— были заняты, с матерью разговаривали.

Наша барыня перед сыном была смирная и ему тихо отвечала:

— Откуда, Егорушка, я тебе денег возьму? У меня в короткое время было трое похорон, я и Пашу на свой счет хоронила, и эта оба года был неурожай.

В кабинете господа о делах разговаривали, а в девичьей Дунька придумывала, как бы пошутить с барином, — на ночь под одеяло им крапивы положить. А мы с ней ругались, говорили, что она нас всех подведет под господский гнев.

— Не вы будете стлать постель, а я, — говорила Дунька, — я одна буду и в ответе.

Тут я Дуньке сказала:

— Пожалуй, и я помогу тебе рвать крапиву, только, смотри, меня барину не выдавай.

Малаша услыхала мои слова и засмеялась.

— Не смотрите, — говорит, — на нашу Акульку, что ей шестнадцать лет, она всех девок перехитрит: из-за чужой спины с молодым барином заигрывает.

Из-за этих слов я с Малашкой начала ругаться, и тут в девичью вошла Ольга Ивановна.

— Вы, — говорит, — девки, не подеритесь из-за молодого барина, лучше посмотрите, какой он мне платок ковровый привез.

Когда Малашка с Аксюшкой начали рассматривать платок, Дунька меня толк в бок и шепчет:

— Сбегай, Акулька, в сад, нарви крапивы...

Вечером, когда мы легли спать, я уже знала, что моя крапива лежит в ногах у молодого барина. И вот, лежу я на постели, а у самой от страха сердце бьется: что-то, — думаю, — завтра нам будет.

Дунька рядом со мной лежала, вижу — она встает.

— Куда ты? — спрашиваю.

— Не лежится, — говорит, — хочу посмотреть, спит ли молодой барин.

Я тоже пошла с Дунькой. Шли мы по комнатам в одних рубашках, босиком и на цыпочках.

У барина огонь был потушен, а дверь комнаты неплотно приперта; мы к ней с боку подкрались и заглянули.

В комнату барина месяц смотрел, и от него по всему полу свет лежал.

Барин спал на кровати, покрывшись шелковым одеялом, а возле их кровати на полу накидана наша крапива. Посмотрели мы на барина и той же дорогой пошли назад.

На другой день, утром, когда мы, девки, все были в девичьей, вошел молодой барин, остановился на пороге и спрашивает:

— Которая из вас, девок, мне стлала постель?

Дунька поднялась из-за пялец и говорит:

— Это я!

От Дуньки я не захотела отстать, подошла к барину и говорю:

— Крапиву я рвала.

Барин сначала взглянули на меня, потом на Дуньку и, усмехнувшись, сказали:

— Какие вы обе смелые — не побоялись своего барина окрапивить! Чем мне вас наказать?

Тут барыня помешала, пришла сына звать чай пить.

— Охота, — говорит, — тебе, Егорушка, с этими дрянями разговаривать.

А сын ей на это:

— Я, маменька, смотрю на ваших девок, между ними есть и красивые, вот хоть бы эта, — и барин указал на меня, — сама беленькая, как снежинка, а глазенки темные и блестят, словно угольки.

А барыня на меня сейчас и накинулась:

— Зачем, мерзавка, без работы стоишь? Если нет глаженья, садись за пяльцы и вышивай, — и, взявши сына под-руку, барыня пошла из девичьей.

Потом все утро она ко мне придиралась, под конец приказала в девичьей затопить печку и выгладить ее новый капот.

Капот был хороший, батистовый; девки вышивали его ровно два года. Я за это время уже выучилась хорошо и скоро гладить и теперь в какой-нибудь час выгладила больше половины капота.

В печке стояло несколько утюгов: один утюг простывал, брала другой. Когда же в капоте мне осталось выгладить только один перед, где была сплошная гладь, в это время мимо окон девичьей шел наш молодой барин; на них было надето черкесское платье, и в руках они держали хлыст.

Я загляделась на барина и забыла, что у меня в руках горячий утюг, прижала его к капоту; когда барин прошел, я вспомнила об утюге и увидела на капоте черное, сожженное пятно; тут я как ахну!..

— Пропала, — говорю, — я, девушки, погибла я бессчастная, до смерти запорет меня барыня!..

Девки выскочили из-за пялец посмотреть на сожженный капот, а Малашка уже шмыгнула за дверь доложить барыне.

Вижу, что все равно мне погибать.

— Пропустите, — говорю, — меня, девушки, на чердак: я там повешусь.

Уйти я не успела, барыня, как пуля, влетела в девичью и прямо к гладильной доске.

Я повалилась ей в ноги.

— Ночей, — говорю, — сударыня, не буду спать, исправлю все, что испортила.

Барыня меня не слушает и только кричит девкам, чтобы те меня раздевали.

Девки мигом с меня стащили набойчатое платье, и я осталась в одной рубашке.

— Скиньте с нее и рубашку, — кричит барыня, — и держите Акульку ко мне спиной.

Девки скинули с меня и рубашку; я осталась, как мать родила.

Девки держат меня за руки и за ноги; барыня схватила с гладильной доски горячий утюг, да как им полоснет по моей спине.

Не взвидела я божьего света и заорала на весь дом.

Во второй раз барыня не успела меня полоснуть, — вбежал молодой барин, вырвал утюг из рук матери, швырнул его в угол комнаты, да как закричит на мать:

— Зачем вы, маменька, портите такое красивое тело? Это тело нужно не жечь, а сечь.

Потом барин и на девок закричал.

— Не держите Акульку, выпустите ее руки и ноги.

Девки из своих рук меня выпустили. Я хотела убежать; барин дорогу мне пересек и со всей силы ударил меня хлыстом по груди.

Я взвизгнула и бросилась в угол.

Барин — за мной и опять хлестнул меня.

От барина я бегала то в один угол, то в другой, а барин все хлестал меня и хлестал. Я хотела спрятаться между девок, которые стояли, прижавшись к стене, и дрожали от страха, а те от себя меня отпихивали.

Я пряталась и за барыню, а та сама меня толкала под хлыст. Мое окровавленное лицо и обожженная спина уже так болели, что мне стало томно, и я повалилась на пол.

Очнулась я на кровати у молодого барина. Ольга Ивановна стояла возле меня и прикладывала к моей обожженной спине мокрую намыленную куделю; барин ходили по комнате и говорили:

— Смотри, нянька, хорошенько лечи Акульку, чтобы от ожога пятна не осталось». *)

* * *

*) Из повести М. В. Васильева, Записки крепостной девки, Новгород, 1912 г.

Хотя крепостное право формально уже окончилось свыше шестидесяти лет назад, все же типы повести не покрылись тлением истории.

Наоборот, последняя гражданская борьба наглядными картинами показала, что потомки помещиков умеют драть не хуже своих отцов и дедов, но только девственный дедовский прут они заменили более культурной, а следовательно и более чувствительной плетью, а спокойное наслаждение предков зрелищем порки перешло в исступленную ненависть потомков к рабочим и крестьянам. И чем короче у них руки, тем большая жажда охватывет белогвардейцев расправиться со своими вековечными классовыми врагами, т. е. с рабочими и крестьянами.

Когда об этом «далеко прекрасном прошлом» с умилением говорят потомки крепостников, это понятно: паразиты не могут существовать сами по себе,— они тоскуют по живому народному телу, на котором они питались, развивались и которое терзали целые столетия, для них это вопрос жизни или смерти.

Но ведь в одном военном лагере с ними находятся меньшевики и все так называемые народнические партии — от Мякотина до Чернова, от Чернова до крайних левых эсеров включительно, — партии, мнящие себя монополистами по охране так называемой «демократии».

Неужели же кто-нибудь всерьез поверит, что союзники меньшевиков справа являются вместе с этими меньшевиками защитниками «демократии»? Таких наивных людей в Союзе сейчас вряд ли найдешь.

Крепостничество — их идеал, за который они борются по силе возможности.

Всякий, входящий с крепостниками-белогвардейцами в то или иное политическое соглашение, тем самым принципиально считает их идеал для себя более приемлемым, чем советский строй,— как бы этого ни опровергали наши «демократические» противники.

Партии меньшевиков и эсеров, когда-то, в пережитом прошлом, революционные, на словах борются за демократию, а на деле вступают в теснейший контакт с реакционерами и крепостниками всех мастей, как русских, так и международных, т. е., иными словами, оправдывают, защищают, содействуют крепостничеству, независимо от перемены внешней формы крепостничества.

Враги советов заорут, что мы хотим пугать старым призраком, что о крепостном строе не помышляют не только мелко-

буржуазные, но даже и крайние реакционеры Кутеповы, и что поэтому нечего зря шевелить покойников.

Конечно, правильно, что мертвого не воскресишь, как бы этого многим ни хотелось. Но дело в том, что именно по этом-то мертвом плачут и мечтают политические друзья меньшевиков и эсеров.

3.

Оставим и мы крепостной быт, ведь он нами только и приведен в напоминание, к чему стремятся и чем дышат в своей злобной мстительности и крепостнической ненависти к народной «черни» реакционеры.

Перейдем к так называемому пореформенному периоду, который близок не только нашим отцам, но и непосредственно нам.

Я останусь столь же скупым на картине и этого времени, чтобы никому не представилось излишнее сгущение красок недавнего прошлого.

* * *

« — Вы пашни больше берите, — увещевал он крестьян: — в ней вся надежда. За лесом не гонитесь, а я сучьев на протопление и валежнику на лучину хоть задаром добрым соседям отпущу. Лугов тоже немного вам нужно — у меня пустошей сколько угодно есть. На кой мне их шут, только горе одно... хоть даром косите.

Словом сказать, так обставил дело, что мужику курицы выпустить некуда. Курица глупа, не рассуждает, что́ свое, а что́ чужое, бредет туда, где лучше, — за это ее сейчас в суп. Ищет баба курицу, с ног сбилась, а Конон Лукич молчит.

— Вы, что ли, Конон Лукич, курицу взяли? — пристает она к барину.

— Не знаю; видел я давеча курицу у себя в огороде, а твоя ли, моя ли, — Христос их разберет.

— Куда же она девалась?

— Должно быть в суп ко мне попала. Не ходи в огород, — за это я не только чужой, но и своей курице потачки не дам.

Что бабе делать? Не судиться же из-за курицы. Обругает барина, да он уж обтерпелся. В глаза его «мучителем» зовут, а он только опояску на халате обдергивает.

И полеводство свое он расположит с расчетом. Когда у крестьян земля под паром, у него — через дорогу овес посеян.

Видит скотина — на пару ей взять нечего, а тут же чуть не под самым рылом целое море зелени. Нет-нет да и забредет в господские овсы, а ее оттуда кнутьями, да с хозяина штраф. Потравила скотина на гривенник, а штрафу рубль.

— Хоть все поле стравите, мне же лучше, — ухмыляется Конон Лукич: — ни градобитиев бояться не нужно, ни бабам за жнитво платить.

Однако он настолько добр, что денег за штрафы не требует.

— Мне на что деньги, — говорит он: — на свечку богу, да на лампадное маслице у меня и своих хватит. А ты вот что, друг: с тебя за потраву следует рубль, так ты мне вместо того полдесятинки вспаши да сдвои, а уж посею я сам. Так мы с тобой по-хорошему и разойдемся.

— Мучитель вы наш, Конон Лукич.

— Ты говоришь «мучитель», а я говорю: правило такое есть — на чужую собственность не заглядывайся. Я к тебе не хожу, ты ко мне не ходи. Знаешь ли ты, что такое собственность? Ею, друг, государство держится. Потому всякому своего жаль, так, стало быть, и чужого касаться не следует. Все друг о дружке живут; я тебя берегу, — ты меня, потому что у каждого есть собственность. А ежели кто это забывает, значит, тот и государству изменник, да и вообще... ну, просто, значит, ничего не стоящий человек.

Словом сказать, и потравы и порубки не печалят его, а радуют. Всякий нанесенный ему ущерб оценен заблаговременно, на все установлена определенная такса. Целый день он бродит по полям, по лугам, по лесу, ничего не пропустит и словно чутьем угадает виновного. Даже ночью одним ухом спит, а другим прислушивается.

На первых порах после освобождения он завалил мирового посредника жалобами и постоянно судился, хотя почти всегда проигрывал дела. Но крестьянам даже выигрывать надоело: выиграешь медный пятак, а времени прогуляешь на рубль. Постепенно они подчинились; отводили душу, ругая Лобкова в глаза, но назначенные десятины обрабатывали исправно, не кривя душой. Чего еще лучше.

Другое подспорье, это — система так называемых одолжений. У мужика к весне и хлеб и сено подошли, а Конон Лукич всегда готов по-соседски одолжить.

— Одолжили бы, сударь, пудика два мучки до осени! — кланяется мужичок.

— С удовольствием, друг! И процента не возьму: я тебе два пуда, и ты мне два пуда — святое дело. Известно, за благодарность ты что-нибудь поработаешь... Что бы, например, ну, например, хозяйка твоя с сношеньками полдесятинки овса мне сожнет. Ах, хороша у тебя старшая сноха... я-ядреная.

— Помилуйте, Конон Лукич, полдесятинки овса сжать, — мало-мальски два с полтиной отдать нужно.

— Это ежели деньгами платить, а мне — за благодарность. Я ведь не неволю: мне и гуляючи отработаете. Наступит время, поспеет овес, бабыньки-то твои и не увидят, как шутя полдесятинки сожнут.

За первым мужичком следует другой, за другим — третий и т. д. У всех нужда, и всех Конон Лукич готов наделить. Весной он обеспечивает себе обработку и уборку полей. С наступлением лета он точно так же обеспечивает уборку сенокоса.

Здесь ему приходит на помощь третье, отличнейшее подспорье — пустошь.

— Берите у меня пустоша... — советует он мужикам: — я с вас ни денег, ни сена не возьму, — на что мне. Вот лужок мой всем миром уберете, — я и за то благодарен буду. Вы это тут на гулянках сделаете, а мне — подспорье.

— Все на гулянках, да на гулянках. И то круглый год гуляем у вас, словно на барщине, — возражают мужички: — вы бы лучше, как и другие, Конон Лукич, за деньги, либо исполу...

— Что вы, Христос с вами, да мне стыдно будет в люди глаза показать, если я с соседями на деньги пойду. Я — вам, вы — мне, вот как по-христиански следует. А как скосите мне лужок, я вам ведерко поставлю да пирожком обделю, — это само собой.

Словом сказать, благодаря подспорьям, гуляют у него мужики на работе, а он пропитывается».

4.

Но дальше, дальше от крепостного времени.

Дадим себе небольшой отдых, передышку на временах так называемых «великих реформ».

Наверху шли реформа за реформой по облагодетельствованию крестьянства, превращению его в равноправного гражданина России, а на низах...

* * *

«Пропустивший «сроки» распоясовец ослаб духом совершенно; он, очевидно, потерял все...

Закончив долголетнюю историю своего терпения и бедности сознанием своего ничтожества, такого ничтожества, которое может быть во всякое время выкинуто вон, как сор, распоясовец чувствовал внутри себя полный разгром и стал пропивать все, что оставалось, стал воровать, — до того, что прямо подходил к проезжему купцу и говорил:

— Ну, что ж, купец, давай на чаек-то!

— За что?

— А за разговор. Мало тебе этого. Вынимай-ка желтую бумажку!

И вот в такую минуту падения, грозившего потопить распоясовца в море самой крайней нищеты, однажды по осени, в самое трудное для распоясовцев время, когда приходилось вносить недоимки, — в маленькой тележке, запряженной добрым мерином, появился Иван Кузьмич вместе с управляющим.

Они, очевидно, объезжали и осматривали «округу». Меринок шел свободно и весело по дороге. Иван Кузьмич просто и прямо оценивал: «что чего стоит», и скоро стало известно, что «купец снял» у барина «все» — и лес дремучий, и реки, и поля, все, все до нитки. Скоро новораспоясовцы узнали, что и их Иван Кузьмич тоже «снял» всех до единого: полтина в сутки пешему и рубль конному: «кто хочет по этой цене итти на станцию за пятнадцать верст принять оттуда паровик, — иди».

* * *

Такова была прокламация Ивана Кузьмича к народу. *)

Капитализм делал свое дело: на низу шло первоначальное капиталистическое накопление, с одной стороны, усиленным темпом выращивало кулаческий деревенский слой, а с другой, — разоряло рядовое крестьянство. Сотни тысяч самостоятельных крестьян превращались в пауперов (нищих), в бесхозяйственных крестьян, массами направляющихся в города, на окраины России и в эмиграцию.

В то же время в городах и отдельных селах на дешевой рабочей силе шло развитие фабрик, заводов, крупных кустарных ремесел.

Между деревней и фабрикой росли связи по рабочей линии. Борьба рабочих, очень быстро перешедшая от простой экономи-

*) «Книжка чеков» Глеба Успенского.

ческой борьбы за свои непосредственные цеховые интересы в политическую борьбу с царизмом, не могла не отразиться на крестьянстве.

Расстрелы на Обуховском заводе в Петербурге, огромные южные забастовки вызвали довольно сильное крестьянское движение, которое в Харьковской губернии вылилось в разгром помещичьих имений. Окончилось оно печально: тысячи крестьян были выпороты харьковским губернатором, князем Оболенским, и высланы в северные губернии; разумеется, традиционная порка не только не уменьшила революционного движения, а, наоборот, расширила и углубила его.

Начиная с девятисотых годов, в числе политических ссыльных нередко стали появляться и крестьяне, не только за участие в аграрных беспорядках, но и за «систематическую противоправительственную работу...».

В деревне повеяло новым духом.

Все больше стало появляться людей, задумывающихся над общественными вопросами и предпринимающих те или иные шаги в разрешении так называемых «проклятых вопросов», т. е. вопросов исключительно тяжелого экономического положения крестьянства и его политического бесправия.

Из этого общественно-высшего слоя крестьянства в значительной степени выходили прозелиты, новые люди революционных партий.

В атмосфере запахло грозой.

Приближался пятый год, предвестником которого появился «Буревестник» М. Горького; между прочим, Горьким же отмечено и появление новых революционных типов в деревне. Война с Японией дала новый толчок развивающейся революционной мысли в деревне. Сотни тысяч крестьян наглядно увидели внутреннюю гниль царского режима, и, наконец, наступил пятый год, когда пролетариат в кровавой схватке потряс до основания остов царизма.

5.

Говорят, что деревня не пришла своевременно на помощь пролетариату, а это и послужило главной причиной поражения революции пятого года.

Конечно, эта точка зрения — верная, но если учесть всю совокупность тогдашних деревенских условий, то станет понятным опоздание аграрного движения.

Во всяком случае запоздание крестьянского движения от рабочего и необходимость их сочетания для свержения царизма и остатков крепостничества дали возможность сказать тогда Ленину:

«Действительный мелкобуржуазный характер современного крестьянского движения в России не подлежит сомнению; мы должны разъяснять это всеми силами и беспощадно, непримиримо бороться со всякими иллюзиями всяких «социалистов-революционеров» или примитивных социалистов на этот счет.

Особая организация самостоятельной партии пролетариата, стремящейся через все демократические перевороты к полной социалистической революции, должна быть нашей постоянной, ни на минуту не упускаемой из виду целью. Но отворачиваться поэтому от крестьянского движения было бы самым безнадежным филистерством и педантизмом. *)

Нет, революционно-демократический характер крестьянского движения несомненен, и мы должны всеми силами поддерживать его, развивать, делать политически сознательным и классово определенным, толкать его дальше, итти вместе с ним, рука об руку до конца, — ибо мы идем гораздо дальше конца всякого крестьянского движения, мы идем до полного конца самого деления общества на классы.

Вряд ли найдется другая страна в мире, где бы крестьянство переживало такие страдания, такое угнетение и надругательство, как в России.

Чем беспросветнее было это угнетение, тем более могучим будет теперь его пробуждение, тем непреоборимее будет его революционный натиск.

---

*) Филистерством и педантизмом, т. е. близорукостью и чисто формальным подходом к крестьянству: раз, мол, крестьянское движение в основе своей мелкобуржуазно, то рабочему не с кем тут связываться в своей классовой борьбе. Против такого формального толкования мелкобуржуазной сущности крестьянского движения Ленин и боролся в то время с меньшевиками.

Меньшевики запугивали рабочий класс, что он останется одинок, без союзника. По существу, меньшевики толкали этим рабочий класс к революционному бездействию, к неверию в совместную победу с крестьянами.

Дело сознательного революционного пролетариата всеми силами поддерживать этот натиск, чтобы он не оставил камня на камне в старой, проклятой, крепостнически самодержавной рабьей России,

чтобы он создал новое поколение свободных и смелых людей, создал новую республиканскую страну, в которой развернется на **просторе наша пролетарская борьба за социализм».**

Здесь, собственно говоря, новы не мысли, высказываемые Лениным (он их придерживался и развивал их с самого начала своей революционной деятельности), а сама обостренная форма их постановки, — обычная манера Ленина: дать постановку, лозунг, которые по своей ясности не могли бы подвергаться различному толкованию.

Так партия пролетарского авангарда, в лице Ленина, ребром поставила вопрос: если крестьяне хотят выбраться из царистско-капиталистической кабалы, то для них выход только один — не оставить камня на камне в старом мире.

* * *

Интересно посмотреть, как сами крестьяне к этому времени смотрели на положение вещей.

Вот как пишет писатель Муйжель, излагая жалобу помещика Лаптева, обращающегося к старшине и его писарю:

«— Не дойдет. Вы говорите, не дойдет. Нет-с, уже дошло. Да-с, я вам говорю, что дошло. Извольте поглядеть: аренды не берут, надеются на что-то, слухи разные ходят, слова разные говорят: «Ты, — говорит, — где живешь — на небе, ай на земле? Уши у тебя золотом завешены».

— Да-с, значит, мысль, намерение, т. е., есть.

— А, недалеко ходить, и действия проявляться стали-с?

— Третьего дня, — Лаптев умолк на минутку, как бы собираясь поразить эффектом, — третьего дня у меня с Тимкина Лога — запашщиков я туда послал — сохи и бороны в болото закинули... Да-с. Это — не дойдет. А вы, начальство, сидите, смотрите, — злорадно добавил он, сорвав очки, снова стал крепко и сердито протирать их.

— Я доложу, — забеспокоился старшина, и по сузившимся ушедшим внутрь карим глазкам его Лаптев видел, что он напугался, — я доложу господину земскому начальнику... Это что же

такое, это самоуправство, это, действительно, уже началось... Я обязательно доложу... Как вы думаете, Василь Иваныч, надо доложить, а? — обратился он к писарю.

Писарь помолчал, пожевал губами и солидно промолвил:

— Да, дело серьезное... Доложить требуется.

— Так нельзя, — говорил старшина, ерзая на твердом деревянном диване и беспомощно оглядываясь, — эдак они действительно... Батюшка давно говорил... И слухи тоже. Вон, в Сонинской-то...

Лаптев поднялся.

— А вы, со своей стороны, Петра Мосеич, — говорил старшина, — уж будьте добры, увидите господина земского начальника, уж не забудьте сказать... Я от себя, а вы от себя... Действительно, эдак они...

— Я скажу... Или я напишу ему лучше, — успокоил его Лаптев, — а покуда что...

— До свиданья, до свиданья... Так вы уж не забудьте, — твердил старшина, провожая его на двор, и в маленьких едких глазах его бегало трусливое беспокойство. — Ну, времена настали!..

Лаптев только махнул рукой в ответ и сел в дрожки.

В тот же вечер он отправил с Мишуткой, двенадцатилетним внуком кухарки, земскому начальнику письмо, в котором, жалуясь на мужиков, он, как дворянин и собственник, считает своим долгом предупредить, что от них можно ожидать всего. К тому же в народе ходят разные превратные толкования, и, памятуя пример соседней губернии, где бунты разрослись до того, что у помещиков были сожжены хлеб и амбары, он имеет честь доложить о вышеизложенном господину земскому начальнику.

Старшина, очевидно, со своей стороны доложил, потому что результат вышел самый неожиданный и для старшины, и для Лаптева, и для добрывичских мужиков, напугавших всех, как начало чего-то нового и страшного, нарушившего течение привычной жизни.

В деревню были вызваны казаки». *)

* * *

*) После бесчинств казачьего отряда нарастает возмущение деревни, и помещик Лаптев, чувствуя, что ему не сдобровать, решился бежать, но подстерегавшим его крестьянином был убит из ружья, едва выехал со двора.

Несмотря на относительную мягкость тонов, которую дает своему описанию Муйжель, в них все же чувствуются огромные вожделения крестьян насчет помещичьей земли: желание взять ее захватным порядком и расправиться по-плебейски с помещичьим классом. Как видно, за 25 — 50 лет произошел огромный сдвиг.

6.

После пятого года, с поражением революции, правительство жестоко расправлялось с крестьянством, мстя ему за испуг и за неприятности, принесенные революцией.

Карательные отряды гуляли по России, неся издевательство, избиение и массовые высылки всех более или менее замеченных в сочувствии революции. Кнут и нагайка гуляли во-всю. Царь, во главе помещиков и крупнейших капиталистов, мечтал с корнем вырвать революционные идеи по крайней мере из среды крестьянства.

Характерно, что в эти годы реакции на сторону царя перекинулась в значительной степени не только прогрессивная буржуазия в лице кадетов, но и народнические партии, а меньшевики даже считали революционную борьбу окончательно ликвидированной и звали к органической легальной работе *) в рамках, отведенных царизмом.

Само собою разумеется, что за этими партиями в подавляющем большинстве плелась интеллигенция, и значительная часть ее открыто перешла в лагерь реакции. На сцене борьбы остался один рабочий класс. Помощи он мог ждать лишь от деревенской бедноты.

В конце четырнадцатого года разразилась империалистическая война. Ум человеческий не в силах придумать большего преступления буржуазии перед народом, чем эта война.

Но западно-европейская буржуазия, ходом истории и борьбой рабочих и крестьян приученная хотя бы внешне-формально считаться с трудовыми массами, предприняла огромную агитационную работу, втянув в орбиту (круг) своего влияния верхушки рабочего класса и крестьянства и буквально купив вождей рабочих партий. Крестьянских мелкобуржуазных вождей не надо было покупать: они шли за ней не только за корысть, но и за совесть.

*) К органической, т. е. вовсе отказывались от подпольной революционной борьбы.

Буржуазия развернула широкую работу, бросила громадные средства на «смягчение» форм избиения трудовых масс: достаточно напомнить, что английский солдат в окопах получал раза два в неделю плитку шоколада и т. д.

Здесь важна не сама по себе плитка шоколада, а те, якобы, заботы о солдате, которые проявляло правительство, сиречь — буржуазия.

Здесь от начала до конца все было опутано хитрой паутиной сплошного обмана.

Сколько столетий господствующим классам удавался такой обман! И разве в данный момент не происходит непрерывного обмана трудовых масс всевозможными хитросплетениями буржуазии во всем капиталистическом мире?

В России же господствующие классы, во главе с царем, не привыкли хотя бы внешне считаться с народом. Во главе управления находились открытые, абсолютно невежественные люди, крепостники, воспитанные на порке крестьян. Наиболее ярким проявлением дикости русских господствующих классов был царский двор, где шарлатаны и юродивые задавали тон, — достаточно вспомнить хотя бы Распутина. Военщина в лице офицерского корпуса представляла собой буквально дикую орду, где имел значение только чин. И вся эта разбойничья шайка, — от царя и до младшего офицера включительно, — пользуясь военным положением, признавала главным орудием для победы над противником разгул собственных кулаков по лицам солдат и кудеснические заклинания придворных проходимцев. И этот до мозга костей прогнивший строй призывали поддерживать все так называемые революционные партии.

Солдатам оставалось одно: при каждом удобном случае сдаваться пачками врагу, что и наблюдалось в действительности.

Но терпению пришел конец.

Как и всегда, первый удар был нанесен пролетариатом: эта честь выпала на долю петербургского пролетариата, который первым выступил на улицу, чтобы ударить по самодержавной клике.

Против всех ожиданий аристократических кликуш на помощь рабочему классу выступил петербургский гарнизон, т. е. крестьяне, одетые в серые шинели.

Здесь, на конкретном революционном действии, впервые в России произошло тесное боевое объединение рабочего класса с крестьянством.

7.

1917 год.

Я работал *) у Финляндского вокзала в небольшой мастерской. Когда мы в толпе подошли к вокзалу, как раз в это время там же появилась какая-то военная часть. Вокзальная охрана была разоружена в одно мгновение.

Но толпа еще в нерешительности. Что же дальше? И солдаты кричат:

— Где вожаки? Ведите нас!

Я сам в нерешительности; я еще не знаю, куда может направиться эта сила и что сейчас, вот здесь, поблизости, можно сделать? Для меня несомненно одно: надо сейчас же, не медля ни минуты, толкнуть на борьбу, ибо вся масса по существу переживает такое же состояние и ждет действия.

Я поднялся на площадку вокзала и крикнул:

— Если хотите иметь вождей, то, вон, рядом «Кресты». Вождей надо сначала освободить.

В один миг мысль подхвачена, расширена. Кто-то кричит:

— Сначала освободим из военной тюрьмы!..

Отделяются отряды, появляются руководители. Мысль осуществляется в действие: одни направляются к военной тюрьме, другие — к «Крестам».

Рабочие вливаются в отряды: союз рабочего класса с крестьянством, за который столько лет боролся Ленин, осуществлялся на деле...

Жестоко ли рабочий класс и крестьянство расправились со своими вековечными врагами?

О жестокости до сих пор трубит буржуазная пресса и русская белогвардейщина — до меньшевиков включительно.

Но ведь эта жестокость является каплей в море — менее одной миллионной страданий рабочих и крестьян от своих врагов. Наоборот, революционный народ проявил удивительное великодушие на первых шагах Октябрьской революции: достаточно напомнить, что ленинградский исполком освободил даже Пуришкевича, отъявленного врага рабочих.

Лишь после того, как буржуазия поняла, что рабочие и крестьяне взяли власть всерьез и надолго, она объявила бешеную борьбу против Октября. К этому бою советская власть была вынуждена — и этот бой она дала.

*) В феврале 1917 г. — *Ред.*

Чтобы покончить с периодом гражданской борьбы, в назидание молодому поколению, приведу отрывок из письма очевидца из Оренбургской губернии, села Троицкого.

* *

«...Из окна избы послышался голос жены Павла:

— Э, будет болтать-то. Эх, бездельники! Как только сойдутся — и пошло на весь день. Только вот от вас и слышно: «красные да белые». Слышишь! Айда завтракать-то! Все остыло.

Но они, как будто не замечая этого, продолжали свою беседу.

— Партии-то все боевые, может быть, и сделают. Тут из Петрограда и из Москвы есть, — намедни рассказывали, — работали на фабриках да на разных заводах, вот им-то, пожалуй, эти белогорлики и не понравятся.

После этих слов крестьяне стали расходиться, но вдруг остановились, увидя неподалеку стоявшего офицера, который отчетливо приказывал фельдфебелю сейчас же выгнать всех на прогулку.

— С винтовками, господин офицер?

— Без! И разбей по-взводно, а как только выйдут из села, так их соберем так, как нам нужно.

И что-то еще шепнул фельдфебелю на ухо и быстрыми шагами направился в штаб.

Раздалась команда: «Собирайсь!»

Солдаты, выскочив из своих квартир, строились в ряды.

— Прямо! Шагом... арш! Раз, два, три. Запевай.

И солдаты, топая о твердую дорогу ногами, шли под шум своей песни, не предвидя грозящей, неизбежной для них гибели, но в некоторых это было заметно, — в тех, которые принимали активное участие в заговоре против роскошного бала.

Их гнали на сопку, где они последний раз могли взглянуть на лучи солнца, которое обманчиво светило и обещало на этот день им радость. Да, им теперь было ясно всем.

Несколько солдат, ехавших позади, везли лопаты. Лопаты, соприкасаясь, напоминали своим ржавым бряцаньем о предстоящей могиле, куда они будут брошены...

— Стой! — закричало несколько офицерских голосов.

Их окружила заранее приготовленная сотня казаков. С левого и правого фланга были выставлены пулеметы. Их оцепили кольцом. И на солнце заблистали обнаженные шашки палачей. Все замерло...

И пленники, сбившись в окаменевшую группу, с поникшими головами, смотрели на землю, словно видели картину жизни, полную тягостных откровений, только ими видимую, только для них показанную. И казалось, в этот миг скорбью и унижением сжаты были их сердца... Не на баррикадах, не в схватке с этими теряют они свою жизнь.

Их стали спрашивать, кто из них был участник, но среди них царило молчание...

Стоявший посредине офицер стал считать по рядам с первого по десятый...

— Десять! Выходи!

И вышедшие из рядов солдаты, посмотрев на своих товарищей, стали раздеваться.... А палачи, с засученными по локоть рукавами, начали расправляться.

Поставлено трое.

И, раненные десятками пуль, они падали на землю и, словно о чем-то подумав, перевертывались лицом к земле...

После этих троих опять стали опрашивать собранных. И они стали выказывать из своей среды товарищей. Тех поочередно подводили.

Один солдат, вызванный на жертву этой гнусной, озверелой своры, посмотрел на палачей, как будто ему хотелось крикнуть что-то. Послышалась команда офицера: «Раздевайсь!» И, бросая свою одежду в глаза палачей, он стал раздеваться... Черные его волосы, курчавясь, падали на лицо. Поправляя их, он провел рукой по голове, потом стал развертывать на ноге обмотку и, выхватив из-под нее нож, он бросился на неподалеку от него стоявшего полковника Галкина, но трус отскочил, несмотря на то, что в руках имел револьвер. И его место заменил офицер, и со всего взмаха нож вонзился в грудь офицера. И, шатаясь в бессилии, офицер покатился на землю. Послышался выстрел, и раненый солдат с визгом упал и был разрублен на несколько кусков.

Их расстреляно 18 человек. Оставшиеся под команду своих командиров шли и пели песни.... Могила вырыта, и один из офицеров смотрел и распоряжался погребением. Закопавши своих дорогих товарищей, могильщики по приказу пошли в ногу и пели песни.

И они пели, но их голос был наполнен враждой и ненавистью. Они пели и, глотая слезы, подходили к квартирам.

* * *

На приведенном отрывке, рисующем картину преступлений помещичье-капиталистического строя, мы и покончим свою летопись. Не потому, что после этой даты прекратились преступления капитализма против трудящихся, в частности против СССР. Наоборот, каждый новый день приносит новые преступления, как убийство из-за угла наших полпредов — Воровского, Войкова, и т. д., но мы считаем, что и приведенных нами фактов достаточно, чтобы напомнить о старом мире, а читатели, со своей стороны, в своем собственном недалеком прошлом еще много и много злодейских картин восстановят перед своими глазами.

Теперь обратимся лучше к свидетельству многочисленных корреспондентов из деревни о том, какие изменения в ней произошли и насколько в ней сохранились остатки тяготения к старому строю. Разумеется, не в буквальном смысле слова — старому, ибо, я думаю, из тысячи и одного не найдется, который бы захотел возврата Николая с его сворой, — Николая уже нет, но его своры имеется еще достаточно в наличности. Я говорю о строе так называемом буржуазно-демократическом, где управляют не средневековые кликуши, а капиталисты самой последней формации.

8.

Итак, Октябрьская революция победила. Мы должны подвести некоторые итоги к десятилетию ее существования. Первые пять лет надо скинуть на гражданскую войну и ликвидацию страшнейшего голода, посетившего нашу страну. Лишь последнее пятилетие народы Союза более или менее спокойно строили Советское государство. Я не буду приводить цифры развития нашего хозяйства и культуры; уж в чем другом у нас есть недостатки, цифр же, рисующих состояние наших республик, более чем достаточно. Затем, вероятно, появится ряд юбилейных работ с полным цифровым материалом за десять лет существования Союза.

Взглянем на деревню глазами крестьянина и в редких, исключительных случаях через художников.

Наши враги постоянно тычут в нос, — у нас нет свободной прессы.

Клевета! Ни одна печать из всей буржуазной прессы так резко не клеймит недочетов государства, как наша.

Ни в одной буржуазной газете нет столько корреспонденций, рисующих непорядки, как в наших.

Но наша печать, как один из важнейших органов советского строительства, своей работой помогает этому строительству, и все, что помогает строительству, может быть свободно помещено в газеты и журналы. Покажите, в какой стране в качестве корреспондентов участвуют сотни тысяч крестьян и рабочих. Подкупить их не в силах никакая власть, ибо их устами говорит народ в самом широком смысле слова. Я уже не говорю о громадном достижении крестьянства внедрением его представителей в органы власти, а ведь достаточно напомнить, что в ЦИК Союза одна треть состоит из непартийных крестьян, в нижестоящих исполнительных комитетах еще больше.

Вот как подходит к этому вопросу крестьянин тов. Пименов, дер. Ченцово, Можайского уезда:

«Если спросить рядового крестьянина-землероба, что он получил от Октябрьской революции, то получишь ответ: «А кто ее знает! Жили раньше, живем и теперь».

Такой ответ зависит от того, что у всякого человека по мере роста его благосостояния еще скорее растут запросы к жизни, и он их не замечает. Именно растут запросы, — и уже одно то, что в самой деревне часть крестьян великолепно видит этот процесс, говорит о многом, а главное, насколько культурно поднялось крестьянство.

Вместе с культурой растет и самоуверенность крестьян в успехе предпринимаемых мер советской власти, которая очень ярко выражена в заключительном абзаце прекрасного письма тов. С. Ф. Неме из Казакской автономной республики, хутор «Ясная Поляна».

«Видим и чувствуем, что твердым и уверенным шагом идем вперед, и видим и чувствуем, что в своей стране мы — хозяева. Видим и верим, что впереди лучшее будущее».

Пусть правительство хоть одной капиталистической страны покажет соответствующее настроение хоть небольшой тонкой прослойки и беднейшего крестьянства.

А ведь прошедшие десять лет были годами исключительных жертв и напряжения крестьянства, и лишь в самые последние годы стали вырисовываться положительные результаты этой работы.

Характерной особенностью является усиленное внимание к культурным достижениям:

«Мы живем в самом глухом уголке Белоруссии, — пишет Савченко, дер. Тельцы, Полоцкого округа, — и в самом темном уголке: от окружного города — на расстоянии верст 70 — 80, от

районного центра — верст 25. Раньше у нас был очень темный народ, все равно что осенняя ночь.

Земля в наших деревнях была вся чересполосна и трехполка, от которой крестьяне наши получали совсем мало пользы; крестьяне наши жили очень бедно. Да к тому же были очень религиозные, только и знали одного попа. Теперь в нашей местности большая часть крестьян перешла на хутора и на поселки, много уже крестьян в нашей местности перешло и на многополье.

Теперь в нашем уголке ни одной нет деревни, где бы не было газеты и книги, а если бы взглянуть на нашу деревню года четыре-шесть назад, то совсем редко, где бы увидали газету или книжку. А сейчас на каждые два двора приходится по одному экземпляру. И это тоже большое достижение за десять лет в нашей глухой, темной, забитой деревне. Теперь уже у нас крестьяне не религиозны. Возьмем самый близкий пример: в нашем селе Горбачеве имеется церковь и имеется изба-читальня. И вот каждый праздник в село собирается много народу, но народ идет в избу-читальню, в церковь совсем мало кто ходит. Вот тут-то и видно, что крестьяне стремятся к чему-то новому, к новому быту.

Таких примеров много в нашей местности.

У нас ведется и ликвидации безграмотности. В нашей деревне Тельцах обучилась грамоте недавно женщина лет 50. Теперь она пишет сама и читает. На нее глядя, учатся и другие.

В работе кооперации женщины принимают участие, и в работе сельсовета, и в крестьянской взаимопомощи. У нас имеется кольцевая почта. Раньше у нас находилась почта очень далеко. Тогда было очень плохо: за письмами и газетами было ходить очень далеко, отчего и пропадали письма и газеты. Теперь к нам к каждому приносит на дом письмоносец газеты и письма, да к тому же еще у письмоносца постоянно есть продажные карандаши и бумага. Наша деревня становится чистой, в ней выметается старый сор социалистической метлой. И с каждым днем в деревню проникает культура, и с каждым днем мы все становимся выше, и все больше укрепляется наше культурное сельское хозяйство».

* *
*

Пожалуй, это не простая случайность, что о культуре говорят больше всего из Белоруссии; ведь именно там, в западных губерниях, было наибольшее количество неграмотных.

Крестьяне Минской, Гомельской и Витебской губерний отличались наибольшей забитостью и так называемой деревенской серостью.

Эти губернии имели богатейших помещиков, владевших десятками тысяч десятин земли, а в городах господствовала еврейская буржуазия; даже куцое российское земство там отсутствовало, и единственным рассадником простой грамотности являлись лишь церковно-приходские школы.

Вот почему крестьянин Белоруссии столь жадно бросился на культуру. И теперь, несмотря на очень значительное развитие сети образовательных учреждений, вплоть до сельскохозяйственного института и университета, в Москву приезжает очень большое количество крестьянской молодежи, рвущейся к высшему и специальному образованию.

9.

Эти ростки новой деревни (приведенные в предыдущем письме крестьянина) не являются случайно выросшим тепличным цветком, наоборот, это естественный рост посеянного революцией.

Это плоды сознательной целевой работы масс, ибо тот же процесс можно наблюдать в той или иной степени и в других местах Союза.

Вот, например, письмо учителя А. Обуздина, дер. Романово, Северо-Двинской губернии.

* *
*

«В дореволюционное, царское время и в первые годы после Октябрьской революции деревня Гребенева ничем не выделялась новым, положительным среди других деревень.

Здесь была та же трехполка и чересполосица, та же пьяная, невежественная царская деревня, как и все остальные, окружающие ее.

Так тянулось долго, и казалось, что едва ли что выйдет из этой деревни хорошего, нового. Правда, и раньше здесь были и выделялись кое-какие мужики, передовики-активисты, но их было очень мало, и они были сравнительно слабы меряться с силами темной деревни. Но чем дальше, тем сильнее и численнее становился этот передовой крестьянский актив, и тем сильнее он начал развертывать свою деятельность и работу.

Начало работы, главным образом, было положено вот этим активом и более глубоко развито райагрономом И. В. Незномо-

вым. Райагроному тов. Незномову сравнительно недолго пришлось доказывать и увещевать мужиков о переходе на шестиполье, так как почва уже была для этого подготовлена активом деревни. И вот, в 1924 г. деревня Гребенево переходит на многопольный, шестипольный, севооборот с посевом клевера и корнеплодов.

Этому делу много способствовали и оказывали поддержку и помощь как книгой, так и советом служащие—крестьяне-выходцы из этой деревни, Гребенев, К. В., и другие. С этого, главным образом, и началась стройка новой деревни Гребенево. Большую помощь в этом деле оказала также местная учительница Н. В. Гребенева. За это нововведение в том же году деревне была оказана премия — скидка по сельскохозяйственному налогу.

Это еще больше обрадовало и укрепило мужиков на завоеванных позициях и дало повод к дальнейшему развитию и усовершенствованию деревни на новых началах. С тех пор прошло три года, и за эти несколько лет деревня переродилась и стала неузнаваемой. Она стремится к новой, лучшей жизни и вводит все новые и новые начинания, усовершенствования и мероприятия.

В настоящее время деревня имеет зерноочистительный и прокатный пункты, красный уголок, драмкружок и контрольное товарищество. В зерноочистительном и прокатном пунктах, или, как их зовут, «машинном товариществе», имеется триер, несколько молотилок, сеялок, сортировок и сепараторов.

Все эти машины куплены коллективом деревни и содержатся в полной чистоте и порядке в специально выстроенном помещении. Этими машинами пользуются граждане и других деревень за известную плату.

В настоящее время гребеневцы всерьез задумываются о приобретении трактора; можно надеяться, что они это выполнят. Затем имеется красный уголок, в который выписываются местные и центральные газеты и книги. Два года назад у них была изба-читальня, которая содержалась на свои средства и была центром всей работы деревни, но теперь ее нет, так как содержать ее для небольшой деревни тяжело, и ее заменяет теперь красный уголок. Неграмотных в деревне почти никого нет. Новый быт начинает все больше прививаться и проникать. Так, например, большинство населения безбожники, очень многие порвали связь с попом, церковью и богом. А пьянки и хулиганства с каждым днем становится все меньше и меньше, население привыкло и тесно связалось с книгой, газетой, лекцией, беседой и спектаклями. Чуть не каждый домохозяин выписывает местные

газеты и «Крестьянскую». Но население деревни Гребенево не только читает, выписывает и распространяет газеты, но участвует в них в качестве селькоров. Большинство крестьян — передовиков-активистов — селькоры.

Затем в деревне имеется драмкружок, который объединяет население своей деревни. Членами драмкружка является не только молодежь обоего пола, но даже пожилое население и иногда старики. Главным организатором, руководителем и неутомимым тружеником драмкружка является 50-летний Куприян Афанасьевич Гребенев, простой крестьянин-мужик. Все охотно и с увлечением играют на сцене в с. Ильинском, в четырех верстах от деревни Гребенево. Покупают и выписывают общедоступные для понимания пьесы и основательно готовятся к спектаклю. Ропота со стороны кого бы то ни было не услышите, все относятся к этому делу доброжелательно и со вниманием. По примеру деревни Гребенево многие другие деревни тоже организовали драмкружки и ставят спектакли, как, например, Хозятино, Гагарино и т. п. Выручка от спектаклей идет на приобретение театральных принадлежностей, на выписку газет и т. д.

Затем в деревне имеется контрольное товарищество. Организовано оно тоже по инициативе самого населения. Благодаря работе контроль-ассистента гребеневцам удалось повысить удой молока и его жирность, что обусловливается правильным кормлением скота. Теперь ведется работа и агитация по улучшению скотных дворов и кормушек. Пока-что работа контрольного товарищества охватывает три деревни: Гребенево, Хозятино и Хомяково, но в дальнейшем круг его деятельности расширится. Крестьяне деревни Гребенево видят действительную пользу от контрольного товарищества и сами помогают в его работе.

В общем, Гребенево — одна из самых передовых деревень всего Утмановского сельсовета и даже района. Своей культурой она толкает около нее находящиеся деревни, как, например, Хозятино и другие. Гребенево передает свою культуру другим деревням, что очень сильно заметно, и относительно этой деревни говорят: «культурное Гребенево». Население деревни очень симпатично и сочувственно относится к партии и совласти и радушно принимает ее мероприятия. К тому же в Гребеневе имеется несколько членов ВЛКСМ. Удивительно, как быстро до неузнаваемости может перерод иться деревня: из темной, невежественной сделаться новой, советской, когда ей предоставляются свободное развитие всех своих сил, помощь и поддержка со стороны партии и го-

сударства. Будем же, товарищи, бороться за новую, советскую и культурную деревню».

* * *

Характерной особенностью этого письма является то, что это пишет учитель, что само по себе говорит о растущей органической связи между сельским учителем и крестьянином.

Я думаю, излишне доказывать, насколько ценна эта связь. Она поднимает авторитет учителя в глазах населения, с одной стороны, а с другой — и самочувствие учителя улучшается, он врастает своей работой, как дерево корнями, в благодатную почву, в местную жизнь.

Вся окружающая обстановка для него приобретает особый смысл, на глазах он видит претворение в практическую жизнь великой идеи освобождения человечества от всех рабских пут.

В деловом, сдержанном письме Обуздина, где описываются как бы только внешние проявления нового быта среди крестьянства, чувствуешь внутреннее удовлетворение автора, его глубокую в этом заинтересованность, что, разумеется, наполняет его жизнь и работу глубоким идейным содержанием, которое в свою очередь увеличивает энергию практического работника.

Такое взаимодействие практической работы с ее идейным содержанием делает жизнь полной, одухотворенной и дает наибольшие достижения.

10.

С крайнего севера перейдем к юго-западу, на границу Бессарабии.

Автор письма заслуживает, чтобы его выслушали все честные граждане Советского союза.

Я допускаю, что, он немножко идеализирует действительность, но ведь не надо забывать, что эта идеализация происходит у него не просто, а в сравнении нового со старым. При таких условиях он прав на сто процентов.

Но лучше предоставим ему слово, и пусть читатели сами непосредственно судят.

* * *

«В местечке Валегозулово (Молдавия), где живет и работает возле земли около 15 000 хлебопашцев, несмотря на то, что само наше местечко находится в отдаленности от городов и рабочих центров и, следовательно, крестьяне не имеют той счастливой

возможности соприкасаться, сблизиться с городским старшим братом — фабричным рабочим, все-таки за время революции изменения произошли, и новое тоже у нас есть.

Вместо одной земской школы и двух церковно-приходских (в которых учили лишь молитвы читать) на все местечко, растянутое на 18 верст, у нас теперь открыто 12 школ, из коих одна II ступени, 7 лет обучения, а к 10-й годовщине Октября построена будет и 13-я, профтехническая. Раньше в дореволюционных школах учили лишь по-русски и церковно-славянски (псалтырь читать и молитвы), а теперь, по желанию, можно учиться на русском, молдавском, украинском и еврейском, — полная свобода всем живущим тут нациям; о притеснениях и насмешках прежних забыто совсем.

Раньше крестьяне не имели и представления о чтении газет, а если кто вздумал выписать газету, то уже в полиции об этом знали, был на особом учете, а теперь большинство из грамотных крестьян выписывают и читают и обсуждают группами обо всем, что пишется в газете. Не только не возбраняется, но поощряются и приглашаются писать о всех непорядках.

Раньше крестьянки не смели появиться даже близко около сельского схода или собрания, а теперь бывает, что на собрании пополам мужчин и женщин, да и в сельсоветы каждый год 7 — 9 женщин выбирают.

Раньше, в особенности среди молдавского населения, жена чувствовала себя рабыней, безгласной, зачастую была избиваема мужем и не смела даже кому бы то ни было жаловаться на мужа, — это считалось позором для женщины. А в настоящее время, если очень редко и случится, что по старой привычке муж позволит избить, то об этом становится известно всем, и все — на стороне жены и осуждают мужа.

Важно, что это не ослабило семью, а, наоборот, со слов самих крестьян, внесло в семью больше ладу. Раньше муж чувствовал себя как будто властелином, но одиноким в семье, как бы угнетателем, а теперь чувствует себя не одиноким, а лучше советуется с женой, взрослыми сыновьями и дочерьми, и получается лучше во всяком хозяйском деле.

Раньше было у нас в пользовании всего 9 тысяч десятин земли, а теперь, после красного Октября, с забранными у помещиков и попов стало 20 тысяч десятин. При разделе земли раньше близкая и лучшая земля попадала в руки кулаков, а плохая и дальняя — беднякам. А потом за бесценок тоже пользовались те

же кулачки хоть и трехполкой, но все же для них выгодно было, а теперь при землеустройстве в 1926 г. введена четырехпольная система севооборота и разделена подворно, едоцки, с расценкой, справедливо. Раньше мы лишь слышали об агрономах, а теперь они у нас частенько лекции и курсы сельскохозяйственные проводят. Перешли с бумажных полей на настоящую крестьянскую землю.

Раньше, когда я, пишущий эти строки, окончил народную школу первым учеником и учителя повезли меня в уездный город с целью определить в среднюю школу, то меня обозвали мужиком, медвежонком, учителям сделали выговор за привоз крестьянского сына, и что надо было привезти и на стипендию определить сына священника, дьякона, в крайнем случае писаря или урядника, не крестьянина-бедняка (этого я не забыл на 41-м году и никогда не забуду).

А в настоящее время у меня 4 племянника и 20 других крестьянских сыновей-бедняков учатся на казенный счет на рабфаке и в вузах.

Раньше у нас в кредитной кооперации были правленцами и главарями попы, дьяконы, псаломщики; кредиты давались лишь куркулям да тем, кто хорошие панихиды справляли попу, а бедняк если какой посмел попросить, чтобы его приняли в члены и дали один-два десятка рублей, то он делался годовым батраком попу, помимо процентов.

Раньше в волостном правлении, в мировом суде были ставленники помещиков; бедняк если с богатым судился, то всегда выходил виновным. В настоящее время — свои избранники; если не прав богатый, сильный, мощный, шапку бедняк больше не снимает и не кланяется никому.

Раньше за недоимки последнюю лошаденку или корову уводили старшина с становым и урядником, а теперь если нечем уплатить налог, то совет и отсрочку дает, а то и совсем бедняка освобождает.

Раньше для крестьянского сына военная служба была самым большим несчастьем и горем. А теперь в Красную армию идут и готовятся с радостью, знают, что попасть в Красную армию — значит стать почетным и полезным гражданином, нужным по возвращении человеком в деревне.

Раньше, бывало, только на помещичьих землях видишь посевы рядовой сеялкой или жнейку, а про тракторы и вовсе не было у нас слышно. А теперь все это у нас, на наших полях, мы и сами работаем недоступными раньше машинами.

Много изменений и нового, хорошего даже в наше глухое и отсталое село для улучшения и просветления нашей крестьянской жизни принес красный Октябрь. Так, на первый взгляд, оно-то и не заметно, а если хорошо припомнить и стать перечислять, то всего и не описать.

Если вспомнить, как жилось бедняку-крестьянину раньше, и осмотреться хорошо во все стороны жизни теперь, то тогда ясно станет, что крестьянский бедняк был раньше серый, и надежды в его жизни на лучшую жизнь он, как бы долго ни искал, не мог бы найти и надеяться, а в настоящее время каждый бедняк-труженик чувствует себя полноправным гражданином, не рабом, а строителем как своего хозяйства, так равно и государства.

Крестьянин *С. Г. Григорашенко.*

П. о. Валегозулово,
Молдавская республика».

* * *

Боюсь, что меня обвинят в односторонности, что я преднамеренно беру письма авторов, относящихся не только положительно, а и с некоторой восторженностью к советской власти.

Да, действительно, я привожу тех авторов, которые видят ростки новой жизни, да не только видят ее, но и растят их собственными усилиями. Помещением их писем я по мере сил и возможности стараюсь помочь их энергии, укрепить еще больше волю их в работе.

11.

СССР очень велик, с большой разницей в культуре населяющих его народов.

Конечно, в нем есть деревни и, вероятно, целые волости, где еще слабо проявилось влияние советов.

Для наглядности приведу письмо: «Рабфаковец на каникулах»:

* * *

«Десять лет я не был в родной деревне. Малышом уехал. Раньше работал в шахте, на заводе; в начале революции поступаю добровольцем в Красную гвардию, а там Владимир Ильич строчит воззвание итти в Красную армию.

Пошел добровольцем; фронты, арест Калмыковым, побег от него и результат — два года с половиной партизанской и народно-революционной армии службы. Велик и тяжел был путь. Наконец — в ученье в рабфаке, и только 1 июня 1926 г. еду проведать свою родную деревню.

Деревня опечалила меня, она осталась почти той же, с теми же обрядами, только вместо старосты стал член сельсовета, а председателя нет.

Попрежнему по деревне кадится старое кадило попа.

В родной хате произошла перемена: вместо икон в переднем углу стояла на божнице чайная посуда, а на стене величаво красовался портрет Ильича. Двор стоял полуразрушенный. Немного смутила меня смерть старика-отца. Он умер 18 ноября 1925 г., на 76 году от рождения.

Про отца мне рассказывали, что он за два дня до смерти разбил на щепки лежащую в углу покрытую пылью икону Николая-чудотворца и выбросил в окно на улицу.

Женщины-крестьянки подобрали щепки, а деревня посчитала отца за сумасшедшего.

Отец, умирая, приказал похоронить его без участия попа. Брат исполнил просьбу отца, и умершее тело его увезли с пением, с красным знаменем, с лозунгами «за новый быт».

Пока старая деревня встретила меня с вином. Я отказался, да и раньше не пил. Эх! Не в вине наше счастье, наша счастье — борьба за светлое будущее. Взамен вина я развесил на стене большую географическую карту, на которой собравшимся крестьянам показывал реки, моря, океаны и материки.

Из материков я остановился на большом одном, обвел его карандашом и указал им: «Вот здесь властвуют рабочие и вы, крестьяне; здесь торжествует труд; это — наш могучий, гордый СССР с развевающимся красным флагом, а вокруг него властвует капитал. Там стонут рабочие. Вот здесь в капиталистической буржуазной Англии бастуют сотни тысяч рабочих-углекопов, а вот здесь, в Болгарии, восстают крестьяне против угнетателей, их села жгут буржуазные наймиты, палачи, оставляя крестьян без крова».

Крестьяне жадно смотрели на меня и на карту; они не верили себе, как это так: бедный сын крестьянина, батрак, говорит им о всемирном событии, — это для деревни было удивительно. Итак, одни уходили, другие приходили, пока прошел праздник.

Наступила летняя жаркая пора. Крестьяне принялись за работу, им теперь не до политики.

Я приступил к выработке плана постройки памятника.

Через полторы недели с некоторыми промежутками построили своим трудом памятник отцу. Над памятником засияла красная звезда. Пусть глядит старая деревня, как мы чтим память всех

тех, которые честно трудились и умерли с нуждой. На красной пятиконечной звезде сверкают золотым лучом серп и молот в честь шестидесятилетнего честного труда.

Отец до 20 лет работал по крестьянству, с 20 лет пошел в Одессу из Смоленской губернии, работал по прокладке Екатерининской дороги, работал каменщиком на закладке доменной печи Юзовского завода. На 47-м году принялся опять за крестьянство. Когда еще в деревне были курные избы, он первый в своей деревне сложил русскую печь. Он первый повел борьбу в деревне за лучший быт, за культуру, за свет, за знание. Психология рабочего повлияла на старика, и он был непоколебим.

С левой стороны памятника во вделанной железной планке я сделал надпись:

«Ты, труженик наш верный, трудился до старости лет. Тяжелый свой труд неимоверный оставил мне в завет. Ты учил меня бороться и трудиться, труды крестьянина не забывать, в борьбе беднякам свободы добиться, будет чем и за что вспоминать.

Никто не дал нам избавленья: ни бог, ни поп, ни царь-палач и ни герой. Добились мы освобождения своей упорною борьбой.

Теперь никакая на свете работа для мозолистых рук не страшна, и ничья от народного пота не разбухнет уже больше мошна».

Памятник нового быта деревни, поставленный для образца молодому поколению деревни — как почитать память родителей. Памятник без участия попа обошелся дешевле, лучше и долговечнее; он всего стоит: 200 штук кирпича — 6 руб., 30 фунтов цемента — 1 руб. 50 коп., $^3/_4$ листа железа — 1 руб., краска и лак — 1 руб. 50 коп., итого 10 руб., плюс работа.

Памятник старой деревни стоит следующее: за похороны попу — 10 руб., напоить 2 раза до-пьяна и накормить — 5 р., отслужить годовщину — 3 руб., венок и удостоверение на тот свет — 50 коп., пособоровать — 3 руб., итого 21 руб. 50 к., плюс панихида 3 раза в год и 5 штук яиц на радоницу.

О новом памятнике мне пишет брат письмо от 7 декабря 1926 г. из Смоленской губернии, Рославльского уезда, Корсиковской волости, дер. Марьинск; вот выдержка из письма: «Памятник стоит благополучно, на славу. Все деревни пересмотрели его. К нему через кладбище проложена дорога притекающими зрителями, даже и евреи из местечка Хотимска, и те приезжали, у меня расспрашивали об искусстве его. Я на осенние родичи (поминки) посетил эту могилу с гармонией и молодежью. Пели похоронный марш, снимали фуражки и вешали на памятник. Поп приезжал служить

на могилки (на кладбище), увидел памятник, не стал проходить кругом памятника, а миновал его и вызвал во всех смех, а я как заиграл на гармошке, то и попа бросили все. Будь здоров! Костя».

* * *

Как видите, сторонник и активный борец за советы, возвратясь в деревню после десятилетнего отсутствия, не нашел в ней нового, советского; наоборот, деревня бросилась в глаза своим старым бытом.

Но, мне кажется, автор письма плохо смотрел. Он просмотрел, что он сам есть олицетворение или, правильнее, составной элемент новой деревни.

Он совершенно упустил из виду, что его лекции по политгеографии, это ведь тоже нечто новое. Да, наконец, разве было возможно в старой деревне выбросить за окно иконы. Я не сомневаюсь, что и в производственной и в культурной части деревни произошло значительное изменение, даже в родной деревне рабфаковца, если бы он внимательно к этому присмотрелся.

Но ему это сделать почти невозможно, он ушел из деревни молодым юношей, она ему тогда казалась близкой, родной, ее отрицательные стороны ему были незаметны, и когда он десять лет вместе с революцией, с рабочим классом рос революционно, разница получилась та, что он ехал по железной дороге, а деревня шла пешком.

Поэтому, когда он возвратился, ему казалось, что его деревня не сдвинулась с места, что, конечно, неправильно.

Она не только сдвинулась, но прошла значительный путь. Разумеется, этот путь, по сравнению с рабочим классом, в особенности с его революционной частью, к которой принадлежит автор, слишком короток. Вот почему он не видит громадных и положительных изменений быта в деревне.

* * *

У меня под рукой письмо, подписанное просто «Гражданин» Уже сама подпись есть черта нового, именно народился гражданин; крестьяне, когда обращаются к неизвестному, почти всегда теперь именуют гражданин.

Так вот что пишет гражданин Ардатовского уезда, Ульяновской губернии:

«Вечер — канун Рождества, я сел это писать и слышу на улице хор песенников, дружно поют какую-то полувоенную песню из казацкого быта, и нагорело бы им за десять лет назад от всего

села и проклятие с церковного амвона, а теперь эти страхи безвозвратно испарились. На утро, по проходящим богомольцам, надо полагать, в церкви было около 5 процентов старого времени.

На общих общественных, кооперативных собраниях заурядное явление — в президиумах сидят комсомолец и культурник. Стремление к просвещению, особенно у мужской молодежи, усиленное. Любовь к чтению по сельскому хозяйству, политике, антирелигиозным вопросам и др. сознательно крепит привязанность к своей народной, советской, власти. Газеты стали потребностью. В избах-читальнях бывают читки газет, собрания организаций: комсомола, сельскохозяйственной секции, издания стенгазеты, на стенах изобилие лозунгов по кооперации, уголок Ильича, красный уголок, сельское хозяйство и другие; в некоторых селах избы-читальни и даже школы нет, там плоховато; зато бывают спектакли из современной жизни. Жаль, число активистов малое. Из учительства члены работают удовлетворительно. Студенты на каникулах в деревне работают очень хорошо. Крестьяне выписывают газеты, преимущественно «Крестьянскую», во многих избах имеются отрывные календари. Революционные праздники пока справляют активисты, комсомол, школьники, кооперация и сельсовет.

Религиозный фанатизм выветривается, и крестьяне при посещении друг друга саженные кресты уже не отмеривают».

* *

Видите, бесстрастен, как летописец Нестор, — пишет только то, что видит. В письме стремится как бы обозревать происходящее со стороны, и, пожалуй, со стороны-то ему виднее, что происходит в деревне. И характерно, что, примечая новое в деревне, не затрудняется в поисках, оно как бы насильственно прет в глаза наблюдателю.

Если новое, советское заметной струей пробивается в русской деревне, то тем более резкое изменение происходит в деревне национальных меньшинств.

12.

Кто же не знает, каково было положение в России других национальностей?

К бесправию русского крестьянина прибавлялось еще так называемое национальное бесправие; и здесь русское правительство вело наиболее разбойную политику. Оно, во-первых, наполняло местности с нерусским населением колонизаторским элементом и, во-вторых, стремилось связать этих рыцарей первоначального

хищнического накопления с местными эксплоататорами, паразитами народа, буквально отдавая его на поток и разграбление.

Хотя прошло уже десять лет, отделяющих это подлое время от настоящего, все же и сейчас еще более старое поколение ненавидит русских, боясь старого порабощения.

К сожалению, моя статья уже переросла предполагаемые размеры, и я не могу полностью огласить письмо Магомед Яндарова, с. Старый-Юрт, Чеченской автономной области, где рассказывается вся история Чечни, от завоевания ее русскими до настоящих дней.

Автор говорит, что царское правительство, помимо политического давления, буквально обобрало крестьян, наделяя их землями палачей народа, как-то:

«Князю Таймазову — 4 700 дес. от населения Мундар-Юрта и 3 000 дес. с. Брагуны, итого — 7 700 дес.;

князю Бекович-Черкасскому от с. Старого-Юрта — 8 000 дес., Кень-Юрта — 1 800 дес. и Зибир-Юрта — 6 000 дес., итого — 15 800 дес.;

кн. Алканову от сел Али-Юрта и Нопой-Мирза-Юрта — 5 000 дес.;

кн. Эльдарову от с. Мунадар-Юрта — 2 700 дес.;

кн. Турнову от сел Нижнего и Верхнего Науров — 6 000 дес., с. Зибир-Юрта — 2 400 дес., всего 8 400 дес.;

полковнику Адуеву — 3 200 дес.;

полковнику Эльшуруаеву — 6 000 дес.»

Всего княжеских и чиновнических земель около 50 000 дес., а весь участок вместе с этим землями около 100 000 дес. с населением 28 500 душ. Выходит, 7 человек имели столько же земли, сколько 28 500 человек. По остальной Чечне у меня нет сведений, а потому воздерживаюсь, но, во всяком случае, в той части, о которой у меня не имеется точных сведений, земли урезано больше, чем в Надтеречном участке, так как в той части земли, кроме помещиков, заселены казачьими станицами.

После организации власти на местах начали проводить в жизнь декреты и законы рабоче-крестьянского правительства. Земли отобраны у частновладельцев и без выкупа переданы трудовому народу; таким образом, чеченец стал хозяином земли.

Землеустроительные работы, которые проводятся и частично проведены, дают возможность вырваться бедняку из цепких лап кулака; бедняк будет знать, сколько у него земли, и может пользоваться своей землей, а кулак будет лишен возможности эксплоатировать его. Кроме того, хорошая подмога бедняку-крестьянину—

закон о едином сельхозналоге по фактически использованной земле и частичное освобождение бедняка целиком, а середняка — на усмотрение. Все эти мероприятия укрепляют мощь хозяйства.

Было установлено, что в Чечне до 70 процентов сифилитиков, 60 процентов малярийных и т. д.; в общем итоге можно сказать, что на одного человека приходится $2^1/_2$ болезни — наследие царя и Деникина. Теперь в каждом районе лечебные пункты, больницы, а в некоторых районах и по две больницы. Затем, по селениям разъезжают санитарные отряды, помимо этих больниц. В каждом районе — ветеринарные пункты, через каждый месяц врач с командою объезжают все селения района для проверки состояния животных (скота и лошадей).

Особое внимание советским правительством обращено на народное образование. Во всех селениях имеются школы как на русском, так и на чеченском языках на латинской графике. Помимо школ для детей, имеются во всех селениях и хуторах ликвидационные пункты для взрослых по ликвидации неграмотности.

Имеются специальные учебные заведения. Педагогические сельскохозяйственные техникумы, II ступени школы, курсы секретарские, кооперативные и др. Во всех средних учебных заведениях и рабфаках имеется молодежь Чечни, почти во всех вузах, и, таким образом, в течение 4-5 лет мы будет иметь своих спецов по всем отраслям, - учитель, агроном, землемер, инженер, профессор, — и вообще по всем специальностям чеченцы будут иметь своих, из своей среды, пользующихся доверием трудового чеченца.

Как путь к просвещению, во многих селениях открываются почта и телеграф. По всем уголкам проведен телефон, началась частичная электрификация.

До сих пор недоступные горы покрыты сетью шоссейных дорог, устраиваются водопроводы, орошение полей прорытием каналов — Атапо-Гайтинский им. тов. Ленина, канал Шалинский, Старо-Сунисенский, Алдинский и т. д. — и сушка болот; все эти мероприятия облегчают жизнь бедняку.

Открыты во всех селениях ЕПО, частник почти вытеснен. Сельскохозяйственные кредитные товарищества и организация ККОВ дали свои результаты; весь сельскохозяйственный инвентарь обновлен. Имеются тракторы, сеялки, веялки, молотилки, и чеченцы говорят: «Обязанности и работа человека выполняются машинами».

Бандитизм изжит, и народ пришел к труду. Советская власть, устранив все виды эксплоатации темной массы при царизме, на-

учила, как пользоваться землею, машиною, а также, открывая кредиты на приобретение скота и на улучшение сельского хозяйства, поставила чеченца на твердые ноги, и мы часто слышим: «Теперь кадет власть нет, теперь наш власть». Этим чеченец хочет подтвердить, что советская власть доступна чеченцу, как кому бы то ни было. Нет ни классовых, ни национальных подразделений. «Все мы равны», слышится голос горного чеченца».

* *

Я думаю, что тов. Яндаров не слишком приукрашивает действительность. Конечно, не в далеком прошлом Чечня была чуть ли не в прямой войне с царизмом, во всяком случае, никакие полицейские расправы не могли уничтожить там систематических расправ со ставленниками царизма.

Все, что представляло собою «правительство», считалось отъявленным врагом чеченского народа. Между поселенными казаками и чечней также шла непрерывная вооруженная с обеих сторон борьба.

Казаки чеченцев не считали за людей, чеченцы платили им той же монетой.

Теперь, когда чеченцы получили автономию, ответственность за благоустройство и развитие страны легла на них. Они сразу же почувствовали себя полноправными гражданами и не только своей маленькой Чечни, а всего Союза. Вот почему им близка советская власть; она, по сравнению со старым строем, отличается, как небо от земли.

Затем, они административно входят в Северо-Кавказский край, очень богатый, имеющий местный бюджет свыше 100 миллионов рублей, который краевыми средствами действительно дает возможность подыматься национальным народам экономически и культурно.

Но советский строй дает возможность развития именно своей системой, ибо и другие народы, находящиеся в менее благоприятных материальных условиях, также растут культурно и политически.

13.

Вот что пишут из далекой Бурято-Монгольской автономной республики:

«Шестой год на далекой глухой окраине Советского союза, Сибири, мы, бурят-монголы, видим существование советской власти у нас. Трудно было, — говорят теперь пожилые мужики-буряты, Усть-Тугнуйского сомона. — В первые годы существования советской власти у нас тут ездили белые отряды Семенова

и другие. Угоняли мужиков и подводы, грабили, убивали, насиловали попавшуюся им любую женщину.

Страшно ненавидели буряты белых, — иногда, где возможно, выдавали их красным. Скоро Семенов и другие генералы были от нас угнаны, дальше наступила советская власть. Стали у нас сомонные ревкомы учреждать и продразверстку собирать. Тут у нас богатеи завопили лихим матом: «Ревкомы, ревкомы, соввласть грабят!» Кричали: «Долой коммунистов!» Налог не должны брать, раз соввласть; богатеям жалко было давать хлеб в казну, и все кричали. Но мы, буряты-бедняки, с помощью ревкомов усмирили кулаков. Прошел год, другой, жить все становилось лучше. Продналог отменился, стал единый сельскохозяйственный налог. Много стало свободы, стали посвободнее дышать; разные организации и проч. стали появляться, ревкомов уже не стало, а вместо них сомсоветы, хош-исполкомы. Много говорили о новой жизни, стали открывать ликпункты. У нас в хошуне открыли избу-читальню, стали просвещаться, ходить туда, узнавали там, как под руководством вождя Ленина рабочие и крестьяне совершили Октябрьскую революцию и как построили рабоче-крестьянское Советское государство. Какое освобождение дало Советское государство бурятам, угнетенным при царизме, и т. д. Узнав про все, буряты стали строить свою жизнь по-новому. Теперь у нас нет прежних (ноенов) начальников, урядников, а на место их в совете, в хошунском уисполкоме — тот сосед, который среди нас рос и трудился с нами. Они лучше знают нужду своих односельчан и помогают многому.

У нас, особенно у граждан Усть-Тугнуйского сомона, самосознание растет. Наследие царизма, как темнота, и одурманивающая темных бурят религия, начинает отходить в область предания. Открываются у нас школы, избы-читальни. У всех политические права, каких раньше не было. Имеются у нас партийцы, комсомольцы и пионеры, которые работают по-ленински и являются застрельщиками новой жизни, социализма, о котором раньше из нас, темных, угнетенных, никто не знал.

За шесть лет советской власти у нас достижения велики, культурный шаг идет вперед; например, у нас в Усть-Тугнуйском сомоне открылась школа по инициативе самих крестьян; здание школы и внутреннее оборудование производилось за счет крестьян, крестьяне сомона сами постановили построить школу помимо помощи государства; есть ликпункт, кооперативы и другие организации.

Одно веское слово, что наш советский уголок — Усть-Тугнуйский сомон — строит социализм в своем сомоне.

Таким образом, из года в год мы закрепляем великие заветы Ильича и великие завоевания Октябрьской революции в нашем маленьком сомоне.

Бурят *Ф. Бальбуров.*

Усть-Тугнуйский сомон,
Верхне-Удинского уезда».

* * *

На письме тов. Бальбурова мы кончаем описание современной, действительной крестьянской жизни к юбилейному торжеству великой Октябрьской революции.

Мы не привели и сотой доли полученных нами писем.

Мы совершенно отложили письма, рисующие частные недостатки власти, или просто нехватки крестьян, ибо кто же из нас не знает, что в новом строительстве, где заняты десятки миллионов трудящихся, угнетенных в недавнем прошлом, недавно разбуженных от политического сна, лишь до известной степени освобожденных от религиозного тумана, все же осталось еще много невежества, дикости, крестьянской бедности и полного неумения культурно работать.

Но никто у нас не отнимет великого завоевания трудящихся, которое так непосредственно выразил тов. Ф. Бальбуров: «Одно веское слово, что наш советский уголок — Усть-Тугнуйский сомон — строит социализм. Таким образом, из года в год мы закрепляем великие заветы Ильича и великие завоевания Октябрьской революции в нашем маленьком сомоне».

Это — золотые слова, это — наибольшая опора Советского союза от нападений империализма.

Прошло десять лет существования советов, за это время прошла на наших глазах огромная хозяйственная и культурная работа. Каждый крестьянин, чтобы узнать, двигаемся ли мы вперед, должен мысленно, хотя бы по этим письмам, приведенным в статье, бросить взгляд на историю крестьянства, хотя бы за последнюю сотню лет, и тогда ему будет ясно, насколько мы находимся в лучшем положении, чем жили не только наши отдаленные предки, а и наши отцы.

Но жизнь не стоит на месте, вместе с улучшением экономического положения, с повышением культурности растут с каждым днем и потребности крестьянина. И сейчас настоящий смотр наших достижений не есть предел, на котором мы должны остано-

виться, или, по крайней мере, уменьшить темп наших напряжений. Нет, десятилетие есть только историческая дата, один момент — как бы для оправдания. Когда человек работает в горячую пору, у него бывают передышки, которыми он пользуется, чтобы взглянуть, сколько им наработано. Так и мы пользуемся юбилейной датой, чтобы взглянуть, что сделано рабочими и крестьянами за десять лет. И мне кажется, сделано немало, и то, что сделано немало, подтверждают тысячи крестьянских писем.

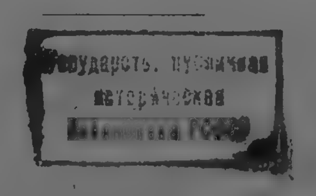
Но, как говорит народная пословица, чем дальше в лес, тем больше дров. Так и у нас: выполнение тех или других больших сооружений, достижения в какой-либо отрасли промышленности ставят перед Союзом еще более трудные задачи. Заработал Волховстрой, начали Днепрострой и Свирьстрой, которые вместе в пять раз больше, чем Волховстрой, починили железнодорожные пути, необходимо начать строить новые, и уже начали: Семиреченская дорога — 1 700 верст и т. д.

Работа не только не уменьшается, а с каждым годом растет ее объем, привлекая новых строителей. Каждое новое большое строительство, помимо того, что несет массу новых возможностей, как Волховстрой, который дает сейчас 50 тысяч лошадиных сил энергии на ленинградские заводы, — около таких строительств возникают новые культурные пролетарские очаги, которые преобразуют жизнь окружающих деревень, приближая деревню к городу.

Кончая юбилейный обзор, я не сомневаюсь, что надеждам белогвардейцев и их союзников — меньшевиков и «народников» — ни в малейшей степени не сбыться, как они не сбывались до сих пор. Нет никакого резона и основания беднейшему и среднему крестьянину итти на соблазнительный зов эмигрантской сирены. Ибо в прошлом крестьянства имеется длиннейшая история его бесконечного страдания, издевательства и надругания над ним предков бежавших за пределы Союза потомков, которые за соблазнительным пением о благе народа скрывают яд жестокого мщения рабочему классу и крестьянству.

Будущее крестьянства Союза — не позади, а впереди, в советах, под руководством рабочего класса, в теснейшем с ним союзе.

Крестьянство, его беднейшая и середняцкая часть вместе с рабочими строит и на деле построит новый социалистический мир. Порукой этому является его славная новая история десятилетней борьбы, победы, строительного творчества и растущих успехов в нем.

СОДЕРЖАНИЕ.

НАЦИОНАЛЬНОСТИ СССР.

НАШ ПУТЬ В ДЕРЕВНЕ.

ГОРОД И ДЕРЕВНЯ.

СОВЕТЫ И СОВЕТСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ.

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

2 р. 50 к.

